

A young girl with light brown, curly hair styled in two braids is sitting at a wooden desk. She is looking directly at the camera with a calm expression. She is wearing a light-colored, ruffled blouse. Her hands are clasped together, holding a pencil, positioned over a large, thick, open book that is resting on the desk. The book's pages are yellowed with age. The scene is lit with warm, golden light, likely from a window on the right, creating soft shadows and highlighting the texture of her hair and clothing. In the background, there are stacks of books on a shelf and a window with a decorative frame.

ЭДИТА

ВЫПУСК 43

ЭДИТА

№43

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают

Графика обложки — нейросеть shedevrum

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-911546-15-7

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Георгий Кулишкин

Харьков

БОТФОРТЫ,
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ И КОЛЮНЯ

Одной завистливой невестке не давали спокойно спать ботфорты, привезённые для её влиятельной свекрухи с какой-то выставки в Италии, которые та, критически оценивая свой возраст и помня о положении, не носила, но и расстаться с которыми не имела сил.

Это были без твёрдого подноски и почти без жёсткого задника, на плоской, как у ичигов, подошве и мягкие, как ичиги, высоченные сапоги с раструбами выше колен, похожими на краги. Скопированные нами, в руках они походили на пожарные рукава, однако надетьми...

Их обладательниц замечали за километр. Вопреки отсутствию каблука они фантастически удлинляли ногу, а ещё... откровенно просились на бедра жрицам любви. И, как ни странно, именно этой нескрываемо порочной притягательностью даже самых скромных наших заказчиц заставляли вылезти вон из кожи, однако же купить их.

Кроме означенного вызова они отличались удобством тапочек, терпимостью к любым особенностям ноги и броской, заставляющей всю улицу разглядывать их, красотой.

Мы с Толиком, кустарничая подпольно, обули в них жён, племянниц, сестёр и дочек своих и друзей, а также всех любимых женщин.

Труда и времени на сборку ботфорты брали меньше босоножек, а стоили втрое дороже, чем и избаловали нас неописуемо.

Однако до обидного скоро наших ботфортов, таких заметных, стало многовато для города. У щеголих неисправимо портилось настроение, когда они (а значит, что и все вокруг!) видели точно такое же на ком-то.

Обстоятельства неумолимо требовали изменить место и способ реализации. И вот с тремя десятками пар, пошитых по ростовке, принятой в торговле, а именно: на две тридцать восьмых и тридцать девятым по одной седьмой и сороковой, — я двинулся в Москву. Изделия и с точки зрения компактности оказались истинной находкой. При голенище,

обёрнутом вокруг туфельной части, они занимали места не больше, чем тапочки, поэтому без труда все тридцать пар поместились в обычной дорожной сумке.

В Москве, как и любого из провинции, ноги сами собою привели в ГУМ, где по причине сутолоки и неиссякаемости толпы я не решился на переговоры. Логика подсказала, что и в ЦУМе, как и в прочих, известных всей стране универмагах, ожидает та же история. И я подумал об относительно тихом, чем-то смахивающем на салон или выставку обувном на Горького, в жилом доме, который через Газетный переулок глядит на центральный телеграф.

Цоколь, отделанный гранитными блоками, которые, несясь вприпрыжку впереди паровоза, приволокли немцы, уверенные, что возьмут Москву. Имперской высоты и тяжести, сталинского вкуса двери. Простор, недосыгаемость потолков, шик витрин и... сконфуженные приезжие в роли покупателей.

У долговязой девицы в жилетке из униформы, свысока поглядывающей на слегка пришибленную роскошью убранства публику, я спросил о руководстве. Она взвесила меня взглядом постового, а я тем временем на глазок прикинул размер её ноги.

В кабинете обнадёжило, что углы и ниши замурованы стенами и башнями из обувных коробок: здесь думали о наличии товара, об удобстве приторговывать из-под полы, а не о том, как показать себя.

Вскоре появился хозяин — полноватый высокий армянин, немногим старше меня, с коротко остриженной крупной головой и красивыми, на выкате, ленивыми и умными глазами. Он предложил стул в стороне от стола и сам сел напротив. Я вынул из сумки пакет с ботфортами сорокового размера и спросил, нельзя ли на пару минут пригласить ту девушку из зала.

Внеся на лице вопрос «Чего ещё?!», заметно усиливший привычное выражение неудовольствия, девица остановилась у дверного косяка.

— Примерьте, пожалуйста, — сказал я, разматывая голенище.

Она покосилась почти брезгливо на сплюснутую в дорожной тесноте кустарную поделку, потом снисходительно причмокнула и сделала два неохотных шага к трюмо в своеобразной здесь — для своих — примерочной. Тут одна из отражающих плоскостей показала мне меня — неузнаваемо обросшего разбойной бородой. Диковатая собственная личина ободряюще уверила, что такого меня не станут водить за нос, а тем временем девица уже легко проскользнула ногой в мягкое голенище и опешила, как и я под бородой, не узнавая себя в зеркале.

Привстав, я подал пару — она, теперь нетерпеливо попрыгивая, обулась, одну за одной приняла несколько журнальных поз и по-армейски развернулась кругом, чтобы увидеть себя сзади. Затем схватила свободный стул, села, картинно забросив ногу на ногу, и не в силах сдержаться, опрометчиво забыв о коммерческих интересах шефа, обратила к нему умоляющее лицо.

— Нерик! — промолвила из мечтательного забытья.

Он в огорчении из-за её непосредственности слегка погрузстнел, но позволяющее прикрыл веки и движением пухловатой руки отпустил её.

— Тридцать пар в ростовке, — показав на сумку, сказал я, когда мы остались с глазу на глаз. И, воодушевлённый реакцией девицы, прибавил пятьдесят к ранее планируемой цене: — Забирай по двести!

Он задержал взгляд на сумке, соображая, по чём сможет выставить на продажу, а спросил:

— Это всё?

— Это на пробу. Сладимся — дадим ещё.

— Расчёт? — притворно лениво заглянул он куда-то ниже моих глаз, шпионя у меня в мыслях.

— По Марксу. Товар — деньги.

— Отсрочка? — уточнил он, исподтишка выведывая, не запросил ли я лишку и чем готов поступиться.

— Их разметут за день. Какая отсрочка!

— А если меня с ними заметут? — сказал он, думая, впрочем, о чём-то связанном с механикой продаж и уже видя выход из некоторых затруднений.

— У тебя своя половина риска, у нас — своя. А отсрочка вводит в искушение однажды сказать: «Извини, попали под облаву...»

Что отсрочки не будет, он знал наперёд, по повадке угадывая чело-века, предлагающего товар, который не лежит, а бежит, и слушал только, чтобы дать досказать. Потом, ведомый возникшей у него идеей, не связанной с нашим торгом, потянулся к стопе объёмистых коробок, хранящих, по всей видимости, что-то зимнее и мужское. Сняв одну и открыв у себя на коленях, показал, что каждая из полупар, уложенных валетом,

упрятана в праздничного вида — из бордового бархата и с вышитым золотыми нитями фирменным знаком — мешочек с удавочкой, уменьшенную копию сумы Санта-Клауса.

— Австрия! — пояснил одним словом и, избавив сказочного вида наволочку от содержимого — тупоносого мужского ботинка на полиро-ванном сером, как сталь, мутоне, — передал её мне.

Шитая золотом упаковка приняла в себя безродные наши сапожки, вмиг облагородив так, будто монаршей милостью пожаловала титулом.

— У тебя их много? — спросил я о продукции австрияков.

— Хватает. И у Тиграна найдётся.

— Раздевайте их всех к чертям собачьим! Мало им коробка! Ишь, барство!.. А мы такую алямбу, — погладил я выпуклую шелковистую «фирму», — тиснем на подошве и где-нибудь на отвороте.

— Дело! — одобрил он, изымая из чрева другой стопы затёрханный обувный коробок, который не очень опустел по извлечении из него шести пачек красненьких, причитавшихся мне.

— Когда и сколько? — спросил он, пожимая мою руку.

— Пар сто недельки через три.

— А больше?

— Не потянем.

— А если, пусть и меньше, но побыстрее: сезон — ложка, говорят, к обеду...

— Полста через десять дней.

Вспоминая, где поблизости можно перекусить, я пошёл вверх по Горького и почти сразу же натолкнулся на ресторан. Он открылся за четверть часа до моего появления, зал был пуст, а из горячего имелись в наличии только пельмени. Поевшему последний раз вчера вечером, мне ли было перебирать харчами? Пельмени так пельмени. Ещё, чтобы отметить удачно найденное партнёрство, я попросил селёдки и бутылку «Столичной». Хватило бы и двухсот, но мой наставник — сапожных дел мастер Колюня, знавший ресторанные фокусы изнутри, учил, чтобы не нарваться на опивки, заказывать по целой.

Принесённая селёдка так соблазнительно пахла уксусом, маслом, лучком и собой, что я, не дожидаясь пельменей, налил и выпил. Закусывая, так раззадорил аппетит, что налил и налил и прикончил селёдку вместе с двумя поданными ломтиками хлеба.

Под одиночество и скорый первый хмель в душу попросилось больное — то, что у меня ничего не выходит с писанием. Не получалось и всегда, но прежде, когда учился на вечернем, было хоть чем оправдаться перед собой. Я настойчиво изводил бумагу и, зная, что написанное никчёмно, тем не менее, посылал и посылал толстые заказные в журналы, из которых с неизменным тактом и лишь иногда с едва-едва уловимой иронией отвечали, указывая на недостатки и несуразности.

Принесли горячее. Выпив под него и заедая пельмешком, я изумился, как вкусно, и с произвольным желанием поделиться глянул по

сторонам. Официант подумал, что ищут его, и тут же возник откуда-то из-за спины.

— Настоящие! — похвалил я пельмени. — У меня отец сибиряк, передайте повару, что это подлинное, это наше!

От искренней похвалы другому настроение посветлело, словно похвалили меня.

Под рюмочку, порхнувшую соколом, опустошил тарелку и не успел подумать, не заказать ли ещё, как с выражением праздника на лице из-за портьер, скрывавших ход на кухню, возник официант с подносом, красиво поставленным на прямые пальцы, глубокой тарелкой и парующей горой пельменей над ней.

— Истинному ценителю — от шеф-повара! — сияя, произнёс он и удалился.

Пельменей редко бывает много. Водки — ещё реже.

В ответ на щедрость я не пожадничал с чаевыми и, зная, куда мне, направился к Пушкину. У памятника, до которого рукой было подать, я бывал не однажды, но вечное многолюдье ни разу не позволило постоять человеком, пришедшим именно к нему. И вот в автономии, в само-сти пьяного, словно в кокон упрятанный от зевак и прохожих, в полной отключке от них...

Я стоял, подняв глаза к его лицу, ни о чём не думая внятно. Во мне гудела жалоба, что-то похожее на родовой наш похмельный стон, легко, однако, переводимое в смысл, примерно такое: «Александр Сергеевич, ещё немного лет, и я буду старше Вас... Что же мне делать? Я ошибся? Я принял за талант свою издёрганную нервную систему? Я полез не в свои сани?..»

— У вас что-то стряслось? — спросили вдруг, возвращая в улицу, на тротуар. Спрашивал пожилой мужчина в берете, тёмном шёлковом шарфе, одним концом брошенным за спину, и с худым, отжатым, словно вакуумным пакетом, лицом пишущего выпивохи. — У вас что-то не так? — повторил он участливо.

— Выпил, — пояснил я и, не задумываясь, куда мне, спустился в переход к Тверскому, а там свернул вниз по Никитскому — к дворику перед домом, где умер Гоголь и где редко — чужие. Я знал, что сяду со стороны, где Тарас Бульба, вылепленный с дядюшки Гиляя, и знал, что там, тому Николаю Васильевичу, хуже, чем мне.

Но придя и глянув, дрогнул от того, КАК ему плохо.

— Что же Вам так плохо?.. — вслух простонал я. — Ваше слово в каждом из нас, Николай Васильевич. Что же Вам так плохо? За что это — ВАМ?!

Ночью в купе позвякивали стаканы с чаем, заказанные впрок. Сверху я тянулся за питьём, на время прогоняя похмельную сушь. Сна не было.

Уже под утро привиделся Николай Васильевич, глядящий не в землю, а мне в глаза — жалея меня и пронзительно жалуясь мне, словно старшему, знающему, как помочь.

На выходе из вокзала бомбилы, крутя ключи от машин, манили поживу из потока.

— Володарского! — сказал я первому, делегатом двинутому на страженье.

— Колюня! — кликнул он. — Володарского! Погонишь?

В прокуренном насквозь «Жигулёнке» Колюни подумалось о Колюне своём, об учителе ремеслу, который не курил. И вдруг я обнаружил, что знаю почти наизусть, вижу в живых картинках, различая каждое произносимое им словцо, историю о Колюне, уроженце Хорола, талантливом и гибельно несчастном... тёзке Николая Васильевича... земляке...

Повесть о грешных людях, спасавшихся и спасших меня, и о ремесле, в котором я увяз, как в судьбе, легла на бумагу без затей — как о том же рассказывалось друзьям, рассказывалось девчонкам.

Одним визитом на почту я послал её в два журнала. В «Юность», обожаемую с армейских времён, и в «ЭКО» — журнал сибирских учёных, которые под водительством академика Аганбеяна втолковывали согражданам, как с помощью несложных и безвредных перемен дать распрямиться и вольно вдохнуть всем, кто хочет работать. Их зачарованно слушали; журнал выписывали все научные институты, заводы, колхозы, конторы... Стране, приученной ходить по струнке и жить командой сверху, верилось, что ОТТУДА стоит только правильно приказать и верно распорядиться... Блаженно, с упованием верили низы, не ведая, что пожнут. И ребячески верили в собственное всеисилие верховные, упиваясь иллюзией, что отлаженной не ими, не ими вышколенной державой можно рулить, как бог на душу положит.

«Юность» отозвалась так скоро, словно там только тем и были заняты, что ожидали мою рукопись. Они советовали найти более убедительные мотивы к поступку одного из героев, которым всё заканчивалось, и вернуть рукопись для дальнейшего её рассмотрения.

Ответ из «ЭКО» пришёл позже лишь на время, взятое длиною почтового плеча. И был краток: «Печатаем».

Вдогонку к этим известиям вышел закон об индивидуальной трудовой деятельности, написанный дрожащими руками и потому ещё не разрешивший то, чем мы с Толиком жили уже несколько лет. Он был предтечей. Он обнадёживал намёком на послабление уголовной травы.

Это было осенью и зимой. Летом в трёх номерах печаталась повесть, а наступившей весной явился на свет «Закон о кооперации в СССР».

Время меняло русло. Эпоха надломилась аккурат в том месте, где силами, теснившими её, были отжаты из законопослушной жизни Толяныч и я. Мы первыми выпали в пролом — в пространство, пока не имевшее границ и твёрдой почвы.

Владимир Вещунов

Нижний Новгород

ГДЕ ВЗЛЕТАЮТ ПОЛЯ

Земля дрожала от нервного стука колёс состава с ломом войны. Эшелон остановился у территории металлургического завода. «Кукушка» подхватила платформы с искорёженными танками, пушками, пулемётами для мартеновских печей. На одной из платформ громоздилась груда металла — всё, что осталось от фашистского «тигра»: свёрнутая башня с крестом; погнутый ствол, воткнувшийся в гусеничный трак.

— Ура! Так тебе и надо, гадина! Гитлер капут! Поносник! Ура!..

Ватага мальчишек на насыпи достойно встретила врага: закидала камнями, комок грязи заляпал ненавистный крест на башне. Часовые не отгоняли юных бойцов, лишь посмеивались.

Последнее раскатное эхо с полей войны растаяло в небе. Но шли и шли составы, везли горы фронтového лома. «Кукушки» подтягивали их к скрапобазе для разделки. Тащили пыхтя, медленно. Юркие пацаны на ходу, минуя часовых, забирались на гружёные платформы. Ползали, замазученные, в нагромождениях орудийного металла. Опасно! Тряхнёт состав на повороте — и окажется искатель под завалом. Конвой гонял воришек, трофеи их были скудны: ствол автомата, ружейный при-

клад, пяток гильз, пара пуль. Ваське Юрганову повезло; щуплый, в любую щель проскользнёт. Залез под лафет пушки, каску нашёл, краснозвёздную! Красовался, наденет, болтается на нём, его и не видно.

Воодушевлённый таким трофеем, на другой день опять прошмыгнул мимо часового на платформу. Только забрался, к ногам подкатилась граната, похожая на толкушку для пюре. Вот везунчик! Поднял, тяжелая. Крик часового оглушил:

— Бросай!

Швырнул что было сил на насыпь. Раздался взрыв. Осколок саданул по ноге, рассёк икроножную мышцу. Повезло, кость не задел.

Скакал герой по больнице на костылях. Мать причитала, как бы ноженька не усохла.

Спологи зарниц тревожили. В ответах, отзвуках жили дети войны. Безотцовщина, полынь-лебеда, обсевки. Бедные матери зарабатывали напоследвоенный кусок хлеба. Недоставало часа приглубить сыночков.

Васька погеройствовал с загипсованной ногой перед пацанами. Но скоро стал жертвой обзывальщиков: Косолытка, Рупь пять, два с полтиной!.. Сами гоняли мяч, а его даже в ворота не ставили.

Каменный Пояс... В отрогах его от ураганов хоронились несколько сёл и деревень с названием Шайтанка. К Тагилу прилегало большое село с тем же названием. В нём мирно соседствовали три слободы: Кержацкая, Татарская и Паберега. По берегам этой речки жил разновеликий люд. Предприимчивые татары на окраине города ещё в царские времена раскинули базар. Попервости на нём хозяйничали важные татарские старейшины, в мохнатых малахаях, стёганных халатах, в красных сафьяновых сапогах. В народе их звали бабаями, и базар звался Бабаевским.

Васька не якшался с обидчиками и часто шлялся по базару. Как-то папаня, путаник, явился не запылится. Подарил майку, модную тубетейку, крадче от матери сунул целковый. И умотал «по делам». Деловой!

— Перекати-поле! — горестно вздохнула мать с хрипом от кирпичной пыли, осевшей на лёгких: работала укладчицей на шмотном заводе.

— Не зная броду, не суйся в воду! — укорила сына, глядя на его располосованную ногу. — Так я и за твоего непутёвого папашку вышла, дура! Сколько раз тебе говорила, Васёк, будь осторожен!

До роковой гранаты он уже успел наглупить. Дёрнуло его заслонку в печке открыть — а там лепёшка, румяная, жаром пышет! Хватанул её

— и заорал благим матом! Кругляш от плиты в печке раскалился. Мать соплями, народным средством, мазала и мазала обожжённую руку. Купила мыло «Земляничное» в красочной обёртке, пряное, душистое! Вкусно пахнет! Даже не поглядел, что это мыло. Жадно кусанул — пузыри изо рта полезли! Чуть не задохнулся!.. И граната походила на толкушку для картошки...

Хроменькому мальчонке одна жалостливая торговка целую жменю семечек насыпала. Лузгал, прихрамывая, поплёвывал, в майке, тубетейке, холщовых штанах. До ранения в трусах щеголял, как и все пацаны. Теперь же бугристый багровый шрам на ноге длинная штанина закрывала.

Развалы зелени и овощей, всякого барахла. Точильщик точит ножи и ножницы, паяльщик лудит вёдра, кастрюли. Но самое интересное перед воротами базара! Морская свинка вытаскивает счастливые билетки. Розовая мясистая культия фронтовика-инвалида уткнулась в пилотку с мелочью. Вон какой обрубок! А он, Васька, чуть прихрамывает... Старушка котят продаёт, в корзинке испуганно жмутся. Потрогал тубетейку: под ней на макушке лежал папашкин рубль.

— Сколько, бабушка, стоит?

Вытряхнула котят из корзины. Пять пушистиков растерянно сделали робкие шаги: вот-вот разбегутся. Хозяйка сгрэбла их в корзину, а один, хлопая глазёнками, остался. Он не мог бегать, у него была поранена лапка.

— Сколько стоит? — повторил Васька вопрос.

— Ты что, его хочешь купить? — удивилась хозяйка. — Вон в корзинке шустрики, игривые!

— Нет, я этого возьму!

— Ну я тебе его по дешёвке продам. Те рублёвые, а этого за полтинник уступлю.

— Нет, я за него как надо заплачу! — Он снял тубетейку и протянул хозяйке рубль. — Мы с ним похожи, — задрал штанину.

— Ой-ёченьки! — вскрикнула старушка. — Ой, родименький! Сердешный ты мой!..

Котёнок требовательно замыкал и запросился на руки.

За этой драматичной сценой наблюдал человек в кителе и галифе. Война для капитана Бутормина в победном мае не закончилась. Пришлось вышвыривать япошек с Сахалина. После демобилизации назначили директором шумного завода в Тагиле. Страна восстанавливалась, огнедышащие доменные печи не выдерживали вулканизма; огнеупорная кирпичная кладка пода крошилась. В краткие часы перестоя

ударные бригады обмуровщиков занимались футеровкой доменной утробы. Стратегический шамот был на особом учёте у высокого начальства, и Василий Никитич Бутормин дневал и ночевал на заводе. Для поднятия командного духа коллектива он всегда был затянут в мундир.

Тихие сполохи мирных зарниц тревожили его солдатское сердце. Стылали боевые раны, и боль за погибших товарищей не давала покоя. Успевшие выжить гремели по тротуарам на подшипниковых тележках. Пустые рукава, пустые штанины, костыли, деревяшки на культях... Дабы герои войны не попрошайничали, не унижались, организовал на заводе ЦОН — цех особого назначения. Собирал по городу фронтовиков-инвалидов, и они по мере сил сколачивали поддоны для кирпичей; «каменотёсами» доводили неликвид до ликвида, маркировали шамот для футеровки.

Завод был небольшой, с футбольное поле, почти не огороженный, и Васёк часто помогал матери укладывать на поддоны кирпичи. Бутормин заприметил хроменького помощника матери. И вот увидел его на базаре. Мальчик прижал котёночка к сердцу. Тот трепыхался, тыкаясь мокрым носиком в подбородок. Мурзик! Такого мать не прогонит.

— Таисия Матвеевна, поймите меня правильно, я хочу добра вам и вашему сыну!

Тихо войдя, Вася услышал разговор матери с каким-то мужчиной.

— Все слёзы выплакала. Один, день-деньской Вася без пригляда, да ещё болезный! Хотела и сама записать его в интернат: там питание, школьная форма, порядок. Не знала, как документы оформить. Сил и здоровья уже нету.

— Таисия Матвеевна, интернат — казённый дом. Лучше будет, если я Васю заберу к себе. Я один, у меня всё есть. Как вы на это?..

— Дай вам Бог доброго здоровья, Василий Никитич! Мне уж недолго осталось. Позаботьтесь о сыночке моём! Василёк мой!..

Он выбежал с котёнком на улицу, сел на лавочке возле подъезда. Плакал и гладил прижавшегося к нему котёнка. Он всё понял.

Василий Никитич лелеял своего любимого Василия Васильевича и его дружка Мурзика. Гладил жёсткий рубец на ножке сына и проникался к нему всей своей неутолённой отцовской любовью. Бутормин не напоминал Васе о матери, и тот после похорон ни разу не вспомнил о ней. И эта чёрствость огорчала Василия Никитича. Протирая фотографию Таисии Матвеевны, с укором взглянул на сына. Губы его задрожали, и он, сдерживая слёзы, убежал в свою комнату. Боль свою носил в

себе. «Время лечит, — вздохнул Бутормин. — Окрепнет душа, и сам Василий, когда надо, заговорит о матери».

Гулял Вася с Мурзиком во дворе. Усатый-полосатый гонялся за воробьями. Те звонко чирикали, упархивали, дразнили непутёху. Кучно взлетели на тополь, раззадорили «охотника». Полез за ними, подросток уже, сильный, лапка почти зажила. Воробьё погалдело, разом слетело с дерева и чуть не спихнуло верхолаза. А он даже спуститься боится. Замяукал, призывая на помощь Василия. Снял тот бедолагу, на плечо посадил.

— Сыно-ок! — услышал сзади приторный голос. — Не кошка у тебя, а цельная тигра!

Обернулся: в тюбетейке, пыльнике, небритый, со слащавой улыбкой.

— Уходи! — процедил сквозь зубы Василий.

— Ладно, ладно, в другой раз... — пробормотал папашка.

— Не будет другого раза! — крикнул Вася. — Фас, Мурз!

Кот соскочил на землю и выгнулся «электрической дугой».

Ничего не сказал сын отцу о залётном. Лишь твёрдо, вернувшись с прогулки, проговорил:

— Ты мой папа!

Василий Никитич догадался: объявился горе-папашка, и Вася разобрался с ним. Тот даже не был расписан с Таисией Матвеевной.

Они жили в семиэтажке, с лифтом, мусоропроводом, невиданными в городе. И Вася Бутормин учился в особой школе с английским уклоном. В пригороде Бутормин построил дачу из неликвида: камин, сауна, бассейн, шашлычная. И Мурз заматерел до жирного, ленивого котяры. И в этой благодати вспоминались порой Васе уличные пацаны игры, и он тосковал.

Подкатил отец на своём верном «бобике» в неизменном мундире:

— Что загрустил, сын мой!

— Маму забыли.

— Извини!

Проведали Таисию Матвеевну, прибрали на могилке, положили живые цветы.

— Папа, а поедем в мамину деревню. Едомино неподалёку отсюда.

«Неподалёку» — сто с лишним километров!.. На околице деревенские ребятишки, босоногие, в одних трусёшках, гоняли мяч. Ворота — по кепке вместо штанг. В одних стоял «Яшин» в «яшинской» кепке;

другие защищал калечный вратарь, опираясь на палку. Завидев «бобик», футболисты бросились к нему, окружили:

— Дяденька военный, а «бобик» фронтовой?

— А вы сражались на нём?

Василий Никитич раскинул руки, готовый обнять всех детишек.

— Да, да!.. — только и твердил он.

— Айда с нами! — позвали футболисты Васю.

В вельветке, в сатиновых штанах, стараясь не прихрамывать, он поспешил на футбольное поле. Бегал не шибко, но метко распасовывал. Надёжно стоял в защите ворот с увечным вратарём. С Васькиной подачи забили гол. А потом он и сам прорвался к воротам «Яшина» и метко выстрелил. Ура-а!..

— Го-ол!.. — как мальчишка, бегал по кромке поля болельщик в мундире.

Победители радостно галдели. Вася бросился к отцу, прижался к нему:

— Папа, я гол забил!

Солдат, прошедший две войны, не смог сдержать слёз: у него сын!

Быстро вечерело. На завалинке древней избы дремал старик с клюкой. Василий Никитич тронул рукав косоворотки:

— Уважаемый, где можно остановиться на ночлег?

Не поднимая головы, тот ни к селу ни к городу былинно затянул:

— Случись что, а ты и не выживешь. А у меня всё своё! При царе ещё Горохе сдвинулась правда. Робил я себе в радость. Один с сошкой. А потом наскочили семеро с ложкой. Вот и попрали Божий порядок всякие начальники. Я-то выживу, огород всегда прокормит!.. А ты ступай к Нинке Пекаркиной, она всегда привечает ночлежников.

Изба-пятистенок с дощатой мшистой крышей. Просторная горница, старуха в панёве сидит на полу, детишки горохом катаются вокруг неё, мал мала меньше. Голожопик ползает по ней, тербит седые пряди, учится говорить:

— Ба-ба, ба-ба...

Млеет старуха, лыбится беззубо, ласково шлёпает младенчика по заденке, учит говорить:

— Ма-ма, ба-ба, Ми-ша.

Кругляшки из берёзовых чурбачков, тюрючки от ниток, тряпичные куклы, соломенные бычки, лесовички из сосновых шишек — всё в движении! И Васёк — свой среди своих. Запросто играет с голопузиками.

— У Нинки вечерняя дойка. Вот «напекла»! — махнула старуха рукой на детву. — А я вожусь. Агафоновы мы, а её Пекаркиной кличут.

Простодырая, малахольная. Приносит в подоле от скубентов. Тех кажин сентябрь на картошку пригоняют. Вот откудава энти скубенты прохладной жисти: Мишутка, Ваньша, Натаха, Василко, Златка, Петюнчик. Божьи детки, любимые!.. А твоего как звать?

— Мы оба Василии.

— Славный он у тебя! Ровно сродственник играетя с моими.

— А вас как звать-величать?

— Игнатъевна.

— Не помните Юрганову Таисию Матвеевну?

— Таська ещё девкой в город подалась. А потом и все Юргановы разлетелись. Добрая Тася, работающая, но тоже простодырая, доверчивая. А Василко-то ейный? Похож.

— Умерла Таисия Матвеевна.

— Царство небесное!.. Церкву безродные порушили. Спасла, что успела. Ноне трактора в ней гадят. — Она окинула рукой стены с иконами: — Глянь! — достала с комода ковчежец с новорождённым Иисусом.

В самшитовом ковчежце, выложенным изнутри ватой, лежал младенчик Иисус. Над Ним с любовью склонилась Матерь Божия.

— Хаживала я ко Гробу Господню в Русалим. Цельный год паломничала. Вот берегу. Кто у Нинки остановится, обязательно иконку-другую прихватят. Возмечтала во сне, что церква наша воспрянет. Вот и берегу!.. Цыть! — прикрикнула на расшалившихся внучат. — Гостям надо отдохнуть. Укладывайтесь вон на полу.

Нинка прибежала с дойки. Разрумянившаяся, приглядная; пахло от неё молоком и назьмом.

— У нас на ферме Федя, сторож-скотник, на вас похожий, в такой же обмундировке. То и дело палкой уросливых коров охаживает, которые плохо доятся. Вот я молочка парного принесла.

Налила детям по кружке молока. Те дружно принялись хлюпать, швыркать. Попотчевала и гостей: не молоко — сливки! Василий Никитич раздал детишкам по ломтю каравая и по баранке. Досталось и Васе. Так вкусно он ещё не ужинал! Чмокал, ощущая на губах настоящее деревенское молоко.

Весь пекаркин корогод улёгся спать на полу. Мать, бабушка и гости дорогие — все вместе. Из постельного — одни простынки. Дети спали сладко, посапывали.

Возгласил утро красавец певень на плетне. Замычала корова, закудахтали куры, загоготали гуси, закрикала утва, залаяла собака. «Вот это песня песней! — проснулся Василий Никитич. — Эдем!»

Нинка в четыре утра убежала на утрешнюю дойку.

— Игнатъевна, сколько мы должны за ночлег? — спросил Василий Никитич.

— Родимый, да раньше на Руси за счастье считалось, ежели кто переночевать попросится. Как Божьи люди почитались, как милость Божия. Так что спасибо вам, родимые, Василий и Василий, что уважили своим гостеванием. Помогите вам Боже! Поклонитесь Таисии на могилке!

Перед выездом из деревни Бутормин остановил «бобик». Через дорогу шествовала гусыня с гусятами. Лохматый барбос с умилением взирал на важную процессию. Отец с сыном вышли из машины.

— Не Едомино — Эдем! — махнул рукой Василий Никитич на пса и гусиный выводок.

— Вон озеро, как море! А у нас бассейн с песочницу. Вон поля, словно взлетают, табуны коней гривастые... А у нас забор; даже воробьев нет Мурзику охотиться... Сегодня матч-реванш, папа. Как без меня?..

— Проиграют! — положил руку на плечо сына отец.

Игорь Бэзрук

г. Иваново

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ДОРОГЕ

Кирилл забрал жену из Домодедово в десять утра. Самолет прилетел без задержек. Но жена была на взводе. Сухо сказала: «Привет», едва коснулась его губ и ничего не ответила на вопрос «Как съездила?»

Только в машине, забравшись на заднее сиденье и вжавшись в угол, процедила сквозь зубы:

— Я звонила тебе вчера весь день. И на мобильный, и домой. Послала три сообщения. Ни на одно ты не удосужился ответить. Я что, так уж опротивела тебе? Или ты снова был у нее?

— Ирина, зая, давай не будем снова, — Кирилл попытался хоть как-то снять витающее в воздухе напряжение. Но Ирина и слушать не хотела:

— Ты все-таки был у нее вчера. Даже накануне моего приезда не мог оторваться от этой сучки. Я для тебя что, совсем уже ничего не значу?

«О боже! — жарким огнем вспыхнуло у Кирилла. — Опять о том же».

— Ладно, хватит! — бросил он озлобленно. — Нам еще полдня ехать. Оставь свои разборки для дома.

Кирилл стал заводить машину.

— Значит, ты был у нее? Да? Был?

— Да заткнешься ты или нет, в конце концов? Ни у кого я не был. Хватит выдумывать!

Кирилл быстро сдал назад, потом резко переключил коробку скоростей. Рука так и чесалась вырвать ручку переключения с потрохами.

Ирина насупилась и замолчала. Кирилл вырулил на шоссе.

Конечно, он поступил неразумно, оставшись вчера у Марины на весь день и выключив по ее просьбе мобильный. Но разве можно было противиться жару, исходящему от ее умопомрачительного тела, взгляду, пробирающему до мозга костей, бурлящей в глазах ненасытности? От одних воспоминаний об этом у него начинает зудеть низ живота. Надо признать, он совсем потерял от нее голову. С той самой минуты, как впервые увидел ее у Ирины на фирме и почувствовал, как между ними молнией проскользнула искра желания. С тех пор Кирилл больше ни о чем не мог думать, пока не утонул в объятьях девушки. Но и это не остудило. Страсть, с которой Марина каждый раз набрасывалась на него, ошеломляла. Ненасытность — поражала. Ирина так же иногда была страстна и нетерпелива в желании, но то уже была страсть притихшая, бесцветная, не заводившая. Марина же от макушки до кончиков розовых ногтей на пальцах ног горела испепеляющей похотью.

Кирилл попытался уйти от мыслей о Марине. Надо было сосредоточиться на дороге. Тем более автомобиль выезжал на трассу.

Ирина упорно молчала, отвернувшись в окно.

«Ну и хорошо, — подумал Кирилл. — Пусть успокоится».

Полчаса они ехали в абсолютном молчании. Одна за другой мимо проносились машины, постепенно, по мере удаления от столицы, редая и редая. Кирилл прибавил скорости. При хорошем раскладе домой можно было добраться часа за четыре. Но Ирина опять принялась за свое.

— Не пойму, что ты в ней такого нашел? Кожа да кости, стержневая, вечно ужасный маникюр...

— Заткнись, — бросил Кирилл раздраженно и еще больше вдавил педаль газа.

— Скотина. Какая же ты скотина! И я еще унижаюсь перед ним. Останови машину. Немедленно. Я выйду, — Ирина была настроена решительно.

— Не ерунди. Что ты несешь?

— Ты что, не слышал меня. Тормози, дрянь. Я и километра больше не проеду с такой сволочью!

— Ирина, не дури. Успокойся.

— Не успокаивай меня, скотина. И эта сучка хороша. Тормози, я выйду!

— У тебя совсем крыша поехала? Сиди, не дергайся.

Но Ирину уже нельзя было удержать.

— Останови сволочь! Кому сказала! — Заколотила она маленькими кулачками по его плечу, задевая, впрочем, и голову и шею.

— Ты что, совсем с ума сошла? — попытался Кирилл отмахнуться от нее, но только подлил масла в огонь — Ирина еще хлеще заработала кулачками, больно ударяя по затылку. Кирилл не выдержал, развернулся как мог и попытался оттолкнуть ее назад свободной рукой.

Ирина не сдавалась, стала драться как разъяренная кошка. Кирилл почувствовал, как машину повело влево и попытался хоть одним глазом взглянуть на дорогу, но острые ногти Ирины царапнули ему лицо.

— Ах ты, дрянь! — взвизгнул он и только теперь осознал, что выскочил на встречную полосу и как угорелый несется навстречу «Камазу».

Кирилл резко крутанул руль вправо, но выровнять «Фольксваген» не успел. Автомобиль пулей слетел с трассы и на всей скорости врезался в дерево.

Когда Кирилл очнулся, то почувствовал, как сильно гудит голова. Сколько он был в отключке? Пять, десять минут, полчаса? Что с ними случилось? И что с Ириной?

Мысль об Ирине словно пробудила его. Он посмотрел налево и увидел, что Ирина, не оборачиваясь ни на секунду, медленно уходит от него по трассе.

«Куда же ты?» — подумал Кирилл и вдруг заметил впереди нее на некотором расстоянии мчащийся навстречу на скорости автомобиль. Минут через пять-семь он окажется здесь. Неужели она не видит его?

«Ирина!» — хотел было крикнуть Кирилл, но не услышал ни слова.

«Надо окликнуть ее, сказать...»

Кирилл поспешно вылез из машины, выбрался из кювета, как мог быстро пошел за Ириной, не понимая, почему он не может выкрикнуть ни звука, что случилось с его голосом. Из горла раздавались только предательские хрипы. А встречный автомобиль все приближался, и Ирина почему-то не сворачивала в сторону.

«Она что, решила покончить жизнь самоубийством? — забеспокоился он. — Сумасшедшая!»

Надо было во что бы то ни стало остановить ее.

«Вот дура!» — Кирилл не знал уже, какими словами ругать жену. Он явно не успевал. А теперь и на все сто был уверен, даже если и вырвался бы из его горла крик, Ирина никак бы на него не отреагировала.

«Но может, она не видит встречный автомобиль? Может, после аварии совсем не понимает, что делает и куда идет? Надо попытаться догнать ее и увести в сторону».

Кирилл заторопился, но быстрее не пошел, последствия травмы давали о себе знать.

Меж тем встречный автомобиль все приближался, и вскоре Кирилл и подумать не успел, как тот на всем ходу подлетел к Ирине и... пронесся сквозь нее и мимо Кирилла, даже не просигналив.

Кирилл онемел. Такого не бывает! Такого просто не может быть, чтобы сквозь человека во плоти, как сквозь воздух, пронесся кусок железа.

«Что же случилось с нами?» — подумал Кирилл и в тот же миг ощутил, как его слегка повело, будто качнуло на волнах, и сквозь него из-за спины так же промчался автомобиль и быстро, на глазах, превратился в маленькую точку.

Кирилл с ужасом повернул голову, и взгляд его ненароком упал на врезавшийся в дерево родной «Фольксваген».

На заднем сидении он увидел откинувшуюся назад Ирину, на переднем — себя, уткнувшегося окровавленным лицом в стекло.

Кирилла как с головы до ног окатили колодезной водой.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕНЧИВЫХ ВЕТРОВ

Глядя на проходивших, как тени, мимо меня людей, на мой несчастный народ, ставший теперь изгоем, еще раз задумываюсь, поступил ли я правильно, превратив их некогда светлые свободные души в души темных, беспросветных чудовищ?

Теперь мы — те, кто разделился, и мы — те, кто должен вернуться, чтобы идти по Священному пути.

Теперь нашей едой будет не сладкий маис и дикие плоды сумаха и юкки. Мы вынуждены будем вечно скрываться в мрачных ущельях глухих каньонов, сливаться с красным песчаником, уходить в тень высоких пихт и ждать появления круглой луны.

Но разве было бы лучше совсем уйти в Священную долину и увести за собой весь свой род? Думаю, нет.

Древние говорили: «Когда мы идем по матери-Земле, мы всегда ставим ноги внимательно, потому что знаем, что лица наших будущих поколений смотрят на нас вверх из-под земли. Мы никогда не забываем о них».

Наше будущее поколение... Именно из-за него я заставил Танцующего Койота превратить всех нас в чудовищ, чтобы сохранить хоть кого-нибудь.

Верю, наша владычица Ахсоннутли простит меня, потому что нельзя было допустить, чтобы и мое племя исчезло в тени веков, как некогда исчезли племена анасази и юха. Это, по-моему, была правильная, хоть и вынужденная мера...

Мы уже давно знали, что племя Белых бородачей в ослепительных панцирях, на фыркающих монстрах и с огнедышащими драконами движется по земле нунка. Их страстью было золото, их целью — земля. Кто не отдавал им землю или не приносил золото — лишался жизни.

Но мы никогда не говорили, что земля принадлежит нам и мы можем делать с ней все, что хотим.

Единственный, кто может забрать ее — тот, кто создал.

Белые бородачи не могли понять этого, потому жаждали крови, если не было золота, и топили в крови тех, кто не хотел уходить с насыженных мест.

Не было, наверное, большего бедствия на наших землях с тех пор, как много тысяч лет назад койот украл у спящего черного бога огня пламя и принес его людям. Не было большего несчастья с тех пор, как с неба в виде огненного столба спустился бог и уничтожил все вокруг.

Я пришел к своему отцу, вождю нашего народа, Солнечному медведю и сказал ему:

— Отец, видишь, что творится вокруг. Пришла пора подумать о нашем роде. Белые бородачи топчут наши земли. Их намерения черны, их души — мрачная бездна. Неужели мы не сделаем ничего, чтобы остановить их? Если нам суждено умереть, мы умрем, защищая наш народ. Разве не ты мне часто повторял: «Когда придет время умереть, не

будь подобен тем, чьи сердца наполнены страхом смерти и умри как герой, идущий домой»?

Солнечный медведь посмотрел на меня задумчиво, но ничего не сказал, лишь закурил священную трубку и мысленно унесся к богам.

Когда его душа вернулась обратно, Солнечный медведь помрачнел.

— Боги молчат, мой сын.

— Значит надо поступать так, как велит нам разум.

Я не хотел верить, что Солнечный медведь сдался.

— Разум, сын мой, дают нам тоже боги.

Я покинул жилище Солнечного медведя, не смея ослушаться вождя. Сотни лет мы поступали так, как советовали нам боги, но сейчас боги молчали, а промедление было смерти подобно. Из Низкой долины шли страшные вести: Белые бородачи не щадили ни старых, ни малых, если им не подчинялись. Стоило ли ждать послания богов?

Через два дня Солнечный медведь собрал Совет старейшин, и было решено выслать навстречу отряду Белых бородачей золото и подарки. Быть может, подношения заставят их пройти мимо наших краев.

Меня и в этот раз не стали слушать, а с подношениями решили послать моего младшего брата Играющего ветра, более сдержанного, как они считали, и рассудительного.

К вечеру следующего дня оставленный в живых Цепкий коготь привез в селение отрубленную голову Играющего ветра. Белые бородачи неудержимо двигались в нашу сторону.

— Боги молчат, — сказал мне Солнечный медведь, когда я в который раз пришел к нему в жилище. — А разум сыграл с нами злую шутку.

Я готов был разметать все идола. Но Солнечный медведь негромко сказал:

— Бирюзовая женщина Ахсоннутли не оставит нас.

Но на рассвете Белые бородачи коварно ворвались в селение. Горстку оставшихся после кровавой резни мужчин, женщин и детей заперли в клетки. Невиданные доселе фыркающие монстры наводили на всех страх, огнедышащие драконы Белых бородачей заставляли воинов показывать пятки.

Я вынужден был опять обратиться к Солнечному медведю:

— Отец, видишь, что творится вокруг. Наши дома сгорели, воины убиты, жены становятся невольницами Белых бородачей. Мое сердце от печали за народ, от осознания страшного будущего его превратилось в холодный тяжелый камень. Я не могу видеть зарезанных женщин и детей, разбросанных по всему ущелью. Доколе кровь будет пят-

нать нашу землю? Надо отдать им все, чего они хотят, и спасти остатки рода.

Солнечный медведь не мог ничего возразить, но и выдавать тайники не собирался — не одно поколение копило богатство Священной горы.

Белых бородачей съедало нетерпение. Еще троих мужчин и двоих женщин зарезали на глазах всего нашего племени.

— Есть только один выход, отец, — обратился я к Солнечному медведю. — И ты знаешь какой. Белые бородачи не пощадят никого, даже если отдать им все золото Священной горы. Они превратились в чудовищ. Значит и мы теперь, чтобы их истребить, должны стать чудовищами. Как великий бог Найе Несгани — истребитель чудовищ.

Тень печали легла на изборожденное временем лицо Солнечного медведя.

— У народов Севера есть легенда, — сказал он, — рассказывающая о том, как в далекие времена, когда люди и звери жили вместе в полном согласии, на землю пришла суровая зима. Потянулись тогда все, чтобы согреться, поближе к небу. Но это не понравилось медведю, который был правителем неба. Он собрал все тепло в огромный мешок, но животным удалось похитить его. Во время ночлега, когда все звери уснули, мышка, чтобы починить свою изорвавшуюся при бегстве обувь, вырезала из мешка маленький кусок кожи. Этот поступок вызвал великое бедствие. Тепло вырвалось наружу и в считанные секунды растопило толстый слой снега, покрывавшего землю. Страшное наводнение погубило всех.

— Но многим тогда удалось спастись, отец.

— Исключительно по воле бога. Ты же просишь меня открыть мешок с бедами, когда боги молчат. И ты должен понимать, что мы больше не останемся людьми, а навсегда превратимся в кровожадных волков.

Я все еще пытался переубедить Солнечного медведя.

— Волки были посланы нам как хранители наших духов. Наш народ и волки одно и то же.

— Волки, а не чудовища.

Солнечный медведь был непреклонен.

На следующий день он встретился с вождем Белых бородачей и сказал ему так:

— Я нищий и нагой, истерзанный и загнанный, но я еще вождь своего народа. Земля — наша мать, и она не принадлежит нам. Мы принадлежим земле. Мы не хотим богатств, богатства не приносят добра.

Мы не можем взять их с собой в другой мир. Мы хотим только мира и любви.

Это было утром. Вечером отрезанную голову Солнечного медведя бросили к нам в клетку.

— Я знаю, что у вас еще есть тайники с золотом, — сказал вождь Белых бородачей. — Солнечный медведь отдал нам маленькую толику. Может, вы будете благоразумнее.

«Что такое жизнь? — вспомнил я изречение наших предков. — Это вспышка светлячка в ночи, дыхание бизона зимой, маленькая тень, пробегающая по траве и теряющаяся в закате».

Вождь Белых бородачей пообещал вырезать всех до единого, если мы не откроем ему наши остальные хранилища, и ушел, оставив нас в размышлениях до восхода солнца.

Но мне больше не нужно было размышлять. Как старший сын Солнечного медведя, став вождем, я приказал Танцующему койоту готовить священную мазь. Все необходимое у Танцующего койота всегда было с собой. Полынь, запах которой изгоняет нечистое из жилищ и тела человека, росла повсюду, только руку из клетки протяни. Кровь мертвого отца и наша живая кровь станут основой мази. Нам же оставалось только молиться. И мы молились всю ночь, натирая себя священной мазью и наблюдая, как Танцующий койот, окуривая клетку полынью, заводит свой ритуальный танец.

— О Великий Дух, чей голос я слышу в ветрах, я прихожу к тебе, как один из множества детей, — забубнили справа и слева от меня мои воины. — Мне нужны твоя мудрость и сила. Сделай меня мудрым и сильным не для того, чтобы превзойти своих братьев, но чтобы победить моих злейших врагов...

Танцующий койот распаялся все сильнее и сильнее. Поднимались с колен и другие воины и присоединялись к пляске Танцующего койота. Мазь начинала действовать, я чувствовал ее колдовскую силу: мышцы наливались, грудь распирало, сознание прояснялось.

Белые бородачи всполошились, не понимая, что происходит в нашей клетке. В дрожащих отсветах тусклых факелов им были видны только странно дергающиеся тела, издающие ритмичные однообразные звуки, усиливающиеся с каждой последующей минутой.

— Они сошли с ума, — заголосили Белые бородачи.

— Убить всех, — отдал приказ их предводитель.

Но было уже поздно — дух Найе Несгани вселился в нас!

Наши лица вытянулись в оскаленные волчьи морды, руки стали лохматыми лапами, спины округлились в мощные каменные горбы, деревянные прутья клетки больше не были препятствием.

Вырвавшись на волю, мы с яростью набросились на врагов, перегрызая им глотки, вырывая их сердца, отрывая головы...

Это было в Месяц переменчивых ветров. Мы уходили с места наших предков к Глубоким каньонам, чтобы навсегда исчезнуть из памяти человечества, как исчезли из их памяти племена анасази и юа. Теперь наши дети и внуки также станут чудовищами, как стали ими мы, отдавшись во власть Великого Духа.

Глядя на проходивших мимо меня существ, втаптывающих равнодушно в грязь золото, на мой народ, ставший теперь изгоем, в который раз терзаю себя навязчивой мыслью: «Правильно ли я поступил, превратив оставшихся соплеменников в чудовищ?» И сам себе отвечаю: «Правильно. Ибо я сохранил наших мужчин, женщин и детей — наш род»...

ПИДЖАК

Теплое ласковое море совсем расслабило Степана Тимофеевича Суркова, человека практичного, серьезного и немножко педантичного. Нескончаемое пекло июльского дня невероятной тяжестью навалилось на его тучное тело, а ожидание в длинной веренице очереди за квасом только отяготило и без того усталые члены. Но вот выпито два бокала, и Степан Тимофеевич почувствовал, как холодная влага наполнила желудок, на лбу выступили капельки пота, душа подобрела, и стало веселей.

— Заходи, дорогой, не стесняйся, — услышал Сурков неожиданно за спиной нежный голос и, не долго думая, вошел в лавку с яркой вывеской «Комиссионный».

Позвавшая его продавщица, походила на цыганку: большие черные глаза с длинными ресницами, пухлые губы в алой помаде, большие серьги в маленьких мочках ушей. В темно-каштановых волосах, точно на этикетке дешевого одеколona «Кармен», торчала красная роза. Черное платье покрывали такие же яркие розы с розовыми, оранжевыми и желтыми оттенками. Но более всего Суркова поразила полная грудь женщины, соблазнительно выпирающая при каждом произвольном

вздохе. Степан Тимофеевич онемел, глядя на неё. Между тем «цыганка» вкрадчивым голосом произнесла:

— Этот пиджак сделает тебя самым счастливым человеком на свете. Такому добропорядочному, деловому и энергичному мужчине нужен именно такой пиджак. Он как никакой другой подчеркнет вашу элгантность, строгость, деловитость. Последний крик моды, новинка сезона! Диор, Беккер и Чарита не могли придумать подобного покроя. Он хранится в тайне...

Голос женщины, казалось, заполнил всю небольшую лавчонку. Суркову думалось, что из каждого угла её сочится тихий настойчивый шепот хозяйки:

— ... Свободный покрой не стеснит ваших движений. В нем вы сразу почувствуете себя стройнее, выше, увереннее, будто вернулись во времена молодости. Примерьте и увидите, что только вы можете быть обладателем этой драгоценности, только вам она по плечу, в меру и к лицу. Одевайте же, одевайте...

Сурков не мог ничего с собой поделать. Он замер в изумлении и, чуть съежившись, только смотрел, как величественно колышется под платьем полная грудь женщины, и слушал монотонную речь, исходящую невесть отсюда.

— Одевайте, — донеслось до него снова, — одевайте...

И в этот момент Степан Тимофеевич ощутил на плечах пиджак. Руки машинально влезли в рукава, бессознательно стали поправлять и поглаживать лацканы.

— Точно на вас шит, — зашевелилась полная грудь, и чьи-то трепетные руки коснулись его шеи, поправляя подвернувшийся воротник.

— Да у меня и денег-то нет, — пролепетал вяло и нерешительно Сурков.

— Не нужно никаких денег. Для вас бесплатно. Сегодня бесплатно...

Степан Тимофеевич, не поднимая глаз, понял, что на него смотрят. Но откуда, не знал. Станный взгляд сковал его с новой силой. Полная грудь исчезла, вокруг появилось множество высоких — в рост — зеркал. Лавка, казалось, пропала. Спустилась тьма. И только зеркала, вернее, только Сурков освещался многочисленными прожекторами, отражаясь в них. Теперь Степан Тимофеевич мог спокойно рассмотреть предлагаемую ему вещь.

Пиджак был плотный, драповый, с черными, еле заметными нитками на светло-коричневом фоне. Именно о таком пиджаке Сурков мечтал, можно сказать, всю жизнь. Но теперь, увидев себя в десятках зер-

кал с различных сторон и проекций, понял, что нашел именно то, что нужно. Вернее, то, что нужно, нашло его самого.

Только Степан Тимофеевич подумал о том, как пиджак плотно обхватил его, сжал со всех боков, вдавливая отвисший живот сорокалетнего мужчины, выпрямляя сутулую спину замученного жизнью человека, так что дышать стало труднее, и кровь, как показалось, циркулировать в два раза быстрее, и появилась какая-то неизведанная доселе уверенность, чувство приподнятости и собственного предназначения к чему-то.

«Ах ты!» — только и смог подумать Сурков, забыв о своей незначительности, и тут же похлопал себя по груди, взъерошил волосы и принял позу «а ля Наполеон», чего до сих пор за собой не замечал. Весь мир стал мниться ему огромным, бесконечным и величественным. «И мне, — всё громко закричало в нем, — отведено там достойное место!..»

После возвращения из отпуска Степан Тимофеевич первым же делом показал пиджак жене. Та, увидев его, язвительно фыркнула, но, узнав, что пиджак достался бесплатно, сначала удивилась — как можно? — затем одобрительно шмыгнула носом и промолвила:

— В нем и на работе не стыдно появиться.

В первый рабочий день после отпуска Сурков показался в приемной в новом драповом пиджаке.

— Какой вы! — всплеснула руками Лина Павловна, пришедшая, как всегда, пораньше. — Что за прелесть этот пиджак. В нем вы, как юноша: стройный, плечистый, полный энергии и сил.

— Ну, ну, засмутился Степан Тимофеевич, скажете прямо — юноша. Мне уж пятый десяток пошел.

— Что вы, Степан Тимофеевич, да если бы все в вашем возрасте обладали такой бодростью духа, как у вас, смелостью, решительностью, задором, мы бы, мы... Даже не знаю, что бы мы смогли сделать. Весь мир, наверное, перевернули бы!

— Скажете тоже, весь мир, — произнес Сурков и с важным видом прошел в свой кабинет.

Кабинет его не отличался большими размерами. Да и мебели стояло не так много. Крупный дубовый стол, приобретенный по случаю в местном антикварном магазине, кожаное кресло шестидесятых годов с высокими подлокотниками, сервант, набитый брошюрами, огромный железный сейф в правом углу, два стула для посетителей у двери, да портрет «Генерального» на стене.

Сурков откинулся в кресле и стал соображать, что бы он мог совершить, надели его большей властью. Ужасно и подумать!

«А может, она и права, — подумал он. — Я ощущаю необычный прилив сил и энергии. Любые дела мне теперь решать, что семечки грызть».

Задумывался ли когда-нибудь Степан Тимофеевич Сурков о своем предназначении? Наверное, нет. Да и нужно ли ему было о том размышлять? Работа его — а служил он в одном из городских управлений — была связана с бумагами. Люди в кабинете бывали постольку — поскольку, а бумаги и те ныне большую часть просматривала Лина Павловна. Суркову оставалось лишь размашистым росчерком пера черкнуть свои неразборчивые инициалы и решить, дать ход бумаге или, что называется, «зарыть» её. Вот и сейчас, выпив стакан чая, который принесла секретарша, Сурков решил заняться делами. Он раскрыл первую попавшуюся в руки папку и хотел было углубиться в чтение, как пиджак сильно сдавил его, стиснул со всех боков, и Степан Тимофеевич почувствовал себя в железных тисках, из которых невозможно вырваться.

— Ты что это? — спросил недоуменно Сурков. — Зачем это меня сдавил? Больно же.

Тут Степан Тимофеевич увидел, как рукав поднял его правую руку и положил на стол. Не понимая, что делает, Сурков взял ручку, и рука его вывела на бумаге лишь одно слово: «отказать».

«Тьфу ты, черт! — выругался Степан Тимофеевич. — Возможно ли такое, чтобы руки сами писали? Чтобы пиджаки людьми командовали? Голова-то зачем, если руки её не слушают?»

Но левая рука тянула новый лист, а правая снова отписывала «отказать», «отказать», «отказать»...

Захотел крикнуть Сурков, но крика не вышло, раздалось только слабое: «Помогите...» Попытался встать, но не смог — пиджак прижимал его к креслу очень прочно. А правая рука всё отписывала: «отказать», «отказать»!

— Проклятый пиджак! — возмутился Сурков. — Знал бы, что ты такой, никогда не взял бы. Освободи мои руки, негодяй, не то изорву тебя в клочья, сожгу! Отпусти сейчас же!

Сурков дернулся, но снова не смог встать.

— Что тебе надо, скажи? — чуть ли не рыдал он. — Отпусти меня, зачем я тебе нужен? Меня ждут дома жена, дети...

Пиджак молчал.

— Хочешь я внутренний карман тебе пришью, ты ведь давно мечтал о таком? — Сурков осекся, поняв, что несет несурзаицу.

Пиджак молчал.

«Да не молчи же ты! Ослабь чуть-чуть!»

Вошла Лина Павловна. Глаза Суркова загорелись. Лина Павловна остановилась в дверях, держа папку с бумагами в руке.

— Лина Павловна, дорогая, — только и смог произнести Сурков, чувствуя, как сильнее сдавило его тело.

— Да, Степан Тимофеевич, я принесла нужные документы. Здесь всё, что вы просили.

— Я, я... — услышал себя Сурков и понял, что слабеет, что готов полностью подчиниться сковавшей его неизвестной силе.

Как только дверь кабинет за секретаршей закрылась, Сурков полностью расслабился и стал каким-то аморфным.

С того вечера жизнь Суркова круто изменилась, стала тягучей и пренеприятной. Поначалу Сурков кое-как пытался противиться своей горькой участи, но вскоре присмирел и равнодушно отдался связавшей его паутине.

Возвращаясь домой после работы, он уединялся от семьи в своем кабинете, включал ночное бра и долго и мучительно размышлял о тяжелой судьбе, невесть кем уготованной ему.

«Что это? — думал Сурков. — Реальность ли? Может, все это мне снится? Тогда какой кошмарный сон!»

Ужас сковывал Суркова при одной мысли о том, что завтра ему снова идти на работу, где ждал его в свои объятья заколдованный пиджак.

«Почему судьба так немилосердна ко мне? Неужели я где-то оплошал, что-то не так сделал? Но делать-то я старался поменьше, чтобы не ошибиться, не ударить лицом в грязь. Брался за немного и только за то, в чем был уверен — справлюсь. А то, что таких дел набиралось немного, уж, извините, выше головы не прыгнешь. Но ведь вышла-то промашка! Где? В чем?»

Ночью Сурков долго не мог уснуть. Ворочался в постели, заходил на кухню, залпом выпивал стакан воды. Снова ложился, потом вставал. Курил одну сигарету за другой и опять ложился, зная, что уснуть не сможет.

Жена раз проснулась, удивленно спросила мужа, не болен ли он, но услышав отрицательный ответ, отвернулась. Поду утро уснул и Сурков. Встал совершенно разбитый и усталый. В ванной взглянул на себя в зеркало и не узнал. Опухшие глаза и губы, взъерошенные волосы,

глубокие следы от подушки на лице, — всё напоминало о тяжело проведенной ночи.

«Я сам становлюсь полосатым. Как пиджак», — подумал Сурков и закрутил пузе прежнего.

Попытался оттянуть уход на работу. Медленно ел, медленно одевался, неторопливо брился. Однако привычка оказалась выше желания: он ни минуты не выиграл, отчего пришел в скверное состояние.

На улице прохожие спешили по делам, торопливо обгоняя друг друга. Не рвался лишь Сурков. Свернул в сторону от знакомого маршрута, попытался увильнуть, спрятаться где-нибудь, но непослушные ноги упрямо несли его к месту службы.

В конторе работали в полную силу. Секретарша удивленно взглянула на Суркова и промолвила:

— А я думала, вы уже там.

На что Сурков, чуть помедлив, ответил:

— Вы, наверное, не заметили, как я выходил.

Он испугался, что кто-либо узнает о существовании таинственного пиджака, заменяющего ныне служебное обличье начальника.

В кабинете царил полумрак.

«Для мистического хозяина освещение соответствующее», — подумал Сурков и осекся, решив, что тот, в кресле, читает все его мысли.

За спиной хлопнула дверь. Сурков съежился и сделал маленький шаг вперед. Кресло, в котором находился пиджак, слегка скрипнуло. Сурков замер на месте, не зная, что предпринять.

— Я что хочу сказать, — услышал он свой робкий голос. — Это неправильно, когда вещь вместо человека. Совсем неправильно. Да.

Сурков боязливо глянул в сторону стола. Пиджак не подавал никаких признаков жизни. Сурков воодушевился.

— Человек — это ведь такое существо... такое существо...

Какое, он не договорил, потому что кресло скрипнуло снова. Но пиджак молчал.

Степан Тимофеевич втянул голову в шею.

— Вещь — это...

Кресло опять скрипнуло, и Сурков понял, что сдался. Его больше не хватило на ораторские речи.

— Я ведь ничего. Ничего... — только и промолвил он и забился в самый темный угол.

Меж тем работа в управлении продолжалась. Секретарша не беспокоила Степана Тимофеевича, лишь изредка заходила в кабинет, клала на стол бумаги и также тихо выходила.

К десяти часам в приемной послышались голоса.

«Что сейчас будет? — подумал Сурков. — Они войдут в кабинет и увидят, что вместо меня в кресле сидит пиджак, а я трусливо забился в угол. Но чего я боюсь? Ведь это тряпка, всего-навсего тряпка. Не может же тряпка...»

Не успел он домыслить, как кресло скрипнуло.

«Он всё понимает, он читает мысли, значит, мне и думать нельзя: каждое слово мое обернется против меня!..»

Зашла секретарша, сообщила, что люди собираются и ждут назначенного приема.

Сурков подумал: «Почему она не спросит, отчего в кабинете до сих пор зашторены все окна и так темно?»

Молчание Лина Павловна восприняла, как разрешение и вышла в приемную. Там сразу началась суматоха, все пытались прорваться на прием, но первому удалось это сделать громадному мужчине с пышными усами «под Буденного».

— Это что ж такое! — закричал детина. — Вторую неделю наши рабочие простаивают на строительстве детсада, а обещанных материалов так и нет! А бетон! Где бетон, я вас спрашиваю?!

Он подскочил к столу и грохнул по нему кулаком.

— Вот! — замахал детина клочком бумаги перед пустым креслом. — Вот эту бумагу вы подписываете пятый день. Я сам забрал её у вашего секретаря. Когда ж, наконец, придёт обещанное?!

Он долго размахивал руками, стучал кулаком по столу, топал ногами, тряс белым листком в полутемном пространстве.

«Неужели он не видит, что в кресле лишь пиджак? Может, ослеп? Так не слишком темно. Я все различаю нормально, как днем», — думал Сурков.

Мужчина вскоре перестал возмущаться. Каждое его слово встречалось гробовым молчанием. Лишь один раз из угла кто-то тихо прыснул — это Суркову стало невероятно смешно.

Мужчина опешил: «Почему он молчит? Ему известно всё о состоянии дел? О том, что я выбил на складе лишние половые доски? Что машина с бетоном ушла на постройку моей дачи? Возможно только это. Он знает обо всем и усмехается про себя. Молчание — тому доказательство».

Мужчина переменял тон, заговорил спокойнее:

— Я ведь что, дорогой Степан Тимофеевич. Голос у меня такой: громкий. Не обижайтесь, что так разговариваю, я ведь в юности в консерваторию хотел поступать. Как запою бывало: «Эх, вдо-оль по Пи-

итер-ской...» Да и работа такая, что крикнуть надобно. Там ведь, знаете, трактора гудят, машины, бульдозеры рычат целый день. Крановщик иногда зазевается, стропальщик заснет — кирпич не туда ставит, — так я с самой земли как крикну: «Вира! Вира!» — враз услышит. Не обижайтесь на меня. Бумагу-то эту я здесь оставлю. Опосля подпишите, когда время будет. Вон сколько народу-то в приемную набежало...

Мужчина попятился к выходу.

— Еще раз прошу: не гневайтесь. Голос у меня просто такой — сильный. Будьте здоровы.

«Дурак! — вырвалось у Суркова, как только за детиной закрылись двери. — Каких только дураков свет не держит. Материалы ему подавай! Сам хвастался в прошлом году: на сэкономленных материалах дома возвожу. Да, сначала наворует в три короба, а потом экономить начинает. Тьфу! Ей Богу, тошно и думать о таком».

В дверь неуверенно постучали. Она медленно приоткрылась, и в просвете показалась совершенно седая голова низенького старикашки. Он робко вошел в кабинет, скрючившись, нервно теребя длинными, как у пианиста, пальцами свою пожеванную кепку, потупил глаза и, лебезя, произнес:

— Здравствуйте, Степан Тимофеевич. Вы меня, наверное, не помните, а ведь я вас знал еще вот таким... — он показал ладонью небольшое расстояние от пола, подобострастно приподнял седые брови и редкие ресницы и улыбнулся.

Сурков его не помнил.

— Вы тогда такой шалун были, — продолжал старик, растягивая губы в улыбке, — такой шалун. Однажды испачкали, простите за откровение, свои шортики, красненькие такие, может, помните? Упали, простите за выражение, в лужу. Плакали сильно. Я вас тогда поднял, поставил на некрепкие ножки ваши, вычистил шортики и сказал: «Беги, малыш». И вы побежали, веселый и радостный такой. И вот аж куда добежали! На самую, так сказать, вершину! (На что он намекает, подумал Сурков.) Чтобы мы, простите за выражение, близкие ваши, знакомые, так сказать, любовались вашими успехами и гордились.

Старик склонил голову в поклоне.

Сурков никогда не видел его прежде, но после такой речи заколебался: может, и правда где-то встречались?

— Я что хотел сказать, простите за выражение. Что все мы, так сказать, друг другу братья. Я вам когда-то помог, теперь вы мне, пожалуйста, помогите.

Старик поднял глаза, улыбнулся и опять склонил голову.

— Только одна ваша подпись, вот здесь, внизу. Небольшая такая, и всё.

Старик положил бумагу на стол и, пятясь, вышел.

Пиджак молчал. Сурков тоже не знал, что сказать. Он глубже вдавился в угол и более не подавал признаков существования. Так прошло еще два или три посетителя, но и они, оставив свои бумаги на столе, вскоре удалились. Секретарша прекратила доступ в кабинет. Приемный день закончился. Начальнику нужно было отдохнуть. Но кому отдохнуть? Пиджак даже слова не произнес. Сурков тоже. Страх сковал его снова, когда он подумал, в какое ужасное положение попал. Вдруг он решил взять все бумаги со стола, выбежать с ними в приемную, подписать, дать им ход, поступить вопреки злой воле сидящего в кресле. Все же там были документы, от которых зависела судьба многих людей. Теперь, попав в кабалу вещи, он понял, как нужны ему сейчас люди, их союз, их помощь. Но нужен ли он людям? Не дождавшись ответа своей совести, Сурков рванулся из темного угла к столу, протянул было руку к бумагам, но тут же почувствовал, как кто-то обхватил его вокруг талии, прижал к себе и больше не отпускал. Со страшными рыданиями Сурков упал в кресло и, как и в прошлый раз, полностью покорился чужой воле.

Секретарша унесла бумаги неподписанными.

Степан Тимофеевич Сурков заболел. Он остался дома и не выходил на работу, сказав жене, что взял больничный. Теперь-то наверняка всё уладится. Его бросят, разыщут, поймут и освободят от ненавистного плена. Однако прошел один день, второй, третий, а за Степаном Тимофеевичем так никто и не приходил, никто ему не звонил, никто о нем не беспокоился. Он уже забросил книги, перестал смотреть телевизор, мучимый загадкой происходящего на работе, в его мрачном кабинете.

За последние дни Сурков сильно исхудал, потух, перестал даже чистить зубы. Постоянные размышления, мучившие его, заподозрили жену. Но на её расспросы отвечал лишь «да» или «нет», а то и вовсе не отвечал.

Раз, не выдержав, позвонил на работу и, услышав в трубке голос Лины Павловны, расстроился до слез. Он думал, что она обрадуется, услышав знакомую речь, но секретарша, на удивление, не узнала его. Мало того, привычно произнесла:

— Степан Тимофеевич занят.

«Как так? — удивился Сурков. — Я нахожусь дома и вместе с тем на работе? Такого не может быть! Может, я, который есть, не я? А тот, другой — это Сурков Степан Тимофеевич? Тогда кто же я?»

Он обхватил голову дрожащими руками, упал на подушки, и горький стон вырвался из груди. Всё было против него. Против его воли и желания.

Утомленный постоянным нервным напряжением, Сурков заснул. Во сне ему приснилась та «цыганка» с большим бюстом. Как и раньше, он не отрывал от него глаз и откуда-то из темноты доносился голос: «Приди ко мне, приди. Я тебя жду...»

Приняв сон как знамение, Сурков оделся, выскочил на улицу и, поймав такси, поехал в контору. Там стремительно ворвался в свой кабинет, чем сильно удивил Лину Павловну, схватил пиджак и также молниеносно выбежал.

Не помня как, он оказался в поезде, мчащемся на юг, затем в городе, где отдыхал и, наконец, на улице, где должен был находиться злощастный магазин.

— Нет, нет, его уже нет, — сказали местные жители. — Был, но мы его общим решением ликвидировали. А пиджаки такие? Тоже были, но в наше время они никому не нужны. Изжили себя. Не в моде. Мы, сознательные граждане, боремся теперь и за ликвидацию фабрики, выпускающей подобную продукцию. Сама фабрика устарела, её продукция тормозит продвижение всего нового, передового...

«Был и нет, — подумал Сурков. — Разве было когда, чтобы сразу — и всё? Где-то ж должны остаться магазины, продающие подобные пиджаки? Им бы я вернул его. Проклятая цыганка!»

Возвращался Степан Тимофеевич ни с чем. На вокзале, в ожидании поезда, взгрустнул. Выбросить пиджак не осмелился: все-таки деньги стоит, но и везти его обратно не было никакого желания. Близился вечер. Стало холодать. Сурков невольно набросил на плечи пиджак, почувствовал, как его снова сжало, затуманило мысли, но вырваться не было сил. Лучше покориться.

«Я врос в пиджак, — подумал он, — меня из него не вырвать. Пусть будет, что будет...»

Прошло еще два месяца. Сурков одряхлел совсем, истомился. Ему всё надоело, он только и подумывал об уходе на пенсию. Даже сообщение о реорганизации той самой швейной фабрики и поступлении новых товаров на прилавки не обрадовало. В конце концов, видя полнейшее равнодушие Суркова к делу, вышестоящее начальство недвусмысленно

намекнуло на то Суркову. И как он этого ни хотел, пришлось уйти по собственному желанию.

Вскоре на место Суркова назначили нового человека. Им оказался еще нестарый, моложавый мужчина приятной наружности Юрий Яковлевич Резцов. Он был сама любезность и расточал похвалы направо и налево. Даже Лина Павловна и та удостоилась комплимента.

В свой первый рабочий день он появился с широкой улыбкой на лице и черным кожаным дипломатом в руке.

— Полчаса прошу меня ни с кем не соединять, — сказал секретарше и вошел в кабинет, тихонько притворив за собою дверь.

К новому месту нужно привыкнуть. Теперь это будет его пристанище.

Резцов остановился на пороге и осмотрелся. Обстановка удовлетворила его. Всё на своем месте. Располагающее к работе размещение мебели, замечательный письменный стол, высокое кресло, встроенные в стену шкафчики.

Резцов открыл один из них. На узкой перекладине обнаружилось несколько плечиков, на одном из которых висел забытый Сурковым пиджак.

«Надо убрать его отсюда», — подумал было Резцов, но какая-то магическая сила заставила его прикоснуться к нему, ощупать материал, оценить хороший крой.

«Да такие пиджаки нынче редкость. И материал превосходный».

Резцову захотелось тут же примерить пиджак Суркова. Он потянулся к нему, снял с плечиков и, увидев внутри шкафа зеркало, сразу отбросил все сомнения и накинул пиджак на плечи. Но едва он всунул руки в рукава, как пиджак стиснул со всех боков и словно впился в его тучное тело. Вместе с тем Резцов неожиданно ощутил необычный прилив сил, энергии и решимости.

«Да мне все проблемы теперь по плечу!» — довольно подумал он и сел в кресло. Ему сразу же захотелось выпить чашечку кофе.

Эрих фон Нефф

Сан-Франциско

ГЛЯДЯ ИЗ ОКНА

(Сан-Франциско, 1953)

Каждый день она сидела у эркерного окна, в своем кресле-каталке. Смотрела вниз, на проходящих по улице людей. Порой кто-нибудь из прохожих поднимал голову, встречался с ней взглядом, приветливо улыбался. Она чувствовала себя совершенно спокойно, сидя там, наверху, глядя вниз. Когда-то она была обычной девчонкой, такой же, как все остальные. Играла в классики, прыгала через скакалку, которую раскручивали подружки, сопливые мальчишки дергали ее за косички. Это было не очень давно, хотя теперь и казалось, что очень. Она гадала, сможет ли когда-нибудь снова ходить, но никогда не спрашивала об этом ни доктора, ни кого-либо еще.

Ее доктор был дородный джентльмен с козлиной бородкой. Она так хотела выздороветь, сильно-сильно хотела. Когда доктор приходил ее навестить, она катилась на кресле ему навстречу, обхватывала руками его короткие толстые ножки и заглядывала в его серые глаза. Доктор наклонялся и целовал ее в лоб. Его бородка щекотала ей нос, и она это обожала.

Ее мамочке, судя по всему, доктор тоже очень нравился. В те дни, когда он приходил с визитом, мамочка вставала рано утром, устраивала ей ванну, наряжала ее, причесывала, заплетала в волосы две белые ленты, усаживала в кресло на колесах. А затем мамочка прихорашивалась сама. Мыла голову, свои темные атласные волосы. Напевая в ванной, брила ноги. После шла в свою комнату и укладывала волосы в прическу. Дверь оставляла открытой, и она видела мамочкину голую спину, пока та прихорашивалась перед зеркалом, расчесывая спутанную гриву.

Ей хотелось, чтобы и папочка посмотрел, как мамочка причесывается перед зеркалом. Как это бывало когда-то давно. Хотя, может быть, не так уж и давно. Она тогда была здорова, и папочка был дома. А потом началась война, в городе стали отключать освещение. Папочку призвали служить на флот. Ей понравилась его моряцкая форма. Перед тем, как уйти, папочка поднял ее на руки. Она стащила с его головы матросскую шапочку, надела на себя. Папочка поднес ее к зеркалу. Это

помнилось так отчетливо: отражение в полный рост, папочка в черном бушлате и брюках-клевш, держащие ее папочкины теплые руки, его шапочка, лихо заломленная у нее на голове. Они оба улыбались. А теперь папочка плавает на подводной лодке где-то в Тихом океане, и писем от него нет уже два месяца. Он же знает — должен знать — что у нее полиомиелит. Может быть, мамочка не все зачитывает ей из папочкиных писем.

Мамочка не спеша причесывалась и мурлыкала песенку. Затем встала и подошла к шифоньеру. Наверное, принялась раскладывать платья на кровати.

Она посмотрела в окно, на людей, собравшихся на трамвайной остановке. Где они работают? В разных местах. Это можно определить по тому, как они одеты. Некоторые мужчины одеты в костюмы, темные или светлые. Некоторые женщины одеты в шерстяные платья и жакеты делового покроя. Другие женщины одеты попроще, они явно подчиненные. Еще есть мужчины в рабочей одежде. Они стоят в конце очереди.

Женщина, идущая к остановке трамвая, взглянула в окно, помахала рукой. Хоть один человек ее заметил. Как там мамочка, закончила наряжаться? Она оглянулась на мамочкину спальню. Мамочка подтягивала чулки, выравнивая швы. Побрызгала духами за уши, между грудей. Затем брызнула на ладонь и похлопала у себя под юбкой. Для чего?

Она снова посмотрела в окно. К остановке подъехал трамвай; женщины, которая махала ей рукой, видно не было.

С чего все началось? Кажется, с того, как она простудилась. У нее поднялась температура; она сильно потела, плакала. Родители отвезли ее в больницу. Никто не говорил ей, чем она болеет. Мамочка и папочка навещали ее каждый вечер. Потом она узнала, что врачи им сказали, будто ее случай не слишком тяжелый. Что ей еще повезло. Что она, возможно, снова будет ходить, хотя для полного выздоровления потребуется время... Она не считала, что ей так уж сильно повезло.

Прозвенел звонок; мамочка открыла дверь. Пришел доктор со своим черным чемоданчиком. Доктор шевелил ее ноги, мял и щипал мускулы. Было больно. Доктор, похоже, был доволен, что она чувствует боль. Был доволен, что она может чувствовать.

— Хочешь снова ходить? — спросил он.

Она кивнула.

— Это переломный момент. Ты должна хотеть этого. Понятно? Будет непросто. — Доктор посмотрел на мамочку. — Вам придется ей помогать. Она должна начать передвигаться на своих ногах. Для начала — вставать в ванне. Начнем оттуда, потом массаж и легкие упражне-

ния. Вы должны стать ее физиотерапевтом, вы сможете. Флот присылает вам пособие. Вам придется уволиться с работы, пока ей не станет лучше.

Мамочка повела доктора на кухню. Открылась дверка шкафчика с посудой, затем послышалось бульканье воды.

— Хотите перекусить, доктор? — спросила мамочка.

— Нет, мне нужно идти. — Доктор посмотрел на нее и сказал: — Твоя мамочка съездит со мной в офис.

— Я скоро вернусь, — прибавила мамочка.

— Конечно, мамочка, — сказала она. — Ты же знаешь, я могу о себе позаботиться.

И правда. Вдоль стен были приделаны поручни, так что она могла добраться до туалета без посторонней помощи. Она научилась готовить, научилась немножечко шить. А если ей становилось совсем скучно, она могла включить радио и послушать новости про войну. В общем, ей нравилось справляться самой. Ей нравилось читать книжки, нравилось думать — про папочку. Да, мамочка, она может о себе позаботиться.

Мамочка поцеловала ее в макушку; доктор легонько сжал плечо. Она смотрела в окно, как они идут к докторской машине. Сели в машину, пару минут о чем-то поговорили, и уехали.

Внезапно ее бросило в жар, на лбу выступил пот. Она подышала на прохладное стекло и нарисовала сердечко. Она чувствовала острую боль в самом низу живота. Нет, она бы ничего не сказала доктору. Она хотела, чтобы папочка вернулся домой. Сидела и смотрела, как очертания сердечка тают на стекле, словно ее воспоминания про папочкино отражение в зеркале.

Перевод с английского: Олег Кустов

Ерофим Сысоев

Шарлахберг, Германия

МЕДУЗА

Памяти П.

Мы сидим во дворике контейнерной общаги, что в Ангермунде под Дюссельдорфом, и неспеша нарезаем охлажденную водку немецкого разлива, закусывая зеленью и местными колбасками. Солнце жарит по-

южному, как ему и положено в пятидесятых широтах, мы молоды и полны сил, а у власти еще даже не Меркель, а положительный Шрёдер, из социал-демократов. Он заботится чтоб богатые не нагтели, а бедные не становились еще беднее — ну, насколько это возможно при капитализме.

"Мунд" по-немецки рот, но сокращенно так называют еще и "мюндунг", то есть место впадения какой-нибудь речки в другую, ну или во что-то еще. Поэтому место и называется Ангермунд: Ангер, местная речка, на которой немцы устроили большую запруду для хозяйственных нужд и купанья, где-то недалеко во что-то впадает. И можно даже сказать во что, это невеликий секрет — в речку Неандер, вот во что.

Ангер впадает в Неандер — всё это как-то уж чересчур по-немецки, поэтому на место впадения никто, как кажется, из общажных жителей так ни разу и не ходил — достаточно местной запруды, из-за которой получилось приличное озеро с живописным островком посередине. Ну а уж про Неандер и вообще незачем распространяться: речка и речка, известна во всём свете, поскольку когда-то тут обнаружили стоянку неандертальцев. "Таль" по-немецки долина, Неандерталь — это "долина Неандера", вот и получается неандерталец...

Когда я пишу "мы сидим", то имею в виду себя и Медузу. Муж Медузы Андрей не пьет вообще, он целыми днями торчит на озере, пытается выловить там каких-то карасиков. Медуза зовет мужа на людях Мандреем, видимо что-то имея в виду, но местный народ, то есть жители общаги, не решаются подхватывать это прозвище, помня о коротком прямом в переносицу, который Мандрей уже пару раз здесь продемонстрировал и от которого у пострадавшего вокруг глаз на пару месяцев образуются как бы очки: сперва черно-фиолетовые, а затем постепенно переходящие в багровый и далее в желто-зеленый.

Оба они, то есть Андрей и Медуза, родом из Ёбурга, как в Екатеринбурге называют Свердловск, только Андрей исконно пролетарская косточка, а Медуза из какой-то тамошней ученой знати, типа профессоров и доцентов — так уж у них получилось с браком. И кажется оба этим очень довольны: Андрей тянется к просвещенной Медузе, а она опекает его почти по-отечески. Материнство она, как убежденная чайлд-фри, презирает и детей не планирует.

Разница между ними еще и в другом: Андрей прирожденный русак, а Медуза — из караимов. Поскольку ученые так и не могут доказать окончательно их хазарские корни, Медуза предпочитает семитскую версию, давно уже учит иврит и даже собиралась ехать "сдаваться" в Израиль... — но потом передумала из-за жары. "Я всё это не люблю...

потеть", — убедительно говорит она, объясняя желающим свое решение ехать в Германию. Вообще же решать что-либо Медуза не любит и обычно нагружает проблемами Андрея — а потом строго следует его указаниям, которые, как наверно понятно каждому, навеяны ее же особым влиянием на мужа. "Гармоничная пара..." — так в общаге говорят про них многие.

Вакханалия чувств заменяет многим людям смысл жизни — которого, как утверждают специалисты, нету вообще, ну разве что у каких-то великих гениев или тому подобных. Обычным, земным людям лучше о смысле жизни не думать, они не "незаменимые", как это говорилось при Сталине, и на место учительницы, или какого-нибудь шофера, или даже доцента всегда можно поставить замену: и не будет заметно разницы.

Медузин Андрюша этого, вероятно, не понимает, занятый своим рыболовством, но Медуза думает о смысле жизни постоянно — хотя, конечно, и она в меру своих возможностей.

Амуры как выход из экзистенциального тупика она себе разрешить не может — не позволяет строгое караимское воспитание, — но секс на стороне у нее безусловно присутствует, во всяком случае ее заплывы на островок посреди озера с различными пляжными мужчинами не остаются совсем незамеченными. И это только то, что видно буквально каждому.

Андрею аферы жены, похоже, по барабану... но этого мы, понятно, не знаем — пока что-нибудь не случилось. Меня, кстати, Медузина раскованность пока не касается — у нас с ней "высокие отношения": мы спорим о литературе, о психологии, решаем наперегонки одни и те же кроссворды и занимаем себя интеллектуальными играми из специальных сборников. Во мне она ценит цельность и "эмоциональный опыт", как она это называет: я уже дважды в разводе — это еще на родине, — а тут успел отсидеть десять месяцев в тюрьме в Крефельде, недалеко от Ангермунда. Это даже больше, чем Медузин Андрей получил за "телесные средней тяжести", сломав руку одному из случайно попавшихся ему в гневе прохожих. В Крефельде, собственно, мы и познакомились — Медуза навещала в тюрьме Андрея, а я случайно оказался тогда в комнате для свиданий: как раз наводил там порядок с ведром и шваброй.

...Мобильная связь в те далекие времена была еще в самом зачатке: мобилки весили по килограмму, снабжались нелепой выдвигной антенной, а стоимость телефонов делала их недоступной роскошью.

Зато возле платформы электрички в Ангермунде имелось сразу восемь телефонных будок, звонить из которых можно было по всему свету — более того, каждая будка имела свой номер и в нее тоже можно было звонить отовсюду.

— Сходим на станцию? — тянет меня за рукав футболки Медуза. — Мне надо кое-кому позвонить.

— Пошли... — легко соглашаюсь я. Выпили мы пока немного — почему и не прогуляться...

— А давай будем прятать евреев... — вдруг предлагает Медуза по пути к станции. — Мы будем типа героями, а они такие несчастенькие — и им за нами будет как за каменной стеной.

Я улыбаюсь: в такое мы еще не играли.

— А что? — продолжает она. — Я поговорю с Николенькой.

Николенька, или просто Колян, — это один из ее обожателей. Недавно он занялся недвижимостью на левые деньги с материка, как мы здесь называем бывший Союз, и теперь у него сплошь ангары, полуразрушенные фабричные здания и даже одна небольшая судоверфь в Любеке. Там, вероятно, и придется прятать евреев.

— Мысль хорошая... — говорю я. — Только где же мы их возьмем? И захотят ли они прятаться?

— А мы их сперва напугаем! — ни мгновения не задумываясь отвечает Медуза. — Разошлем листочки, что мол тогда-то туда-то явиться с вещами. Запас еды на три дня и всё такое... А потом мы подведем на бусике и всех их спрячем. Ты умеешь водить автобус?

— Не знаю... — отвечаю я неуверенно. — А что там водить? Завел мотор и едешь себе...

— Вот видишь, — восклицает Медуза, — как всё чудесененько складывается!

— А автобус-то мы откуда возьмем? — спрашиваю я.

— Автобусов на кольце 47-го маршрута полно. Стоят себе стадом, моторы работают, а водители в диспетчерской будочке точат лясы — я видела.

— Как это ты всё примечаешь... — удивляюсь я.

Медуза довольно улыбается. Лицо у нее слегка отстраненное, глаза не в фокусе и устремлены куда-то в запредельную небесную ширь. Она

уже с головой в своих планах и проектах — порою излишне брутальных, как мне иногда кажется. Но ведь простого выхода из экзистенциального тупика никто и не предлагает...

Хазарский иудаизм, как утверждают, был скорее всего талмудическим — а вот у караимов Талмуд не приветствуется. Это обстоятельство очень по душе Медузе, не слишком склонной к упорным занятиям. "Кто это тут опять иудит?!" — громко вопрошает она, когда в общажной кухне среди женщин-хозяек, изнывающих от невостремованности и незнания местного языка, разгорается очередная свара. На Медузу косятся, но одергивать побаиваются — по бумагам она, так же как и они, официально признанный еврейский контингент из "Империи Зла".

Про "Империю" это, к сожалению, не шутка: некоторые из "бывших" настолько рады, что вырвались за границу и живут тут на всём готовом, что буквально возненавидели Родину и всей душой влюблены в Германию и германское... Короткая память: еще живы кой-где старички-эсэсовцы и, кстати, в самом Ангермунде тоже — городок этот не из бедных, а бедных в СС, как известно, не брали, разве что за редкими исключениями.

На тумбе недалеко от станции — афиша по-русски: "Вечер поэзии. Новые стихи прочтут лауреаты Международного конкурса Ульяна Шереметьева и Марина Гершенович".

"Международного" написано с большой буквы. За будущее тревожно всем — явление это вне географии.

— Ой, ну прям как твои Манна Мохнатова и Мандарина Ливановна, — глумится Медуза.

— Да уж они обе всё же позначимее Ебенщикова или, тем более, Бутербродского, — без выражения возражаю я, не поддаваясь на провокацию.

— Ты отлично знаешь, что я не переносу экзерсисы Бродского! — возражает она. И тут же раздражается экспромтом, написанным, как я уверен, всё же заранее:

"И выплывают на стремнину
Плоты с босыми мудаками —
Мудилы алчно рвут свинину,
Едят руками".

— Красиво... — одобрительно замечаю я. — Образно. А главное, можно без потери качества подставить в строку что угодно... — Я задумываюсь.

"Поэты травят Хейфец Нину
Бурундуками..."

— Тоже хорошо, — соглашается Медуза. — А что это за Нина?

— Просто Нина... — отвечаю я. Интернетов еще нет, и тут же проверить сказанное про Хейфец невозможно.

— А бурундуки... — простодушно интересуется Медуза. — Они какие?

— Как Чип и Дейл... — охотно поясняю я.

— О-о! — восторженно восклицает она. — Это как мы с тобой. "Чип и Дейл спешат на помощь..." А ты точно сможешь угнать автобус?

В ответ я молчу, а мы тем временем подходим к телефонным кабинетам.

А потом была поездка в Италию. Там, недалеко от Венеции, у меня давно уже отсвечивала одна бывшая подружка, которая, если судить по нашим письмам друг другу, была не совсем бывшей — либо ее итальянский муж как-то не соответствовал, либо местный язык был ею еще не вполне освоен... в общем в переписке мы делились многим, даже слишком многим, и мне, понятно, очень хотелось увидеть воочию, как она там устроилась.

Медуза же страшно любила море, что неудивительно для выходцев из Свердловска, да и прозвище ее тоже что-то об этом говорило.

В общем, мы забронировали по почте квартиру в Лидо-ди-Езоло, в двух шагах от Венеции, а мой шеф на работе расщедрился и разрешил мне ехать в Италию на служебном бусе — если, понятно, я за свой счет оформлю на него дополнительную заграничную страховку от ущерба.

Всё это в целом выходило по деньгам почти как расходы на самолет и отель, но все мы трое закоренелые интроверты и не выносим перемен — так что дорога и проживание "своим домом" чудненько нас устраивали, а мне так еще и доставляли возможность без особых проблем и в любое удобное мне время навестить мою бывшую милую, по женским статьям, кстати, весьма походившую на Медузу — и ростом, и осанкой, и жирностью, если можно так выразиться — в контроверсном смысле конечно: обе дамы были скорее худы, чем упитаны — следствие напряженной внутренней нервной деятельности.

Дорогу от Дюссельдорфа до Венеции описывать незачем — это просто дорога. Торопиться нам было некуда — еще один плюс самодетельного отпуска без услуг перевозчиков и отельеров. Маршрут я выбрал специально не самый скорый, по нервным европейским трассам, забитым автотранспортом в три ряда, а самый прямой, включавший в себя и австрийские Альпы с заснеженными вершинами, и пологие итальянские Доломиты, и наконец просто сельские итальянские дорожки, шедшие параллельно автострадам, на которых транспорт уж как-то очень теснился, не говоря о поборах, которые следовало уплатить на них при выезде.

В туристском агентстве в Лидо-ди-Езоло с нами вежливо поговорили по-английски, выдали ключи от квартиры и отксеренную карту города — в общем, через час по приезде в этот уютный городок мы уже таскали из буса наверх, в квартиру, наши припасы, включавшие среди прочего увесистый мешок немецкой картошки — еще один плюс самодетельной организации отдыха.

Медуза, переодевшись по-южному, тут же отправилась на пляж, ее Мандрей подался обследовать окрестности, а я по-быстрому сбежал в ближайший продуктовый и, запасясь там конфетками, чипсами и бухлом в виде дешевого местного бренди, уселся за комп рисовать свои мультики, которые в те времена были главным моим хобби помимо пьянства и попыток скорого обогащения. Компьютер, как это наверно понятно, мы тоже привезли с собой в бусе, не позабыв прихватить к нему увесистый трубочный монитор и даже лазерный принтер — мало ли что может произойти в путешествии...

Так он и тёк, этот отпуск: неторопливо и безо всякого стресса. Медуза с утра отправлялась к морю, Андрей брёл в ближайший ларек за немецкой газетой — через пару дней, кстати, мы обнаружили там и российскую прессу, — я же, подремав с часок после утреннего кофе, усаживался рисовать мультики. Иногда мы созванивались с моей бывшей и, если для встречи не возникало препятствий со стороны итальянского мужа, я после часа пути на бусе по живописным местным дорогам подбирал ее где-то в условленном месте на краю их уютного городка, мы отъезжали подальше "на землю", как это тут у нас говорится, то есть в совсем уже сельскую местность, обильно завтракали по второму разу в какой-нибудь деревенской кафешке, а потом забирались в пронизанную солнцем рощицу и предавались там ностальгии, не особенно

даже предохраняясь — с учетом замужнего статуса моей нежной подруги.

А потом Медуза получила открытку по почте и тут же помчалась на улицу к телефону звонить в Дюссельдорф.

Когда она вернулась обратно, на ней, как говорят в таких случаях, не было лица. Андрея в квартире не было — он по-прежнему с каким-то необъяснимым упорством обследовал Лидо-ди-Езоло, как будто бы собираясь купить здесь недвижимость или по меньшей мере возвращаться в этот городишко еще неоднократно.

— Фома в тяжелом состоянии... — прошептала Медуза с порога побелевшими от волнения губами.

— Заболел? — поднял я брови. — Авария?

Фома относился к полудюжине ее ближайших приятелей.

— Да нет... — проговорила она. — Он угодил под толпоёб...

— Что, задавили? — разинул рот я. — Насмерть?

Толпоёбами у нас тут называют полицейские водометы для разгона не санкционированных властями демонстраций.

— Не задавили... Струей его швырнуло об столб головой, и что-то в башке повредилось с концами. Добегался парень по митингам ультра-левых...

Она заплакала.

Я, понятное дело, принялся ее утешать...

Как-то само собой получилось, что в этот процесс вовлеклись сперва руки, потом губы, а потом, так сказать, гениталии... — что при наличии где-то неподалеку радикала Андрея было по-настоящему опасно.

— Ну вот и свершилось... — прокомментировала наши действия Медуза, когда они естественным образом завершились. — Я, кстати, втайне уже подумывала о ребенке... Иначе незачем жить.

— Каком это ребенке? — удивленно переспросил я.

— От тебя... каком... — цинично пояснила Медуза и скривила губы.

— Здрасьте-пожалуйста... — не нашелся я что на это ответить.

— Вот тебе и здрастье, — снова скривилась Медуза. — А ты думал что я железная?

— Да, — просто ответил я.

— Нахуй эту Италию, — объявила нам Медуза наутро, поднявшись с бледным лицом и кругами вокруг глаз. — Поехали в Дюссельдорф. Надо спасти Рабана.

— Какого Рабана? — без выражения поинтересовался привыкший ко всяким фокусам Медузы Андрей.

— Эдуард Рабан, известный художник с Урала... — охотно пояснила Медуза. — Точнее, теперь уже можно сказать из Вены.

— И что? — уточнил муж.

— Вел среди масс трудящихся подрывную работу против международного капитала, — нахмурившись проговорила наша спутница. — Теперь вот лежит с пробитой головой...

— А-а-а... — понял наконец Андрюха.

— Давайте, мальчики... Собираемся, — повторила Медуза. — А то еще пара таких ночей — и я вам устрою тут мрачную жизнь.

В ее способностях мы оба ничуть не сомневались, а потому без слов принялись паковать и таскать вниз, в машину, вещи. До срока по найму квартиры оставалось всего пять дней, а вернуться из отпуска раньше — это ведь тоже своего рода приключение.

— А Хаматова не внучка Ахматовой? — подлизываясь, поинтересовалась у меня Медуза, когда мы, сдав в турбюро ключи от нашей квартиры, вырулили на четвертую автостраду, называемую еще *Serenissima*, то есть безмятежная, и покатали в сторону Падуи.

Я промолчал, скроив непонятную гримасу и крепко держа руками руль.

— Ну и пожалуйста... — обиделась она. — В кои-то веки придет в голову остроумная шутка... Чёрствые вы... Уеду я от вас...

Персики в Германии редко бывают нормальными, спелыми. Оно и понятно — кому в торговле охота возиться с подтекающими соком созревшими плодами, которые к вечеру совсем испортятся, когда можно ввезти в страну недозрелых; законопослушные немцы всё равно раскошелятся, а плоды дома разложат рядами на подоконниках, дожидаясь несбыточного.

Именно это и было причиной закупки перед отъездом в местном сельпо сразу двух деревянных ящиков огромных, мягких и совершенно созревших персиков, обильно покрытых мохнатым пухом, вид которого у человека испорченного вполне мог бы вызвать грёзы эротического характера.

Теперь в багажном отсеке у буса пахло реальным югом, и мы навевались туда полакомиться на каждой остановке в пути — по поводу и без повода. Своей итальянской приятельнице я позвонил откуда-то с дороги и извинился за внезапный отъезд — с нею у нас была намечена

встреча, наша последняя встреча, которой так и не суждено было состояться: последней теперь оказывалась предпоследняя.

Домой мы доехали быстро — дороги тут от Венеции чуть больше тысячи километров.

А дальше потянулись суровые будни.

В один из таких дней у меня на квартире без звонка и предупреждения появилась Маша, ближайшая подруга Медузы, ее, можно сказать, наперсница.

— Я понимаю, что это выглядит глупо, но я реально не могу больше скрывать свои чувства, — заявила она с порога.

— Какие чувства? — не понял было я.

— В моих мечтах мы с тобою уже давно вместе, — пояснила моя гостья.

— А Николенька? — удивился я. — А ваши совместные дети?

— Это ничего не меняет... — насупилась Маша и мрачно процитировала: "Я знаю, ты мне послан богом, до гроба ты хранитель мой...".

— Это Пастернак... — попытался я перевести стрелку.

— Это Пушкин, дурашка! — улыбнулась Мария. — И я никуда отсюда теперь не уйду. Можешь начинать меня выгонять...

— Ну зачем же выгонять... — раздумчиво проговорил я. — Мы не хазары какие-нибудь... Понимание имеем... — И я тоже осторожно улыбнулся.

— Кстати о хазарах... — продолжила гостья. — Ну, или о караимах. Медуза в курсе моего визита... если тебе это интересно.

"Без меня меня женили, сучки... — с досадой подумал я. — Почему я всегда попадаю в такие истории?"

Не буду описывать этот наш первый совместный вечер: тут было много неловкостей, и трения, и недоразумений — но постель как-то быстро всё сгладила и проснулись наутро мы почти что приятелями.

Пока Маша плескалась в душе, я позвонил Медузе.

— Ну что, всё получилось? — без здравствуйте и досвиданья поинтересовалась она.

— Ты знаешь... — начал я, не находя слов.

— В тебе я не сомневалась, — перебила меня Медуза. — А как Маша?

— Маша с утра решила помыть себе тело... — проговорил я.

— Ага... — без выражения отозвалась Медуза. И добавила без всякой связи с предыдущим: — А я не беременна, вот... Ну, с того раза...

— Вот и чудненько, — отозвался я. — Поздравляю.

И мы положили трубки.

Что меня выручает в жизни — так это, конечно, юмор. Не все и не всегда его понимают, но мне самому от него становится веселее, а это позволяет легче переносить разные невзгоды.

...Той зимой я менял квартиру: новая подвернулась задешево в самом центре и ее не следовало упускать. Маша, надо сказать, помогала мне где только могла — настолько, понятно, насколько позволяли ей это заботы о троих детях Николеньки, которые при разводе все остались у нее шее, так решил суд.

К тому времени наши отношения перешли в какую-то... мечтательную фазу; каждый открывал в другом всё новые грани и качества. Мы много рассказывали друг другу о прошлом, тем более что прибыли в Бундес из одного города. Это, конечно, сближало... — но не делало ближе. Всё у нас было разным — детство, мысли, мечты, предпочтения...

...Наступил вечер пятницы. За окнами, подсвечиваемый пестрой рекламой с пешеходки, неторопливо падал декабрьский снег. Приближалось немецкое Рождество. На улочке внизу даже к полуночи было не протолкнуться возле ларьков и киосков со всякой рождественской всячиной.

Маша стояла в глубине комнаты, у окна, и глядела на зимнюю улицу, на которой шумел и искрился предпраздничный базар. Света мы не зажигали, чтоб не спугнуть, как это говорится, очарование.

Что-то было сегодня в Маше особенно романтическое — какие-то грезы из детства, возможно, которыми она еще не успела или же постеснялась со мной поделиться. Квартира была завалена коробками, деталями мебели, какими-то торшерами и этажерками — я тогда еще был далек от минимализма, который предпочитаю сегодня.

Рядом с Машей к коробкам было приставлено большое фигурное зеркало, которое я собирался пристроить в прихожей. Стекло покрывал ровный слой пыли — еще из подвала, в котором хранилось это сокровище до переезда.

Маша отрешенно отстранилась от зимнего окна, медленно перевела взгляд на зеркало... и какие-то механизмы домохозяйки очевидно запустились в ней независимо от сознания. Она протянула ладонь к запястному зеркалу.

Я внутренне подтянулся, чего-то ожидая — тоже весь какой-то встрепанный и романтический.

"ПЛОХО" — вывела Маша по пыли быстрым пальчиком.

— Тебе плохо? — тихо спросил я и подумал: "Она сегодня как в заколдованном царстве...".

Женщины живут эмоциями — это известная вещь. Не стоит пытаться уследить за ходом желаний и образов, пролетающих в пару мгновений в их светлых головках.

— Что? — переспросила она по прошествии долгой паузы, как будто бы просыпаясь. И снова повернулась к окну.

Ее дыхание покрывало морозное стекло островками тумана.

— Что? — снова спросила она, не оборачиваясь. Пальчик ее опять что-то чиркал на запотевшей поверхности.

Я подошел к ней сзади и заглянул из-за спины.

"ХУЙ" — стояло большими печатными буквами на таявшей в тепле комнаты дымке стекла.

"А она непроста... — подумалось мне без удивления и досады. — И нам однозначно не по пути..."

Тем временем мне снова начали приходить открытки из Италии.

Моя бывшая пассия, так же как и Медуза, избежала беременности, но отношения с мужем у нее еще летом реально разладились: она, о чем-то задумавшись, ступила однажды на палубу его обожаемого катера не сняв уличной обуви, да еще и протопала по лакированным доскам почти что до самого носа.

Муж устроил безобразную сцену с упреками, она в ответ наговорила ему резкостей — в общем, их отношения затрещали, тем более что и союз этот был скорее формальным: муж, на двадцать лет старше, кичился перед знакомыми молодой русской лялей почти так же, как своей яхтой — экзистенциальный кризис, как видно, встречается даже в Италии с ее древней и славной историей и приятным солнышком.

Можно было, конечно, наскоро развестись — ничего совместного супруги еще не нажили, но у моей бывшей подруги вскоре кончалась двухлетняя рабочая виза, по которой она в свое время въехала в стра-

ну, а вид на жительство по браку рассматривался их местными властями уже многие месяцы: возможно, там требовалась взятка, как в отдельных российских инстанциях — итальянцы насчет коррупции недалеко ушли от наших.

Моей подруге надо было что-то делать: или срочно искать на месте нового мужа — или ехать ко мне в Бундес и тут затевать ту же бодягу: регистрировать в Дании брак, потом легитимировать его у немцев, потом просить у них же пособие на жизнь, потом учить язык...

Вот об этом она мне и писала.

Перспектива брака с неудавшейся итальянкой меня в общем-то не пугала: у нее были длинные стройные ноги, масса милых волнительных пунктиков в характере, хорошая женская мягкость — и много еще чего... "Я привязчивая как собачонка..." — так она сама о себе говорила, и в это легко верилось. Да и знакомы мы были уже чуть ли не пять лет.

Ее пугал новый язык. Строительный институт, который она окончила на родине, был не формальным дипломом, а ее реальным жизненным интересом — ей не хотелось клушей сидеть дома, а все эти пролеты, фасады и фермы перекрытий ее конкретно вставляли: на родине я не раз заставлял ее за чирканьем на подвернувшемся листке бумаги каких-то архитектурных эскизов. И это в ней меня тоже по-взрослому привлекало.

Дело было за немногим — найти работу в строительной фирме. По-итальянски она говорила свободно и бегло, а вот немецкий был почти на нуле — его еще предстояло поднять. То есть рассчитывать на работу по профилю здесь в стране можно было разве что через годы. Всё это мы обсуждали теперь в письмах и открытках.

Медуза продержалась тогда, после появления у меня Маши, чуть больше недели. Очевидно, идея свести меня с приятельницей была ее собственным планом — бездарным планом.

И вот у меня зазвонил телефон.

— Вы вообще молодцы оба... — процедила в трубку Медуза. — Предатели.

— Чего это мы предатели? — удивился я.

— Раньше у меня были и ты, и она, — пояснила она. — А теперь никого... "Насы без обмана мне в оба кармана..." — вот как это всё называется. И что мне теперь с этим делать?

— А ты... стесняюсь спросить... разве ты не сама устроила эту аферу?

— Ну и сама! — завопила она. — Ну и что! Я просто ошиблась! Что ж мне теперь — сидеть в выходные с мужем Мандреем, пока вы там любитесь?!

— Мы нисколько не любимся...

— Любитесь! Мария пока еще всем задушевно со мною делится.

— Ты хищница! — строго констатировал я. — Тебе подавай сразу всего и много. Не знал...

Мы еще немного поперекались, потом она слегка всплакнула, и наконец мы положили трубки — оба уставшие от разговора и раздосадованные.

А потом Маша заметила у меня в парадной в почтовом ящике что-то беленькое, вытащила, видимо желая быть полезной, конверт через щель, умело используя пилку для ногтей... — и тут же у ящика вскрыла и прочла письмо из Италии.

— Ты создаешь ощущение что ты есть... — прошипела она, когда я открыл ей дверь квартиры. — А на самом деле тебя нет. Ты вон жеманиться собрался на какой-то там итальянке.

И она помахала у меня перед носом вскрытым конвертом.

— Кто-то сейчас снова поедет домой... — строго отреагировал на это я. — Это не какая-нибудь итальянка... Она была со мной гораздо раньше тебя. И у нее сейчас реально проблемы. Или ты считаешь что мне теперь следует ее вычеркнуть? Потому что у тебя ко мне типа чувства...

Я забрал конверт у нее из рук и сунул его в ящик секретера.

— Человек попал в беду, — мрачно проговорил я. — И не смей больше за мной шпионить, ноги вырву. Фигурально выражаясь, конечно...

Кстати, кто-то, наверное, спросит: а почему Медуза?..

Да потому что бедра ее, несмотря на поджарый в общем-то вид, немного колыхнутся, если разместить их свободно, лежа, на каком-то устойчивом основании типа дивана или постели и слегка подтолкнуть ладонью. Дело тут, вероятно, в особой структуре мышц и соединительной ткани. То же касается и груди Медузы — она у нее тоже колыхнется. Точнее, они...

Впрочем, теперь это всё уже далеко в прошлом: сейчас, когда я это записываю, Медуза пять лет как мертва — мертвее не бывает. У нее оказалась слабая переносица: от андреева прямого удара седло носа буквально ввалилось внутрь черепа: повреждения, не совместимые с

жизнью, как это по-ученому называется. А Николенька, которого муж целенаправленно выследил и застал тогда вместе с Медузой, — Николенька теперь невменяем. Ему тоже досталось по переносице — но лобная кость тут оказалась покрепче: теперь он сидит в инвалидном кресле у себя в богадельне и пускает слюни. Андрюша, понятное дело, сидит в тюрьме; аффектное состояние ему на суде засчитали — но всё равно в сумме срок получился немалый. Вот такая вот вышла история с этим долбаным экзистенциальным кризисом...

Медуза является мне в последнее время довольно часто — во снах и даже как будто бы наяву: в той самой — без верхнего света — комнате с окнами на шумящую пешеходку, в которой Маша чертила на стекле пальчиком свои символические знаки.

— Свежи меня в Любек... — говорит мне призрак-Медуза. — Хочу съездить еще раз на то место... взглянуть на свое тело. Пару минут тогда я была еще живая.

Я беру отгул на работе и еду на бусе в Любек — шеф мне многое разрешает.

Там я брожу по улицам возле бывшей квартиры Николеньки, чтобы призрак Медузы немного поуспокоился, затем ненадолго навещаю его самого в дешевенькой богадельне, в которую определила мужа рачительная Маша. Кто упрекнет за это несчастную женщину? — она и так осталась одна с тремя детьми.

Николеньке, который меня не узнает, я всегда привожу с собой шоколадку — "Марс" или "Сникерс", с орешками. Он вовсю пускает изо рта слюни, а увидев шоколадку, плачет и растирает по щекам слезы кулаками — такими бесполезными в нынешнем его поучительном положении.

Сергей Калабухин

Коломна

БЛАГО ДАРА

В длинном ряду тесно прижавшихся друг к другу павильонов эти два стояли рядом, что было очень удобно: Наталье Николавне не придётся мотаться в поисках нужных покупок

по всему торговому комплексу. В одном из магазинчиков продавали духовную пищу, в другом — мясопродукты. Стеклопакеты павильонов одинаково сверкали гирляндами разноцветных бегущих огней, поздравляя посетителей с наступающим годом Лошади. Наталья Николаевна замерла, как тот пресловутый Буриданов осёл меж двумя равными охапками сена, решая, в какую из двух дверей войти.

Праздников впереди было много. Католическое Рождество наступало уже завтра. Через неделю будет бессонная ночь Нового года. Ещё через неделю — родное православное Рождество. Ну а ещё через неделю, как обычно, нужно будет отметить и Старый Новый год. За двадцать пять лет семейной жизни Наталья Николаевна с мужем Васенькой ни разу не пропустили ни один из этих праздников, справедливо полагая, что календарь — дело искусственное: сегодня так дни считают, завтра — иначе, кто тут прав — никому точно не известно, так что лучше одинаково радостно отметить все даты, и тогда вероятность ошибки сведётся к минимуму.

Ещё пять лет назад это были семейные праздники. Но теперь сын Петечка живёт отдельно, собственной семьёй, и Наталья Николаевна могла только надеяться, что он в один из рождественско-новогодних праздников придёт в родной дом со своей женой Катей и дочкой Машенькой. Ну, или хотя бы забежит на полчаса сам, чтобы поздравить родителей и забрать подарки. Потому что с тех пор, как Петечка женился, Наталья Николаевна встречает Новый год в одиночестве. В первый год после свадьбы молодые собирались где-то своей компанией. На следующий Катерина забеременела и плохо себя чувствовала. Затем родилась Машенька, и Катя не могла её оставить, а везти на всю ночь в дом свекрови не пожелала, и Петечка, конечно, остался встречать Новый год с женой и дочкой, а в последний раз Машенька подхватила где-то под самый праздник толи простуду, толи грипп.

Конечно, Наталья Николаевна с Васенькой каждый раз очень расстраивались, но старались не показывать вида. Они дружно собирали в специальный праздничный пакет подарки для детей и внуки, бережно укладывали в сумку-холодильник пару лоточков обожаемого Петечкой холодца, кастрюльку с салатом Оливье и тортом Наполеон, собственноручно изготовленные Натальей Николаевной накануне, и ехали на другой конец города в битком набитом людьми автобусе, чтобы поздравить сына, сноху и любимую внучку с праздником. А потом возвращались домой, где вместо радостных голосов, шуток и весёлых тостов их ждал просто непривычно обильный и продолжительный ужин.

Наталья Николавна с тоской представила, как она в предновогодний вечер накрывает, как обычно, праздничный стол в большой комнате и зажигает гирлянды на ёлке. Васенька аккуратно, чтобы пробка осталась в его руке, а не стрельнула куда-нибудь в окно или люстру, открывает бутылку шампанского, и они выпьют по бокалу за наступивший новый год. А почему бы и нет? Пусть не в их городе, но где-то в Сибири или на Урале он же как раз в это время наступил! Тем более, что наши правители своими дурацкими играми с переходом на «летнее время» всё равно совершенно спутали все сроки. Так что, час туда, час сюда — какая разница?

Затем, обзвонив и поздравив детей, друзей и соседей, Наталья Николавна накладывает себе и мужу на тарелки по кусочку кролика, приготовленного в белом соусе, исходящую паром рассыпчатую картошечку, добавляет по паре ложек оливье и хрустящей квашеной капустки. Васенька открывает запотевший после холодильника графинчик водочки, на дне которого желтеют лимонные корочки, и разливает янтарную жидкость по старинным, оставшимся ещё от его родителей, гранёным лафитничкам. Так они и сидят весь вечер вдвоём, немного выпивая, не торопясь закусывая, и смотрят по телевизору какой-нибудь концерт или известный чуть ли не наизусть фильм «С лёгким паром!». А где-нибудь между десятью и одиннадцатью часами вечера Васенька отправляется спать, оставляя Наталью Николавну дожидаться, не понятно зачем, полуночи и поздравления президента. И будет она упрямо сидеть одна перед телевизором, пить чай с тортом Наполеон, слушать бессмысленные песенки давно надоевших поп-звёзд, взрывы петард и пьяные крики за окном. А утром, часов в шесть проснётся и придёт Васенька, они вновь откроют и допьют, наконец, бутылку шампанского, и Наталья Николавна в свою очередь пойдёт спать...

— Господи! — мысленно взмолилась Наталья Николавна. — Сделай так, чтобы на этот раз всё было иначе.

Она решительно распахнула дверь и вошла в книжный магазин. Здесь пахло свежей ёлкой и ещё чем-то приторно-сладким. Теперь, когда под давлением борцов за авторские права, книги в полном смысле стали одноразовыми изделиями, содержание которых доходит до мозга потребителя через желудок, отличить обычную конфету от рассказа можно только по фантику-обложке. Наталья Николавна протёрла запотевшие очки — делать операцию по коррекции зрения она категорически отказывалась, говоря Васеньке и сыну, что лучше потратит деньги на подарки Машеньке, — и пошла вдоль витрины, рассматривая названия «тортов»-романов, «шоколадных плиток»-повестей, «конфет»-рас-

сказов. В жестяных коробочках разноцветными «леденцами» блестяли в свете ламп стихи и анекдоты. Наталья Николаевна с тоской вспомнила времена, когда книги печатали на бумаге. Специфический шелест страниц, запах типографской краски — где это всё?

— Ну, выбрали что-нибудь? — искусственно улыбаясь, поторопила Наталью Николаевну продавщица. — Может, вам что-нибудь посоветовать?

Та попросила завесить ей новый роман Сэма Симмонса (Васенька обожает исторические боевики этого автора), кулёк фантастических рассказов разных авторов для Петечки, пару плиток с женскими детективами для Катерины. Сама Наталья Николаевна предпочитала перечитывать старую русскую классику, бережно храня свою небольшую библиотечку раритетных бумажных книг. Для Машеньки у неё была приготовлена стопка детских книжечек с красочными картинками, разрисованными разноцветными фломастерами ещё Петечкой, когда тот был пятилетним ребёнком.

— Зачем ты хранишь этот рассадник пыли? — время от времени ворчал Васенька. — Сама глаза испортила, хочешь и внучке зрение ломать? Сейчас, слава богу, читать ничего не надо: тексты прямо в мозг через желудок попадают.

— А если я удовольствие от самого процесса чтения получаю? — возмутилась как-то Наталья Николаевна. — Может, я хочу каждым словом прочитанным насладиться, над фразой подумать...

— Тоже мне, гурман какой нашлась! — отмахнулся Васенька. — Ну, не глотай роман большими кусками, ешь его маленькой ложечкой. Петька, вон, тоже весь в тебя уродился. Дашь ему рассказик какой-нибудь, так он его лижет, сосёт потихоньку, вместо того, чтобы сразу разжевать и проглотить. Смотреть противно!

— Тебе б только жрать! — срывалась на крик Наталья Николаевна. — Книжки — это же духовная пища, а не холодец.

— Так ведь сама ж говоришь — пища! — пожимал плечами Васенька и демонстративно шуршал фантиком-обложкой какого-нибудь рассказа, отправляя его в рот.

— У-у, потребители! — мычала в ярости Наталья Николаевна и уходила, от греха, на кухню, где долго потом гремела посудой, постепенно успокаиваясь.

«Что уж тут поделаешь? — вздохнула Наталья Николаевна, принимая из рук усталой продавщицы покупки. — Книгоиздание изменилось, и назад дороги нет. Хорошо хоть пираты не сдаются и как-то умудряются оцифровывать и выкладывать в интернет новые книги». Нет, она

вовсе не разделяла взглядов поборников «свободной информации». Просто привыкла именно читать текст, размышлять над ним, наслаждаться фразой или мыслью, а не заглатывать его, как кусок колбасы.

Наталья Николавна отошла от прилавка к столику, стоящему рядом с дверью, уступив место шумно ворвавшейся в магазин группе подростков. Закончив бережно укладывать покупки в сумку, она вдруг увидела, что снаружи, за прозрачной стеной магазина, тесно прижавшись лицом к стеклу, стоит ребёнок лет семи, жадно разглядывая широко раскрытыми глазами заполненную красочной продукцией витрину.

«Вот ведь чудак, — подивилась Наталья Николавна. — Вон же, напротив, люди толпятся в очередях за настоящими тортами и конфетами, а этот малыш любитесь фальшивыми». Приглядевшись повнимательнее, Наталья Николавна узнала в юном книголюбе одного из сыновей Нинки, своей непутёвой соседки снизу. Эта вечно пьяная, неопределённого возраста женщина появилась в их подъезде пару месяцев назад, поменяв ради доплаты свою трёхкомнатную квартиру в соседнем микрорайоне на двухкомнатную в их доме. Вера Иванна, всегда всё обо всех знающая соседка Натальи Николавны по лестничной площадке, рассказала ей, что муж Нинки пару лет назад полез пьяным в речку купаться и утонул. Та и сама пила не меньше мужа, была не раз им бита, а потому в полицию о его пропаже сообщать не стала, наслаждаясь внезапным покоем и свободой. И только когда «труп неизвестного мужчины» похоронили за счёт города, Нинка заявила о том, что её муж исчез.

— Эта лахудра всё прекрасно знала, — осуждающе поджимая губы, шептала Вера Иванна Наталье Николавне. — Просто не хотела платить за гроб и похороны.

— Ну что вы, — не верила Наталья Николавна. — Даже если и знала, может, просто денег тогда не было. Всё же у этой женщины трое детей на руках осталось.

— Совести у неё не было и нет, — отмела возражения Вера Иванна. — Не пила бы столько, и деньги бы были.

Да, резон в словах всезнающей соседки, конечно, был, признавала Наталья Николавна. Трое малолетних детей непутёвой Нинки целыми днями бегали на улице, потому что в их квартире немедленно образовался притон для окрестных алкашей, которых наступающая зима выгнала с детских площадок и дворовых скамеек. Сама Нинка нигде не работала, жила на пенсию, что ей платили за погибшего мужа, и детские пособия. Спиртное и закуски приносили собутыльники. Чем питались вечно голодные дети Нинки, никто не знал. Кое-какую одежду и

обувь, из которых выросли собственные сыновья, им отдали сердобольные соседи.

Вот и этот, самый младший, стоит на улице, за стеклом павильона, съёжившись от холода, одетый в старое и не раз латаное пальтецо неопределённого цвета, видимо, доставшееся ему после старшего брата, лохматую, сдвинутую на затылок собачью шапку-ушанку и растоптанные башмаки со шнурками разного цвета.

Наталья Николавна вздохнула, вспомнила красотульку Машеньку в новом зимнем комбинезончике и нарядных сапожках, вернулась к прилавку и купила пару «чупа-чупсов».

Выйдя из духоты магазина, Наталья Николавна подошла к мальчику.

— Здравствуй.

— Здравствуйте, — удивлённо повернулся тот к ней.

— Как тебя зовут?

— Саша, — шмыгнул носом мальчик. — А что?

— А я — Наталья Николавна, твоя соседка по подъезду. Любишь читать книги?

Мальчик как-то затравленно посмотрел на Наталью Николавну, вытер ладонью сопли и повернулся, чтобы уйти.

— Подожди, — удержала его Наталья Николавна. — Я вовсе не хотела тебя обидеть. Вот, возьми, — и она протянула ему «чупа-чупсы». — С наступающим тебя праздником, Саша! Это рассказы о приключениях мальчика по имени Денис Кораблёв. Моему сыну, когда он был в твоём возрасте, они очень нравились. Правда, тогда рассказы не нужно было сосать, и я читала их ему по бумажной книжке. Бери же!

— Спасибо! — Мальчик жадно схватил «чупа-чупсы» и, не разглядывая обложки-фантики, сразу спрятал в карман, словно боясь, что странная тётя передумает и заберёт подарок назад.

— Ты заходи ко мне, Саша, — смущённо сказала Наталья Николавна. — Я живу прямо над вами. У меня дома есть много хороших детских книг...

— Сашка! — раздался вдруг хриплый голос.

Наталья Николавна обернулась. Рядом стояла, шатаясь, пьяная Нинка. Под распахнутой облезлой коричневой шубой виднелся грязно-зелёный байковый халат. В углу ярко накрашенного рта дымилась сигарета.

— Опять ты здесь ошиваешься, дрянная девчонка! — мать грубо схватила ребёнка за шиворот старенького пальто и потащила прочь. — А ну, марш домой!

— Девчонка? — ошеломлённо проговорила Наталья Николавна. — А я-то, старая дура, ей мальчуковые рассказы подарила...

Она с жалостью в сердце проводила взглядом уходящую пару. Саша шла, скорбившись, не глядя по сторонам. Руку с зажатым в кулаке подарком она засунула в карман своего драного пальтишка. Нинка брела, опираясь на хрупкие плечи дочери, и громко материла её и встречающих прохожих.

Когда через полчаса нагруженная покупками Наталья Николавна вошла во двор своего дома, она увидела на качелях съевшуюся от холода фигурку Саши. Та сидела, закрыв глаза. Из рта у неё торчала палочка литературного «чупа-чупса», а на лице блуждала счастливая улыбка.

Вдруг завибрировала клипса-телефон.

— Здравствуй, ма! — услышала Наталья Николавна голос Петечки. — Как у вас там дела? У нас всё хорошо. Машенька немного покашливает, но температуры у неё нет. Так что, мы с Катюхой надеемся, что к Новому году она будет полностью здорова. Можно мы подбросим её вам на всю ночь? Видишь ли, нас пригласили за город отметить праздник на природе, с шашлыками и фейерверками. Детей никто с собой не берёт. Что скажешь? Дед не будет возражать? Чего ты молчишь, ма?

МАХМУДЫЧ

Виктор Иванович маялся. До конца года оставалось почти четыре часа, значит, гостей ждать ещё не менее двух часов! Придут, как обычно, сваты и соседка Зинка. Дочка с зятем приведут внука Мишку.

Виктор Иванович с завистью смотрел в окно на бредущие по тротуару весёлые, явно уже поддатые компании. Через дорогу, в офисе торговой фирмы, давно гремит музыкой и танцами праздничный корпоратив. Несколько парней выскочили из дверей фирмы и начали готовить запуск шуток. Сквозь украшенные надутыми шариками и мигающими разноцветными гирляндами стёкла окон за ними следили оставшиеся в тепле помещения остальные сотрудники фирмы. Некоторые из них при этом что-то прихлёбывали из высоких бокалов.

Виктор Иванович выругался и задёрнул шторы. Когда же, наконец, закончится это мучительное ожиданье? Все были при деле: дочка с зятем повели внука во дворец на ёлку. Жена, Клавдия Петровна, заканчивает готовить закуски на кухне. Сваты час назад завезли какие-то ка-

струюльки и свёртки и тут же уехали по магазинам: что-то не успели найти и купить. И только Виктор Иванович маялся не при делах. Ёлка уже давно наряжена. Гирлянды исправно горят — Виктор Иванович проверил несколько раз. Ковры выбиты на свежевывавшем снегу и вдобавок пропылесосены. Мусор вынесен. Праздничные гирлянды развешены. Все необходимые продукты закуплены. Подарки под ёлку сложены. Посреди комнаты в ярком свете отмытой накануне Клавдией Петровной люстры сверкает хрусталём бокалов и начищенным мельхиором вилок праздничный стол. Вазы горбятся румянобокими яблоками, оранжевыми мандаринами, жёлтыми апельсинами, зелёным кишмишем и лиловым виноградом. Исходя соком, нежится под радужными кольцами репчатого лука разделанная селёdochка. В салатницах аппетитно притягивают глаз давно обрусевший «оливье» и «фирменные» салаты сватьи: рыбный, из кальмаров, крабовых палочек, с зелёным горошком, кукурузой или ананасом — всех не перечить. Любила и умела сватья готовить салаты. Розовели тарелочки с тонко нарезанной красной рыбой и докторской колбасой. Желтел и остро пах сыр. Аппетитно блестели маринованные грибочки, манили мятыми боками солёные помидоры, зеленели пупырчатые огурчики. Но более всего притягивали жадный взгляд Виктора Ивановича несколько разноцветных и разномастных бутылочек, сгруппировавшихся в самом центре новогоднего стола. Тут были и блестящая золотом фольги высокая бутылка розового шампанского «Абрау Дюрсо», и почти не отличающаяся от неё бутылка безалкогольной детской шипучки (для внука), хрустальный графинчик самодельной черносмородинной наливки (Клавдия Петровна сама делала!), нестандартная бутылочка таллинского бальзама, пузатый коньячок, «огнетушитель» белого вина и две бутылки водки. Эти две последние и вызывали маету Виктора Ивановича.

— Нет, ну кто сказал, что в последний день года надо пить только по расписанию? — возмутился Виктор Иванович. — Сначала проводить старый год, потом, после речи и тоста президента, под бой курантов встретить новый. Где это написано? В каком законе? Вон, — покосился Виктор Иванович на окно, за которым шумел корпоратив, — нормальные люди давно уже празднуют!

Эх, если б не категорический запрет Клавки...

Виктор Иванович в раздражении плюхнулся на диван и начал жать на кнопки пульта, переключая каналы телевизора. Везде пили, пели и бесновались одни и те же морды, осточертевшие Виктору Ивановичу и в будни: те же бессмысленные песенки, те же идиотские шуточки. Казалось, вся эта попсовая шатия-братия и типа поёт для себя любимой,

и типа шутит для себя, сама себя при этом нахваливает и награждает. А Виктор Иванович и все прочие люди ей абсолютно без надобности.

Матерясь сквозь зубы, Виктор Иванович жал на кнопки пульта, благо в цифровой приставке к телевизору было каналов за сотню, и наткнулся, наконец, на старую советскую комедию. На экране возник уставленный бутылками и закусками стол. Вдоль него шёл как всегда пьяненький артист Вицин и громко возмущался скороспелостью нынешней свадьбы. Виктор Иванович с умилением смотрел, как Вицин, игравший отца многодетной невесты, мимоходом прихватывает со стола бутылку самогонки, укрывая её от глаз жены собственным телом, щедро плещет в гранёный стаканчик и смачно выпивает. Виктор Иванович даже сглотнул набежавшую слюну, так понравилась ему увиденная сцена. Но бдительная жена, мать невесты, уже тут как тут, и коршуном бросается на Вицина.

— Не тронь! — кричит тот, не позволяя отобрать у себя бутылку и стакан. — Не тронь моё самосознание!

— Правильно! — подхватился с дивана Виктор Иванович. — Пусть президент по расписанию принимает. А у нас своё самосознание имеется!

Виктор Иванович грозно посмотрел в сторону кухни, где жена Клавка заканчивала варить в кастрюле картошку, жарить на сковороде мясо и тушить в духовке кролика. Ароматы с кухни доносились сногшибательные. Виктор Иванович решительно цапнул со стола бутылку водки и резко крутанул пробку. Пробки на нынешних бутылках стали хитрые. Их не надо теперь выдёргивать штопором или снимать, разрывая алюминиевую крышечку. Виктор Иванович взял фужер и потряс над ним бутылкой. Не вылилось ни капли! В нетерпении, Виктор Иванович крутанул пробку в другую сторону. Раздался оглушительный хлопок, вылетевшая пробка больно ударила Виктора Ивановича прямо в лоб, и из бутылки повалил густой белый дым. Виктор Иванович в панике выронил бутылку и рухнул на диван. Дым быстро уплотнился в тощую фигуру седобородого старика в зелёном восточном халате и чалме.

— Хоттабыч, блин! — растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая зудящий лоб.

— Махмудыч, — строго поправил его старик.

— Один хрен, — махнул рукой Виктор Иванович.

— Раба любой может обидеть, — скорбно промолвил джинн.

— Раб, значит? — усаживаясь поудобнее, начал соображать Виктор Иванович. — Любое моё желание исполнишь?

— Почти, — обречённо вздохнул Махмудыч. — Я — специалист по удовольствиям. Что желает хозяин?

— Для начала восполни недостачу на столе, — потёр руки Виктор Иванович.

— Понял, — сказал старик, вырывая волосок из своей длинной бороды. — Я читаю желания хозяина без лишних слов.

На столе появилась новенькая бутылка водки.

— Ну, раз без слов... — довольно улыбнулся Виктор Иванович и взял со стола фужер.

— Извини, хозяин, — развёл руками Махмудыч. — Я обеспечиваю удовольствия, а не отравление. Алкоголь — яд!

— То есть как? — удивился Виктор Иванович. — Что ты несёшь, старик? Что же тогда, по-твоему, удовольствия?

— Удовольствия бывают трёх видов, и все они связаны с мясом, — взмахнул широкими рукавами халата джинн. — Можно ездить на мясе, вкушать мясо и вводить мясо в мясо. Начнём с первого?

Старик дёрнул волосок из бороды, и перед Виктором Ивановичем возник живой конь. Виктор Иванович ойкнул и запрыгнул с ногами на диван.

— Настоящий арабский жеребец! — восхищённо прищёлкнул языком джинн.

Конь шумно вздохнул, взял губами яблоко из ближайшей вазы и смачно захрустел им.

— Каков красавец! — приплясывал рядом Махмудыч, гордо поглядывая на очумевшего Виктора Ивановича.

От жеребца, мягко говоря, пахло. В брюхе коня громко заурчало, он потянулся за вторым яблоком и начал задирать хвост...

— Убери его! — завопил Виктор Иванович, поняв, что сейчас произойдёт. — Немедленно!

— Хорошо, хорошо, — разочарованно дёрнул из бороды следующий волосок джинн.

Конь исчез. На вычищенном и пропылесосенном два часа назад Виктором Ивановичем ковре парила и воняла кучка свежего навоза.

— И это убери! — истерично взвизгнул Виктор Иванович. — И запах!

Махмудыч безропотно вырвал ещё один волосок.

Виктор Иванович слез с дивана и осторожно потрогал ковёр. Тот был чист и сух.

— Что случилось? — на крик Виктора Ивановича из кухни прибежала Клавдия Петровна. — Кто это?

— Дед Мороз, — отмахнулся от неё Виктор Иванович.

— Махмудыч, — обиженно поправил хозяина джинн.

— Какой ещё Махмудыч? — грозно спросила Клавдия Петровна. И тут она углядела в руке Виктора Ивановича фужер и валяющуюся на полу пустую водочную бутылку. — Та-а-ак! — протянула Клавдия Петровна. — Гостей дожидаться не можешь? С первым встречным водку пьёшь! Алкаш несчастный!

— Объясни ей, — устало махнул рукой Махмудычу Виктор Иванович.

— Понял, — кивнул тот и дёрнул волосок из бороды.

Клавдия Петровна застыла на полуслове, переваривая информацию.

— Что, настоящий джинн? — вытаращилась она на Махмудыча.

— Второе удовольствие и без меня уже готово, — принялся к кухонным ароматам Махмудыч. Клавка охнула и убежала на кухню. — Может, перейдём к третьему?

— Ты думай, что говоришь, — показал глазами на вновь появившуюся в комнате жену Виктор Иванович.

— А в чём проблема? — удивился джинн и дёрнул из бороды волосок.

На глазах Виктора Ивановича толстенькая полуседая Клавдия Петровна преобразилась в молодую фигуристую красотку, везде, где надо кругленькую и аппетитную.

— Ну, как? — гордо спросил Махмудыч и распахнул дверь спальни.

— Ой, — потрясённо воскликнула Клавдия Петровна, разглядывая себя в зеркалах трюмо.

— Да-а... — промычал Виктор Иванович. — Вот так Снегурочка! Ну, Хоттабыч! Ну, угодил.

Он потянулся к красотке, но та ловко вывернулась и больно треснула Виктора Ивановича по рукам.

— Не лапай! Ишь, шустрый какой.

— В чём дело? — возмутился Виктор Иванович.

— У нас тут не Восток, и я не в гареме, — сверкнула прекрасными глазами Клавдия. — Удовольствие должно быть взаимным. От тебя и от молодого толку в постели было немного, а сейчас и подавно.

— Хоттабыч, — оскорбился Виктор Иванович. — Разберись.

— Махмудыч! — сквозь зубы прошипел джинн. — Хозяин хочет, чтобы его женщина получила удовольствие?

— Да! — рявкнул Виктор Иванович. — Хочу. Выполни её желание. И перестань меня всё время поправлять.

— Как угодно хозяину, — поклонился джинн и дёрнул волосок из бороды. Глаза его коварно блеснули.

«Интересно, в какого красавца он меня превратил?» — подумал Виктор Иванович и повернулся к трюмо. Но из зеркала на него смотрела знакомая пузатая фигура с лысой головой и плохо выбритым морщинистым лицом.

— Эй, Хоттабыч, в чём дело? — разгневанно обернулся к джинну Виктор Иванович.

Но вместо тощего седобородого старика перед ним стоял молодой красавец с фигурой Жана Марэ и лицом Алена Делона.

— Извини, хозяин, — ехидно ухмыльнулся красавчик. — Ты сам велел мне выполнить желание твоей жены. А теперь покинь спальню — пришла пора удовольствий.

— Верни всё в зад! — взревел Виктор Иванович. — Ну, Клавка...

— Не могу, — засмеялся Махмудыч, демонстративно поглаживая голый подбородок. — Придётся подождать, пока снова отрастёт моя борода.

Джинн ловко вытолкнул Виктора Ивановича из спальни и закрыл дверь.

— Ах ты, тварь! — заорал Виктор Иванович. — Неблагодарный раб! Я вам покажу удовольствия!

Виктор Иванович схватил с пола бутылку, из которой появился в его квартире наглый джинн, и со всей дури швырнул её в дверь спальни. Бутылка, как резиновая, отскочила от двери и долбанула Виктора Ивановича твёрдым донышком прямо в лоб. У того от боли и обиды из глаз брызнули слёзы. Он сидел на полу и ревел, как пацан, потирая лоб и размазывая по щекам слёзы и сопли.

— Витя, что с тобой? — вдруг услышал он над собой встревоженный голос жены.

— Пошла вон, шлюха! — рыдал Виктор Иванович. — Предательница! Возвращайся к своему Хоттабычу, или как там его.

— Нажрался уже! — зло вскрикнула Клавдия Петровна. — Не утерпел, алкаш несчастный.

Виктор Иванович протёр глаза. Перед ним стояла разгневанная жена. Не молодая сексапильная красотка, а родная, расплывшаяся от времени и забот Клавдия Петровна. В старом домашнем халатике, с подвзанным кухонным фартуком. Из-под косынки выбились пряди седых волос. От неё вкусно пахло жареным мясом и специями.

— А где джинн? — растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая шишку на лбу.

— Какой ещё джин? — закричала Клавдия Петровна. — Тебе что, водки мало? Вот придут к внуку Дед Мороз со Снегурочкой, у них и проси хоть джин, хоть виски. А сейчас немедленно наведи здесь порядок. Мне некогда за тобой прибираться. Скоро гости придут, а я ещё не одета.

И Клавдия Петровна ушла в спальню, громко хлопнув дверью.

Виктор Иванович услышал бульканье. Из лежащей рядом знакомой посуды джина Махмудыча толчками вытекали остатки водки. За окном с пулемётным треском взрывались петарды. Видать, испугавшись первого взрыва, Виктор Иванович уронил бутылку и, нагнувшись за ней, со всего маху приложился лбом о край стола.

Виктор Иванович поднял злополучную бутылку, встал и вытряхнул в рюмку остатки водки. Смакуя, выпил. Водка оказалась обычная, не палёная и не разбавленная. Виктор Иванович отнёс пустую бутылку в мусорное ведро. Взяв швабру, он задумчиво повертел её в руках и поставил на место.

— Ну, лужа на ковре, — подумал он. — И что? Не конский же навоз. Сама испарится.

«Вы что, водкой полы моете?» — вспомнилась ему фраза из спектакля «Дни Турбиных».

— Моем! — хихикнул Виктор Иванович.

Он достал из холодильника новую бутылку водки и, с опаской, посмотрел её содержимое на свет. Жидкость как жидкость, ничего постороннего не плавает. Виктор Иванович потрогал шишку на лбу и захохотал.

— Ну, Хоттабыч, попадётся ты мне!..

СТИХИ

Иван Нечипорук

Горловка, Донбасс

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ
«НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПРОУЛКИ»

В тихом небе пролетая, стаи
Тают в тусклом свете октября.
Кельну пышных красок не хватает —
Скверы не пылают, не горят.

Как тебя, мой друг, я понимаю,
Что над Рейном так октябрь несмел...
На лету кленовый лист поймаю
И отправлю поутру в письме.

ПРАЖСКАЯ ОСЕНЬ

Над плавною Влтавой сегодня гуляют ветра
И влага на землю течёт из небесной корчаги...
Казалось, что вечность прошла, хоть расстались вчера
С тобой ненадолго, а в душу врывается страх,
Я шлю тебе письма листвою, плывущей из Праги.

А осень беспечно кружится, сомненья клубя,
И шепчет о строках и тайных желаньях вчерашних...
Пусть город сегодня постылою грустью объят,
Мне кажется — миг, и я снова увижу тебя,
На нашем мосту, где парит Староместская башня.

Не торопись перевернуть страницу,
Не уходи, сливаясь с синевою!
Шумит Садовое кольцо столицы,
И время обезумевшее мчится,
И плачет осень юною вдовой.

Смотри, Арбат — октябрьская планета,
На ней найдётся место для двоих.
Пусть стонет дождь, забудь про все приметы,
Моя душа тобою лишь согрета,
Не обрывай рождающийся стих!

Давай прогуляемся вместе к сошествию рек,
Где осень жеманна, где Лóпань вливается в Уды.
Давай же отбросим злословия и пересуды,
Ведь с осенью слиться душою, пожалуй, не грех,
И в юную сказку поверить с надеждой на чудо.

Пусть вербы, тревожась, загадочно шепчут нам вслед,
Пусть вздорные сойки стрекочут в рыжеющих клёнах.
Назло октябрю пробивается мятлик зелёный,
Здесь празднику солнца сегодня препятствия нет,
Где осень и мы, и поэзии мир открылённый.

ГОРОД КРЫЛАТОГО ЛЬВА

Каналы, гондолы, туристы и птицы —
От суетной гонки смятенья в душе.
Давай убежим, чтоб в глуби заблудиться,
Где улицы уже игольных ушей.

Но снова толпа, и на площади жарко,
Мы учимся робко ходить по воде.
Не хочешь с окна колокольни Сан-Марко
На город весенней волшбы поглядеть?

Но красные крыши скучны и статичны,
И только лагуна влечёт синевой...
И в этом беспечном краю необычном
Я каждый свой миг наполняю тобой.

Я полон надежд, и от нежного взгляда
Весеннего — кругом идёт голова...
А вечер нам дарит морскую прохладу
И суетный город крылатого льва.

С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Е. Х.

С Васильевского острова давай
Через Неву пешком пройдем до Мойки,
Под песни возвращающихся стай,
Как будто мы с тобой попали в рай,
Где аромат весны кружится стойкий.

Попробуй нас теперь остановить —
Исаакиевский сквер минуем скоро,
И Пушкин нас с тобой благословит,
А дальше к храму Спаса на Крови,
И мы уже влюбились в этот город.

Михайловский, а дальше Летний сад
На набережной речки Голодуши,
Где мы не озираемся назад,
Пытаемся прочувствовать закат,
И освятить апрелем наши души.

Елизавете

Какой пассаж! Над нами в небе синем
Сгущаются клочки косматой мглы,
И ветер шепчет родственное имя,
Но капли острые не по-июльски злы.

Ну, нет зонта! Такая незадача...
Нас не спасает полиэтилен.
И златоглавая столица тихо плачет,
Листая день дождливых перемен.

Но мы уйдём, Москва нас не удержит,
И смоет дождь усталые следы.
Сквозь шум машин, трамвайно-гулкий скрежет,
Мы растворимся, улетим, как дым.

Эти майские будни нам столько открытий несут,
Хоть великое множество тайн скрыто тёмной завесой.
На холме Квиринальском, где сумерки пахнут эспрессо,
Мы глядим, как раскинулся город весенний внизу.

Мы тихонько пойдём, избегая шальной суеты,
И по улочкам спустимся вниз по затёртой брусчатке,
Где ночной ветерок от цветущей глицинии сладкий,
Где платаны к нам тянут навстречу ладони-листы.

Отзвук наших шагов на мгновенье спугнёт тишину,
И утонет в плену звукошелеста лавровой рощи.
В эту ночь мир покажется чище, наивней и проще...
В Вечном городе мы обретаем любовь и Весну.

Пока облака так тучны и багрово-свинцовы,
И март не готов к возвращению хлипкой зимы,
Давай мы отринем тяжёлой рутины оковы,
Отбросив холодных и тщетных запретов альковы
И выйдем из сумрака, выйдем из гнёта и тьмы.

Давай растворимся с тобою в огне горизонта
В тот миг, когда время теряет серьёзность и вес,
Когда облака — словно вымершие мастодонты
Утратят в закате свой мрачно очерченный контур,
Мы птицами вплавимся в серое лоно небес.

В ИСЛАНДИЮ

Когда нас постигнет тоска и не будет с ней сладу,
Скажу: «Собирайся, и времени зря не теряй!»...
Прекрасная мысль — среди лета попасть в этот край,
Где тихий июнь не лишён осторожной прохлады,
А фьордов дыхание дарит неистовый драйв.

Дорог мы не будем описывать метаморфозы,
Но нам впечатлений достаточно будет с лихвой.
Мы, вещи закинув, поедем дышать синевой,
Послушать мелодии пенной воды Гюдльфосса,
Где белая ночь воспаряет полярной совой.

А после поедем к озёрам в кальдерах вулканов,
Где ветры играют задорно с тяжёлой водой,
И кучные тучи становятся шапкой седой...
Там время застынет над нами слепым истуканом,
И солнце полярное нас обвенчает с тобой.

НЕАПОЛЬ ПО-СИБИРСКИ

А город продрог, и застыл обречённо без сил.
Здесь лютей Борей, беспощадный циклон образуя,
Неаполь сибирской погодой, шутя, одарил.
Прогнулись сады, им покров белоснежный не мил,
Но гордо стоит сединой убелённый Везувий.

Полвека Неаполь не видел подобных снегов:
На площади Данте гуляет всю непогода.
Ползёт к Санта-Кьяра цепочка унылых следов.
Безлюдно, и город признаться в бессилье готов,
И тёмн над ним оловянный покров небосвода.

Ольге Олгерт

Смотри! Возле Старого Рынка разлапистый снег
Танцует, кружится над шпилем Большого Мартина.
Как будто над Кёльном распорота в небе перина —
Предчувствие праздника снегом снисходит на всех.

Снежинки, шутя, на ресницах застынут твоих,
И тихая радость во взгляде твоём заискрится...
Над Рейном закатным снежинки летят, словно птицы,
И хочется в сердце навек сохранить этот миг.

В последний день августа над Парфеноном тоска
Кружится, как коршун над остовом пыльных Афин.
Мы, за руки взявшись, глядим на подножие скал,
Где город с акрополем слившись стоит двуедин.

И, кажется, в море сползают массивы дворов,
И носятся звуки, как чайки над телом земли.
А мы наблюдаем, как вечер восходит багров,
Как август, сгорая, уходит с закатом в залив.

ЭЧМИАДЗИН

Ануш Везирян

Моя Армения всё так же далека.
Вагаршапат — древнейшая столица,
Который год мне продолжает сниться.
Там в закоулках давние века
Сознание пронзают тонкой спицей.

Где на камнях затёртых мостовых
Зауженных, несовременно куцых
Мои шаги не скоро отзовутся...
Но к шороху платановой листвы
Мои мечты назло тревогам рвутся.

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Рассвет сквозь дымку красками играет,
Коров в тумане лёгок плавный ход.
Сквозь марево от края и до края
Разлит восхода золотистый мёд.
И ботало свой голос подаёт,
Как будто рында, время отмеряя.

Горят цветами васильки и мята,
И пахнет разнотравьем луговым,
И мир исполнен тонких ароматов...
Укрыться бы от суетной молвы,
Под шаг коров и шорохи травы,
И быть, как небо, радостью объатым.

БЕЗ ТЕБЯ

Виктории П.

Я один по улице бреду,
А прогулка равнозначна бреду.
Я спешу, читая на ходу
Наизусть твои стихи и беды,
Что шагали за тобой по следу,
А теперь они за мной идут.

Вновь тревоги душу теребят,
И стоят вопросы на вопросе.
Я бреду, сомненьями объят,
Сквозь промозглую и ветреную осень.
«Как живёшь?» — никто меня не спросит
В городе, где больше нет тебя.

МОЙ РИМ

Пусть говорят, что все дороги в Рим.
Мой Рим — Район Центрального Донбасса.
Огонь его вовек не укротим,

Через него легли стальные трассы,
И я живу одним дыханьем с ним.

Без пафоса и знойно-пышных фраз,
Я впитываю широту степную.
Я твой бессрочник, батюшка-Донбасс,
Прости, что имя возглашаю всуе,
Твоею мощью славною гордясь!

КРИТСКАЯ ВЕСНА

Проснулся март, пришёл конец осадкам
И остров, словно бриг в волнах скользит,
Зазеленел и стал неотразим:
Цветёт миндаль и воздух пахнет сладко,
Сверкает море цвета бирюзы.

Над побережьем зацвели маслины,
И выпустил побеги молочай,
Сизоворонки празднично кричат.
Весна идёт горячею лавиной,
Преображая остров невзначай.

ЛИЛЛЬ

Ольге Олгерт

Ведомый судьбой по сырой и холодной земле,
Устало листаю десятки кочующих миль.
Моя одиссея свершается в Па-де-Кале
На ветреных улицах сонного города Лилль.

Чуть ёжась, по скользким проулкам вперёд, наугад
По лужам бреду, словно в песне апостол Андрей.
Кофейни, театры, и тут же впивается взгляд
В соборный уютный фасад Нотр-Дам-де-ла-Трей.

Но ветер бродяжий зовёт, и тоскою объят,
Смирненно вхожу в постаревший сутулый вокзал.

Часы мои сникли и стрелки уставшие спят...
А хищное время опять обнажает оскал.

Легка весна, проворна и привольна!
Земля поёт, меняясь на глазах
И каждую травинкой рвётся к солнцу.
Воспрянул мир, ликует и смеётся,
А карандаш высокой колокольни
Рисует птичьи стаи в небесах.

И верить хочется, что в мире мир воскреснет,
День выровняет шалый бег минут,
Мой город не постигнет участь Трои,
Что будет повод созидать и строить,
И зазвучат ликующие песни,
И на руинах маки зацветут.

Дмитрий Учитель

Днепр, Украина

ДЕТСТВО ЗАТЯГИВАЕТ... (2008)

Воспитательница
Недовольно морщилась:
"... А то детство затянет!"

И то правда:
Затягивает льдом.

А скольких
Под лёд затянуло!

Вот край полыньи,
Откуда идёт течение.

Зацепишься
За кромку

Льда —

Выберешься.

Так всегда кажется!

А приблизишься —
Мир вокруг
Трещит, кружась
Из-под ног уходит...

Детство затягивает.

Владислав Козьминых

Пермь

***Из вполне научного цикла
«Гимн брахиоподам»¹***

С точки зрения брахиопод

Брахиоподам не по нраву амфибрахий,
Хотелось им поглубже занырнуть
И закопать в песок двустворчатые ряхи,
Других примером тем пытаясь подтолкнуть.

Напрасно. Против вся девонская платформа
Была, без жалости подальше их послать
Готова временно. Но плеченогих форма
Решила временем и камнем прорасть.

Посвящается пьющим брахиоподам
(на известный мотив)

Брахиоподы,
Пейте молоко!

Бросайте воды,
Кому сейчас легко?

И если несколько друзей
Сдадут вас бережно в музей,
От моря будет очень далеко.

Вам, плеченогим,
Сверху дан приказ.
Под нами воды,
Мы думаем о вас!

Других не ждите новостей,
У нас решение властей
И дубликаты взяты про запас.

Платистрофия²,
Время — ордовик,
Была стихия,
Потому и сник.

Запечатленный как живой
И в камне выглядит собой,
Но и в таком периоде тупик.

Брахиоподы слушают нас
(на давно известный мотив)

Брахиоподы уложены в ряд
На упаковку. Принят заказ.
Атирииды³ — сборный отряд,
Лица знакомые смотрят на нас.

Палеоген — антропоген:
Шуршат, ползут вперёд подошвы.
Накоплен в теле гликоген,
Мечтают о своём, о прошлом.

¹ Брахиоподы (плеченогие) — морские беспозвоночные животные с двустворчатой раковиной, преимущественно ископаемые;

² Платистрофия — ископаемые ордовикско-силурийские брахиоподы из рода *Platystrophia*;

³ Атирииды — ископаемые ордовикско-триасовые брахиоподы из отряда *Athyridida*.

Разное, задумчиво-лирическое

Зовут в тревожную даль

Как ныне, присно и вовек
С небес обрушивает мощь
И дождь, переходящий в снег,
И снег, переходящий в дождь.

Вновь подставляет человек
Лицо своё уколам льда.
Кружится, тая, бывший снег,
Стекает по вискам вода.

Дрожит, настойчиво зовёт,
Проворно повторяя круг,
То снег, переходящий в лёд,
То лёд, переходящий в звук.

Пропеть как раньше в унисон
С водой — надеяться оставь.
То признак перехода в сон,
Как сон, переходящий в явь.

С сумкой наперевес

Признаюсь, стану я твоей ходячей сумкой
Сегодня, впрочем как и завтра, и вчера.
Ты будешь шумно леденцами хрумкать,
Всё окружающее радуя с утра.

Наступит новый день и, резко поддувая,
Осенний ветер вновь поборется со мной.
Отмерим каждый шаг, в пути не унывая,
С заплечной сумкой лучше, чем с сумой.

Путешествие в горах

Солнце, горы и велосипед,
Узкая дорога, впереди подъём.
Силы, впрочем, на исходе. Нет,
Надо эту высоту покорить вдвоём.

С двухколёсным другом вместе не проблема
С ветром соревнуясь, кручи штурмовать.
Можно без перчаток, можно и без шлема
Гиподинамию преодолевать.

Поле росяное, мокрая палатка,
Травы укрывает низовой туман.
Вольному на воле спится утром сладко,
В изголовье вложен пушкинский роман.

Предстоит альпийских восхождений опыт
Применить на практике, все рекорды бьём.
Тихий голос про себя и усталый шёпот,
Но сомневаться поздно, мы уже втроём.

На Кавказе и в Крыму тропками глухими
В горы и межгорья вниз, пояс с топором,
С тапками размером мелким и сухими —
Покорять вершины стоит вчетвером.

Встреча (я встретил Вас ...)

Я встретил Вас через полгода,
Но, как ни странно, не узнал.
Ноябрь был, крутая непогода,
И ветер волосы взметал,

Сплетая их в большую косу,
И вновь на плечи расплетал.
— Вы по какому здесь вопросу?
Но я Вас снова не признал.

Сказал: — Ищу свою подругу,
Товарищ мой, свела с ума,
Давайте так, услуга за услугу,
Мне помнится, зовут её на «Ма».

— Мне незнакома эта дама,
Чьё имя начинается на «Да».
И несмотря на то, что будет драма,
Прошу меня покинуть навсегда.

Ушёл с поникшей головой уныло,
Сырые низко висли провода,
Хотя расколотое сердце ныло,
Теперь я помню, в имени есть «Да».

Я подожду ещё полгода,
Промчится быстро талая вода,
Очнётся от небытия природа
И снова Вы промолвите мне «Да».

Спор напрасный, спор случайный

Не пытаюсь поспорить с веком,
Закоптившим всё дымной трубой,
«Я хочу хоть с одним человеком
Обо всём говорить как с собой».

ПОВЕСТЬ

Александр Зубенко

Краматорск, Донецкая обл.

ГИБЕЛЬ МИССИИ «ИНКАССАЦИЯ»

(Из цикла «По эпохам времени»)

Глава 1

Балтийское море. Зима 1942 года. 18 часов 06 минут по местному часовому поясу.

Бой был тяжёлым.

В течение всего дня немецкие бомбардировщики продолжали бомбить пригороды блокадного Ленинграда, скидывая со своих «юнкеров» тяжёлые бомбы. «Мессершмитты» время от времени пронеслись над сражающимися войсками. Из-за плохой видимости советские лётчики почти не встречались с ними и большей частью узнавали об их присутствии лишь из передаваемых по радио донесений наземных постов наблюдения.

У «мессершмиттов» была одна задача: противодействовать штурмовикам противника, которые в свою очередь действовали под охраной истребителей. Скинув тяжеловесные «чемоданы», как их называли советские лётчики, неуклюжие «юнкеры» отваливали в сторону, оставляя под собой на земле тонны вырванной и развороченной земли вперемежку с ошмётками тел и кусками искорёженной техники. Пылали дома и улицы пригородов Ленинграда. Земля сотрясалась от бесконечной череды взрывов, словно стонала в агонии.

Капитан Алексей Руднев вёл бой сразу с несколькими «фокке-вульфами», только недавно появившимися в немецких войсках. Это были добротные машины, намного превосходящие своими техническими характеристиками советские «И-16», которые уже порядком устарели. Тем не менее, бой был равным, и Руднев уже успел подстрелить пару геринговских асов.

Вдруг по радио с земли ему передали:

— Внимание! Сзади два «мессера».

Руднев мгновенно сделал поворот и устремился назад.

— Коля, прикрой хвост! — отдал он команду своему ведомому. Николай Миронов тотчас оказался позади и своим «ишачком» атаковал «фокке-вульф 190». Второй немец предпочёл отвалить в сторону, устремившись в тёмные морозные тучи. Алексею удалось увидеть оба «мессершмитта» только на какую-то долю секунды. Они метнулись вверх и скрылись в тех же низких тучах, что и их прежний коллега. Миронов, преследуя второй «фокке-вульф», успел дать очередь, но промахнулся. Рядом, повсюду, куда бы лётчики ни бросали взгляд, во всём морозном небе шёл бой. Они видели и своих лётчиков и немецких, которые защищали отходящие «юнкерсы». Те уже отбомбились, направляя машины на свою авиабазу, расположенную по ту сторону Ладжского озера, занятую финскими войсками.

Упрямство заставляло капитана подниматься всё выше, и он прошёл сквозь тучи насквозь. Сбив второго немца, Миронов устремился за командиром. «Фокке-вульф 190» ушёл носом вниз, кувыркаясь штопором и горя всем фюзеляжем. Там его уже поджидали зенитки.

— Коля, зайди справа. Помоги Синявину, у него на хвосте два «мессера»! — крикнул в ларингофон Руднев. — С этим я справлюсь сам... — и, не успев договорить, зажмурился, ослеплённый. Вынырнув из тучи, он на миг потерял связь. Над ним было ясное небо, а с краю, над горизонтом, косо озаряя косматое море туч, висел громадный красный шар заходящего солнца.

«Мессершмитт», озаренный косыми красными лучами, летел прямо над ним на фоне ясного и величественного неба. Появился Миронов и, прокричав в микрофон, что уже освободился, помчался на максимальной скорости к первому «фокке-вульфу». Всё заняло не более нескольких секунд. Руднев поймал в прицел «мессершмитт», стараясь не терять его из виду, но тот вдруг внезапно пропал. Ослеплённый лучами красно солнца, командир звена не сразу осознал, что именно произошло. Пропал мгновенно, будто его никогда и не было. Капитан некоторое время продолжал мчаться вслепую в том же направлении, однако не видел ничего, кроме светящегося тумана, разделённого на радужные полосы — красную, оранжевую, жёлтую, зелёную, синюю. Он ещё не понял, что произошло. Вначале что-то неуловимое изменилось в самой туче. Её структура, как бы чудовищно раздулась, принимая облик, бешено вращающейся спирали. На фюзеляж истребителя обрушились несколько десятков молний, зигзагами прочертившие бескрайнее небо.

«И это морозной-то зимой!» — проскользнуло у Алексея в голове.

Затем из тучи буквально вынырнул громадный транспортный лайнер неизвестной конструкции, совершенно не знакомый капитану со-

ветских воздушных сил. Машина по сравнению с его «ишачком» была настолько огромной, что Руднев в первое мгновение опешил, не в силах отвести взгляд от грандиозности картины, развернувшейся перед ним. Только что был обыкновенный немецкий «мессер», и тут вдруг внезапно вместо него из раздувшейся тучи вываливается это многотонное чудовище, совершенно идеальной конструкции, с двумя хвостами и четырьмя винтовыми турбинами на гигантских крыльях. Алексей уже имел представление о турбинах, поскольку советским лётчикам зачастую приходилось слушать политинформации о новых секретных разработках гитлеровцев, в которых упоминались новейшие конструкции турбореактивных машин. Но ЭТО...

Он даже не смог в первый миг осознать, ЧТО именно вынырнуло перед ним из оранжево-красной тучи. Весь небосвод до горизонта, казалось, озарился каким-то непонятным сиянием, будто только что загорелись миллионы сверкающих огней различных окрасок и цветов радуги. Ослеплённый этим неведомым феноменом, он изумлённо проводил взглядом величественный корпус огромного монстра, и только сейчас поймал себя на мысли, что уже не преследует исчезнувший «мессер», а бессознательно сворачивает в сторону вслед за гигантом.

— Коля... — процедил он в микрофон Миронову осипшим голосом. — Ты видишь то же, что и я?

В ларингофоне раздались трески помех. Миронова нигде не было. Руднев покрутил головой, осматривая горизонт. Под ним клубилось раскинувшееся море облаков. Раздувшаяся разноцветная туча всё ещё продолжала переливаться всеми цветами радуги, а вращающаяся воронка спирали по-прежнему обрушивала в разные стороны десятки зигзагообразных молний. И никого. Пусто. До самого горизонта ни одного самолёта: ни вражеского, ни нашего, советского. Будто пропали все. Ни Миронова, ни Синявина, ни других машин. Только он и этот могучий монстр, в несколько раз превышающий его «ишачок» своей громадой.

Алексей никак не мог понять, куда все подевались, продолжая лететь за чудом техники на приличном расстоянии. Громадная машина, казалось, не заметила только что произошедшего в небе боя — настолько величественно и безмятежно продвигалась вперёд сквозь расступавшиеся перед ней облака. Они словно указывали дорогу, прокладывая для гиганта только им известный маршрут. Краем глаза командир эскадрильи успел заметить на фюзеляже какую-то таинственную надпись. Он протёр очки от запотевших испарений. В плексигласовой кабине было душно, и на фронтальном стекле выступила изморось. Находясь сейчас почти в центре вращающейся гигантской спирали, он ви-

дел издалека надпись: «АНТЕЙ», а чуть ниже синими буквами было выведено «АН-22».

Странно, такой модификации, а тем более названия, он не знал и в помине, хотя считался в авиаполку знатоком всех новых машин, выпускаемых военной промышленностью не только у себя на родине, но и за рубежом. Однако то, что громадный транспорт был советским, он не усомнился. Буквы-то были родными, до боли знакомыми.

Вероятно, «мессершмитт» свернул в сторону, а он прозевал его, не заметив, весь увлечённый новым величественным зрелищем. Громоздкий лайнер величественно шёл вперёд, не подавая никаких сигналов. Рации тоже молчали.

— Коля! — повторил попытку командир звена. — Слышишь меня? Куда все подевались? — он продолжал крутить головой, тем не менее, не теряя громадину из вида. — Отзовитесь! База, черти вас возьми! Что со связью? Где все? Синявин!

Тишина. Треск в наушниках. Какие-то странные помехи, свист и завывания магнитных вихрей. Нигде ничего, кроме таинственного свечения и внезапно навалившегося тумана. Руднев остался один.

Он повернул, потом ещё повернул, но простор был пустынен — ни одного самолёта. Только он и этот загадочный гигант.

И тут...

Произошло непонятное.

Капитан уже было настроился вызвать на связь таинственный экипаж, как рация ожила сама собой. Сквозь помехи послышались какие-то непонятные слова и фразы на русском языке, только язык этот был для Алексея каким-то чудным, едва узнаваемым. Однако суть улавливалась.

— Нас относит к северу... — донеслось в наушниках. — Координаты будто взбесились вместе с приборами! — голос был незнакомым, командир эскадрильи никогда его не слышал. Меж тем сквозь магнитные бури он различил:

— Непонятно, где мы находимся. Только что было жаркое солнце, и вдруг качнуло, провалило куда-то...

Очевидно, Руднев слышал сейчас переговоры экипажа таинственной громады, по-прежнему летевшей над облаками. Следуя за транспортом, он улавливал и другие голоса, говорящие на непонятном ему диалекте:

— Думаешь, нас швырнуло в какую-то воздушную яму?

— Одно знаю точно, мы сейчас в совершенно иной климатической зоне Земли.

— Не понял тебя???

— Поменялись климатические пояса, — объяснил сквозь помехи голос. Продолжая окидывать взглядом пустой горизонт с кроваво-красным шаром солнца, капитан ловил каждое слово. Пару раз пытался вставить свои фразы, чтобы узнать, с кем имеет дело, но его никто не слышал.

— Турбулентные потоки? Ты это хочешь сказать?

— Не знаю, Андрей Степанович. Нас каким-то образом переместило в северный регион. Судя по температуре за бортом и наличие характерных туч для данного климата, мы оказались в районе шестидесятой параллели.

Наступило продолжительное молчание. Горючее у Руднева шло к концу, а до аэродрома было далековато. Но он принял решение дослушать эти переговоры хотя бы до того момента, пока не выяснит, что это за гигант перед ним. Минут пять ещё можно было лететь рядом, хотя возникла мысль сравняться с кабиной и покачать им крыльями в знак приветствия. Но его истребитель, как не странно, не мог соперничать в скорости, обогнать, или хотя бы сравняться с корпусом транспорта. Выжимая всё, на что был способен «И-16», Алексей мог только сопровождать стального монстра, не приближаясь и не удаляясь от него. Они летели сейчас как бы параллельно друг другу, однако из кабины «Антея» его по-прежнему не замечали.

— Да что ж тут творится, мать его в пень! — вслух выругался командир звена. — Коля, выйди на связь! Где-нибудь видишь этот громадный самолёт?

Голос в радиии меж тем продолжал:

— Сверься с координатами и свяжись с башней, пусть наземные навигаторы укажут нам вектор, по которому мы сейчас идём.

— Уже связался. Точнее, пытаюсь. Все переговорные устройства вышли из строя. Андрей Степанович... — голос как-то внезапно задрожал. — Нас швырнуло к чёрту на кулички. Только что мы были на сороковой широте, а судя по взбесившимся приборам, они теперь показывают шестидесятую параллель. Это СЕВЕР, Андрей Степанович!

— Какой к чёрту север!

— Самый настоящий. Приблизительно Норвежское или Балтийское море! Может даже Белое.

— Ты хочешь сказать, нас занесло в район Архангельска или Санкт-Петербурга?

Тут Руднева едва не подбросило в кресле.

Какого ещё, в пень собачий, Санкт-Петербурга? Что за город? Это они называют так блокадный Ленинград? Прежнее название Петербурга было ведь ещё при царских династиях...

Он чертыхнулся и бросил взгляд на датчик топлива. Пора было отваливать в сторону, возвращаясь на аэродром, иначе не дотянет и придётся садиться вслепую на лёд Ладожского озера. Там хоть и свои, но налаженная «дорога жизни» постоянно простреливается немецкой артиллерией.

Мысленно простившись с загадочным гигантом, он уже было вывернул штурвал на обратный курс, как вдруг по всему корпусу прошла какая-то непонятная волна вибрации. Фюзеляж «ишачка» задрожал, озарился сполохами сияния, и Руднева провалило куда-то в воздушную яму. Самолёт словно растворился в воздухе, не оставив после себя никакого характерного следа. Последнее, что успел увидеть командир советской эскадрильи, это как огромный зигзаг молнии, вырвавшийся из разноцветной тучи, с чудовищной силой врезался в обшивку «Антея», прошил её насквозь и ушёл куда-то к земле. Зацепив дугой электрического разряда одну из турбин, разряд прошёл по корпусу, воспламенил двигатели и, гигант, теряя высоту, принялся крениться на правый борт, оставляя после себя дымную полосу чёрного цвета. Это продлилось буквально пару секунд. Капитан больше ничего не увидел. Его «И-16» вместе с гигантом провалился в бездонную пропасть облаков.

Дальше была пустота.

*** (пауза)

...Поздний вечер. Наручные часы показывали начало двенадцатого.

Сидя в столовой эскадрильи за большим длинным столом, Синявин с Мироновым пытались восстановить картину исчезновения своего командира. Остальные лётчики уже знали подробности таинственной истории и, поужинав, разошлись на отдых: рано утром предстояли новые вылеты по охране ладожской «дороги жизни». Остался начальник штаба Костин и командир авиаполка Рябцев. Оба внимательно слушали, нахмурив от напряжения брови. Говорил в основном Николай Миронов, Синявин лишь дополнял упущенные подробности.

— Говорю вам, товарищ полковник, — повторил Миронов, — просто взял и пропал. Нырнул в тучу, исчез, словно корова языком слизала.

Рябцев, командир Балтийской Северной дислокации, бросил удивлённый взгляд на Костина, но тот лишь пожал плечами:

— Пусть расскажет до конца. А там сообща подумаем, что делать дальше.

В столовой коптила керосиновая лампа, светомаскировка была опущена, были слышны залпы зениток со стороны береговой линии озера.

— Я шёл за ним, как он и приказал, — продолжил Миронов. — Прогнав трассирующими пулями «фокке-вульф», устремился сразу за ведущим. Руднев, помню, крикнул, что справится сам, затем вертикально взмыл ввысь и, преследуя «мессер», скрылся в какой-то странной туче.

— Почему, странной? Что это за определение такое?

— Я много повидал туч на вылетах, товарищ полковник. И дождевых и грозowych и морозных. Но чтоб ТАКУЮ...

— Говори яснее, Коля, — перебил его Рябцев. — Считаю, что наша беседа неофициальная. Ты меня знаешь не первые дни. Просто так бы с вами тут не сидел — дел по горло. Что мне докладывать в штаб дивизии? Что капитана Руднева поглотила какая-то туча?

Молодой лётчик стушевался. На помощь пришёл Синявин, немного старше его.

— Я тоже видел, товарищ полковник. Эта туча сразу привлекла наше внимание. Оба немца ушли в неё, и Алексей погнался за ними, взмыв почти вертикально в высоту. Там и исчез.

— А вы?

— Коля сразу последовал за ним. Я добивал оставшихся «мессеров». Рядом работали звенья Куликова и Одинцова. Все видели, как Руднев вошёл в тучу, и Коля устремился за ним.

— Что было дальше? — повернулся командир к Миронову.

— Вот тут-то и начинается самое непонятное, — озадаченно ответил тот. — Громадная туча как бы озарилась каким-то непонятным свечением, хотя над облаками висел красный шар заходящего солнца. Я едва не ослеп, вынырнув из облаков. Переливаясь всеми цветами радуги, эта туча шевелилась и клубилась прямо перед носом Руднева. Он успел крикнуть по радиации, что догоняет немца, а я ринулся за оставшимся «фокке-вульфом». Сбил его, повернул к капитану, но...

— Что, но?

— Но его уже не было.

Повисла краткая пауза.

— Ясно, — вздохнул полковник. — Возможно, он повторно ушёл в эту тучу. Но я не об этом сейчас спрашиваю. К Алексею мы ещё вернёмся. Ты мне скажи, чем тебе не угодил эта туча? Сам говоришь, что повидал их на своём веку. Чем она отличалась от обыкновенных облаков и туч?

Коля на миг задумался:

— Не знаю даже, как объяснить. Она была там не к месту, что ли... Не грозовая, не набухшая морозная и снеговая. Какая-то необычная, я таких раньше не встречал.

— Ты тоже видел её вблизи? — обратился Костин к Синявину?

— Никак нет. Мы продолжали вести бой под облаками. Вверх не поднимались. Таков был приказ командира звена. Он сказал, что сам справится, да и Коля помчался к нему на выручку. Нам с Куликовым досаждали «мессеры», а звено Одинцова вела бой над трассой озера, по которой шли грузовики в блокадный город. Обоих мы потеряли из виду, но слышали их переговоры.

— И когда пропала связь? — обратился начальник штаба к Миронову.

— С Рудневым?

— Да.

— Сразу, как он вошёл в эту чёртову тучу. Она, как я уже сказал, светилась каким-то причудливым свечением, отчего я едва не ослеп.

— И солнце продолжало светить?

— В том-то и дело, что эта туча своим свечением забивала солнце! К тому же ещё переливалась разноцветными красками.

— А молнии? Ты перед нами рассказывал своим товарищам о молниях.

— Так точно. Из неё вырывались разряды гигантских зигзагов. Один едва не зацепил корпус моего «ишачка». И это зимой! Откуда в конце января в небе может возникнуть гро-зо-ва-я туча? — протянул он по слогам. — Мне не мерещилось. Такая же молния прошла и машину Руднева, прежде чем он скрылся в туче.

— И это всё?

— Всё. Дальше ни товарища капитана, ни связи с ним. Я прошёл тучу насквозь, вынырнув с другой стороны. Кружил вокруг, пытаюсь выйти на связь с командиром. Затем кончилось горячее, и я направил свой самолёт к аэродрому. Синявин последовал за мной. Над трассой уже появились наши штурмовики и сменили нас. Дальше вы знаете. Едва хватило горячего посадить самолёт на полосу. Теперь точно всё.

— Ты уверен? Ничего не забыл?

Младший лейтенант немного подумал:

— Есть ещё кое-что.

— Говори.

— Когда я пролетал тучу насквозь, мне слепило глаза от буйных красок, которыми она светилась. Но я успел заметить некую воронку

спирали, кружившейся внутри тучи. Знаете, такое себе верчение, будто смерч по пустыне гуляет. Я когда-то видел вихрь смерча, крутившийся вокруг своей оси. Это было в Ашхабаде, в песчаных дюнах, давно ещё, перед войной. Вот такое вращение я и увидел краем глаза, пронёсшись сквозь эту тучу.

— Думаешь, это имеет отношение к исчезновению капитана?

— А как ещё можно объяснить? Он ведь пропал внезапно. Нырнул в клубящееся пространство и сгинул. Ни связи, ни обломков самолёта, ни парашюта.

— Знаю, — хмуро откликнулся Рябцев. — Всея Северной дислокации была отдана команда, искать его по всему побережью, а завтра с утра, когда рассветёт, истребители, штурмовики и прочие машины, помимо того, как будут вести бой с неприятелем, буду ещё и посматривать на лёд озера. Вдруг заметят ракету или другой условный сигнал. А может и обломки. Сесть-то он должен был как раз на озере — до аэродрома не дотянул бы.

Они ещё какое-то время приводили к плану свои соображения, намечая завтрашнюю операцию. Самолётов катастрофически не хватало: немцы наседали на Ленинград со всех сторон.

И действительно, вылеты начались, едва забрезжила заря. Двенадцать самолётов авиаполка взлетали попарно, соблюдая очередь. С утра к боевой готовности и поискам исчезнувшего Руднева были подключены все наземные службы вдоль береговой линии Ладоги. Звенья эскадрилий непрерывно сменяли друг друга, ведя бои с противником, защищая «дорогу жизни» и, возвращаясь на несколько минут заправиться, вновь взмывали вверх. Облёт территории был огромен. Искали парашют или следы упавшей машины. Искали везде, где, по расчётам, мог приземлиться советский лётчик.

Однако всё было напрасно.

Туча так и осталась в воображении Коли Миронова неким мистическим явлением природы.

Поиски продолжались и в последующие дни.

Ерохин, как в воду канул, если здесь будет уместно такое сравнение.

Спустя несколько дней бесплодных поисков, капитану Рудневу было присуждено звание Героя Советского Союза.

Посмертно.

Коля Миронов, Синявин, Одинцов, Куликов и другие лётчики авиаполка почтили своего командира эскадрильи почётной минутой молчания.

А между тем, дело обстояло так...

*** (пауза)

На полном ходу транспортная громадина грузно врезалась в мёрзлую землю, пропахав её своим брюхом, оставляя за собой глубокую борозду из поваленных сосен и берёз. Чёрный шлейф угарного дыма заволок лесистую местность в радиусе нескольких километров. Раздался чудовищный взрыв, и гриб пламени поглотил место падения, сметая всё на своём пути. «Антей», носом зарывшись в грунт мёрзлой земли, издал скрежет, выплёвывая из себя сгустки пламени и разваливаясь по частям. Взрыв, потрясший лес, был настолько мощным, что несколько сотен деревьев буквально разнесло в клочья, накрыв своим чёрным смогом всю прилегающую территорию. Сам транспорт представлял теперь сплошную груды изуродованного корпуса вперемежку с развороченными внутренностями некогда бывшего грузового салона. В такой мешанине рвущегося наружу пламени и растекающегося топлива не мог выжить никто. Куски изуродованного фюзеляжа разбросало на несколько сотен метров, поглотив под собой метавшихся в панике лисиц, зайцев и прочих мелких грызунов.

Однако, на удивление, сквозь грохот опадавшей обшивки, послышался едва различимый стон, за ним ещё один и, наконец, слабый голос протянул:

— Остался кто живой? Говорит командир борта. Базевич, Козлов, Сорин... ответьте!

Голос был напряжённым от боли: видимо, старший пилот получил повреждения.

Он выполз из-под груды искорёженной обшивки и затуманенным от шока взглядом обвёл разруху, причинённую крушением. Везде пылало, горело, растекалось, шипело и отваливалось кусками. Исковерканные шасси громадного транспорта продолжали бешено вращаться, выдавая в небо чёрные клубы дыма. Ближайшие деревья, вывороченные корни и кустарники представляли собой сплошную стену пылающих факелов. Запах горелой резины и расплавленной обшивки забивал нос, распространяясь по лесу с невероятной быстротой. Снег вокруг падения растаял и шипел, превращаясь в кипяток.

— Сергей, Миша, Дима! — позвал командир. — Кто-нибудь выжил?

Ему никто не ответил. Вместо этого его подбросило от взрыва и проволокло по земле ударной волной, пока он не впечатался спиной в вывороченный корень огромной сосны. На миг пилот потерял сознание,

а когда очнулся, понял, что это взорвался резервуар с топливом. Прокатившийся грохот забил барабанные перепонки. Андрей Степанович зажал окровавленные уши руками, и только тут заметил спускающийся к горящим деревьям парашют. Затем он вновь потерял сознание, теперь уже надолго.

Наступила темнота.

*** (пауза)

...Когда капитан Руднев пришёл в себя, то сразу схватился за штурвал. Обморок, очевидно, длился какую-то секунду, поскольку его «ишачок» всё ещё падал в воздушную яму. Что произошло позднее, Ерохин едва помнил. Машину штопором несло к земле. Громадная туча осталась позади и, теряя высоту, его влекло вниз какой-то таинственной силой, словно под ним находился некий магнит, притягивающий к себе. Приборы вышли из строя. Потянув штурвал на себя, он мгновенно понял, что тот не в состоянии исполнять его движения. Потом он об этом забыл. Левое крыло обломилось и, кружась, устремилось вниз. Земля находилась так близко, что выпрыгивать, соблюдая инструкции, было нелепо, и он тотчас же рванул кольцо. Падая и опрокидываясь в воздухе, он заметил под собой сплошную пелену чёрного дыма, вывороченную землю и останки пылающего транспорта, раскиданные в радиусе нескольких километров. Лес горел, но были мелкие островки снежных деревьев, куда огонь ещё не распространился. Падая и держась за стропы, Алексей с намернувшимися слезами проводил свой самолёт, который, так же как и могучий гигант упал вдалеке, подняв горящий гриб взрыва. Его «И-16» перестал существовать.

Руднев почувствовал резкий рывок раскрывшегося парашюта и облегчённо вздохнул. Его несло куда-то в сторону от озера. Во всяком случае, ледяного простора Ладоги он не заметил. Сверху было небо, на удивление, мирное и тихое, без каких-либо признаков воздушного боя. Заходящий шар красного солнца уже касался деревьев, но его сплошной пеленой закрывал чёрный дым смога, исходивший снизу после падения грузового транспорта.

Слева от него под шёлковым куполом располагалась горящая поляна, вся усеянная пылающей обшивкой, а справа, в нескольких десятках метров он заметил уцелевшую сосну, к которой прислонился спиной какой-то человек. Поза его была скрюченной и, по всей видимости, тот был без сознания. Капитан подтянул одну из строп и направил купол парашюта к уцелевшей сосне. Когда приземлился, тут же бросился

пробираться через густой подлесок, выбирая дорогу между горящими деревьями. Запах плавящейся резины был сильным и едким, он вызывал лёгкую тошноту. Голова после приземления немного кружилась. До раненого было не более двух десятков метров. Подбежав к нему, он с облегчением отметил, что тот жив.

Спустя несколько минут командир экипажа «Антей» открыл глаза, сделал большой глоток из протянутой ему фляги и непонимающим взглядом уставился на спасителя:

— Я вас не знаю... — с трудом шевеля губами, едва вымолвил он.

— Капитан Руднев. Вторая эскадрилья авиаполка Северной Балтийской дислокации. Я первый обнаружил крушение вашего транспорта. Последовал за вами, но сам попал в какую-то воздушную яму и потерял самолёт. Спустился на парашюте и нашёл вас едва живым.

— Андрей Степанович Ефимов, — представился в свою очередь командир экипажа. Затем удивлённо поднял брови, сморщившись от боли:

— Какой... — запнулся, — какой ещё Северной дислокации? Мы где?

Спохватившись, застонал и принялся подниматься, но Руднев удержал его в объятиях. Резкая боль в голове заставила раненого заскрежетать зубами.

— Там мой экипаж! — простонал он. — Может, кто остался жив.

Капитан печально покачал головой. Спускаясь с парашютом, он видел с высоты, что в этой изуродованной и пылающей мешанине железа, обшивки и внутренностей грузовых отсеков, не мог выжить никто. Тем не менее, предложил:

— Лежите здесь. Вам нужно как минимум несколько минут покоя. Я сбегая, покричу и осмотрюсь на месте. Если кто выжил, приволоку его сюда. Но вряд ли кто уцелел. Вам просто повезло, что выбросило ударной волной на мёрзлую землю. Сколько было экипажа?

— Ещё трое. Сергей Базевич, Михаил Козлов и Дмитрий Сорин. Все молодые, — наворачнулись у командира «Антея» скупые слёзы.

— Хорошо, — оглядывая через плечо место пылающей катастрофы, подбодрил Руднев. — Я мигом. Не вставайте, вы, вероятно, контужены. Вот аптечка, — сорвал он с себя небольшой индивидуальный пакет. — И накиньте мою куртку, — снимая её, укрыл плечи Руднев. — Она меховая. Хоть пыл жара и распространяется повсюду, но вскоре стемнеет и станет холодно. А я поищу что-нибудь тёплое в самолёте.

— Там есть шерстяные одеяла. Если не сгорели, конечно.

— Пассажиров не было?

— Нет. Только я и мой экипаж.

— Я побежал, — кинулся в деревья Алексей.

— Там... — едва процедил ему вслед незнакомый лётчик, — там ещё сейф...

— Какой сейф? — уже на бегу обернулся капитан.

— Большой железный ящик. Мы его должны были доставить к побережью Каспия.

— Ку-да-а? — остолбенел Руднев, остановившись, словно наткнувшись на бетонную стену.

— На восточное побережье Каспийского моря, — повторил Андрей Степанович. — Но нас швырнуло в какую-то вращающуюся спираль, поглотило воздушной ямой и, по всей видимости, оказались в непонятном районе северных широт. Мы везли с собой огромную сумму инкассации.

Руднев на миг задумался, затем, метнувшись к деревьям, прокричал:

— Ладно! Об этом позднее. Нужно вначале проверить, уцелел ли кто из экипажа. Я один смогу поднять ящик?

— Нет, — крикнул ему вслед пилот. — Если найдёте, придётся вдвоём вытаскивать из-под обломков.

— Хорошо! Я скоро! — и поспешил к горячей исковерканной массе.

Андрей Степанович на время остался один. Таким образом, он и узнал, что находится в совершенно ином месте и абсолютно другой климатической зоне Земли.

...Позднее об этом узнает и капитан Руднев.

*** (пауза)

Спустя два с лишним часа, когда уже порядком стемнело, и угарный чёрный смог дыма постепенно начал рассеиваться, они вдвоём сидели у костра, перебравшись подальше от тлеющих останков гигантского транспорта. Вернувшись с места катастрофы и застав лётчика в той же позе, Алексей лишь обескуражено покачал головой:

— Сплошное месиво обломков и внутренностей исковерканного корпуса. Три обгоревших начисто трупа. Я их кое-как присыпал землёй, позднее захороним по-человечески.

Командир экипажа застонал от безысходности.

— Я вас понимаю, — хмуро изрёк Руднев. — Сам едва ли не каждый день теряю в боях своих товарищей.

Из тех скупых слов, что удавалось проговорить командиру «Антея», Руднев уже начинал понимать, что незнакомый пилот оказался в этой местности совершенно необъяснимым образом, постоянно удивляясь, что находится не между сороковой и пятидесятой параллелью, а в районе шестидесятой широты. Капитан прислушивался к его диалекту, и сам удивлялся иногда непонятным для себя оборотам речи. В его окружении так не разговаривали ни в полку, ни на родине, нигде, где бы он ни бывал.

Когда почтили память сгоревший экипаж — развели костёр (благо огня кругом было хоть отбавляй) и, наконец, дали своим организмам кратковременный отдых.

— Прежде всего, — начал Ефимов, — позвольте узнать ваше имя.

— Алексей. А вас можно называть Андреем Степановичем? В каком вы звании?

— Ни в каком. Мы из гражданской авиации. Сейф обнаружили?

— Так точно. Вывалился из хвоста и лежит, зарывшись в растопленном снегу. Точнее, не в снегу, а уже в сплошной развороченной грязи. Если он так важен, то утром, когда огонь утихнет, попытаемся вдвоём его вытянуть.

— Хорошо. Спасибо, Алексей.

— Можно, Лёша. Мне всего двадцать шесть, а вам вдвое больше, верно?

— Верно. Пятьдесят пять. А теперь, пожалуйста, расскажи всё от начала до конца. Я же вижу, как ты был удивлён, рассматривая фюзеляж моей машины, словно никогда не видел ничего подобного.

— Не видел, — кивнул Руднев. — Мало того, даже не слышал такого названия «Антея». Аббревиатура «АН-22» мне тоже ничего не говорит.

— Я уже понял. Мне недостаёт только деталей. Потом я поделюсь с тобой своими выводами. Итак, где, по-твоему, мы сейчас находимся? В какой местности? В каком времени?

Алексей почти не удивился столь непонятным вопросам. Он и сам уже начинал чувствовать, что неспроста его «ишачок» вывалился из загадочной тучи: кругом тишина и ни одного взрыва, никаких признаков воздушного боя, да и сама местность совершенно не похожа на Ладожское озеро, пусть и всё во льдах. Этот лес, казавшийся ему бескрайним при спуске с парашютом, никак не мог находиться вблизи блокадного Ленинграда. Его попросту не существовало ни в природе, ни на картах. Это был не ЕГО лес. Не его времени и пространства.

— Мы находимся в каком-то лесу, которого прежде здесь не было, — начал загибать пальцы Алексей.

— Верно, — подбодрил его Андрей Степанович. — Продолжай.

— Сейчас зима сорок второго, наш авиаполк охраняет с воздуха «дорогу жизни» на Ладожском озере, проложенную к Ленинграду. Кстати, а почему вы в переговорах с экипажем назвали Ленинград Санкт-Петербургом?

— Объясню позднее, Лёша, когда ты мне всё расскажешь.

— Ну что ж... — подкинул веток в костёр Алексей. — Тогда слушайте.

...До самой глубокой ночи они передавали друг другу информацию, что имели на тот момент, когда их самолёты поглотила загадочная воронка разноцветной тучи. Вначале рассказывал Руднев. Он вкратце поведал собеседнику свою довоенную жизнь, затем боевые вылеты в полку, закончив сегодняшним вечерним боем, когда его «ишачок» погнался за немецким «мессером». Там его и поглотила воздушная яма, из которой он вывалился вслед за громадным «Антеем». Спустя несколько часов беседы они уже знали достаточно, чтобы сделать кое-какие первичные выводы.

— Нас закинуло в какое-то иное измерение, — подвёл итог Андрей Степанович.

— А что? В природе такое существует?

— Сколько у тебя классов, Лёша?

— Как обычно. Школа, авиационная академия, курсы пилотов. Вы не останавливайтесь, Андрей Степанович. Физику я неплохо знаю. Разумеется, для своего времени. Я уже смекнул, что и вы и ваш экипаж и сам самолёт каким-то образом оказались здесь из грядущих десятилетий. Только вот из каких?

— Из *тысяча девятьсот девяносто шестого года*.

Руднев присвистнул, размышляя:

— Иными словами, спустя пятьдесят четыре года, считая от сегодняшнего дня. Более полстолетия!

— Верно.

— Ничего себе, математика... — протянул он. — Тут любой физик ногу сломает. И как Вы считаете, что на самом деле произошло?

Алексей прихватил из самолёта два чудом уцелевших шерстяных одеяла и укутал ими ноги своего нового знакомого, поскольку тот был одет слегка по-летнему, а при наступлении темноты, стало гораздо холоднее. Мороз крепчал, хоть очаги пожара ещё давали внушительное тепло. Сам он сбегал к парашюту и нарезал большие куски ткани, об-

мотав себя, словно арабский шейх в пустыне. Когда он предстал перед Андреем Степановичем, тот невольно улыбнулся.

— На Диму Сорина похож. Моего бортинженера. Ему тоже было двадцать шесть... — и умолк, смахнув скупую мужскую слезу.

Таким образом, и сидели они у костра, успев утолить голод двумя банками тушёнки, найденными капитаном в развороченном отсеке «Антея».

— А произошло вот что, — меж тем продолжал Андрей Степанович. — Мы отбыли из Ростова накануне вечером и с пересадкой должны были добраться до аэропорта в Баку. В сейфе находится вся инкассация, которая была собрана для зарплаты нефтяным бурильщикам на плавучих установках Каспийского моря. Сюда входит и зарплата инженерам, работникам столовых, водолазам, водителям цистерн. Сумма порядочная. Около полутора миллионов рублей. Разумеется, по курсу моего девяносто шестого года. Сталинская денежная реформа ещё только предстоит у вас в будущем, поэтому данная сумма ничего тебе не скажет. Но, повторюсь, сумма приличная для моего времени. Поэтому и было решено отправить её не поездом, а грузовым самолётом. В данном случае, «Антеем». Так же мы везли тёплые вещи и провизию буровикам.

Позднее Андрей Степанович вкратце рассказал историю развития цивилизации в грядущих десятилетиях. Обнадёжил, что осада Ленинграда скоро спадёт, прорванная нашими войсками, в том числе и авиapolком Рябцева. Упомянул о Сталинграде, Курской дуге, взятии Берлина и, наконец, полной победе над нацизмом. Парад Победы у стен Кремля, правление Сталина, Хрущёва и Брежнева. Первый спутник Земли, первый полёт в космос, высадка американцев на Луну, выход космонавта Леонова в вакуумное пространство, строительство БАМа, пресловутая перестройка Горбачёва, развал Советского союза и прочее, прочее, прочее. Всё это Андрей Степанович рассказывал капитану военной эскадрильи, а тот до самого рассвета слушал, ловя каждое слово и не смыкая глаз. Алексей узнал о «холодной войне», об убийстве какого-то незнакомого ему Кеннеди, о «хрущёвской оттепели», о грандиозных стройках на просторах Советского государства, о новых научных разработках и открытиях. Старший товарищ поведал ему быт и жизнь советского народа после войны и во времена мира. Рассказал о своей семье и сгоревших в самолёте товарищах. При упоминании погибшего экипажа, Алексей прикусил губу, вспоминая своих сослуживцев, павших в воздушных боях с геринговскими асами. Это была беседа, казалось, уже давно знакомых друг другу людей. Алексей в свою очередь делился подробностями своей фронтовой жизни. Он уже пере-

стал удивляться, каким-таким необъяснимым образом они оба оказались в воздушной яме, провалившись в портале какого-то непонятого параллельного измерения, о котором толковал Андрей Степанович. Сам того не подозревая, капитан Руднев стал участником некоего перемещения во времени, да ещё и с человеком, «вынырнувшим» в кавычках — из будущего.

Чудеса, да и только, — думал Алексей, слушая лекцию своего старшего, теперь уже, друга.

А меж тем, Ефимов продолжал:

— Здесь, Лёша, существуют какие-то запредельные законы физики, которые нам с тобой недоступны. Точнее, они вообще не существуют. Посуди сам. О пресловутой машине времени писали едва ли не все фантасты своих поколений, начиная от Герберта Уэллса. Ты силён в литературе? Приходилось читать?

— Конечно! Всё, что попадалось, — воодушевился Алексей. — Уэллса слышал, но не читал. Зато с упоением знакомился со Свифтом, Джеймсом Смоллетом, Уильямом Дефо, Джеком Лондоном, Фенимором Купером, Жюлем Верном и Дюма. Всё, что доступно было до войны в нашей Ленинской библиотеке.

— Так ты москвич?

— Так точно! По молодости днями пропадал в читальных залах. Нам в лётной академии задавали на дом штудировать собрания сочинений Ленина, а я мимоходом читал всё подряд.

— Следовательно, имеешь какое-то отдалённое представление о перемещениях во времени?

— Имею. Читал «Путешествие Гулливера в Лапуту». Попадался Марк Твен с его «Янки при дворе короля Артура». А что было у Герберта Уэллса?

Андрей Степанович лукаво улыбнулся, кутаясь в одеяла. Уже начало светать. Клонило в сон, но старший пилот решил ответить на последний вопрос:

— Нужно хоть часок вздремнуть перед рассветом. Сейчас отвечу, и немного поспим, набираясь сил. А Уэллс, Лёша, как раз и писал о перемещениях во времени. Нечто похожее с «Янки при дворе короля Артура», но более... — он прищёлкнул пальцами, подыскивая слова, — более развёрнуто, что ли. Гораздо доступнее, и с научной точки зрения — более расширенно. Роман так и назывался: «Машина времени». Там путешественник посещал всевозможные эпохи, добравшись на своём сконструированном агрегате даже до времён, когда Земля уже была пустынной. Через миллионы и миллионы лет.

— Ого! — мечтательно протянул Алексей, подбросив очередную порцию веток в костёр. Сполохи пожараща постепенно утихали, сменяясь утренними сумерками вперемежку с крепким морозцем. Небо было ещё в звёздах. Часы показывали пять утра. В это время уже вовсю должны были проноситься звенья наших штурмовиков, направляясь к «дороге жизни», по которой туда и назад непрерывно, и днём и ночью, следовали грузовые колонны с продуктами для Ленинграда. Однако небо было пустым, абсолютно тихим, и что самое удивительное, всю ночь не было слышно отдалённой канонады немецкой артиллерии. А ведь по их подсчётам, Алексей с Андреем Степановичем должны сейчас находиться не далее, как в нескольких десятках километров от линии фронта.

Впрочем, какая к чёрту линия фронта, если и самого этого леса, раскинувшегося от горизонта до горизонта, не должно было существовать и в помине! Таких огромных бескрайних лесных массивов вокруг Кронштадта и Ленинграда никогда отродясь не было!

Вот и верь теперь во все эти перемещения в пространствах...

Они ещё немного поговорили, намечая план действий на следующий день.

— Если мы действительно попали в какое-то иное измерение, судя по пустому небу и отсутствию артиллерийской канонады, то нас и искать будет некому, — подвёл итог Андрей Степанович. — Так или иначе, давай часик вздремнём, у меня пройдёт голова, а с рассветом похороним моих товарищей. Заодно попытаемся вытянуть из-под обломков сейф. Ещё не знаю, для чего именно он нам пригодится, и пригодится ли вообще, но долг есть долг. Потом позавтракаем, наметив, куда нам, прежде всего, стоит направиться. Возьмём с собой уцелевшие предметы первой необходимости: аптечку, одеяла, провизию из наших запасов в самолёте — всё, что осталось и что сможем унести.

— Куда двинемся?

— Судя по компасу, попытаемся выйти к берегу Ладоги. Если он, разумеется, существует в ЭТОМ времени. — На слове «этом» он сделал ударение. — Ещё неизвестно, куда нас занесло к чёрту на кулички. Дима мне говорил, что вместо шестидесятой параллели мы оказались на сороковой. Вот только будет ли в ЭТОМ измерении существовать Ленинград, Кронштадт, Ладога и само Балтийское море? Вот в чём вопрос. Кстати, ты спрашивал, отчего Ленинград в моём времени называется Санкт-Петербургом? Это веяние политиков, которые, следуя моде, принялись переименовывать все старые названия городов, улиц и все-

возможных заведений. Впрочем, ну их к чёрту. Никогда не любил полиптиков.

И они улеглись, прижавшись друг к другу спинами под шерстяными одеялами.

...С рассветом их ждала *неизвестность*.

Глава 2

Район шестидесятой параллели. 6 часов 32 минуты по местному часовому поясу Земли.

После того как Алексей оправился и вышел из кустов, мир стал восприниматься совершенно иначе: вместо лихорадочных мыслей теперь созрел довольно целенаправленный и методичный план. Прежде всего, необходимо было похоронить пилотов и перекусить, чтобы дать организму заряд энергии.

Взгляд медленно принялся окидывать окрестности катастрофы: пожар почти утих, деревья не пылали. Мелкой морозной пеленой сверху нависали снежинки. Грязные и развороченные комья земли уже покрылись их налётом, слегка примёрзнув с наступлением рассвета. Запах гари уступил место прозрачному чистому воздуху, морозным дыханием, пробиравшимся под одежду. Пока они всю ночь беседовали у костра, Руднев умудрился смастерить себе довольно сносную накидку, вырезав проёмы для рук и подпоясав толстую парашютную ткань своей офицерской портупеей. В таком замысловатом одеянии ему было тепло и уютно. Лётную куртку он оставил Андрею Степановичу, при этом вернувшись к громаде развороченной махины. По словам нового старшего друга там находились комплекты обмундирования для нефтяных бурильщиков, среди которых можно было подыскать вполне тёплую непромокаемую обувь, предназначенную специально для плавучих нефтяных платформ. На удивление, некоторые комплекты вполне уцелели, разбросанные горами по всему салону грузового отсека. Вернувшись к костру, они оба переобулись, оставив лётные унты Алексея про запас. Вырыв в ещё не промёрзшей земле три ямы, они вдвоём похоронили экипаж «Антея», соорудив самодельные кресты и мысленно пообещав вернуться сюда вновь для почётного перезахоронения у себя на родине.

Легко сказать, на родине, — думал при этом Алексей. Они по-прежнему не имели понятия, где именно находятся и в какой промежуток исторических эпох их занесло. Тем не менее, наскоро перекусив, оба

путешественника уже были готовы двинуться навстречу своей неизвестной судьбе.

Сейф закопали рядом с погибшим экипажем, с трудом вытянув его из уже порядком подмёрзшей грязи.

— Понятия не имею, что нам делать с ним в этом нескончаемом лесу, — озадаченно поделился сомнениями Ефимов. — Когда узнаем, куда нас занесло, и вернёмся сюда к могилкам, тогда и подумаем. Здесь нам такая огромная куча денег ни к чему, поскольку, чувствует моё сердце, что они тут без надобности. Возможно, такие купюры ЗДЕСЬ вообще не существуют.

На слове «здесь», он как всегда сделал ударение.

К семи часам утра, когда непривычно красный шар солнца взошёл над деревьями, они уже были у развороченного транспорта.

— Прежде всего, возьмём вдоволь консервированных продуктов, — говорил Андрей Степанович, пробираясь в салон сквозь исковерканные листы обшивки. — В запасах, которые мы везли буровым установкам, есть тушёнка, сгущенное молоко, шоколад, галеты, сигареты, кофе и прочие продукты длительного хранения. Найдётся даже отменный коньяк.

В течение часа они набивали рюкзаки всем необходимым. Нашли ёмкости для воды. Собственный, слегка оплавленный, но уцелевший термос, командир экипажа наполнил заваренным на костре чаем, а в литровую флягу Алексея перелили остатки уцелевшего коньяка. Запаслись сигаретами, кое-какой одеждой, фонариками, ракетницами, верёвками, лопаткой, армейскими ножами. Возможно, пригодится и бинокль. Огнестрельного оружия, кроме собственного пистолета Руднева с шестью патронами не было. Пришлось полагаться только на это. Лес огромен, Алексей видел его с высоты при спуске с парашютом. Неизвестно, какие препятствия и события ждут их впереди.

— На помощь надеяться напрасно, — отдуваясь под тяжестью рюкзака, констатировал Андрей Степанович. — Уже вполне ясно, что нас швырнуло порталом перемещения в какой-то отдалённый уголок истории, где ни Ладого, ни блокадного Ленинграда нет и в помине. Это можно судить по абсолютной тишине и пустоте мирного неба. ЗДЕСЬ нет войны, — сделал он ударение на слове «здесь».

— Вы хотите сказать, что нас занесло в совершенно иной мир? Мы сейчас не в тысяча девятьсот сорок втором году?

— Разумеется. Как и не в тысяча девятьсот девяносто шестом. Если бы были в *твоём* времени, то наверняка слышали бы артиллерию и вой пронсящих над лесом самолётов, поскольку воздушные бои шли тут

ежедневно до самого снятия блокады. Если бы были в *моём* времени, наше падение давно бы засекали наземные службы радаров, начав глобальные поиски. В кабине «АН-22» есть маяки, по которым башни диспетчеров видят наше местонахождение. К сожалению, приборы связи вышли из строя, но маяки по-прежнему работают, я проверял.

— Давайте оставим записку, куда мы направились.

Решение было принято, и они указали направление по компасу, куда тотчас и пошли, оставляя за собой развороченный лес, утихающие мелкие очаги пожара и полную разруху. Делать им здесь было нечего. Необходимо найти хоть какой-то кров и людей, существующих в этом загадочном для них измерении.

Соорудив себе нечто вроде снегоступов, спустя несколько часов по глубокому снегу, они всё так же шли по девственно чистому лесу, которому, казалось, не будет ни конца, ни края. Несколько раз устраивались на кратковременные привалы, сделав по глотку коньяка и выкурив по одной сигарете на двоих. И то и другое необходимо было беречь, поскольку неизвестно, сколько времени им придётся блуждать по безграничному лесному массиву. Часто попадались лисицы, зайцы и косули. Однажды послышался далёкий рык медведя, и Алексей приготовил пистолет на случай обороны. Мелькали рыси, пробежала россомаха. По характерным признакам и кустам замёрзшей брусники, они определили, что по-прежнему находятся в северных широтах. Зима, представшая перед ними во всей своей грандиозной красе, казалось, окунула их в самую настоящую сказку. Величественная тишина, убаюкивающая вековой лес, была настолько красочной, что захватывало дух. Снеговые шапки нависали на деревьях, по которым прыгали белки. Щebet птиц в зимнем небе приводил путешественников в благодостный трепет. После грохота боёв, Алексей впитывал эту сказочную тихую красоту всеми фибрами своей души.

Остановились на продолжительный привал только к вечеру.

— Здесь, по-видимому, и заночуем, — осматривая подходящую поляну, предложил Андрей Степанович, взявший на себя обязанность старшего в группе. — Соорудим небольшой шалашик, накидаем на сосновые ветки снега, и ночью будет тепло.

— Мы так никуда и не вышли, — озадаченно заметил капитан, разжигая костёр, пока Андрей Степанович разбирает продукты в рюкзаках. — Судя по компасу, давно должен быть наш левый берег Ладоги. На противоположном берегу — немцы и финны.

— Ты по-прежнему веришь, что мы до сих пор находимся в твоём тысяча девятьсот сорок втором году?

— Не знаю. В том-то и дело, что не уверен. Лес больно чистый и девственный, словно из русских сказок. Ни воронок, ни сполохов дыма от взрывов. Тишина, будто мы попали в далёкие времена, когда ещё не были изобретены самолёты. Ни один не пролетел. Артиллерия немцев должна быть отсюда слышна на несколько десятков километров. А мы, выходит, находимся сейчас в полнейшем покое и безмятежности.

— Мда-а... — поддержал его старший товарищ. — В моём девяносто шестом году тоже была тишина и покой.

— Следовательно, что?

— А бес его разберёт, Лёша. Одно могу сказать наверняка. Либо нас каким-то образом перенесло вместе с машинами куда-то в иную точку географической местности всё твоего же сорок второго года, либо...

— Что?

Командир экипажа немного помолчал, подыскивая объяснения.

— Видишь ли, в физике существует так называемый «мост Эйнштейна — Розена». Слышал о таких учёных?

— Ну, об Эйнштейне нам рассказывали на политинформации. Какой-то немецкий физик, пожелавший скрыться от нацистского режима.

— Ох, прости, — спохватился Андрей Степанович. — Совершенно вылетело из головы, что в вашем времени он ещё не настолько известен. Этот знаменитый учёный впоследствии перевернёт весь научный мир с ног на голову, открыв так называемую теорию относительности. Что это такое и с чем её едят, я тебе объяснить не смогу, поскольку и сам блуждаю в дебрях научных терминов. Но то, что они вдвоём с Натаном Розеном предположили некое параллельное пространство, существующее рядом с нашей реальностью, это я знаю. Наше с тобой совместное пребывание из различных исторических эпох где-то у чёрта на куличках — тому подтверждение. Иначе, каким образом нас бы перебросило сюда, да ещё и с двумя самолётами? Следовательно, этот пресловутый мост всё же существует в физической природе.

— А что он собой представляет?

Андрей Степанович немного задумался, выкладывая на сосновые ветки банки тушёнки. Костёр уже горел, обдавая теплом двоих путников.

— Если брать гипотетически, Лёша, то это некая воронка тоннеля в пространстве, с помощью которого параллельные миры могут пересекаться в том и другом направлении.

Он усмехнулся, заметив озадаченность на лице своего младшего товарища.

— Что? Заумно высказался? То-то и оно. Сам ни черта в этой бесовой физике не смыслю. Вроде как антимир какой-то.

— Тоннель?

— Да.

Алексей аж подпрыгнул:

— Точно! Именно из такой воронки ваш громадный самолёт и вынырнул. Помните разноцветную тучу? Там ещё молнии зигзагами шпарили, прошив мой «ишачок» насквозь! Тогда-то я вас и заметил. Сразу услышал переговоры вашего экипажа, что вас швырнуло в какие-то северные широты.

— Вот-вот, — печально ответил Андрей Степанович, вспомнив своих похороненных друзей. — Тогда-то, по всей видимости, нас и всосало в этот тоннель моста Эйнштейна — Розена. В наши времена эти воронки спиралей принято называть либо «кротовыми норами», либо «червоточинами».

— Спираль... — повторил задумчиво Руднев. — А ведь и она там была.

— Где?

— В небе. Раскрутилась против часовой стрелки, поглотила мою машину и швырнула к земле. Последнее, что помню, это как отвалилось крыло, вводя машину в штопор. Потом — парашют, бескрайний лес, огромные очаги пожара, и вы, прислонившись без сознания к уцелевшей сосне.

— Вот это, видимо, и был тот самый мост червоточины.

Беседуя таким образом, усталые путники сами того не заметили, как сгустились сумерки. Солнце давно зашло. Лес окутался таинственным сиянием луны, затихли белки и птицы. Наступил тот всепоглощающий покой, который предшествует наступлению ночи. Скоро на охотничьи тропы выйдут ночные хищники. Пора было подкинуть веток в костёр. Шалаш, изготовленный ими, был на редкость уютным. Внутри тепло, снаружи большой костёр. Гарь катастрофы сюда не достигала. За день они прошли почти пятнадцать километров. Могли бы и больше, но мешал рыхлый снег, в котором их самодельные снегоступы увязали едва ли не по колена.

— Дежурить будем по очереди, — предложил Андрей Степанович. — Если не против, то я буду первым. Через четыре часа разбужу, а ты уже до утра. По рукам? Нам необходимо хотя бы четыре часа отдыха. Оставьте мне пистолет.

— На случай, если появится медведь?

— И медведь тоже, — загадочно ответил Андрей Степанович.

— А кто ещё может быть опаснее медведя? — удивился Алексей. — Немцев-то здесь нет. Волки?

Командир экипажа вздохнул.

— Люди, Лёша. — Он поворошил костёр. — Люди. И не обязательно немцы.

Спустя несколько минут Алексей уже спал. Андрей Степанович смотрел в морозное звёздное небо и под убаюкивающий треск костра думал о чём-то, о своём.

Потом его сменил Руднев, удостоверившись, что за время дежурства Андрея Степановича ничего необычного не произошло. Ночь была тихой.

Половина пятого утра, вот-вот должен начаться едва заметный рассвет. Алексей сидел и вспоминал рассказанное ему накануне. Голова шла кругом от полученной информации. За такое короткое время мир изменился гораздо больше, чем Алексей мог предполагать. Он отстал в истории развития цивилизации настолько, что захватывало дух. Позади была победа над нацизмом. Полёт в космос. Высадка на Луну. Мирная жизнь к концу двадцатого столетия. Но это не самое главное. Громадная держава, по словам Ефимова, распалась и перестала существовать. Андрей Степанович сказал, что это случилось в начале девяностых годов.

Слишком много новостей, слишком много грандиозного и потрясающего, что могло сотворить человечество за какие-то полсотни лет. Вот хотя бы ручка командира экипажа, которую он назвал диковинным словом «фломастер». Или часы со встроенным компасом и прочими приспособлениями. Сколько появилось ещё новинок?

Он ещё долго сидел у костра, не решаясь будить старшего товарища.

...Там и застал его рассвет.

*** (пауза)

Рано утром Алексей разбудил Ефимова и, наскоро позавтракав, они двинулись в путь, сами не зная, к какой точке географических координат приведёт их судьба. Сверяясь с военной картой из офицерского планшета, оба до сих пор не представляли, где, по их мнению, они находятся. Ни одного знакомого ориентира. Этого могучего лесного массива просто не существовало. Не должно было существовать. Как назло взбесились и компасы. У Руднева он был прикреплён к планшету, а у Андрея Степановича был встроен в массивные наручные часы, разгля-

дивая которые вечером у костра, Алексей дивился их незнакомой и совершенной технологией.

— Впервые такие вижу! — с восхищением произнёс он тогда. — Оно и немудрено, каким прогрессом шагнула наша цивилизация за полсотни лет!

Сейчас оба компаса бешено вращались, показывая непонятную аномалию, словно оба путника находились в центре мощных магнитных полей.

— Очевидно, портал перемещения занимает здесь гораздо крупнее территорию, нежели мы предполагали, — констатировал Ефимов. — Такой, своеобразный себе купол, накрывающий участок нашей выброски.

— Полагаете, что мы находимся под каким-то магнитным давлением?

— Давление, гравитация, антимир, параллельное пространство, иное измерение... — махнул он рукой. — Как хочешь это называй, Лёша. Тут я бессилён.

Капитан уже было хотел задать следующий вопрос, как вдруг внезапно что-то изменилось.

Вначале они не поняли, в чём дело, продолжая увязать в снегу, неся на себе рюкзаки и скрученные в скатку одеяла. Затем прислушались. Тишина леса, казалось, отступила куда-то в сторону.

— Слышишь? — остановившись и подняв палец, прошептал Ефимов.

Алексей встал как вкопанный и с напряжением прислушался. Где-то далеко за соснами раздавались едва различимые, но до боли знакомые звуки.

— Вроде, как собаки лают. И петухи слышны.

Ефимов кивнул:

— Мы выходим к какому-то селению. Как там у тебя по карте?

— А чёрт его знает! Компасы-то не работают. Я потерял ориентировку ещё при выброске с парашютом. Ни одного знакомого ориентира, чтоб их черти съели! Когда последовал за вашим транспортом, вынырнувшим из непонятной тучи, мой «ишачок» находился над левым берегом Ладоги. Мы вели бой с немцем как раз над проложенной «дорогой жизни». Потом, очевидно, нас с вами швырнуло в иную местность, и уже, когда приземлился, я не знал, где нахожусь.

— Следовательно, никакого селения у тебя на карте не обозначено?

— Так точно. Как, впрочем, и самого леса.

— Что ж... — поправил рюкзак старший группы. — Мы всё равно хотели увидеть людей. Хоть *каких-нибудь* людей, — с ударением добавил он. — Значит, пойдём на эти звуки.

— Я на всякий случай приготовлю пистолет, — взвёл курок Руднев. — Кто его знает, вдруг там всё-таки немцы.

— Правильно. Безопасность не помешает. Дождём до опушки и оглядимся из-за деревьев. На месте сообразим, как вести себя дальше.

Спустя минуту они продолжили путь, стараясь идти друг за другом. Впереди, как более молодой, продвигался капитан, за ним нога в ногу шёл Ефимов. Стали попадаться следы деятельности человека. Вырубленные топорами просеки, уже порядком занесённые снегом, едва заметные тропинки, сваленные в кучи большие охапки хвороста.

— Не похоже это на наши с вами времена, верно? — заключил Алексей. — Даже для моего времени всё выглядит как-то примитивно.

— Погоди! — внезапно остановил его Ефимов, дёргая сзади за ткань парашюта. — В таком виде нас тут примут за кого хочешь. Вплоть до сбежавших заключённых.

— У меня уцелели документы.

— А мои остались в сгоревшей кабине. Не в этом суть. Если всё же будут немцы, то нам и документы не понадобятся. Если же кто-то другой...

Договорить он не успел. Из-за ближайших сосен показался силуэт, пробиравшийся среди снегов по едва различимой тропинке. Оба путника вжались в деревья, не зная, как поступить.

Это была женщина, несущая на спине охапку хвороста. Одежда, в которую она была облачена, сразу вызвала полное недоумение. Смесь поношенного тряпья, поверх которого мешком висел потрёпанный тулуп неизвестной формы. Ефимов был удивлён, но вспомнил из истории, как одевались жители блокадного Ленинграда в зиму сорок второго года. Алексей хоть и изумился столь нелепому одеянию, но тоже вспомнил, как однажды на их перевалочный пункт из Ленинграда доставили едва живых от голода матерей с младенцами. Все они были в похожих обносках и еле держались на ногах. К тому же, пролетая зачастую над хмурыми и пустынными кварталами могучего не сдающегося города, он мельком замечал едва передвигающихся жителей в таких же рваных одеяниях.

— Она нас не видит, — прошептал он. — Что будем делать, Андрей Степанович?

— Ну, раз на немца не смахивает, — усмехнулся тот, — тогда выйдем и представимся партизанами.

— Уверены? Может, вначале понаблюдаем из-за деревьев?

— Я один выйду. На мне твоя лётная куртка, постараюсь её не испугать. А ты тем временем подойди осторожно к опушке, вон за теми деревьями, — указал он рукой, — и осмотри местность. Петухи вроде утихли, но собаки по-прежнему лают. Если заметишь немцев, дай мне знать. Я украдкой буду за тобой наблюдать, пытаюсь с ней завязать знакомство.

Решив, таким образом, они как можно тише разошлись в разные стороны.

При виде вышедшего из деревьев незнакомца в непонятной одежде, женщина от неожиданности выронила охапку хвороста и, смутившись, что-то испуганно произнесла. Глаза её окидывали деревья паническим взглядом, но когда Ефимов заговорил, похоже, немного успокоилась.

— Приветствую вас! Меня зовут Андрей Степанович, — он вытянул вперёд руки ладонями вверх, показывая, что не имеет при себе никакого оружия. Стараясь улыбаться и говорить как можно более дружелюбно, он, тем не менее, исподтишка наблюдал за Алексеем, который уже вышел к последним деревьям опушки. Дальше простиралось белое поле, за которым виднелись крыши хижин, занесённых снегом.

— Понимаете меня?

При более близком взгляде у женщины было добродушное лицо, на шее красовалось ожерелье из каких-то разноцветных камней, а длинная красная юбка, видневшаяся из-под полушубка, доходила до валежков. Испуг от внезапного появления незнакомца прошёл, уступив место любопытству. Женщине можно было дать не больше тридцати, и она с таким же удивлением рассматривала одежду Ефимова.

Настоящая крестьянка, подумал Андрей Степанович, и как мне кажется, дружелюбно настроенная. А одежда не такая уж и рваная, просто издали показалось. И не такая худая, как я определил вначале.

— Как вас зовут?

Казалось, она прислушивалась к незнакомой речи, но вскоре ответила:

— Эка вы барин заблукали поди в лесу. Небось промёрзли и есть хотите?

Ефимов уловил что-то знакомое в диалекте женщины. Однако это была речь не современного ему человека, и даже не 1942-го года. Тут нужно быть осторожным, подумал он. Не испугать её своим наречием. Интересно, догадается ли Алексей спрятать бинокль в рюкзак? От вида

такой вещицы XX-го века девушка, чего доброго, может посчитать их колдунами.

— Как мне вас называть?

— Называть? — удивилась женщина, подняв брови.

— Имя ваше как?

— Чудно вы как-то говорите, барин. А звать меня Серафимой, значит.

— Серафима?

— Да. Токмо меня все Фимой кличут. А пошто вы меня на «вы» величаете? — озадаченно смутилась она. — Я ведь поди из крестьянских. Мы крепостные нашего местного барина Морозова.

Ефимов на миг пришёл в замешательство. Всё ясно, тотчас пролетело в его мозгу. Нас с Алексеем каким-то необъяснимым образом закинуло на несколько веков назад! Уж не потомок ли этот Морозов того всемогущего фаворита царя Алексея Михайловича, отца Петра Первого? А может, он сам и есть? Помнится из истории, что того казнили при каком-то бунте: не то соляном, не то медном. Спрашивать теперь о немцах не имело смысла. Она-то и слова такого не знает. В их времена это были либо тевтонцы, либо пруссаки...

Он украдкой бросил взгляд на укрывшегося за деревьями Руднева. Тот отрицательно покачал головой, давая понять, что ни техники, ни самих немцев в селении в бинокль не видит.

Бояться было некого. Командир экипажа махнул ему рукой, подзывая к себе. Фима проследила за его жестом любопытным взглядом и неуверенно отступила.

— Не пугайся, — уже ласково на «ты» успокоил её незнакомец. — Это мой приятель.

— При-я-тель? — произнесла она по слогам, стараясь выговорить непонятное слово.

— Друг. Как ты сказала, мы заблукали в лесу и ищем ночлега.

Чем чёрт не шутит, подумал он. Попробовать плести несурязицу наобум?

— Наша карета сломалась в лесу. Мы из Тобольской губернии.

— А где это? — настороженно следя за приближающимся Алексеем, наивно поинтересовалась она.

— Далеко отсюда, — махнул в сторону леса загадочный собеседник. — Мы путешествуем по указу его величества. Собираем былины и частушки всяких народностей... — и тут же осёкся.

Какого к чёрту «его величества»? А если они попали в те времена, когда на троне правили подряд сразу несколько императриц, начиная

от Екатерины Первой, Анны Иоановны, Анны Леопольдовны, Елизаветы и заканчивая Екатериной Второй? Если кто-нибудь из этих императриц сейчас правит Россией?

Его сомнения развеяла Серафима. Когда Алексей подошёл и молча поклонился, она даже немного зарделась румянцем.

Да эта Фима вовсе и не женщина, как показалось вначале! — пронеслось в голове Ефимова. Просто одеяние сбило с толку. Вполне себе красивая девушка, считай уже на выданье.

Когда она откинула платок, поправив внушительную косу, Алексей раскрыл рот от изумления.

— Постоите, барин, — удивлённо выкатила она красивые глаза. — О каком-то *его величестве* вы ведёте речь? У нас императрицей матушка Екатерина. Двадцатый год поди правит с божьей помощью, — перекрестилась она. — В вашей губернии, что, другой государь?

— Нет-нет, — поспешил оправдать свою ошибку Ефимов. — Конечно, Екатерина-матушка. Самодержица России великой и могучей. — Он подмигнул Алексею, чтобы тот понял, куда их занесло.

Наконец стало выясняться, в какую именно эпоху они попали. Андрей Степанович принялся лихорадочно вспоминать времена правления Екатерины. Речь, разумеется шла не о Первой Екатерине, поскольку та правила слишком короткий срок, и не успела в русском народе как следует оставить о себе память. Несомненно сейчас, здесь, куда их швырнуло порталом тоннеля, правит Екатерина Вторая. И уже двадцать лет. Следовательно...

Андрею Степановичу срочно необходимо было время привести мысли в порядок, чтобы знать, как вести себя в селении, когда они там появятся. Подтолкнув Алексея, он многозначительно произнёс, давая ему понять, чтобы он отвлёк девушку:

— Вы пока познакомьтесь с моим юным приятелем, а я подберу хворост и пойдём потихоньку к вашему селению.

— А карета? — наивно спросила девушка.

— Что, карета?

— Карета ваша, барин, так и останется в лесу? Там же поди кучера и конюхи со свитой?

Её привела в замешательство одежда обоих незнакомцев. Первый — в каком-то чудном тулупе с непонятными блестящими змейками и овчинным воротником, на её взгляд, был несомненно бариним. Обувка опять же — такой она никогда не видала.

Второй, по её разумению, был ни кем иным, как слугой, но отчего-то именовавшийся странным словом «приятель». Серая, почти балахо-

ном невиданная прежде ткань, была подпоясана каким-то странным на её взгляд не то кушаком, не то поясом. И ни у кого никаких знаков отличия. Барину полагалась какая-нибудь орденская лента, но Серафима её не видела.

— Меня Алексеем зовут, — отвлёк её мысли представившийся незнакомец. Обувка на нём была такой же, как и у барина.

— Фима... — пролепетала она, смущённо опустив ресницы. Этот молодой человек ей положительно нравился. Только минута прошла с момента их знакомства, а она уже, считай, влюбилась.

Фима махнула рукой в сторону белого поля:

— Пойдёмте, я вас провожу до села. Наша хата как раз на околице, там тепло и уютно. Печь затоплена, вот хворост как раз несла. Вы поди голодные?

Казалось, при виде Алексея, она начисто забыла и о карете и о государыне и о слугах загадочного барина. Девушка во все глаза смотрела на Руднева, чувствуя ответный ласковый взгляд. Она даже не замечала непонятные торбы у них за плечами. Пистолет и бинокль Алексей загодя спрятал в карман, а Ефимов подтянул левый рукав куртки, чтобы на запястье не бросались в глаза наручные часы. Таких вещей в XVIII веке ещё не было.

Молодые люди пошли вперёд. Подхватив вязанку хвороста и последовав за ними, Андрей Степанович принялся размышлять.

Итак...

Судя по тому, что им поведала девушка, сейчас идёт 1782-й год. Двадцать лет царствования Екатерины.

Что мы имеем на этот момент?

Командир экипажа «Антей» принялся мысленно загибать пальцы, наблюдая сзади, как беспечно беседуют молодые. Только бы Алексей не испугал её своим непонятным ей диалектом, улыбнулся он про себя. Впрочем, если они из далёкой Тобольской губернии, о которой тут знают лишь понаслышке, то ничего подозрительного не предвидится.

И тут его внезапно осенило.

Мы же не спросили, в каком именно месте находимся! Чёрт!

Но как у неё выпытать, чтобы не испугать? Незнакомцы, путешествующие по указу государыни императрицы и не знающие, в каком регионе находятся, наверняка вызовут в селении разнообразные толки.

— Постойте! — крикнул он вслед. Подойдя к Алексею, он шепнул ему на ухо, чтобы тот как можно вежливее поинтересовался, куда их, собственно, к чёрту занесло.

Через минуту капитан обернулся и облегчённо выдохнул:

— Мы всё там же, Андрей Степанович. В лесах близ Петербурга тысяча семьсот восемьдесят второго года. За лесом берег Ладоги и деревянные баркасы с рыбаками. В селении около трёхсот душ. Дом графа Морозова по ту сторону села.

И тут же добавил:

— Странно как-то. Ни Серафима, ни другие селяне не слышали взрыва при катастрофе вашего транспорта. А ведь, считай, он упал километрах в двадцати отсюда. Акустическая волна должна была достичь и села. Я спрашивал её, но она не знает, о чём я говорю.

— Вероятно, не достигла, раз не слышали.

У Ефимова отлегло от сердца. Значит, всё-таки Петербург, Нева, Балтийское море и царица Екатерина. Уже легче. Следовательно, их перекинуло только во времени, оставив пространство сороковой широты неизменным. Теперь необходимо вспомнить историю. Что там у нас было в 1782 году, в самый расцвет правления великой императрицы?

Прежде всего, насколько помнил отрывками Андрей Степанович, это чеканка медных монет и первые бумажные деньги. Восстание в крымском ханстве. Против Шахин-гирея выступил с войском Потёмкин. Начало присоединения Крыма. Учреждение народных училищ. Губернские и полицейские реформы. В фаворитах Екатерины, если не изменяет память, в этом году царствования — Александр Ланской, ставленник всё того же Потёмкина. Красавец, изящный и скромный, никогда не покидавший дворца, словно золотую клетку. Перед ним был Корсаков, а через два года, когда Ланской умрёт от загадочной болезни, на короткий миг появится Ермолов. Этих фаворитов Андрей Степанович помнил из всевозможных подпольных источников самиздата, ходивших по рукам в его времени. Помнится, он читал множества брошюр, касательно фаворитов Екатерины, начиная от братьев Орловых и заканчивая последним, после смерти Потёмкина — Платоном Зубовым. Но это ещё предстояло впереди. Сейчас 1782-й год, и в фаворитах у неё граф Ланской, единственный после Потёмкина, кого она действительно любила.

Что там дальше?

Девять лет назад на Урале началась крестьянская война под предводительством Пугачёва, но она уже подавлена и лжецарь, именовавший себя Петром Третьим казнён. С этим всё в порядке, память не подвела. Что ещё? Потёмкин и Суворов сейчас в Крыму, завоёвывая полуостров от ига Шахин-гирея. Позже Екатерина присоединит Крым к своей могучей империи. Через год будет политический разрыв с Портой и Пруссией. Бывшие союзники Фридрих и Екатерина теперь стали сопер-

никами, поскольку в прошлом году она заключила русско-австрийский договор главным образом против Турции.

Для начала неплохо, покопавшись в памяти, облегчённо вздохнул Ефимов. Если будут слишком расспрашивать, он знает, как повести разговор. Необходимо вкратце передать всё это Алексею. Что он, собственно, и сделав, улучив минуту, когда Серафима принялась окликать свою собаку.

Теперь дело обстояло не так скверно. Они хотя бы знали, в какие времена их занесло. Облегчало ещё то, что могилки с товарищами и закопанным сейфом остались неподалёку в лесу.

*** (пауза)

Миновал полдень, когда они приблизились к селению в сопровождении Серафимы. Пройдя снежное поле, Алексей и девушка из XVIII-го века, казалось, уже были знакомы несколько лет. Она щебетала ему что-то на своём давнем диалекте, смеялась и строила глазки. Он, как порядочный цивилизованный человек середины XX-го века, старался держаться солидно, но улыбался ей в ответ, совершенно забыв о своём старшем товарище.

Первая хата на околице деревни была обнесена солидным забором. Было видно, что селение небольшое, но содержится Морозовым в образцовом порядке. Оно и не мудрено: северная столица-то рядом! Дома и дворы шли друг за другом по одной деревянной мостовой.

Мостики через широкие замёрзшие ручьи. Лаянье собак. Крик петухов и мычание коров в стойлах. За снежными крышами проглядывался невысокий шпиль часовни. Кругом бегали ребятишки в перешитых овчинных тулупах. Стояли телеги. Лошади, из ноздрей которых вырывался пар, жевали в торбах сено. У общего колодца сгрудились местные девицы с вёдрами. Когда оба незнакомца в непонятном одеянии вошли в село, от одной из пристроек отделился мужик с чёрной бородой, в кушаке и поношенном тулупе.

— Наш кузнец Прохор, — шепнула Фима, открывая калитку в свой двор. — Я живу сама, — печально добавила девушка. — Вот Прохор ко мне и сватается. Папенька с мамёнькой упокоились три года тому, когда по селениям прокатилась чума. Многих тогда эта лихая беда унесла на погост.

Андрей Петрович вспомнил, что всю Московию в XVIII-м веке поглотила странная болезнь, докатившаяся и до Петербурга. Помнится, кто-то из братьев Орловых (Алексей, кажется), даже был удостоен им-

ператорского ордена за подавление эпидемии. Нужно будет покопаться в памяти, освежив события тех времён, подумал командир экипажа, переступая порог просторного деревянного сруба.

— Вы пока располагайтесь на лавке, осматривайтесь, барин, а я дам корм коровам, подкину хвороста в печь и примусь за угощения.

— Я тебе помогу, Фима, — вызвался Руднев, отчего у девушки зарделся румянец.

— Скоро сюда пожалует сам Морозов, — предупредила она Ефимова. — Вас уже видели и побежали ему докладывать. А может, он и позовет вас к себе. Но на вечер я всё равно сварю кашу и заколю гуся. Когда вернётесь почитать, кушанье будет готово.

Они ушли в сени и Андрей Петрович остался один.

Печь пылала жаром. Было тепло, тихо и уютно. Посреди горницы стоял дубовый стол с двумя лавками. По бревенчатым стенам в углах висели иконки с лампадами. Слюдяные оконца были занавешены расшитыми занавесками. Солнце пробивалось сквозь них, играя на стенах пляшущими зайчиками. В бадье вода, на крышке кувшин. На полу циновки из рогожи. В опочивальне две деревянные кровати. На печи всякая утварь. В сенях оглобля, косы, бочки с квашеными огурцами и капустой. На верёвках сушёные грибы и травы. Во дворе будка с собакой, хлев с двумя коровами, сарай.

Всё это Ефимов окинул своим цепким взглядом, прежде чем стянуть набухшие снегоступы, которые пришли в негодность. Сняв куртку, он присел на лавку и протянул озябшие руки к печи. Хоть они и нашли в грузовом отсеке уцелевшие рукавицы, однако морозец за окном крепчал.

Что теперь?

Необходимо подготовиться к встрече с местным помещиком (или как их там величали)? Возможно, придётся врать всё, что придёт на ум. Какие к чёрту они путешественники? Какая карета? Какой указ государыни о частушках и былинах? Морозов не деревеньщина. Сразу пошлёт в лес за якобы оставленными слугами и каретой. Тот же кузнец Прохор изъявит желание отремонтировать выдуманные ими повреждения. К следующему вечеру станет известно, что никакие они не уполномоченные государыни императрицы. И начнутся неприятности. Вот тогда-то уже будет гораздо труднее объяснить местному люду, каким-таким образом два незнакомца из XX-го века оказались в IX временах.

За окнами послышался гомон голосов, заскрипела калитка, залаяла собака.

Начинается, поднялся со скамьи Андрей Степанович.

Что ж... чему быть, тому не миновать.

Глава 3

Берег Ладожского озера. Зима 1942-го года. 22 часа 08 минут по местному часовому поясу Земли.

— Синявин, ты точно уверен, что видел с высоты этот непонятный лес, взявшийся ниоткуда?

— Так точно, товарищ полковник! Не только я видел, пролетая над тем квадратом. Младший лейтенант Миронов шёл за мной тем же курсом. Спросите у него.

В столовой эскадрильи после ужина остались командир авиаполка Рябцев, начальник штаба Костин и четверо лётчиков, принимавших участие в дневных боях над Ладогой. Керосиновая лампа коптила, женщины из кухни убрали посуду, оставив группу лётчиков наедине. На столе была разложена подробная карта Кронштадта, Ленинграда и его пригородов. Рябцев водил циркулем по указанной Синявиным территории, но совершенно был сбит с толку. Миронов сидел рядом со своим ведущим, два других лётчика Одинцов и Куликов склонились над картой по другую сторону стола.

— Ни черта не понимаю! — озадаченно откинулся на спинку скамьи командир авиаполка. — Ты что-нибудь понял из того, что нам рассказывают? — обратился он к начальнику штаба. — Откуда, бес его возьми, в нашем квадрате, над которым мы летали сотни раз, мог появиться этот массивный участок леса?

Костин лишь пожал плечами:

— Давай послушаем Миронова.

— Дело было так, — оживился младший лейтенант. — Как вы знаете, прошло уже довольно много времени после исчезновения Руднева.

— Дальше, Коля, дальше. Без тебя известно, что поиски не принесли никаких результатов, и вашему командиру звена дали посмертно звание героя. Ты мне о лесе поведай. Откуда он там взялся, к чертям собачьим? Его ведь там и в помине не было!

— В том-то и дело, товарищ полковник. Пролетая с Синявиным над тем квадратом ни один десяток раз, мы ориентировались на левый берег Ладоги. Там прежде были только ледяные наносы, да несколько снежных холмов. Именно в тот квадрат и устремился в своё время капитан Руднев, исчезнув затем навсегда. Немецкие «юнкеры», отбомбившись, как попало, ушли к правому берегу озера, оставив «дорогу жизни» подоспевшим «фокке-вульфам». Мы с Синявиным принялись

преследовать бомбардировщики, а Одинцов с Куликовым взялись за «мессеров».

Он бросил взгляд на товарищей и те ответили утвердительными кивками:

— Так всё и было, товарищ полковник.

— Хорошо. Продолжайте. Кто будет говорить?

— Я, — хмуро откликнулся Синявин. — Коля шёл за мной. «Юнкерсы» были в поле видимости, и мы прошивали их пулемётными очередями. Под нашими «ишачками» было сплошное поле низких облаков. Землю мы не видели. Но, ориентируясь по приборам и компасу, точно знали, что находимся ещё над нашим левым берегом. Если бы нас увлекло к правому, то немецкие зенитки тут же испепелили бы нас своим огнём.

— Дальше.

— А дальше, товарищ полковник, начинается самое непонятное. Коля, ты ведь тоже видел? — ища поддержку, спросил Синявин.

— Так точно. Мы ещё переговаривались по этому поводу по ради-ям.

— Да не тяните вы, черти окаянные! — озлобился Рябцев. — Докладывайте по существу.

— В общем, — замялся Миронов, и Синявин в тон ему кивнул, — мы заметили, что слой облаков под нами вдруг как-то внезапно изменился.

— Что значит, изменился?

— Ну-у... — Миронов протянул, подыскивая подходящие слова. — Они стали как бы рас-пол-затъ-ся...

Наступила пауза.

— А конкретнее? — подал голос майор Костин.

— Была сплошная пелена, и вдруг расступились под нами, обнажив землю.

— Но такое ведь бывает сплошь и рядом! — едва не взорвался Рябцев. — Вы же не первый день летаете! Были облака, и вдруг рассеялись. Антициклон ушёл в другую область.

— Не рассеялись, товарищ полковник, — поправил его Синявин. — А именно что рас-сту-пи-лись. Последнее слово он отчеканил по слогам, словно забил молотком гвозди.

— Расступились. Понимаете? Одновременно. Разъехались как створки наших ангаров. Будто ножницами разрезались. Одна половина облаков в одну сторону, другая в другую. Как автоматически! Мы оба видели. Немцы пропали, словно их и не было. И теперь под нами в

этих разъехавшихся в стороны облаках простирался не берег Ладogi, а этот чёртов ЛЕС!

Оба старших офицера в замешательстве уставились на лётчиков.

— Вы хотите сказать, что... — Рябцев непонимающе взглянул на Костина. — Что облака «разъехались» в кавычках в стороны, и под ними вы увидели не берег, а непонятно откуда взявшийся ЛЕС?

— Так точно!

— Но... — полковник едва не икнул от досады, — но ведь его нет ни на одной топографической карте. Его попросту не должно существовать, мать его в пень! — едва не заорал он.

— И, тем не менее, мы его видели.

— Мельком, пока проносились за «юнкерсами»? — переспросил Костин.

— Так точно. Но этого хватило, чтобы мы поняли, что лес действительно был там, под нами.

— Что было дальше?

— Так как немцы исчезли, словно провалились в этот образовавшийся проём облаков, мы развернули машины и пошли на снижение, — добавил Синявин. — Я ведушим, Коля ведомым. Так и спустились вниз, оставив расступившиеся облака над своими кабинами.

— Потом?

— Лес был без конца и краю! — заморожено стал перечислять факты Миронов. — Снежные макушки шли от горизонта до горизонта. Я передал по радиации на землю в наш штаб, что вижу непонятный громадный массив, но ответа не получил.

— В это время связь перестала работать, — добавил Синявин. — Я тоже пытался связаться, но в ларингофонах были сплошные вихри помех. Будто где-то пронёсся смерч, и все барабанные перепонки пришли в негодность. Приборная доска словно сошла с ума. Стрелки крутились бешеной пляской.

— У меня тоже. Мы могли переговариваться только между собой.

— Как это? — удивился Костин. — Земля вас не слышала, вы не слышали штаб и остальные звенья эскадрилий, но могли общаться между собой?

— Так точно! Делая круг над каким-то участком леса, мы с Колей заметили громадный гриб дыма и следом за ним потрясающий взрыв, который сразу поглотил пламенем едва ли не десяток квадратных километров.

— Сбитый вами «юнкерс»?

— Никак нет. Даже от «Ю-87» не было бы такой разрухи. А под нами мы увидели сплошную полосу катастрофы. Обломки неизвестного грузового транспорта были настолько крупными, что приходило на ум о какой-то громадной машине, раза в три крупнее немецкого бомбардировщика.

— Гораздо крупнее! — подтвердил Синявин.

— Вы сказали о полосе катастрофы. Как она выглядела?

— Километра два пропаханной и выжженной земли с развороченными деревьями. Снег в этом месте растаял, превратившись в кашу из грязи, мха и глины. Деревья пылали. Чёрный смог горящих покрышек шасси, навис над квадратом леса площадью в несколько километров. После того как огненный гриб осел к земле, повсюду были видны разметавшиеся в стороны останки фюзеляжа. Это был не *наш* самолёт, товарищ полковник.

— Немецкий?

— И не немецкий.

Наступила удручающая пауза.

— Тогда чей, мать вашу в пень? — казалось, командир авиаполка сейчас лопнет от злости с покрасневшим от гнева лицом. — Коля, объясни мне, старому дураку, ничего не смыслящему в авиации, каким-таким макаром над Ленинградом мог появиться самолёт, не имеющий отношения ни к нам, ни к немцам? Не из Австралии же он прилетел, верно?

Мионов беспомощно развёл руками. Синявин поддержал своего товарища:

— Мы хотели сказать, что, судя по обломкам и крутящимся шасси, которые продолжали гореть, конфигурация этого грузового транспорта была нам неизвестна.

— Вы не определили тип самолёта?

— Так точно! — кивнули оба. — Дело в том, что количество шасси в отдельно взятом фрагменте конструкции было...

Оба замолчали. Одинцов и Куликов обнадеживающе подмигнули, давая понять, что всецело их поддерживают.

— Сколько было шасси? — не понял Костин.

— По ШЕСТЬ ДВОЙНЫХ колёс с обеих сторон фюзеляжа! — сделал ударение Синявин. — Три двойных ряда.

Наступила тишина.

Спустя минуту глубоких раздумий, Рябцев, наконец, выдавил:

— Этого не может быть! — и непонимающе уставился на Костина.
— Ни один воздушный флот мира не имеет сейчас в своём арсенале подобную конструкцию. Вы точно разглядели три ряда двойных шасси?

— Так точно! Мало того, на обломках уцелевших крыльев мы заметили по две винтовые турбины!

Вот тут-то обрушившаяся, казалось, лавиной тишина накрыла всех с головой. Она продолжалась несколько минут. Лампа чадила в потолок. За окнами столовой давно наступила чернота, а с противоположного берега Ладоги были слышны залпы немецкой артиллерии.

Лётчики ещё долго сидели над картой, отмечая расположение несуществующего леса и место катастрофы.

Наутро был намечен вылет. Рябцев сам лично хотел осмотреть загадочный лес, вывалившийся из пространства буквально ниоткуда.

Так, собственно, и поступили.

*** (пауза)

Рано, когда только забрезжил рассвет, три самолёта «И-16» устремились в заданный квадрат, где по их расчётам должна была находиться ниоткуда взявшаяся аномалия. Полковник сам вёл машину, за ним ведомыми пристроились Синявин и Миронов, постоянно держа связь с землёй. Остальные звенья авиаполка, прикрывая штурмовики «Ил-2», вылетели навстречу немцам. Воздушные бои над «дорогой жизни» по-прежнему велись каждый день с переменным успехом. Блокадный и голодный Ленинград нуждался в помощи.

Рябцев рассудил так:

— Сделаем трёхчасовой заход в сторону несуществующего леса, осмотрим сверху территорию и если что заметим, передадим по связи в штаб дивизии. Пускай уже там ломают голову над столь непонятным феноменом, а мы, тем временем, вернёмся на дозаправку и присоединимся к нашим группам. Я тоже сегодня буду участвовать в бое. Но прежде, хочу посмотреть на этот чёртовый лес, возникший из пустоты. Мать его в пень, его же не должно существовать и в помине! — выругался он напоследок, залезая в кабину.

Сейчас они летели над облаками, как и в прошлый раз, когда Синявин с Мироновым гнались за немцами.

Было шесть часов утра.

— Далеко ещё? — спросил в ларингофон Рябцев, идущий впереди.

— Судя по приборам, минут через пятнадцать, товарищ полковник, — ответил по рации Синявин.

Под ними сплошным покрывалом расстилалась пелена низких туч, абсолютно нормальных и привычных. Никаких отклонений приборов, никаких магнитных возмущений, воздушных ям или турбулентных потоков. Рябцев уверенно вёл машину, имея несколько медалей с боевым орденом за прежние вылеты.

Спустя некоторое время, с земли передали:

— В ваш квадрат надвигается грозовой снежный циклон. Возможна метель с бурей. Советуем вернуться, пока не попали в снеговые вихри.

— Поздно! — откликнулся в рацию полковник. — Мы почти на месте. Пока не увижу собственными глазами этот бесов лес, машину не сверну. Иду на снижение. Коля, Степан — за мной!

«Ишачок» Рябцева нырнул в облака. Две задние машины последовали за ним.

...И тут ЭТО произошло.

*** пауза)

— Меня влечёт к земле! — закричал в рацию полковник. — Самолёт не слушается руля. Все приборы пришли в негодность! Коля, Степан, где вы? Ответьте!

Над кабиной Рябцева полоснули зигзаги гигантских молний. По корпусу прошла оглушающая волна вибрации, начисто забив наушники каким-то психоделическим воем. Сквозь вихри помех не было возможности что-либо разобрать. В фюзеляж «ишачка» ударили мощные напоры снежных игл, опрокидывая его едва ли не навзничь. Машину закружило в спирали воронки, швыряя в стороны, словно клочок бумаги. Чудовищная сила бросила скорлупку самолёта вниз и, уже теряя высоту, Рябцев вдруг увидел под собой расступившиеся облака. Они как бы раздвинулись в разные стороны, образуя пустой проём. Его несло к земле со стремительной быстротой. Пытаясь выровнять руль, полковник крутил головой, в надежде увидеть своих ведомых. На мгновение «И-16», казалось, распластался в воздухе, теряя очертания крыльев, пропеллера, кабины и хвоста. Он словно расплылся, принимая облик расплавленных часов на картине Сальвадора Дали. Сам полковник почувствовал головокружение и подступающую тошноту. Безмолвный и бескрайний лес надвигался на него с пугающей скоростью.

— Тебя не должно здесь быть! — в отчаянии прокричал он, не веря своим глазам.

Мелькнула полоса развороченной и обожжённой земли. Исковерканные тлеющие деревья проносились под ним, неотступно приближа-

ясь к носу самолёта. Чёрная гарь смога клубилась над снежным лесным массивом, мешая, как следует сориентироваться. Пора было прыгать.

Но какого чёрта! Его ведь не подбили. Терять машину в такой непонятной ситуации? Прыгать с парашютом?

Однако машину несло к земле, будто некая сила притягивала гигантским магнитом. Напрасно Рябцев пытался выровнять её, полностью теряя контроль над приборами. Ещё минута, и будет поздно.

Ругаясь и проклиная этот чёртов лес, полковник, наконец, выпрыгнул. «Ишачок» косо спикировал к деревьям, раздался взрыв и в небо взметнулся чёрный столб дыма. Всё было кончено. Его «И-16» перестал существовать.

Приземляясь среди тлеющих деревьев, он краем глаза успел заметить бескрайний массив елей, сосен и берёз, покрытых шапками снега, в центре которых пролегла чёрная выжженная полоса разрухи. Повсюду валялись обломки крупного транспорта, а справа от себя он увидел фрагмент всё тех же дымящихся шасси, о которых упоминали его пилоты. Даже отсюда, с высоты, можно было различить, что их было шесть, попарно в три ряда.

Не успев, как следует удивиться и осознать этот факт, полковник бессильно запутался стропами в ветках уцелевшей сосны, да так и остался висеть, отчаянно пытаясь освободиться. Спустя минуту, он перерезал стропы ножом, свалившись в мягкий растаявший от пожара, но уже подмёрзший мох.

Тут-то он и увидел, как следом за его «И-16» небо прочертила ещё одна дымная полоса, скрывшись за верхушками деревьев. Это был самолёт Миронова. Раздался взрыв, посыпался с веток снег, метнулись в панике белки и вскоре всё стихло.

— Две машины подряд! — потряс кулаками Рябцев. — Потеряли две машины! — и, бросившись к месту падения, принялся кричать:

— Николай! Ты жив?

Несколько минут он пробирался, увязая по колена в снежных сугробах, ориентируясь на столб дыма. Потом услышал:

— Я здесь, товарищ полковник! Ногу повредил.

Рябцев увидел его, прижавшегося спиной к дереву.

— Нога это ничего. Главное жив! Встать сможешь?

— Так точно.

Миронов, держась за локоть командира, со стоном поднялся и, прихрамывая, попробовал идти.

— Ничего! — подбодрил полковник. — Простой ушиб при падении. Скоро пройдёт. Как тебя угораздило свалиться сразу за мной? Ты понимаешь, что мы потеряли сразу две машины?

— Так точно. Я шёл за вами и, увидев, что вас вдруг швырнуло к земле, последовал туда же, вводя машину в штопор.

— Где был Синявин?

— Не знаю. Я потерял его из виду. Связь тоже оборвалась. Наверное, остался над облаками. Когда они расступились подо мной, я увидел, что вы падаете. Как только мой «ишачок» нырнул за вашей машиной, мне показалось, что пелена облаков над кабиной... — он помедлил.

— Что?

— СОМКНУЛАСЬ, товарищ полковник.

— Не понял.

— Сомкнулась, — повторил он по слогам. — Вроде как пропустила нас с вами, а затем закрыла вход. Степан остался наверху. Сюда, под пелену он не нырнул.

Тишина, сковавшая лес, казалась бесконечной.

— Выходит, нас с тобой каким-то магнитом притянуло к земле, выводя из строя наши машины. Так что ли? А Синявин остался по ту сторону облаков?

— Выходит, так, товарищ полковник.

— И машины вышли из строя, когда по ним ударила молния. В твою била?

— Да. Сразу за вами. Полоснула по корпусу, прошла зигзагами насквозь, ударив в приборы. Дальше не помню. На миг потерял сознание, а когда пришёл в себя, уже кувырчался вместе с машиной, несущейся к земле. Пришлось выпрыгнуть.

— Да-да. Я видел хвост дыма.

Спустя секунду Миронов спросил, потирая ушибленную коленку:

— Товарищ полковник?

— Что?

— Нас выбросило в тот же участок леса, где мы видели следы катастрофы?

— Не-су-ще-ству-юще-го леса, Коля. Не существующего! — протянул он по слогам. — Ни на карте, ни в природе! Возле Ленинграда никогда не было таких лесных массивов. Разве что несколько веков назад, когда здесь ещё ничего не вырубали. Тогда Ленинград назывался Петербургом.

— Что будем делать?

Рябцев на минуту задумался.

— Поскольку раций у нас нет, самолёты взорвались, и мы совершенно не знаем, где к чёртовой матери находимся, то попытаемся выйти из леса по компасу.

Он раскрыл планшет, где был прикреплён компас.

— Странно.

— Что?

— Вертится, словно бешеный. А ну-ка, посмотри свой.

Николай в свою очередь раскрыл планшет. Результат был тот же.

— Как и приборы в кабинах, — хмуро констатировал командир. — Где-то здесь в лесу, причём не очень далеко, находится мощный источник магнитных излучений. Воздух будто пропитан ими. Кстати, ты заметил, что не слышно ни воздушных боев, ни гула артиллерий? Ни наших, ни немцев?

— Так точно. Тишина такая, что сразу и непривычно. Интересно, куда нас занесло?

— Занесло нас, Коля, в тот же очаг крушения, о котором вы говорили вчера ночью. И ты и Синявин видели его с высоты. Видел теперь и я, спускаясь на парашюте. Давай, держись за меня, попробуем дойти до очага катастрофы. Может, на месте что-либо узнаем. Хотя бы посмотрим, уцелел ли кто из экипажа. Но на всякий случай держи пистолет наготове. Вдруг всё-таки немцы...

Проверив амуницию, они пришли к неутешительным выводам.

— По пистолету, планшету, компасу, фляги с водой, по одному штык-ножу, — прокомментировал командир. — Стандартный набор пилота. — Индивидуальные медицинские пакеты. Наручные часы. Документы. Ни ракетниц, ни фонариков — всё сгорело в самолётах. Что у тебя в карманах?

Николай стал вынимать.

— Фотография невесты, — покраснел он. — Спички, папиросы несколько штук. Моток ниток с иглой. В планшете карандаш, циркуль...

— Не перечисляй. Набор планшета я знаю и без тебя. Карта та же, что вчера раскладывали на столе?

— Она самая.

— Так... давай теперь у меня посмотрим.

Рябцев прошёлся по карманам, вытаскивая расчёску, записную книжку, зажигалку, коробку папирос и прочую мелочь. Николай старался не смотреть, чувствуя себя неловко. Командир авиаполка делится с ним своими интимными вещами — где такое видано?

Тем не менее, полковник сразу поставил точку в этом вопросе.

— Слушай меня, Коля. Отныне мы с тобой вдвоём в лесу. Очевидно, как я уже имел возможность видеть, ему нет ни конца, ни края. Он не должен существовать в НАШЕМ мире. Следовательно, к берегу Ладоги выйдем или нет — вопрос на поверхности.

— Нас куда-то не туда швырнуло?

— Видимо, да. По всем вытекающим последствиям, нас с тобой занесло в какое-то иное пространство. Слышал об иных измерениях?

— Никак нет.

— Герберта Уэллса читал «Машина времени»? Попадалось?

Николай смутился.

— Я вообще мало читал. Не доводилось. Как лётное училище окончил, сразу война. Газеты читал, политинформации слушал. А что это такое «иные измерения» и «машина времени»?

— Ладно, позднее объясню, — с сожалением вздохнул Рябцев. — Как будет свободное время. А пока выдвигаемся к очагу пожара. И называй меня Виктором Михайловичем. Без звания. Здесь мы в неофициальной обстановке, никто не слышит. Если, разумеется, нас не найдут кто-нибудь из наших, или сами не наткнёмся на своих. — Он секунду поразмыслил, добавив: — В чём я глубоко сомневаюсь. Этот бесов ЛЕС, возникший ниоткуда под расступившимися облаками, кого хочешь собьёт с толку.

Он осмотрел ногу Миронова.

— Ну что, готов?

— Так точно, товарищ... — осёкся младший лейтенант. — Готов, Виктор Михайлович.

— Вот и отлично. Двигай за мной, Коля. Нам, по всей видимости, придётся пробыть в этом загадочном лесу ещё долго.

И они пошли. Один впереди, другой, прихрамывая, след в след за старшим товарищем и командиром.

Их ждала *неизвестность*.

*** (пауза)

Уже к вечеру, когда они обследовали обширный участок падения и пришли к выводу, что никто из живых не уцелел, командир авиаполка разжёл костёр. Младший лейтенант перетаскивал к огню уцелевшие припасы и предметы первой необходимости, которые им удалось обнаружить среди обломков.

— Неплохой улов, Виктор Михайлович, — оглядывая порядочную кучу, поделился Миронов. — И фонарики есть, и обувь с кое-какой оде-

ждой. Кабина сгорела начисто, но пара секций грузового отсека кое-как сохранились.

Присматриваясь к вещам, Николай всё больше и больше приходил в замешательство, граничащее с полным изумлением. На многих консервных банках были выбиты цифры «1996».

Эта же таинственная цифра попадалась и на бирках одежды с обувью.

— Очевидно, год выпуска, — констатировал Рябцев, уже ничему не удивляясь. Опытным глазом он сразу приметил необычную и совершенно незнакомую конструкцию транспортного гиганта, а уцелевшие приборы в кабине экипажа, расплавленные и разбитые при падении, давали ему невероятное объяснение всему случившемуся.

— Это самолёт из грядущих десятилетий, Коля. Наш. Советский. «Ан-22» под названием «Антей». И вынырнул он СЮДА таким же образом, как и мы с тобой. Некая воздушная сила швырнула целый кусок пространства в иное измерение, захватив с собой и нас и его.

— Это как?

— Это, Николай, есть самое настоящее перемещение во времени. Трудно мне будет поначалу тебе объяснить, но за ужином попытаюсь. Одним словом, когда расступились облака и сомкнулись затем над нами, дав нашим машинам низвергнуться вниз, мы последовали следом за этим гигантом, который в свою очередь перед нами попал в спираль воронки. Только мы попали сюда из нашего сорок второго года, а транспорт с экипажем, видимо, из девяносто шестого. Полвека спустя. Видел три свежие могилки с самодельными крестами из веток?

— Так точно.

— По всей видимости, это сгоревший экипаж. Пассажиров не было.

— И что?

— Их *кто-то* похоронил. Кто-то, кто уцелел в катастрофе. Возможно, даже двое. Судя по количеству кресел в кабине, экипаж состоял из четырёх человек. А могилки три.

— Там есть ещё одна насыпь без крестика.

— Я заметил, — кивнул командир. — Раз без креста, значит там закопано что-то любопытное. Ничего не будет зазорным, если мы после ужина раскопаем четвёртый холмик и посмотрим, что там спрятали наши незнакомцы из будущего. Или незнакомец. Жаль, что документы все сгорели. Можно было бы узнать наверняка их даты рождения. Но, так или иначе, будем пока исходить из того, что перед нами самолёт из грядущих десятилетий, неизвестно каким образом оказавшийся здесь, в этом несуществующем лесу.

— Вы говорили о каких-то перемещениях...

— Да. Судя по выводам, этот лес непонятно как возник целым геологическим пластом на месте нашего с тобой берега Ладоги. Возможно, сейчас над нами летают команды спасения во главе с Синявиным, но они нас не видят. Их самолёты видят под собой привычные очертания береговой линии Ладожского озера. Может, по-прежнему ведут бои с немцами. А мы в свою очередь не видим их. Нас перекинуло в совершенно иное пространство, параллельное нашему сорок второму году. Улавливаешь мысль?

Миронов смущённо пожал плечами.

— Я хорошо знаю небо, Виктор Михайлович. Отлично разбираюсь в механике самолётов, причём как наших, так и немецких. Неплохо ориентируюсь по карте и маршрутам вылетов. На моём счету десяток сбитых «мессеров» и «юнкерсов». Вы знаете, что я прилежный и ответственный лётчик.

— Знаю, Коля, знаю.

— Но вот чтобы сразу вот так, с бухты-барахты осознать какие-то иные пространства или параллельные, как вы выразились, измерения, тут... — он виновато развёл руками. — Тут я бессилён.

Полковник участливо улыбнулся.

— Ничего. Мы с тобой это наверстаем. Я тебе постараюсь вкратце объяснить. Хотя, видит бог, и сам ни черта не понимаю. Я мало смыслю в физике и прочих науках. А тебе просто не хватило времени читать и учиться дальше. После училища сразу война.

Они ещё долго сидели у костра, иногда вставая и пробираясь среди обломков в грузовой отсек за той или иной вещью, которая, по их предположениям мола пригодиться в дальнейшем. Некоторые очаги пожара ещё продолжали тлеть. Запах расплавленной резины уже не так забивал нос и лёгкие. Под вечер стало подмораживать, и они укутались уцелевшими шерстяными одеялами, совершенно не предполагая, что так же поступали и двое пришельцев из иных времён: их сослуживец капитан Руднев и командир экипажа «Антея» Ефимов. Такой вот, собственно, парадокс времени.

У костра было тепло. В морозном небе появились звёзды. Было на удивление тихо, словно лес их встретил настроженным ожиданием чего-то неизвестного и неподвластного их разуму. Беседа продолжалась до полуночи. Виктор Михайлович рассказал Николаю ту информацию, которой сам располагал на данный момент. К концу беседы двадцатилетний младший лейтенант Коля Миронов уже более-менее различал понятия «пространство», «параллельное измерение» или «иные миры»

— настолько, насколько их понимал сам полковник. И это было неудивительным, поскольку командир авиаполка всё же принадлежал временам сороковых годов, задолго до полётов в космос и открытий учёными «кротовых нор» с червоточинами времени.

Дежурили по очереди, на всякий случай, имея наготове пистолеты.

Несколько раз вблизи проشمывали лисицы, вдалеке бродили более крупные животные: то там, то там слышались рыки или хруст веток.

— Как бы нам к медведям на завтрак не попасть, — кутаясь в одеяло у костра, пошутил полковник. Он спал первым.

— Утром разбужу, и двинемся на восток. Будем ориентироваться по вошедшему солнцу. Может, всё же выйдем к берегу Ладоги.

— Я уже не уверен, — печально отозвался Николай, подбрасывая ветки в костёр. — Кругом сплошной непроходимый лес, замёрзшие бо-лота и ни одной живой души.

В этот день они так и не увидели следов двух пары ног, оставленных в стороне от их привала. Следы эти уводили в совершенно противоположную сторону. Это были снегоступы Руднева с Ефимовым.

А ещё они не обнаружили оставленную записку, которую Андрей Степанович написал, отправляясь с капитаном в глубины леса.

Глава 4

Несуществующий в реальном измерении лес. Зима 1782-го года. 16 часов 45 минут по местному часовому поясу.

Между тем в селении крестьян происходило следующее.

Когда Ефимов устало поднялся с лавки, ожидая деревенскую делегацию во главе с Морозовым, он не предполагал, что к ним явится он сам, вместо того, чтобы пригласить в свою усадьбу. Видимо, любопытство было настолько сильным, что местный голова сам лично решил пожаловать в гости к Серафиме, где остановились загадочные незнакомцы.

В избу ввалилось сразу несколько человек, кланяясь Андрею Степановичу ещё с порога. Следом степенно и чинно вошёл сам Морозов, в богатом полушубке, отороченном мехом соболя, с окладистой бородой и дежурной улыбкой во всё хитроватое лицо.

— Здравьица вам, барин! Не обессудьте, что не зову к себе на постой. Крыша у меня прохудилась, мужики с топорами почитай весь день шуму наводят. Позвольте представиться: граф Морозов. Владелец

этих земель и имения, дарованного мне нашей матушкой императрицей.

Он поклонился. Ефимов тоже склонил в знак приветствия голову, начисто забыв из истории, каким макаром здесь положено себя вести. Выглядывающие из сеней крестьянские лица рассматривали незнакомца с почтительным любопытством. Андрей Степанович представился официальным тоном.

Бросив меховую шапку на скамью, Морозов велел внести угощения. На столе вмиг появились горячие пироги, караваи, бутылки с вином и медовухой вместе с прочей снедью.

— Сказывали мне, что вы из самого Петербурга прибыли. Заблукали в лесу и сломалась карета.

Фима постаралась, мелькнуло в голове Ефимова. Она была уже на пороге, кинувшись суетиться у печки. Несколько девиц вызвались помочь. Алексей представился Морозову, и вскоре за столом сидело уже несколько человек из местной власти.

На удивление, Морозов не стал настаивать, чтобы его люди тотчас направились к карете, прихватив с собой кузнеца Прохора.

— Там остался только кучер и двое слуг, — поспешил его заверить Ефимов. — Остальной эскорт повернул назад к Петербургу за помощью. К завтрашнему утру справятся без нас.

То ли Морозову не хотелось встречаться с людьми императорского двора, то ли ещё по какой причине, однако притворно вздохнул с облегчением, сразу переведя разговор в иное русло.

Слово за слово, рассказ за рассказом, беседа за беседой, так и просидели за столом шумной компанией до самих сумерек. Порядочно отведав вина с медовухой и перезнакомившись со всеми, оба путешественника к концу трапезы разомлели, едва добравшись до печи, где и свалились без задних ног. Гости покинули избу, наперебой делясь своими впечатлениями. Старший барин обещал замолвить во дворце за них слово перед самой императрицей! Это ж надо, как судьба распорядилась! Всеми давно забытый граф вдруг снова предстанет во дворце!

Прощаясь с Морозовым, Андрей Степанович, тем не менее, попросил:

— Вы нам завтра с утра выделите, пожалуйста, сани с двумя мужиками. Там, где сломалась карета, у нас остались кое-какие вещи. Мужиков отошлём к вам назад, а сами останемся поджидать помощь. Слуги наши переночевали у костра, так что не пропадём.

На том и решили.

Проснувшись утром на удивление с ясной головой, оба путника в сопровождении кузнеца Прохора и его подручного отправились на сани к месту катастрофы. Разумеется, с ними увязалась и Серафима. Прося вчера у Морозова запряжённые сани, Андрей Степанович имел в виду сейф с инкассацией, закопанный ими рядом с могилками экипажа. Морозову и самому хотелось поскорее избавиться от эмиссаров императрицы, поэтому он пошёл на всяческие уступки. Лично проводил утром путешественников, приказав нагрузить сани различной провизией и подарками.

Таким образом, оба путешественника избежали неудобных для себя объяснений, каким-таким образом они оказались в лесу, да ещё и в такой непонятной одежде. И говор их не русский и произношение незнакомое...

Благо вино лилось рекой до самой ночи.

А уже к полудню, прибыв к месту падения грузового транспорта, они нос к носу столкнулись с Колей Мироновым.

Вот как это произошло...

*** (пауза)

Рябцев сидел у массивного железного ящика неизвестной конструкции с непонятными кнопками в виде цифр. Они с Николаем откопали его с утра, решив отложить осмотр накануне вечером. Проснувшись и позавтракав, оба лётчика ещё раз осмотрели территории крушения. Огонь утих, запах палёной резины улетучился, всё пространство развороченного взрывом леса покрыл легкий налёт инея. Дышалось легко и свободно. Оттаявшая при пожаре грязь сковалась утренним морозцем. Чёрные скелеты обуглившихся деревьев постепенно покрывались снежной пеленой, падавшей с пустого тихого неба. Ни взрывов, ни выстрелов, ни воздушных боёв, ни гула артиллерии. Казалось, оба путешественника очутились в самом настоящем снежном раю, если бы не повальная кругом разруха.

Выкопав сейф, Рябцев с удивлением уставился на него, совершенно не предполагая назначение столь крупного ящика.

— Документация? — обратился он к Миронову, очевидно надеясь, что тот сразу даст ответ.

— Или какие-нибудь секретные карты.

— Что, в общем-то, одно и то же, Коля. Заметил кодовые цифры? Нам его просто так не открыть.

— А стоит ли, Виктор Михайлович? Раз кто-то закопал, значит, предполагал сюда вернуться.

— Это я и без тебя понимаю. Но мы до сих пор не знаем, кто именно был в кабине. Ни имён, ни дат рождения. Знаем только, что по предположениям эта машина принадлежала концу девяностых годов уходящего века. Так выходит? А чтобы хоть что-то узнать о погибшем экипаже, необходимо открыть этот чёртовый ящик. — Полковник выругался. — Вот только вряд ли мы его откроем, не зная кода.

— Я пойду ещё раз покопаюсь в обгоревшей кабине, — предложил младший лейтенант. — Вдруг что-нибудь обнаружу. — Он потоптался на месте. — А если откроем? Что будем делать?

— В зависимости от содержимого, — откликнулся Рябцев. — Если какая-то секретная документация, то положим назад и закроем. Если какие-то материалы, касающиеся экипажа... — он помедлил, — изучим, чтобы иметь хоть какое-то представление о погибших пилотах. Сделаем так: я обследую сгоревшую кабину, а ты осмотри хвостовую часть, до которой мы ещё не добрались.

— Та, что отвалилась при падении?

— Да. Видишь её? — он указал в сторону истлевших уродливых деревьев, где метрах в ста от них громоздился исковерканный отсек громадного хвоста. Точнее, их было два, как на некоторых бомбардировщиках, только в несколько раз крупнее. Гораздо крупнее.

Вот таким образом и встретился Коля Миронов со своим командиром, капитаном Рудневым. Пока полковник Рябцев копался в кабине экипажа среди обломков приборов, выискивая какие-нибудь документы или схему открытия сейфа, младший лейтенант обследовал секции хвостовой части транспортного гиганта. Там его и увидел капитан, ещё издали соскакивая с подъезжающих саней.

— Коля! — заорал он от радости. — Шельмец такой! Ты откуда взялся?

Следом за ним с саней спрыгнул какой-то незнакомец в капитанской куртке. На санях остались двое мужчин и девушка в непонятной одежде. Коля Миронов оторопело открыл рот. Если бы в этом измерении зимой существовали мухи, одна из них непременно бы заглянула туда, обследовать неизвестное отверстие. Однако мух не было, и Коля щёлкнул отвалившейся челюстью.

— Товарищ капитан... — едва пролепетал он. — А мы вас... того.

— Чего того? — тискал его в объятиях Руднев.

— Мы это... — замылся ошалелый Коля. — Похоронили вас.

— Че-го-о? — оторопел в свою очередь командир эскадрильи.

— Геройски, — почему-то добавил младший товарищ. — Посмертно.

И умолк, вконец озадаченный.

До Руднева не сразу дошёл смысл сказанного. А когда дошёл, он громко и безудержно расхохотался. Коля попробовал присоединиться, но, как назло, ничего не вышло. Мешала отвисшая челюсть.

— Ты один здесь?

— Никак нет, — всё ещё не придя в себя, пролепетал Коля. — Полковник Рябцев обследует кабину.

— Наш Рябцев? Командир полка?

— Так точно!

— Да брось ты отвечать по уставу, — прервал его Руднев. — Не на войне. — Он многозначительно поднял палец. — ЗДЕСЬ нет войны.

— Нет войны... — повторил зачарованно Миронов. — А вы тут как?

Подошёл Ефимов. Пока мужчины с девушкой распрягали сани, урядкой посматривая на них, он представился:

— Андрей Степанович. Командир экипажа «Ан-22». — Немного помедлил и добавил, пожимая руку: — Погибшего экипажа. Того самолёта, что вы с полковником видите здесь в таком плачевном состоянии. Считаю, кусками.

— Младший лейтенант Николай Миронов, — представил Колю капитан Руднев. — Мой ведомый.

Коля представился бы и сам, но по-прежнему мешала отвисшая челюсть.

— Я лучше это... — попятился он. — Лучше пойду, доложу Виктору Михайловичу. — И кинулся, сломя голову назад к кабине.

Когда Андрей Степанович с Алексеем подошли к развалившемуся корпусу «Антея», полковник Рябцев был уже в курсе. Из бессвязного рассказа своего подчинённого он смог лишь узнать, что в лесу появились запряжённые сани с и их бывшим исчезнувшим пилотом.

А ещё спустя несколько часов, уже при сумерках, четверо лётчиков сидели у костра, отпустив Прохора с Серафимой домой. Туда же ушёл и подручный кузнеца. При расставании девушка проронила слезу, так и не успев, как следует влюбиться в Алексея. Однако честный лётчик пообещал ей, что непременно посетит их селение ещё раз, забрав девушку с собой в Петербург. Что было делать? Приходилось немного солгать, чтобы отделаться от любопытных крестьян. По уговору с Морозовым сани с тройкой лошадей оставались у путешественников, чтобы наутро выехать в сторону Ораниенбаума или Петергофа. А там до столицы рукой подать. Поэтому крестьянам дали напоследок понять, что

двое встреченных ими людей как раз и являются их слугами. Они вчетвером переночуют у костра, и наутро двинутся на санях в путь. О какой-либо карете Прохор спрашивать не стал, поминутно крестясь при виде громадных обломков самолёта, которые он видел впервые. Для него эти следы катастрофы представляли собой проделки нечистой силы. Поэтому, когда Андрей Степанович предложил им вернуться назад в селение, передав Морозову свои искренние пожелания, все трое припустили бегом по накатанной санями колее. Вскоре их силуэты скрылись за уродливыми скелетами чёрных деревьев. Лётчики остались одни.

— Итак, друзья мои, — подвёл итог полковник Рябцев на правах старшего по званию. — Теперь нас четверо в этом лесу, и нам никто не мешает. Я прав, Андрей Степанович? Простите, что взял первым слово.

— Ничего, — откликнулся командир «Антея». — Я сам хотел у вас спросить, что нам предстоит завтра делать?

Они уже познакомились, проникшись друг к другу искренним уважением. Историю попадания в это измерение вначале поведал Ефимов. За ним своими соображениями поделился Руднев, а закончил Рябцев. Коля сидел тихо и помалкивал, постепенно приходя в себя от внезапной встречи со своим командиром. Он до сих пор не мог взять в толк, каким-таким макаром капитан Руднев оказался живым и невредимым, если они всей эскадрилей похоронили его с почестями героя. Чудеса, да и только, размышлял Коля Миронов, слушая своих старших товарищей.

— Прежде всего, о сейфе, — продолжил Рябцев. — Простите, что мы его выкопали, но, как сами понимаете, нам были необходимы сведения о погибшем экипаже.

— Я понимаю, — вежливо ответил Ефимов. — Не каждый день с неба падает грузовой транспорт таких размеров, да ещё и в ином измерении. Здесь находится инкассация, — похлопал он по железному ящику. — Крупная сумма денег моей эпохи конца девяностых.

Набрал код и открыл массивную дверцу.

— Вот купюры образца тысяча девятьсот девяносто шестого года, — доставая тугие пачки денег, разъяснил он. — Можете посмотреть.

Перевязанные банковскими лентами новые пачки стали переходить из рук в руки. Трое лётчиков сорок второго года с удивлением осматривали неизвестные им купюры.

— Даже не знаю, что с ними делать, — как-то по-особенному вздохнул Ефимов. — Машину потерял. Экипаж погиб. Сам оказался в ином параллельном мире. К чему теперь ЗДЕСЬ эти бумажки?

Слово «здесь» он выделил ударением. Наступила пауза. Костёр протрескивал своим уютным тихим шумом. Белки и прочая живность постепенно отходила ко сну. Вечер над поляной опустился незаметно. В небе зажглись звёзды. Спустя минуту полковник предложил:

— Лошади с нами. Сани как раз выдержат четверых. Думаю, будет разумным отправиться на санях в сторону восхода солнца. Будем выбирать дорогу между деревьями и сугробами, благо полоса крушения пролегла как раз с той стороны, расчистив нам путь. Пока будет возможность передвижения на санях, постараемся продвинуться как можно дальше.

— А потом? — впервые подал голос младший лейтенант. — Если не найдём наезженной колеи?

Полковник бессильно развёл руками:

— С лошадьми и санями придётся расстаться. Взвалим на спины всё необходимое и двинемся пешком. Не век же нам тут сидеть у разбитого транспорта. Может, через день-два выйдем к окрестностям Петербурга.

— Скорее к Ораниенбауму или Петергофу, — поправил его Ефимов.

— Так точно, — кивнул Рябцев. — Вы, Андрей Степанович, как человек из будущего и самый разумный из нас в плане истории с географией, поделитесь, пожалуйста, своим мнением.

Ефимов надолго задумался.

— Прежде всего, что делать с могилками и сейфом, если мы отсюда уйдём?

— Сейф закопаем снова. А к могилкам постараемся вернуться, когда доберёмся до столицы и попросим помощи.

— Каким образом и у кого? Не будем же мы первым встречным объяснять, что мы какие-то непонятные им лётчики, свалившиеся с неба на крылатых машинах, да ещё из других измерений? Нас тотчас посчитают колдунами, благо, что во времена Екатерины уже не было инквизиторских костров. Однако в какую-нибудь крепость заточить могут.

Рябцев согласно кивнул и хмыкнул, обращая взгляд в чёрное звёздное небо, словно ожидая оттуда ответ.

— Что вы предлагаете в таком случае?

Андрей Степанович немного помедлил.

— Мне необходимо немного времени, вспомнить всё, что я знаю о временах правления Екатерины. Судя по словам Фимы, государыня правит уже двадцатый год. Следовательно, сейчас на дворе тысяча семьсот восемьдесят второй. Верно?

— Значит, будем исходить из этого, — поддержал Руднев.

— Итак, что мы имеем? — принялся загибать пальцы командир экипажа.

До наступления полуночи они вспоминали разрозненные факты правления государыни. Кто что помнил, тот тем делился. Разумеется, наиболее свежие и глубокие познания были у Ефимова, поскольку он всё же был человеком девяностых годов, а не сороковых.

Ночь прошла спокойно.

Через два дня с двумя ночёвками в лесу четверо путников на удивление всё же вышли к наезженной колее почтового тракта. Лошадей и сани пришлось оставить среди непроходимой чащи. Как и предвидел Ефимов, они оказались в пределах Ораниенбаума. Им это подтвердил шарханувшийся в сторону крестьянин, посчитав незнакомцев в непонятной одежде за вельможных иностранцев. Спустя ещё день, посетив Китайский и Большой Меншиковский дворцы, представляясь эмиссаром матушки Екатерины, они с почестями отбыли в Петербург. Провожать отправились самые знатные горожане, в числе которых были представители императорского двора. Четверо пришельцев из будущего направились в роскошных санях к резиденции государыни-императрицы. Их одиссея в лесу закончилась.

Наступил новый виток их пребывания в XVIII-м веке.

Глава 5

Расцвет правления императрицы Екатерины Великой. 1782-й год. Петербург. Зимний дворец. 6 часов 12 минут по местному часовому поясу.

Судя по дошедшим до потомков «Запискам...» бесчисленного круга приближённых к государыне, в числе которых необходимо упомянуть князя Долгорукова, графа Салтыкова, княгини Дашковой, секретаря Грибовского, графа Эстергази, фрейлины Протасовой и прочих, обычный день Екатерины начинался всегда одинаково. Это рядовой будничным зимний день 1782-го года, в относительно мирное время. Императрица живёт в Зимнем дворце. Её личные покои в первом этаже очень невелики. Рядом уборная, с окнами на Дворцовую площадь. Здесь императрицу причёсывают перед небольшим кругом её приближённых высших сановников, получивших утреннюю аудиенцию: это место малого выхода. Спальня сообщается с Бриллиантовым залом, за ним идут Зеркальный зал и другие приёмные покои дворца.

В шесть часов утра государыня обыкновенно просыпается. При её пробуждении к ней с многочисленных подушек бросается целая свора

любимых комнатных собачек породы английских левреток. Кофе уже на столе. Екатерина нюхает табак, и садиться за рабочий стол. Пока читает доклады и пишет корреспонденцию, почти не отрывает от лица золотую табакерку.

В девять часов утра возвращается в спальню, принимая с докладами секретаря Грибовского, обер-полицмейстера, канцлера, фельдмаршалов и прочих высоких посетителей. Светлейший князь Потёмкин в это время в Крыму вместе с Суворовым. Красавец фаворит Саша Ланской скромно сидит в углу, играя с собачками. Его время придёт к вечеру. Для него двери спальни её величества всегда открыты. К часу дня во время обеда проходит малый выход. В будни к столу государыни приглашается человек двенадцать: прежде всего фаворит, сидящий по праву руку. Несколько ближайших лиц свиты — граф Разумовский, фельдмаршал князь Голицын, граф Ангальт, братья Нарышкины, дежурный генерал-адъютант граф Чернышев, граф Строганов, князь Барятинский. По другую сторону украшенного золотыми сервизами стола располагаются фрейлины: графиня Браницкая, княгиня Дашкова, графиня Брюс и Протасова. Вице-адмирал Рибас, маркиз Ламбер и граф Эстергази приглашены тоже. Граф Шетарди отсутствует, как, впрочем, и оба брата Орлова. Они в опале.

После обеда Екатерина беседует несколько минут с приглашёнными; затем все расходятся. Наступает время разборки зарубежной почты и поступившей корреспонденции. Князь Вяземский готовит несколько донесений. Затем государыню переодевают для большого выхода. Вечер начинается с карнавальных танцев или дворцовых балов. В великолепно отделанных залах Зимнего дворца набивается до полутысячи человек различных званий и степеней по иерархической лестнице. Блистают наряды и военные мундиры. Льётся рекой вино. Звуки музыки заглушают смех и кокетливые признания в любви. Затем игра в карты. Она кончается обязательно в десять часов, и её величество удаляется во внутренние покои. Ужин подаётся лишь в парадных случаях, но и тогда Екатерина садилась за стол лишь для виду. Вернувшись к себе, она сейчас же уходит в спальню, выпивает большой стакан кипячёной воды и ложится в постель. Звонит в колокольчик. За скрытой портьерой появляется граф Ланской.

Обычный будничный день матушки государыни окончен.

*** (пауза)

Так было и сегодняшним утром.

Её величество как всегда проснулась вместе с собачками в шесть часов. Кувшин с водой, кусочки льда в вазочке. Протёрла лицо. Вот и весь туалет. Графиня Брюс подала расшитое золотом платье для малого выхода. Кофе был горячим и крепким.

В приёмной уже дожидался граф Строганов. Доклады следовали один за другим. Князь Барятинский прибыл с донесением от Светлейшего Потёмкина. Прочитав его, Екатерина с удовольствием воскликнула:

— Дадим звону всей Порте! Чтоб аж в Европе услышали!

«Дадим звону» — было её любимым выражением, когда государыня пребывала в отличном расположении духа.

— Что там ещё, любезный граф? — обратилась она к Салтыкову. Фрейлина Протасова в это время нашёптывала императрице последние слухи, бродившие по столице.

— Говорят, в Петербург вчера прибыли какие-то незнакомцы, весьма подозрительные на вид. Ни документов, ни верительных грамот, ни представительных писем. Через заставу их пропустили, но задержали в полицмейстерстве до вашего указания.

— А какое мне дело до каких-то незнакомцев? — удивилась Екатерина, призывая к себе Ланского. Во время отсутствия князя Потёмкина Саша Ланской был ей особенно приятен. Это не грубый Григорий Орлов, не заносчивый Васильчиков, не туповатый Зорич или Завадовский, и даже не ничтожный Корсаков, который удалился в своё, подаренное ему поместье, где направо и налево хвастался интимными связями с великой государыней. Саша Ланской был скромным и тихим. Потёмкин намеренно приставил его к ногам матушки государыни, чтобы его место не занял кто-нибудь из враждебной партии Голицыных — Нарышкиных.

— В том-то и дело, матушка, — шептала Протасова, — что они не какие-нибудь проходимцы. Говорят, что прибыли из очень далёких мест, и говор у них какой-то чудной, на наш не схожий.

— Иноземцы?

— Уверяют, что да. Непременно желают встретиться с вашим величеством. Охранникам они показывали чудные вещи, да и одежда на них весьма забавная. Один даже укутан с ног до головы какой-то материей.

— Ну а мне-то что до этого? — бросая томные взгляды на фаворита, упорствовала государыня.

— Чудеса они показывали охране, ваше величество.

— Ну-у... — протянула Екатерина, — этим нас не удивишь. Недавно только отбыл граф Калиостро, посрамившись в своих фокусах. Эти тоже из числа мнимых кудесников?

— Надо бы вам посмотреть на них. Любопытные личности.

— Хорошо. Доставьте их во дворец. Вечером взгляну.

И повернувшись к Салтыкову, весело повторила:

— Эх! Дадим звону Порте! Пускай теперь крымский хан Шахин гирей токмо попробует угрожать нам.

Махнув рукой, означавшей конец аудиенции и отпуская князя Барятинского, добавила напоследок:

— Светлейшему другу моему Потёмкину отпишите, чтобы как можно скорее возвращался ко двору. Александр Васильевич и сам справится там без него.

Она имела в виду Суворова. Прошла в следующие залы, где её ожидали более полусотни сановников разных степеней и титулов.

Таким образом, и оказались четверо путников из грядущих столетий перед светлым образом матушки императрицы.

Отныне их жизнь пошла совершенно иным путём, предначертанным судьбой свыше.

*** (пауза)

...Прошло несколько месяцев с того памятно дня, когда капитана Руднева, младшего лейтенанта Миронова, полковника Рябцева и командира экипажа «Антея» Ефимова представили великой государыне. Уже цвели яблони и сирени. Май месяц в Петербурге выдался на редкость тихим и тёплым, без гроз, наводнений и прочих нежелательных явлений природы. В порту Невы стояли на приколе несколько баркасов. Город полнился слухами, что во дворце её величества поселились какие-то заезжие иностранцы, способные творить чудеса.

В первый же вечер знакомства с государыней, Андрей Степанович на правах самого начитанного из группы поведал ей при аудиенции множество удивительных подробностей из её прежней жизни. Опираясь на вспоминаемые сведения где-то у себя в закоулках памяти, он изумил императрицу своими знаниями едва ли не во всех областях наук, о которых имел довольно обширные представления. Пожалуй, только Ломоносов мог соперничать с ним в эрудиции, однако великий учёный уже отошёл в мир иной. Ни для кого не секрет было, что в прошлом Екатерина именовалась принцессой Софией Августой Фредерикой Анхальт-Цербстской, прибывшей в Россию пятнадцатилетней девуш-

кой. К примеру, этот приятный пожилой человек рассказал ей дивные вещи. Якобы она войдёт в историю как императрица Екатерина Великая. За время царствования она искренне полюбит Россию и всю жизнь посвятит служению своей новой родине. Она будет главной защитницей Русской Православной Церкви и в то же время проповедовать веротерпимость. Выступать против крепостного права и реформировать систему образования. Будучи начитанной, эрудированной женщиной, переписывалась с Вольтером, Гриммом, Руссо, её перу принадлежали многие сочинения. Главным итогом её длительного правления, по словам Ефимова, стало то, что она дала России «сознание силы, гения и исторического предназначения».

Екатерина удивлялась всё больше, удалив почти всю свою свиту, оставшись наедине с четырьмя незнакомцами. Несколько вечеров провела она с ними, всё больше убеждаясь, что перед ней не обыкновенные заезжие иностранцы, а какие-то неведомые ей люди, особенно последний из них. Он знал такие интимные события из её, как прежней, так и грядущей жизни, что она посчитала его ясновидящим пророком.

— Откуда вам всё это известно? — почти со страхом интересовалась она, когда Андрей Степанович рассказывал ей очередной эпизод её дворцовых будней, о которых, казалось, не должен был знать никто, тем более какие-то приезжие иностранцы. Он знал подробности Чесменской битвы, словно сам присутствовал рядом с Алексеем Орловым. Знал даже отрывки переписок с Вольтером, а ведь они были сугубо личные и ещё нигде не публиковались!

В конечном итоге путешественники убедили её, что они вовсе не иностранцы, просто из далёкой Тобольской губернии: оттого и говор такой, непривычный её слуху.

Екатерина находилась в те дни в полном замешательстве.

Спустя почти месяц таких бесед, откуда императрица узнавала всё больше и больше подробностей истории правления государства российского, она отвела им во дворце покои, выделила штат слуг и полную смену гардероба. Единственное, что не затрагивал Ефимов, это количество её фаворитов, кто будет следующим и, собственно, даты смерти как её, так и приближённых. Того же Ланского, к примеру, или князя Потёмкина. Она и не настаивала, следуя мистическому женскому страху перед предсказаниями будущего. Он не рассказывал ей о правлении её сына Павла и других императорах, включая последнего Николая Второго, расстрелянного большевиками вместе с семьёй. Зато подробно рассказал о Наполеоне, Гитлере, Сталине. Для неё это было дре-

мучим непроходимым лесом: совсем таким, из которого они недавно вышли.

Коля Миронов в свою очередь стал при дворе занимать место своеобразного инженера по всяческому новейшим разработкам, привлекая целый штат архитекторов, строителей и прочих рабочих.

Капитан Руднев, пользуясь благосклонностью фрейлины Протасовой, открыл несколько мастерских по ремонту тогдашней незамысловатой техники. Он усовершенствовал первые автоматы — прототипы будущих игровых автоматов. Разбирался в часах, допотопных телескопах, предоставив императрице взглянуть впервые в жизни в их армейский бинокль. Увидев увеличенные в десятки раз изображения природы, зверей и людей, прохаживающихся в парках, она с испугом откинула дивную вещицу, как, впрочем, и наручные часы, зажигалки, ракетницы — иными словами — всё, что ей показывали её новые придворные.

Да-да. На удивление всем, она возвела четверых путешественников в штат своих близких придворных. Таким образом, полковник Рябцев был причислен к Преображенскому полку и стал одним из его начальников. Военная тактика, предлагаемая им полководцам, несла в себе полное переосмысление всех военных стандартов, существующих на данный момент. Екатерина планировала отослать полковника к Суворову в Крым, когда приедет князь Потёмкин.

Коля Миронов познакомился с одной из миловидных фрейлин государыни, благосклонно принявшей его неловкие ухаживания. Руднев частенько тосковал по Серафиме, помня с ней уговор, что со временем заберёт девушку в Петербург. Сам Ефимов нередко проводил вечера с императрицей, вводя её во всё новые и новые факты правления. Она не переставала удивляться его познаниям в области истории и особенно географии. Астрономия, биология, математика, физика и химия её мало интересовали, но вот география, к примеру, была ей весьма по душе. Это было что-то новое для неё. К тому же Ефимов зачастую рассказывал ей картины будущих веков, рисуя в её воображении различные образы будущего Земли и человечества в целом. Это были долгие занимательные беседы, когда собравшись за карточным столом присутствовали только самые доверенные лица. Салтыков, Вяземский, Ланской, Протасова, Дашкова. Даже канцлера не посвящали в такие беседы. Это был очень узкий круг, в который не входил никто другой. Когда приехал Светлейший Потёмкин, то и он вошёл в этот узкий круг посвящённых. С Андреем Степановичем и Виктором Михайловичем у него сразу сложились превосходные и доверительные отношения. В отличие

от государыни он сразу стал интересоваться различными изобретениями в области физики, химии, биологии. Увлёкся и астрономией, пожалуй, единственной из наук, которая ещё в России была малоизвестной. После Ломоносова и Эйлера эта наука мало кого занимала. Тут уже мог подключиться и Виктор Михайлович Рябцев, поскольку с детства интересовался звёздным небом.

...И вот в один из дней лета 1782 года четверым друзьям предстала возможность посетить тот участок леса, где некогда потерпел крушение грузовой транспорт конца девяностых годов двадцатого столетия. Они испросили у императрицы разрешение на прогулку в лесу, заверив, что намерены засвидетельствовать своё почтение графу Морозову. Капитан Руднев надеялся встретить при этом Фиму, забрав с собой, как и обещал. Ефимов хотел навестить могилки и откопать не нужный никому теперь сейф. Миссия «Инкассация» потеряла в этом измерении всякий смысл, но ему хотелось удивить Екатерину, показав ей денежные купюры 1996-го года.

Засветло позавтракав и загрузив телегу провизией, все четверо, без сопровождающих, с разрешения государыни покинули дворец, обещав, что вернуться через два-три дня. Князь Потёмкин хотел было увязаться за ними с целой свитой сановников, но, к счастью путников, был срочно вызван в Крым, куда и отправился тотчас же.

Таким образом, капитан Руднев, полковник Рябцев, младший лейтенант Миронов и командир экипажа «Антея» Ефимов оказались в том самом лесу, откуда началась их необыкновенная одиссея по иному измерению параллельного мира.

Они снова ушли в НЕИЗВЕСТНОСТЬ.

*** (пауза)

...Что-то холодное липкое и неприятное скользнуло по Колиному лицу, заставив его вздрогнуть.

Луна светила ярким серебристым светом, освещая поляну своим мягким сиянием. Ни ветра, ни шума ушедшей в сторону грозы. Уютное потрескивание костра, казалось, убаюкивало Колю, однако это непонятное прикосновение заставило его всмотреться в чёрную пустоту кустов. Отблески огня туда не достигали, поэтому Коля выпрямился, слегка потянулся и более пристально всмотрелся. Он дежурил уже два часа, сменив полковника Рябцева, завернувшегося в одеяло. Был конец августа, но в лесу ночью уже чувствовалась сырость — предвестник наступающей осени. Капитан Руднев с Андреем Степановичем ушли вчера

в селение крестьян, навестить графа Морозова с гостинцами от Екатерины. Командир эскадрильи предупредил, что, возможно, вернётся назад с девушкой, которую Коля знал из его рассказов. Телегу с лошадьми они оставили, когда пришлось идти по лесу пешком. Запомнив место и задав корму лошадям, они намеривались вернуться через сутки, если, разумеется, им ничто не помешает.

Прибыв на место и найдя уже порядком прохудившиеся могилки, осевшие в заросшую траву, они почтили память погибшего экипажа, разыскали поросший лишайником холм с сейфом, выкопали его и устроились на ночлег. Вокруг всё было по-прежнему. За время их отсутствия в течение полугода никто из посторонних сюда не проникал. Выжженная земля заросла буйной травой. Уродливые обгоревшие деревья снова покрылись молодой листвой. Разбросанные взрывом останки некогда титанического корпуса «Антея» представляли теперь собой громоздящиеся тут и там груды ржавеющего металла, сквозь которые пробивались новые ростки деревьев. Природа взяла своё, и теперь о месте катастрофы напоминали только торчащие из травы расплавленные обрубки шасси.

Что же всё-таки его разбудило?

Коля Миронов поморщился и озадаченно оглянулся на спящего полковника. До рассвета оставалось ещё два часа. Пистолеты они взяли с собой, так и не воспользовавшись ими ни разу. По молчаливому уговору они не показывали своё оружие никому во дворце, даже самой Екатерине. Такое условие предложил полковник Рябцев, справедливо полагая, что из-за этого могут возникнуть непредвиденные обстоятельства.

Теперь он услышал в кустах какой-то тихий шорох, и чувство неприятного прикосновения вновь посетило его, заставив напрячься, взводя курок.

«Может, ёжик? — мелькнула облегчающая мысль. — Или какой другой мелкий грызун?»

Тем не менее, он насторожился.

Дунуло едва заметным порывом слабого ветра. Под ногами, чуть дрожа, завибрировала почва. Рябцев за спиной перевернулся на бок, засопев по своему обыкновению.

Что же так тревожно на душе?

Николай подошёл ближе к кустам и тихо позвал:

— Товарищ капитан... это вы?

Тишина.

— Андрей Степанович?

Тихий, размеренный шорох.

— Чёрт! — выругался вполголоса Коля, стараясь не будить полковника. Может, лисица? Или заяц...

Додумать он не успел.

Внезапным порывом ветра, взявшимся ниоткуда, его швырнуло в сторону, едва не впечатав спиной в торчащий сук дерева. Где-то внутри грузового отсека, в его ржавеющих развалинах послышался мерзкий скрежет, как бывает, когда разъеденный ржавчиной металл принимает-ся отваливаться сразу несколькими большими кусками.

Коля непроизвольно зажал уши и выронил пистолет. В барабанных перепонках словно взорвалось несколько оружейных заводов, оглушив на время растерявшегося младшего лейтенанта. Странно... с немцем в боях никогда не терялся, а тут пришёл в полное замешательство. И где? В простом лесу!

Повеяло запахом озона.

— Виктор Михайлович! — позвал он полковника, пытаясь выпутаться из ветвей. Рябцев по-прежнему спал. Коля обернулся и замер. То, что он увидел, заставило его оцепенеть на месте.

...Тело полковника подёрнулось какой-то зыбкой дрожащей дымкой. Ещё секунда и спящего Рябцева начало размазывать в пространстве, словно растекающиеся краски акварели. Силуэт расплылся, превращаясь в бесформенное пятно перемешанных между собой фрагментов тела, одеял и одежды с обувью. Всё смешалось, будто включили мясорубку. Следом за расплывающимся силуэтом подёрнулся дрожащей дымкой костёр, затем сооружённый ими шалаш, потом все вещи на поляне и, наконец, сам сейф с инкассацией. Стремительный воздушный напор струи откатил полковника назад, проволоч по земле к кустам, исчезнув вместе с ним так же внезапно, как и появился. Материализовавшаяся в наэлектризованном воздухе спираль, стала поглощать в себя всё, что находилось в радиусе её действия. Коля не смог броситься к полковнику, поскольку сам был обездвижен какой-то чудовищной силой, взявшейся ниоткуда. Уже теряя сознание и проваливаясь в пустоту, он смог на миг почувствовать, как всё та же необъяснимая энергия вдруг повлекла его за собой, устремившись к вращающейся спирали. Воронка тоннеля раскрылась, поглощая Колино тело, которое стало разлагаться на атомы вместе с одеждой. Последнее, что он увидел, это пробежавшего мимо ёжика. Его всосало в раскрывшийся тоннель таким же образом, как и всё остальное. Пространство свернулось в некое подобие узла, крутануло тело Коли, исчезнув в пустоте. Напоследок дунуло сильным напором ветра, разметало костёр и всё затихло.

Николай Миронов, полковник Рябцев и сейф с инкассацией перестали существовать в этом измерении.

Всё, что осталось на поляне, это разметавшиеся угли костра, кое-какие мелкие предметы и ни одного упоминания о младшем лейтенанте с командиром авиаполка.

Эту картину полного опустошения и застали утром вернувшиеся из деревни путешественники.

*** (пауза)

Капитан Руднев вернулся без Серафимы. Справедливо полагая, что крестьянской девушке будет не место при императорском дворе, он как можно ласковее и вежливее попрощался с ней, предоставив её дальнейшую судьбу кузнецу Прохору. Ефимов наградил графа Морозова подарками от государыни, напомнив, что его непременно ждут во дворце. Польщенный таким вниманием Морозов едва не помчался тотчас же к приёмным палатам государыни. Оба путешественника, переночевав у Серафимы, оставили его в весьма радостном настроении. Что касается самой девушки, то она и сама понимала необходимость остаться в деревне, поскольку никогда не бывала в Петербурге, а тем более при дворе. Погоревав немного, она проводила путешественников, оставив на прощанье Алексею воздушный поцелуй. Прохор довёз их на телеге до опушки и двое путников из грядущих веков исчезли в гуще деревьев.

Таким образом, они и оказались утром в расположении покинутого ими лагеря. Ни Миронова, ни Рябцева.

— Что здесь произошло, Андрей Степанович? — оглядывая разруху, произведённую воронкой спирали, опешил Руднев.

— Не знаю, Лёша, — озадаченно отозвался тот, поднимая с земли уцелевший, но треснувший бинокль. Они обводили взглядом разметавшийся по поляне шалаш, разбросанные угли и наваленные кучами ветки. Напрасно кричали, призывая своих товарищей. Напрасно искали их следы.

— Как в воду канули, — удручающе заметил Алексей. — Ни записки, ни следов борьбы, ни каких-либо отметин. Словно их что-то «выдернуло» из пустоты, не оставив даже признаков присутствия. И сейф с инкассацией исчез.

Ефимов надолго задумался. Они уже успели обследовать едва ли не каждый сантиметр поверхности, обшарить кусты и обломки самолёта. Всё было впустую.

Разожгли потухший костёр и принялись размышлять, прикидывая различные возможности.

— Очевидно, во время нашей отлучки их посетил тот же портал временного сдвига, что выкинул нас в это пространство, — начал командир «Антея». — Не представляю уж каким образом та воронка спирали, что засосала мой и твой самолёты вернулась вновь, и самое главное, для какой цели? Чтобы забрать нас назад в свои измерения? Тогда для чего она *вообще* нас выбрасывала сюда? — сделал он ударение на слове «вообще». — Для того, чтобы мы полюбовались несуществующим лесом, селением крестьян, Петербургом и государыней Екатериной восемнадцатого века? С какой целью, Лёша?

— Ума не приложу.

— Я тоже. Единственное, что приходит в голову, это по каким-то нам неизвестным причинам, воронка портала снова посетила это место спустя полгода после первой нашей выброски.

— Может, соскучилась? — попробовал пошутить Руднев.

Ефимов усмехнулся, оценивая его присутствие духа.

— Тут дело в другом, Алексей. Буду откровенен, что ни черта не понимаю в этой «кухне». Тут возможно два варианта. Либо облака снова расступились, дав возможность порталу времени спуститься воронкой к земле, прихватив при этом твоих сослуживцев вместе с сейфом, либо...

— Что?

— Вот над этим я и ломаю голову битый час. Либо поляну просто ненароком накрыло какое-то энергетическое поле, случайно прихватив с собой всё, что на ней находилось. В данном случае железный ящик, кое-какие подвернувшиеся под воронку вещи и, собственно, самих наших друзей. Своеобразный круговорот временного пространства. Точнее объяснить не смогу, поскольку и сам в замешательстве. Тут физикой и не пахнет. Скорее, антифизика. Отсутствие каких-либо законов природы. Полная противоположность научным постулатам всех времён и народов.

Он подбросил ветки в костёр.

— И что самое удивительное, воронка вернулась на то самое место, где уже однажды побывала. Кто мне теперь скажет, что молния два раза в одно и то же место не попадает?

— У нас попадала, — задумчиво произнёс Алексей. — Но не молния, а снаряды. В битвах на земле бытует похожее мнение: дважды снаряд в одной воронке не взорвётся.

Вздохнув, закончил:

— Однако бывало как раз наоборот. Мой двоюродный брат в пехоте погиб именно таким образом. Год назад, когда только война набирала обороты.

Они помолчали немного, думая каждый о своём.

— Что будем делать, Андрей Степанович?

Ефимов бессильно развёл руками.

— Ждать, Лёша. Ждать. Не бросим же мы своих друзей неизвестно где.

— А где они сейчас?

— Ну, ты спросил,— печально улыбнулся старший товарищ. — Если бы я знал...

— Их могло занести в любое измерение, как вы когда-то говорили?

— Именно, что в лю-бо-е, — протянул командир экипажа по слогам.

— Эта червоточина кротовой норы, как их называют учёные-физики, совершенно непредсказуема. Я абсолютно не знаю её природы. Если Рябцева и Колю Миронова перетащило в какой-нибудь отрезок отдалённых исторических эпох, то они могут с таким же успехом находиться сейчас, скажем...

— Где?

Ефимов щёлкнул пальцами:

— Да хотя бы у того же Ивана Грозного. Или ещё дальше, образно говоря, в каких-нибудь временах крещения Руси, а то и при правлении Калигулы, например, или фараонов в Долине Царей близ Луксора. Так или иначе, во дворец мы не возвратимся, пока не поймём, где искать наших приятелей. Что мы скажем Екатерине, вернувшись без них? Еды у нас ещё на сутки. Если они не появятся, один из нас останется здесь, другой отправится в село за провизией, объяснив жителям и Морозову, что остались в лесу по какому-то секретному указу императрицы. Их это должно озадачить — меньше будут задавать вопросы.

На этом и решили.

Однако их планам не суждено было осуществиться. Всё, что произошло потом, они уже не помнили. Этот последний день их пребывания в ином измерении послужил началом целой веренице событий, необъяснимых и непонятных с точки зрения науки.

А именно...

*** (пауза)

Прошло несколько минут.

Ветер бушевал, ломая молодые ветви недавно проросших деревьев. Всё началось настолько внезапно и неожиданно, что оба путешественника, вконец ошалевшие, едва успели укрыться в обломках грузового отсека. Вначале сорвало всю обшивку, разметав её по поляне, словно ненужный отработанный хлам. Чудовищная сила приподняла корпус уродливого «Антея», вяло и лениво покачала его и опустила на землю. Хвост самолёта обвалился, посыпались различные запчасти, воздух взорвался угрожающим хлопком. Алексей Руднев вцепился в руку Ефимова, но того уже несло куда-то в разверзшуюся чёрную пасть воронки.

— Андрей Степанович! — проорал он сквозь бушующие вихри. Поляна превратилась в настоящий полигон разрухи. Вращающиеся концентрические круги, один в другом, подобно водовороту принялись поглощать в себя всё, что осталось от некогда бывшего крылатого гиганта. Напором бешеной струи в раструб тоннеля всасывало целые секции изуродованного транспорта: кабину, кресла пилотов, оборудование, внутреннюю обшивку, обломки шасси, подкрылки и турбины. Всё устремлялось внутрь, исчезая, как показалось капитану, по ту сторону пространства. Он уже не мог удержать впавшего в прострацию командира экипажа. Тот потерял сознание, когда его со всего маху впечатало спиной к корпусу. Руднева и самого отнесло на десяток метров, а когда всасывающая струя достигла грузового отсека, он уже был бессилён. Вслед за Ефимовым в раструб воронки, как в громадную утробу пылесоса, устремилось всё в радиусе нескольких сотен метров. Бушевавший вихрь заглатывал целые участки сосен и берёз, превращая насекомых и мелких грызунов в сплошную кашу переработанных отходов.

— Лё-ша-а!!! — донеслось уже из глубины чёрного зева. — Помоги...

И умолкло.

Последнее, что успел увидеть капитан Руднев, это огненно-кровавый шар солнца, внезапно появившийся из расступившихся туч. Громоздкие, будто вырванные из пространства набухшие куски облаков, как ему на миг показалось, *разъехались* в стороны, пропустив в образовавшуюся дыру два советских истребителя «И-16».

Затем его сознание помутилось, исчез сам лес, исчезло пространство, исчезло всё, что удерживало его в этом измерении. Как физическая

величина тело капитана Руднева Алексея Фёдоровича перестало существовать.

Истребители промчались над береговой линией Ладожского озера, преследуя отставших «мессершмиттов». Ни советские лётчики, ни немцы так и не увидели исчезнувшего внезапно леса.

На этом всё и закончилось.

Миссия «Инкассация» прекратила своё существование на планете Земля.

Эпилог

Каспийское море. Два километра от восточного побережья. Плавающая нефтяная платформа ПНП-11/18 «Морской бриз». 1996-й год. 16 часов 08 минут по местному часовому поясу.

— На посадку пошёл! — крикнул кто-то из буровой бригады, приставив руку к глазам от яркого солнца. — Ох, и красавец же! Настоящий гигант!

— Зарплату нам везут. И вещи тёплые, — откликнулись в толпе, сгрудившейся на вертолётной площадке нефтяной плавучей базы. — Скоро ждать пополнение.

Титанический корпус грузового «Антея» блеснул на солнце и пошёл на снижение.

До взлётной полосы было около двух километров.

Александр Филичкин

Самара

НАГА

Глеб

— Пустые всё хлопоты! — сказала седая ведунья: — Что с ним сегодня не делай, а всё одно, несчастный пацанчик помрёт! — старая женщина не спеша, развернулась. Опёрлась на суковатую палку и, чуть слышно кряхтя, медленно двинулась к двери, ведущей на улицу.

Стоявшие рядом, мама и бабушка больного ребёнка одновременно тихо заплакали. Шесть его тётушек, старшей из которых было всего восемнадцать, а младшей полтора года отроду, дружно нахмурились. Малышка даже стала потихонечку хныкать.

Сорокалетний дед мальчика озадаченно крикнул. Почесал начавшую лысеть голову, и вышел вслед за ветхой старушкой. Почтительно помог ей спуститься по ступеням высокой веранды. Проводил до калитки и лишь там решился спросить: — Может быть, есть какое-то ОСОБОЕ народное средство?

— Продайте его, — безразлично отмахнулась старуха: — Пусть у него появятся другие родители. Лучше всего, те, у кого в роду всегда появлялись одни пацаны. Они поименуют его по-иному и, тем самым, предрекут ему другую судьбу. День ребёнок у них проживёт, а, как станет темнеть, заберёте домой. Если, к тому времени, он ещё не помрёт.

Кто его знает, вдруг таким простым образом вы сумеете обмануть безносую жницу? Придёт «костлявая» за маленьким Глебом к его новой родне. Там мальцов очень много, а с таким именем нет.

Если она сильно замоталась за день, то может решить, что его утащила какая-то другая потусторонняя сущность. Их вокруг нас полно обретается. Плюнет «косая», да и уберётся назад в своё логово.

Древние знахари мне говорили, что такая простая уловка иногда помогала... — знахарка тихо хихикнула и, тяжёло опираясь на длинный посох, пошла по пустой сельской улице.

Фёдор Терентьевич немного помялся и предложил вслед пожилой собеседнице: — Давайте я Вас до дома подвезу на машине.

— Сама доберусь! — презрительно фыркнула женщина: — Здесь рядом. Всего то и нужно пройти десяток дворов. А ты немедленно принимайся за дело с продажей ребёнка! Вдруг успеете всё проверить до визита старухи с косой?

Сбитый с толку словами ведуньи, огорчённый мужчина замер на месте, как вкопанный. Да так и остался стоять среди пустой тёмной улицы. Немного потоптался в глубоком раздумье. Повернулся и пошёл в другой конец большого села.

Скоро добрался до дома товарища, Григория Харитиничева. С ним Фёдор в срочную воевал в одной из горячих точек планеты. Он постучал в закрытые ставни, и услышал сонный голос товарища, который лениво спросил: — Кого там ещё принесло?

Узнав, кто пришёл в такое позднее время, Григорий предложил старому другу пройти в летнюю кухню. Мол, там, никому не мешая, можно спокойно обо всём поболтать.

Сам быстро оделся. Взял спички, початую пачку с дешёвеньким ку-ревом и быстро вышел из дома. Они сели на лавочку, стоящую под невзрачным навесом, и начали о чём-то беседовать. Так они и сидели там почти до рассвета.

Меж тем новорождённый Глеб Прохоров всю ночь метался в сильной горячке. Его двадцатилетняя мама сидела возле самодельной детской кровати, в которой когда-то возилась сама. Смотрела на сына и не могла сомкнуть заплаканных глаз.

На рассвете сорокалетний мужчина вошёл в тёмную горницу. Строго посмотрел на супругу, которая немедленно поднялась с постели. Кашлянул и сказал голосом, не терпящим никаких возражений: — Буди-ка Марию, я скажу, что нужно ей делать!

Мама несчастного мальчика опять беззвучно заплакала. Не споря с насупленным мужем, бабушка молча пошла в детскую комнату. Мария, была второй дочкой в их дружной семье. Она часто оставалась за старшую и давно привыкла во всем помогать по хозяйству.

Девушка проснулась от первого шороха. Вскочила с кровати и торопливо оделась. Внимательно выслушала суровые наставленья отца. Бережно положила больного племянника в подол своего сарафана и вышла из дома.

Время уже приближалось к выгону скотины в общее стадо. Все люди были давно на ногах. Вышли во дворы своих просторных домов и молча возились в хлевах, возле коров. Их уже подоили и ждали, когда мимо поедет пастух. Тогда можно будет вывести бурёнку на улицу. Овцы сами за ней побегут.

Неся племянника в своём подоле, Мария двигалась посередине пустой сельской улицы, и громко кричала. То есть, вела себя так же, как те коробейники с автолавок, что изредка забредали в их глухое местечко. Вот только сегодня, селянам предлагали не какие-то житейские мелочи, крайне нужные в каждом в хозяйстве. Им сегодня сулили нечто совершенно другое.

— Продаю малого мальчика! Месяц от роду! Кому мальчик нужен? — звонко кричала Мария. Малыш тихо лежал. То ли уснул, то ли лишился сознания от сильного жара?

Заинтересованные таким необычным товаром, соседи тотчас покидали дома и подходили узнать, что и почём? Некоторые даже делали вид, что хотят купить пацанёнка и принимались за торг.

Помня наставленья отца, Мария просила огромную сумму. Совсем не уступала в цене и, естественно, ни с кем и не смогла сговориться.

Зато Григорию Харитиничеву, у которых было семеро своих сыновей, она уступила большого племянника удивительно дёшево. Спросила за него всего лишь один советский жёлтенький рубль.

Мария отдала покупателю недужного мальчика. Получила мятый потёртый билет Казначейского банка СССР. Зажала его в кулаке, как огромную ценность, и вихрем помчалась домой. Фёдор Терентьевич взял у дочери сумму, вырученную за несчастного внука. Повертел небольшую купюру перед глазами. Не нашёл в ней ничего интересного и передал заплаканной матери Глеба.

— Ведунья сказала, чтобы ты хранила её до семилетия сына. Если внук, даст Бог, выживет, подаришь эти деньги ему. Пусть истратит на любые мелкие прихоти. Глядишь, тогда всё обойдётся.

Люба взяла небольшую бумажку бледно-жёлтого цвета. Аккуратно сложила её вчетверо и ушла в соседнюю комнату. Там взяла самодельную шкатулку из дерева, где лежали все документы, и сунула рубль в свидетельство о рождении сына.

Новоиспечённые родители умиравшего мальчика отдали девушке деньги. Взяли ребёнка и отнесли в просторную русскую баню, стоящую между двором и огородом. Её к тому времени, Григорий успел хорошо протопить.

Тщательно вымыли пацанёнка в горячей воде. Сопровождая купанье словами и наговорами, которые были издавна известны семье, облили отваром из целительных трав. Обтёрли новым льняным полотном. Завернули в большую пелёнку и бережно отнесли в тёплый дом. Там его приложили к иконе святого князя Невского и нарекли Александром.

Новая мама покормила грудью очередного, уже восьмого по счёту мальчишку. Отнесла в тёмную спальню и положила в люльку рядом со своим, кровным сыночком. Ему было всего лишь полгода. Новый жилец тотчас успокоился. Крепко уснул и не просыпался до самого вечера.

Как только немного стемнело, старшая тётушка Глеба, Мария отложила все дела по хозяйству. Чисто вымыла руки хозяйственным мылом. Спустилась с веранды родимого дома и двинулась в путь на другой край деревни. Дальней стороной огородов пришла в дом Григория Харитиничева. Поднялась на большое крыльцо и постучала в дощатую створку.

Никто ей не ответил. Девушка потянула за деревянную ручку, и выяснилось, что дверь не заперта на прочный замок. Мария опасливо во-

шла в чужие тёмные сени. Осмотрелась и поняла, в просторной избе нет никого из хозяев, нет и никого из детей.

Она прошла в спальню. Вынула спящего Глеба из старенькой люльки, подвешенной к потолку тёмной комнаты. Стараясь не разбудить, осторожно завернула племянника в принесённое с собой покрывало. Взяла тёплый свёрток на руки и тем же путем помчалась назад. Бегом вернулась домой, где отдала мальчика его сильно измученной матери, своей старшей сестре.

От тряски пацанёнок проснулся и опять начал плакать, но хныкал он уже не так безысходно, как раньше. Чуть успокоившись, мама покормила младенца своим молоком, и он очень скоро уснул.

Как ни странно, но короткое проживание в доме соседей как-то смогло помочь больному ребёнку. Через сутки он пошёл на поправку, а очень скоро радовал всех окружающих своим бодрым видом. Со временем, он настолько окреп, что ничто не напоминало о том, что его сильно терзала непонятная хворь.

Прошло время. Глеб рос крепким здоровым мальчишкой, и ему стукнуло семь. В день рождения, Любовь Фёдоровна открыла ту большую шкатулку, в которой хранились все документы.

Достала заветный жёлтенький рубль, за который когда-то продали её родную кровиночку. Вспомнив то тяжёлое время, женщина печально вздохнула, и отдала деньги сыну, стоящему рядом.

Он взял протянутый казначейский билет СССР и недоуменно посмотрел на любимую маму. Ничего не скрывая, женщина рассказала всё то, что было связано с невзрачной купюрой. Все перипетии его небывалой отлучки, а затем и о возвращении в родную семью.

Мальчик внимательно выслушал необычную малоправдоподобную байку. Посмотрел на прямоугольник из желтоватой бумаги и с недоумением пожал узкими плечиками. Он просто не знал, что ему теперь делать с этим странным подарком?

К тому времени, когда наступил положенный срок, назначенный старухой-ведуньей, всё изменилось. СССР развалили те люди, которые должны были им управлять. Они сделали советские деньги настолько дешёвыми, что на них уже ничего нельзя было купить. Так они и валялась в разных местах, пока не исчезли неизвестно куда.

Спортлагерь «Олимп»

К шестнадцати годам, Глеб довольно успешно закончил девять ступеней основной общеобразовательной школы. Перевёлся в десятый класс и собирался всё лето спокойно прожить в тихом сибирском Трёхреченске. Ну, а если ему повезёт, то и слегка подкалымить на каких-нибудь сезонных работах. К примеру, на стрижке газонов или на разноске заказов в ближайшей пиццерии.

В крайнем случае, можно будет сгонять в гости к бабушке в соседний район. Там, как он помнил из далёкого детства, прямо возле околицы росла густая тайга, и протекала река, очень богатая замечательной рыбой. О семье Харитиничевых он уже совершенно не помнил. К чему забивать себе голову таким побасками, которые он когда-то слышал от взрослых?

Но, как всегда случается в жизни, судьба распорядилась совершенно иначе. Каким-то таинственным чудом, мама сумела добыть почти дармовую путёвку в молодёжный спортлагерь. Правда, по старой, неистребимой привычке, она всё ещё называла его пионерским.

Вышло так, что кто-то из её крупных начальников, выписал на своего «ребятёнка» сразу несколько подобных путёвок. Мол, чтобы ему хватило на всё лето до осени. Две из них вдруг оказались на один и тот же период.

Вот и пришлось бюрократу скрепить своё чёрное сердце и отдать одну из поездок своим рядовым сослуживцам. Сотрудники не стали собачиться из-за подобной халявы. Они честно бросили жребий и, неожиданно-негаданно, удача улыбнулась мамочке Глеба.

Нужно сказать, что парень очень любил различные виды современного спорта. Хорошо играл в дворовый футбол, в волейбол, баскетбол и настольный пинг-понг. Он даже несколько раз ходил в многодневный поход вместе с группой из туристского общества. Жаль, что клуб потом, внезапно закрылся. Говорят завод обанкротили, а у города не было денег на содержание подобных кружков.

Несмотря на спортивность и летнюю скуку, что-то в затее с молодёжным спортлагерем школьнику весьма не понравилось. Причём, не понравилось настолько активно, что он не хотел туда ехать. Как только он это почувствовал, то сразу сказал о своём непонятном решении.

Но сколько сын не артачился, а всё-таки пришлось ему уступить. Как знал Глеб из своего многолетнего общения с мамой, спорить с ней было совершенно бессмысленно. Это всё равно, что пытаться остано-

вить паровоз, летящий на полном ходу. Раз она, что-то решила, то свернуть её с такого пути было уже невозможно.

Поупиравшись ещё для порядка, Глеб согласился поехать и стал собирать свой новый рюкзак. Нужно сказать, что это был не примитивный «напопник», скроенный самим Абалаковым из обычной брезентовой ткани. Кажется, он это сделал ещё в тридцатых годах двадцатого века.

У Глеба имелось последнее достижение туристической мысли, крепко шитое из новейшей синтетики. Да и название сиё чудо носило вполне соответствующее — «Ермак Тимофеевич». То есть, было названо в честь атамана казаков, что завоевали Сибирь для великого Русского царства.

Парень немного подумал и здраво решил, что не стоит брать с собой очень много вещей. Ведь отбывает из города он всего на две полных недели. К тому же, направляется в стационарный спортлагерь, а не собирается в пеший поход по глухой сибирской тайге.

Так что, он взял только самое нужное. Свернул всё аккуратнейшим образом и уложил в новенький объёмистый «сидор». Как он думал, его личные шмотки не заняли и половины всего рюкзака.

— Вот и отлично! — удовлетворённо сказал себе Глеб: — Легче будет тащить до автобуса.

Утром нового дня, он спозаранку поднялся, быстро позавтракал и отправился в путь, на честно заслуженный отдых. Судя по тексту, отпечатанному на обороте путёвки, данное место располагалась в тридцати пяти километрах от города, и находилось в густом сосновом бору. На большом отдалении от ближайших посёлков.

К сожалению Глеба, постоянного рейсового сообщения лагеря с городом не было. Поэтому, пришлось туда добираться на старом, сильно изношенном «ПАЗике», арендованном местной администрацией.

Трясясь и громко чихая, древний автобус выбрался из небольшого Трёхреченска, и больше часа натужно пилил по глухому лесному шоссе. В конце концов, притормозил возле большого щита с вычурной надписью — «Спортивный лагерь «Олимп».

Затем, машина свернула с асфальта и осторожно сползла на узкий пыльный просёлок. Немного проехала по песчаной грунтовке, петлявшей среди толстых деревьев, и остановилась возле старых железных ворот. Их давно не касалась малярная кисть. Краска повсеместно осыпалась, а все прутья решётки покрыла толстая ржавчина.

Здесь водитель высадил группу ребят, и объявил, что приедет сюда лишь в середине недели. Переночует в домике лагеря, а утром вернётся в Трёхреченск. После чего, пожилой шофёр попрощался. Помахал всем рукой и тут же умчался неизвестно куда.

Вновь прибывших гостей, встретил мрачный инструктор и повёл внутрь большой территории. Судя по внешнему виду, раньше этот спортлагерь принадлежал какому-то серьёзному ведомству, а теперь стал чей-то неотъемлемой собственностью.

Соответственно и порядки здесь стали совершенно другими, а путёвки, естественно, платными. Хорошо, что группы оказались совсем небольшими. всего по десять-двенадцать юнцов. К тому же и поселили всех не в одной огромной палате на дюжину коек, а в номерах, каждый на двух человек.

К своему огорчению, Глеб скоро узнал, что оказался в одной тесной комнате с небритым верзилкой. Взглянув на опухшую рожу соседа, парень отчётливо понял, что тот уже очень давно вышел из старшего школьного возраста, и отношения у них вряд ли как-то наладятся. Разве, что парень будет на побегушках у такого громилы.

Угождать более сильным Глеб никогда не хотел и сроду никому не прислуживал. Это было совершенно не его свободолюбивом характере. Значит, жди, как всегда, очень больших неприятностей.

Прочие сверстники тоже встретили парня, довольно прохладно, а если сказать чуть точнее, то очень недоброжелательно. Видно у них уже сложилась компания, которой он почему-то не нравился.

Какое-то время, всё как-то с трудом обходилось. Наученный горьким опытом общения с такими людьми, парень старался не лезть на рожон и каждый раз, пытался уйти от прямого конфликта. Так продолжалось всю первую половину недели.

Постепенно все ребята вокруг почему-то уверились в мысли, что новичок просто трус. Они о чём-то между собой пошушукались и сплотились против него в единую дружную стаю. Затем, как всегда, попытались избить одиночку. Ведь он, негодяй, не желает вливаться в команду. Не хочет встать в самом низу иерархии и жить по волчьим законам маленькой кодлы.

В тот день, Глеб плотно позавтракал и, не предвидя каких-либо проблем, вышел из тесной столовой. Его тут же взяли под руки два очень крепких подростка из соседнего номера. Сдёрнули с главной дорожки, и повели неизвестно куда.

Сопротивляться такому насилию он благоразумно не стал. Зачем тратить силы напрасно? Скоро они ему пригодятся. Рано или поздно, это всегда с ним случалось. Так что, зачем тянуть с предстоящей разборкой? Он просто расслабился и, не упираясь, пошёл вместе с двумя провожатыми.

Вертухаи привели его на пустырь, расположенный за зданием старого склада. Тут их уже с нетерпением ждала приличная группа поддержки. Она состояла из пяти человек, в основном, все ребята были из его родного отряда. Среди них оказался и вечно небритый сосед по двухместному номеру.

Как всегда, начались обычные тёрки, типа: — Ты чё, здесь самый умный и борзый?

Эти вопросы не требовали никакого ответа. Поэтому, сверстники сразу перешли к любимому делу. Для начала они решили слегка поиграть в благородство и назначили честную схватку один на один. Естественно, что первым решил начать драку крепкий сосед по палате.

На днях, совершенно случайно, Глеб проходил мимо окон столовой и услышал разговор поварих. Из обрывков беседы, парень узнал, что мрачный бугай окончил школу ещё в прошлом году, и приехал сюда «отдохнуть» перед отбытием в российскую армию.

Он был выше соперника на полголовы и старше почти на два года. Затевая, как он говорил, «показательное наказание сокамерника», он хотел утвердить свою власть и окончательно подчинить себе всех малолеток спортлагеря.

К сожалению Глеба, он лишь перешёл в десятый класс общеобразовательной школы. Хорошо, что он тоже был парнем достаточно развитым, рослым, и крепким. Мало того, за время взросления, жизнь его покидала изрядно, и он вместе с мамой много странствовал по разным городам и посёлкам.

Часто переходил из одной школы в другую, и везде ему приходилось знакомиться с местными жителями. Кругом попадалось два-три человека, которые очень старались подмять новичка. Парню всегда приходилось отстаивать свою независимость. Он многому научился в общении со злыми сверстками и мог за себя хорошо постоять.

Так что и в этой драке он не был скромным статистом или, как говорить — грушей для избияния. Хоть и сам хорошо получил от крутого соперника, но так сильно и чётко дал ему сдачи, что болельщики с огорчением вздохнули.

Они поняли, что разгромной победы над «лохом» почему-то не вышло. Всё идёт не так, как им бы очень хотелось и, похоже, что состоя-

лась боевая ничья. Раз парень устоял против их жоака, значит, им не удастся им всегда помыкать. Кроме того, такой человек, как этот чувак, сможет всегда навалить каждому из них по отдельности.

Шобла сразу отбросила всё своё благородство. Прихлебатели быстро переглянулись и решили придти на подмогу своему командиру. То есть, захотели всем скопом вмешаться в баталию и проучить одиночку. Пусть знает, кто хозяин в спортлагере.

От безжалостной, кровавой расправы Глеба спасла повариха по имени — Марья Петровна. Женщина очень кстати вышла из задней двери столовой и увидела жуткую драку. Семь человек принялись бить одного. Она издала громкий вопль, похожий на вой полицейской сирены, и всех, так называемых — зрителей, сдуло оттуда, как ветром.

Остались только два основных «поединщика». Не обращая внимания на поднятый шум, они продолжили на кулаках выяснять свои отношения. На крик прибежали два дюжих инструктора по физподготовке.

Они вмешались в баталию и с огромным трудом развели драчунов в разные стороны. Потом, силком удерживали их на местах, до тех пор, пока те чуть-чуть успокоятся и перестанут рваться к противнику для продолжения боя.

Лишь после этого, осмотрели результаты злой потасовки и отвели обоих в медпункт. Там зачинщику всей этой истории наложили несколько хирургических швов и слегка поправили физию.

Не менее избитому Глебу молодая врачиха уделила значительно меньше внимания. Небрежно смазала йодом самые крупные ссадины и на этом закончила свой скоротечный приём.

Новость о схватке между двумя отдыхающими, обрела большую огласку, и дело приняло официальную форму. Начальник отряда не стал долго думать, кто во всём виноват, и всё свалил на вновь прибывшего Глеба.

Тем более, что «пострадавшего мальчика» он знал весьма хорошо. Тот приходился ему близким родичем по линии матери и иногда «отдыхал» здесь совершенно бесплатно.

Поэтому, старший инструктор решил наказать новичка-бузотёра, а чтобы не создавать излишнего шума, решил просто отправить его во свояси. Назад, в город Трёхреченск.

Мужчина посадил избитого парня в старый автобус, очень кстати захвативший в лагерь «Олимп». Замер на нижней ступеньке и стоял там до тех самых пор, пока водитель не тронул с места машину.

Только тогда он спрыгнул с высокой подножки. Прошёл рядом пару шагов. Подождал, пока закроются скрипучие двери древнего «ПАЗика» и, издевательски ухмыляясь, помахал на прощание рукой. Мол, счастливой дороги, пацан.

Возвращаться домой, как побитый щенок Глеб, естественно, никак не хотел. Во-первых, дома ему предстоял разговор с милой мамочкой, по поводу «его безобразного поведения в культурных местах».

В связи с тем, что следы драки были, как говорится, имелись в наличии, то отвертеться от нудной беседы ему не удастся ни при каких обстоятельствах. Значит, нужно где-то пробыть, пока синяки не исчезнут с лица. На излечение фингалов, как раз и уйдёт дней семь или восемь, и только затем, можно будет спокойно поехать домой.

Во-вторых, он не хотел дарить хозяину лагеря деньги за большую часть неиспользованной путёвки. Даже если она и досталось их семье совершенно бесплатно, то министерство образования за неё заплатило по полной программе.

Как писали в старинных романах, у парня «вдруг разыграло ретивое». Он немного подумал и решил, что нужно немедленно вернуться назад. А если сосед снова полезет выяснять отношения, то так отрихтовать небритую морду, чтобы он уже больше к нему никогда не вязался.

Глеб прошёл вглубь небольшого салона, где сел с правой стороны по ходу пустого автобуса. Машина, отъехала на километр от лагеря. Шофёр на ходу сунул руку в карман пиджака. Достал пачку какого-то дешёвого курева и выщелкнул из неё мятую сигарету без фильтра.

Парень сдвинул стекло окошка вперёд. Поднял свой тощий рюкзак с сиденья, и быстро вытолкнул «сидор» наружу. Хоть и был «Ермак Тимофеевич» наполовину пустым, но в узкую щель он пролёз с ощутимым трудом. Затем, упал на обочину песчаной дороги и скатился в канаву. Уже две недели, погода держалась на удивление жаркая. Так что, квет, к счастью Глеба, стоял совершенно сухим.

Управляя дребезжащим автобусом, водитель занялся ещё и прикуриванием своей сигареты. Эти два действия так сильно заняли мысли шофёра, что он не обращал внимания на своего пассажира.

Парень подошёл к пожилому мужчине и, сделав вид, что сильно смущается, сказал, мол, ему нужно по быстрому сбежать в кусты. Шофёр, недовольно скривился, но всё же остановил старый «ПАЗик» и открыл скрипучую переднюю дверь.

Сбежав по ступенькам, Глеб выскочил из стоявшей машины. Повернулся к водителю и громко сказал: — Я передумал возвращаться домой. Поживу пока в лагере до окончания смены.

— Без вещей? — ехидно ухмыльнулся пожилой человек.

— Да! Налегке! — в тон ему бросил настырный боец.

— Ну, делай, как знаешь. — равнодушно ответил мужчина. Двери с лязгом закрылись и автобус уехал.

Глеб вернулся по дороге назад. Поднял из канавы лёгкий рюкзак. Оттряхнул его от песка, прилипшего к ярко-синей синтетической ткани, и пешком двинулся к лагерю.

Старший инструктор стоял недалеко от ржавых ворот и о чём-то болтал с древним сторожем, которому было, наверно, под семьдесят, если не больше. Увидев парня, что с независимым видом вернулся назад, мужчина сначала опешил. Потом, он пришёл в такую жуткую ярость, что готов был задушить Глеба на месте.

К своему сожалению, сделать ничего он не мог. Автобус уже далеко укатил и пешком его не удастся догнать. Да и кто же за ним побежит? Сотовые телефоны тогда только входили в широкое употребление и ретрансляционные вышки ещё не добрались до самых глубин сибирской тайги.

Рации в лагере тоже пока не имелось. Слишком дорогое устройство. Ну, а гонять свои «Жигули» и жечь дорожный бензин ради какого-то полоумного шкета человеку не очень хотелось. Оставалось лишь ждать до выходных, когда снова приедет автобус.

Два прочих инструктора с возмущением узнали о появлении Глеба. Собрались в небольшом помещении, которое когда-то давно называлось «актовым залом», и дружно накинулись на непослушного парня.

Глеб часто оказывался в таких ситуациях и повёл себя весьма необычно. Он не стал никому ничего возражать. Молча стоял перед разъярёнными взрослыми и смотрел внутрь себя. Очень скоро работники физподготовки окончательно выдохлись и крепко задумались, где же поселить «негодяя»?

Оставить жить в прежнем номере, было никак не возможно. Небритый сосед кровный родственник хозяина лагеря и будет здесь отдыхать до окончания смены. Если он встретит парня, то наверняка взбелениться. Поднимет на священную месть всех своих прихлебателей, а это может закончиться кровавым убийством.

Через какое-то время, кто-то придумал неплохое решение. Мол, пусть «нарушитель порядка» поселится в изоляторе медицинского пункта. Как ни странно, но он был этому неслыханно рад:

— «Наконец-то, можно будет пожить одному, без всяких придурков». — подумал вдруг молодой арестант. Поднял с пола рюкзак и отправился к своему новому месту ночёвки.

Три долгих дня старший инструктор не отпускал «драчуна» от себя ни на шаг и прикладывал массу усилий, чтобы не допустить драки между двумя малолетками. Вечером, он отводил парня в медизолятор и запирали его там до утра. Ставни на окнах были плотно закрыты. Иначе противники парня давно бы их побили камнями.

К удивлению всех окружающих, такое положение дел очень нравилось Глебу. Ложись спать, когда тебе хочется. Читай себе книги, взятые в библиотеке, хоть до рассвета.

Это оказалось значительно лучше, чем постоянно бегать от озлобленных сверстников и регулярно от них отбиваться. А их между прочим, семь человек. Против такой большой своры, мог выстоять лишь, какой-нибудь киношный герой. Например тот же китаец Брюс Ли.

Зато молодому мужчине всё это очень быстро наскучило. А если выражаться точнее, то просто обрыдло. К тому дню, когда, наконец, пришёл выходной, он сам был готов избить своего подопечного.

В воскресное утро, Глеба, как заключённого, быстро препроводили на завтрак. Кое-как покормили и отвели в хорошо знакомый автобус. Рюкзак со всеми вещами уже находился в безлюдном салоне.

Инструктор силком усадил парня на переднее сидение «ПАЗика», которое расположено возле двигателя, с правой стороны от водителя. Неожиданно для всех окружающих, он достал из кармана наручники.

Взял Глеба за левую руку. Поднял на уровень пояса и ловким движением пристегнул запястье удивлённого парня к вертикальной стойке машины. «Возмутитель спокойствия» даже глаза выпучил от изумления. Если честно сказать, то к такому обороту событий он оказался совсем не готов.

Инструктор с удовлетворением взглянул на «браслеты» и пару раз дёрнул прочную стальную цепочку. Убедившись, что замок крепко защёлкнут, мужчина что-то насмешливо буркнул. Мол, теперь не сбежишь. Повернулся и, противно ослабившись, вышел наружу. Двери за ним тотчас закрылись.

Автобус взревел старым слабосильным мотором и бодро тронулся с места. Кодла смеющихся сверстников, весело бежала рядом с дорогой. Строила глупые рожи. Делала парню неприличные жесты и выкрикивала вслед «драчуну» ругательства и оскорбления.

Зачинщик всей этой травли спокойно стоял в стороне. Наблюдал за суетой малолеток и кривился в злобной усмешке. Синяки всех цветов и размеров покрывали небритую морду соседа по номеру и делали её похожей на физиономию гоблина.

Глеб тоже выглядел нисколько не лучше, но морально ему было куда тяжелее. Парень собрал волю в кулак и всё же сдержал сильный гнев. Он не стал отвечать на дикие вопли «друзей» по спортивному лагерю.

Повернулся к лобовому стеклу и уставился на песчаный просёлок, по которому бодро катился автобус. Он стал думать о том, что скажет расстроенной матери, когда вернётся домой?

Минут через тридцать, «ПАЗик» притормозил у развилки. Парень невольно поднял глаза на указатель, стоявший возле правой обочины. Судя по надписям, дорога, идущая прямо, вела непосредственно в город Трёхреченск. Съезд с шоссе, уходящий налево, направлялся в Подгорск.

Не обращая внимания на пассажира, шофёр пропустил три «КАМАЗа», мешающие маневру машины, и нажал на педаль. Автобус свернул с главной дороги. Устремился вперёд и покатился в ближайший рабочий посёлок.

Водитель взглянул в зеркало заднего вида, через которое следил за пустовавшим салоном. Встретился глазами с недоумевающим Глебом и угрюмо сказал: — Зря ты не уехал со мной в прошлый раз. В среду я бы довёз тебя до самого города, а теперь придётся оставить тебя в нашем райцентре.

Глеб не знал что можно сказать по данному поводу и подумал, что лучше ему промолчать.

— Я же видел, как ты выбросил вещи в окно. — продолжил беседу шофёр: — Только решил, что не стоит мне вмешиваться в ваши детские шалости. Прикинул, орешек ты, видимо, крепкий, сам сможешь выкрутиться из этой бодяги. Должен сказать, хорошо ты тогда отметелил племянника директора лагеря. Так рожу начистил этой дылде безмозглой, что всем приятно взглянуть.

Парень опять ничего не сказал.

— Ты пойми, твой начальник спортлагеря, он же тут полномостной хозяин, а мне нужно пахать на этого гада. Другой работы здесь уже не найдёшь. — пояснил устало пожилой человек: — Поэтому и ве-зу я тебя в райцентр Подгорск.

Там у нашего шефа двоюродный брат работает в райотделе поли-ции. Старший инструктор велел тебя сдать местным ментам. А чтобы те, всё поняли правильно, он приказал мне передать им небольшую маляву.

Я, конечно, эту цидулку немедля открыл. Прочитал и узнал, что он хочет от брата-начальника. А просит инструктор, чтобы братан задер-жал тебя суток на десять-двенадцать. Так сказать, за организацию дра-ки в спортлагере.

Решил негодяй сразу двух зайцев одним разом убить. Тебя наказать за помятую морду племянника и не выплачивать деньги за неиспользо-ванную тобою путёвку. Пока ты там будешь сидеть, срок твоего отдыха в лагере благополучно закончится. Каких либо претензий ты тогда ему уже не предъявишь.

А если мент прикажет своим вертухаям, так тебя так избыют в «обезьяннике», что придётся, потом очень долго лечиться. Причём, ни-чего ты нигде никому не докажешь. Против власти, у нас теперь не по-прёшь.

Зябка передернув плечами, Глеб немного подумал, но снова не на-шёл, что ответить.

Скоро показался райцентр Подгорск. Автобус проехал по несколь-ким улочкам совершенно деревенского вида и остановился возле не-большого строения с окнами, забитыми старыми досками.

Шофёр достал из бардачка кусок медной проволоки. Действуя сильными пальцами, согнул её хитрым образом. Поковырялся «отмыч-кой» в наручниках и снял «браслет» с запястья удивлённого Глеба. Второе стальное кольцо он оставил висеть на вертикальном поручне «ПАЗика».

Мужчина спрятал «ключик» в карман и тихо сказал: — Здешний районный отдел находится в двух кварталах отсюда. Сейчас я поеду к ментам. Отдам им маляву и доложу, что я вышел возле киоска купить сигарет.

Тем временем, ты расстегнул наручники спичкой, подобранной с пола. Раздвинул железные двери и сбежал неизвестно куда. Когда я вернулся, тебя уже не было в «ПАЗике». В случае чего, всем говори только так. Иначе, подведёшь меня под цугундер. Ты меня понял?

Он внимательно глянул на парня. Отметил, что тот всё отлично усвоил и быстро закончил: — Не думаю, что они кинутся искать беглеца вроде тебя. Обленись тут менты до предела и лишний раз не выйдут из своего околотка. Тем более, если нет надежды срубить хоть какие-то бабки.

Однако, задерживаться в нашем Подгорске я тебе не советую. Садись на ближайший автобус и уезжай поскорее домой. Машины стоят за этим углом, по правую сторону. — мужчина показал на перекрёсток двух маленьких улочек, лежащий чуть впереди.

Сказав водителю: — Большое спасибо! — Глеб взял рюкзак и развернулся к открывшейся двери. Выскочил из пустого салона. Не выдавая волнения, аккуратно повертел головой. Не заметил ничего подозрительного, и направился напрямиком к автостанции.

Парень вошёл в крохотный зал ожидания. Увидел пыльную доску с расписанием местных маршрутов и быстро ознакомился с коротеньким перечнем. К своему сожалению он скоро узнал, что автобус в Трёхреченск недавно ушёл, а следующий будет только через четыре часа.

В голове мелькнула весёлая мысль, что можно сгонять в гости к бабушке с дедом. Навестить дорогих стариков и пожить на своей малой родине до окончания срока путёвки. Глеб опять изучил список рейсов и узнал много чего неприятного.

Оказалось, что прямой автобус до родного села отсюда давно не ходил. Уже лет десять-двенадцать. Нужно было сначала добраться до ближайшего райцентра Заборское, и только оттуда можно было доехать нужного места. К тому же автобус туда уходил, один раз в сутки, в 6.30 утра.

К сожалению, ночевать в этом гадком райцентре Глеб совсем не хотел. Маячить возле совершенно пустой автостанции и полдня ждать автобус, идущий в Трёхреченск, тоже показалось ему довольно плохим вариантом.

Во-первых, костяшки всех пальцев очень сильно разбиты о небритую морду противника. Во-вторых, его лицо украшают разноцветные синяки и фингалы, а такой внешний вид вызывает у людей подозрение.

Мало того, в райотделе теперь уже знают, что он благополучно «сбежал» из автобуса и могут объявить его в немедленный розыск. Если его здесь поймают, то надолго упрячут в кутузку, а там всё будет значительно хуже, чем в лагере.

Обдумав все варианты, парень вдруг понял, что до Трёхреченска придётся топтать пешком. Судя по схеме дорог, от Подгорска до развилки на трассе, всего одиннадцать вёрст.

От перекрестка до любимого города ещё восемнадцать. Итого двадцать девять км. Не так уж и много для молодого туриста полного сил и энергии. Тело за три дня отдохнуло и уже не болит. Можно спокойно трогаться в путь.

— Рюкзак у меня совсем лёгкий. Так что, в любом случае, я доберусь до квартиры за шесть-семь часов. — сказал себе Глеб: — Может быть, и попутку смогу тормознуть по дороге. Тогда, всё закончится намного быстрее.

Пока он так размышлял, его взгляд бесцельно блуждал по расписанию автобусов. Потом наткнулся на небольшое окно и скользнул по стеклу, покрытому пылью. Парень увидел, как перед крыльцом автостанции появился светло-серенький «газик». На борту у него виднелась полоса синего цвета и белая надпись «Полиция».

Правое крыло машины было немного помято. Фара недавно разбилась, но так и осталась без стекла и без лампы. Автомобиль медленно ехал по площади, а сидевшие в нём трое ментов, активно крутили башками в разные стороны.

Не оставалось никакого сомнения, что Глеба же взялись искать. Рассуждать дальше на тему: — Что теперь делать? Идти пешком или дожидаться автобуса? — уже не было смысла. Нужно срочно отсюда бежать без оглядки.

Встреча с вогулом

Стараясь не привлекать к себе никакого внимания, парень медленно отступил от окна. Повернулся и, делая вид, что никуда не спешит, потопал к проходу, ведущему вглубь помещений. Его Глеб заметил, как только вошёл в автостанцию.

Он прошмыгнул мимо диспетчерской, где галдели шофёра и кондукторы. Шагнул в настежь открытую дверь и оказался на улице с другой стороны скромного здания.

Недалеко от порога он наткнулся на пустую телегу с колёсами на лысых резиновых шинах. Скорее всего, их сняли с какой-нибудь древней сельскохозяйственной техники.

В оглобли была запряжена невысокая красно-рыжая лошадь. Отгоняя назойливых мух, кобыла лениво помахивала длинным хвостом и изредка прядала большими ушами.

На облучке сидел старый сухощавый мужчина с усами и с редкой седой бородой, достигавшей середины груди. Он переставлял собой, нечто среднее между европеоидной и монголоидной расами. Лицо с заметной уплощённостью и высокими скулами.

Одет был так, словно сошёл с картин времён соцреализма пятидесятих-шестидесятих годов. Мягкий зеленоватый пиджак, коричневые мешковатые брюки, заправленные в голенища сапог. Рубашка сильно линялого чёрного цвета. На голове серая набольшая фуражка с маленьким козырьком. Ездок неторопливо возился с вожжами. Видно, он их разбирал перед началом поездки.

— Вы не скажите мне, по какой улице лучше всего выйти из Подгорска на трассу? — спросил Глеб у возницы.

Ветхий старик вскинул проницательный взгляд на своего собеседника и прямо спросил. — Тебе нужно добраться в Трёхреченск?

Парень утвердительно кивнул головой.

— Садись. Подвезу. — раздалось в ответ.

Не раздумывая ни единой секунды, Глеб бросил рюкзак в пустую телегу. Запрыгнул филейной частью на узенький борт. Не удержал равновесия и рухнул внутрь, спиной вперёд. Перекинул ноги через боковую стенку дощатого кузова и благополучно оказался в деревянной повозке.

Этому весьма поспособствовало то обстоятельство, что дно тарантаса было устлано толстым слоем свежего душистого сена. Не успел парень хорошенько устроиться, как старик громко крикнул:

— Но! — и сухо щёлкнул вожжами.

Услышав знакомый приказ, лошадь понятливо мотнула большой головой. Переступила ногами и почти без усилий шагнула вперёд. Небольшой экипаж достаточно резво тронулся с места и, слегка колтыхаясь на резиновых шинах, легко покатился по трассе.

Глеб приподнялся на правом локте. Высунул нос над краем деревянного борта и с опаской глянул назад. Парень увидел, что телега отъехала от скромного здания на несколько метров, и облегчённо вздохнул.

В этот момент, в открытую заднюю дверь кто-то шагнул из темноты автостанции. На улицу вышел расхристанный мент в замызганном кителе мышинного цвета. В руках у него была большая дубинка из твёрдой резины. В народе её именуют по разному, но чаще всего, как «демократизатор».

Парень быстро юркнул за борт и притаился на дне дощатого кузова. Взгляд служителя правопорядка равнодушно скользнул по спине

старика, сидящего в пустом древнем рыдване. Устремился вперёд по узенькой улице и начал искать среди редких прохожих, парня с синим юзжаком за плечами.

Помертвев от сильного страха, беглец замер в повозке, как мышь, учуявшая приближение кота. Так он пролежал какое-то время. С облегчением отметил, что не слышит шума погони, ни стука сапог, ни звука мотора полицейского «газика». Никто не кричит пожилому вознице: — Стой, стрелять буду!

Слегка успокоившись, Глеб осторожно приподнял голову над бортом телеги и глянул по сторонам.

Автостанция уже давно скрылась из виду. Пустой экипаж свернул вправо и покатил по маленькой улице, засаженной огромными старыми липами. Пригнувшись, парень встал на ноги и, придерживаясь руками за кузов, пошёл, качаясь вперёд.

Возница обернулся и увидел идущего к нему пассажира. Улыбнулся в усы и подвинулся на небольшом облучке. Глеб с удовольствием сел рядом с ним. Немного поёрзал и пристроился на широкой доске, отполированной за долгие годы до зеркального блеска. Глянув вперёд на дорогу, парень увидел, что перед ним находится широкий круп лошади с мерно качающимся длинным хвостом.

— Вы едите в город Трёхреченск? — начал разговор молодой человек.

— Нет. — ответил старик и, заметив удивление, возникшее на физиономии парня, растолковал всё довольно подробно: — В восьми верстах от Подгорска есть поворот с главной трассы. Если немного проехать по лесу, то скоро наткнешься на наше небольшое сельцо. В нём мы все и живём. А тебе милоч, надо до самого города?

— Да мне бы до поворота на «Пекинку» сначала добраться, а там, на попутках в Трёхреченск. — торопливо объяснил пассажир: — Вы скажите мне, когда нужно сходить?

— Ехать ещё далеко. Сиди, не волнуйся. — отмахнулся старик.

Телега выехала за границу райцентра и весело покатила по трассе. Вдоль неширокой дороги стеной стоял густой мрачный лес, всё больше еловый. Почему-то Глебу вдруг показалось, что когда он ехал с шофёром в Подгорск, то автобус двигался совсем по другому пути.

— «Нет,» — подумал он про себя: — «это никак невозможно. Я же смотрел на автостанции схему дорог и всё отлично запомнил. Оттуда выходят всего два шоссе. Одно ведёт на северо-запад к развилке, а от туда в Трёхреченск.

Второе направляется почти на восток, к старому райцентру Заборское. Судя по солнцу, висящему слева и сзади, мы едем правильно, прямо к закату. Ещё несколько вёрст и будет тот съезд, от которого можно добраться к деревне возницы. Там я сойду и через три километра окажусь на нужном мне перекрёстке.

— Извините, а как мне вас величать? — поинтересовался вдруг парень: — А то неудобно как-то без имён разговаривать. Меня зовут Глеб.

— Латимир Серкович я, а фамилия моя будет Сатыгов. — спокойно ответил древний мужчина.

— Вы исконный вогул? — не удержался Глеб от вопроса, который мог показаться недостаточно скромным.

— Да где ты теперь сможешь найти вогула чистых кровей? — засмеялся дребезжащим смешком старичок: — Сначала монголо-татары прошли через наши исконные земли, словно огромным катком. Потом появились казаки, за ними уже прибыли русские. Так что, мы теперь по составу крови не пойми, кто есть такие? Одни вогульские имена и остались при нас.

Дальше возница начал рассказывать какие-то былые предания, пришедшие из давнишних времён. Хоть, Глеб и слушал рассказы в полуха, но чтобы не обижать человека, он делал вид, что ему весьма интересно. Как говорится, хочешь быть любезен водителю, смотри ему в рот.

Время от времени он задавал пару каких-то вопросов, на что старик отвечал с большим удовольствием. Боясь пропустить небольшой поворот, парень постоянно следил за дорогой, но съезда в лес он почему-то не видел.

Слабый ветер слегка шелестел в верхушках высоких деревьев. Резиновые шины мерно стучали на трещинах, причудливо избороздивших дорожный асфальт. Латимир Серкович что-то мерно рассказывал. Убаюканный слабо журчащим голосом деда, Глеб то ли крепко уснул? То ли впал в нечто вроде прострации?

Неожиданно всё вокруг, подёрнулось странною голубоватою дымкой, похожей на редкий полупрозрачный туман. Парень резко встряхнулся и, словно преодолев какую-то вязкую силу, скинул с себя наваждение сна. Поднял тяжело гудящую голову и встревожено глянул вперёд.

Телега уже покинула запущенный лес и находилась на невысоком пригорке. Внизу лежала длинная пустошь, на которой уютно располо-

жилося небольшое селцо. В нём, по быстрым прикидкам, насчитывалось дворов десять-пятнадцать.

Прямая дорога проходила деревеньку насквозь и упиралась в густой совершенно нехоженный ельник. В конце узкой улицы висело огромное, багрово-красное вечернее солнце. Оно касалось макушек деревьев нижним сияющим краем.

Глеб недоумённо повёл взглядом вправо и влево. Понял, что не видит асфальтированной шоссейной дороги. Почувствовал, как у него перехватило горло от страха, и хрипло спросил первое, что пришло ему в голову: — А далеко ещё до вашей развилки?

— Почти тридцать вёрст от этого места. — ласково ответил старик.

— Как тридцать? — вскинулся испуганный молодой человек: — Вы же сказали восемь вёрст до поворота по трассе, да ещё немного по лесу. Или это другое селение?

— Наша милоч деревенька-то, наша, вогульская. Сатыговкой она уже лет сто называется. Только лесом, от того поворота ещё ровно двадцать семь километров.

— Я же просил вас высадить меня на развилке. — растерянно вымолвил парень.

— Я тебе говорил, что мы братец приехали, а ты что-то буркнул. Мол, поедешь и дальше со мной.

— И что же мне теперь делать? — чуть не плача выкрикнул Глеб: — Ни палатки, ни спальника у меня с собой нет. Да и еды, нет ни крошки.

— Переспишь у меня, а утром я тебя довезу до самого города. — лениво отмахнулся старик: — Всё равно, мне нужно завтра заехать к своим дальним родичам. Передать им кое-что очень важное.

Внезапно Глеб совсем успокоился и решил про себя: — «Так даже лучше. Приеду домой на день позже. Глядишь, и синяки на лице ещё подживут и не станут так сильно бросаться в глаза. Всё мать будет меньше кричать о моём поведении в культурных местах».

Он стал с интересом рассматривать небольшое селение. Первое, что его поразило, это полное отсутствие людей, животных и птиц. Второе, это странная тишь, висевшая над длинной поляной.

Глеб не слышал ни громкого лая собак, ни дребезжащего блеянья коз, ни густого мычания коров, вернувшихся с пастбищ домой. Вообще не было того множества звуков, что соответствовали обычную жизнь любой деревеньки. Только ветер легонько шумел в ветках ближайших высоких деревьев.

Парень не заметил даже тонких струй лёгкого дыма, поднимавшихся над кирпичными трубами добротных сельских домов. Всё говорило о том, что в поселении нет вообще никого. От таких удивительных выводов у Глеба даже мороз прошёлся по коже, а волосы на голове слегка шевельнулись.

Словно прочитав его странные мысли, старик пояснил: — У нас в деревне люди на зорьке встают, а на закате уже спать отправляются. Телевизор и радио у нас тут волны не ловит. Так что, вечером делать нам особенно нечего. Вот и ложится народ пораньше в кровать.

— А собаки то где? — со неожиданной злостью съехидничал Глеб: — Тоже спят крепким сном? Не обращают на приезжих внимания?

— Пустобрехов у нас сроду не держат, — отмахнулся старик: — а охотничьи псы привыкли работать молчком. Только громко рычат иногда. А так схватят крупного зверя и держат, пока к ним не подойдёт человек. Меня здесь все собаки знают давно. Вот на меня и брешут. Ну, а ты, так вроде, со мной.

Лошадь сама свернула направо и остановилась возле самой крайней избы. Дом оказался самый обычный, большой, ладно срубленный из толстых лесин, сильно посеревших от долгого времени.

Забор перед двором слегка покосился, но, несмотря на выбеленные непогодой плахи, казался достаточно крепким. Ворота были под стать столь прочной оgrade, высокие и основательные, словно их изготовили сто лет назад, а может и больше.

Старик бросил вожжи на облучок и ловко спустился с телеги. Двинулся прямо к оgrade. Вошёл в запертую на щеколду калитку. Шагнул за ворота и начал там с чем-то возиться. Наверно с неудобным затвором?

Глеб поспешил на помощь пожилому вознице. Вдвоем они навалились на дощатые створки и распахнули их настежь. Ржавые петли за скрипели протяжно, пронзительно и удивительно громко, что лишь подчеркнуло, стоящую кругом тишину.

Не дожидаясь особой команды, лошадь неторопливо тронулась с места. Устремилась во двор и направилась прямо к сараю, стоящему слева. Старик двинулся вслед за кобылой, а гость стал возиться с воротами.

Наконец, парень справился с огромными тяжёлыми створками и задвинул на место ржавый железный засов. Тем временем, старик уже распряг красно-рыжую лошадь. Взял её под уздцы и, что-то негромко бурча, увёл в небольшую конюшню.

Отряхнув ладони от пыли, Глеб повернулся, и увидел, что возле забора стоит большая будка для огромной собаки, сколоченная из толстых досок. Из неё нехотя вышел взъерошенный пёс, сильно похожий на большущего волка. Грозный домашний питомец хмуро посмотрел на позднего гостя.

От неожиданной встречи с таким крупным зверем парень невольно напрягся. Ведь кто его знает, что можно от него ожидать? Потом, увидев ошейник из толстой коричневой кожи. Отметил, что он плотно охватывает шею собаки, и облегчённо вздохнул.

Надёжная сбруя имела стальную цепочку, которая крепилась к толстой металлической проволоке, висевшей на высоте в пару метров. Та в свою очередь, тянулась вдоль большого двора и проходила от стенки сарая до самого дома.

— Какой великан. — уважительно выдохнул Глеб и добавил: — Не иначе, как помесь волка с крупной сибирской лайкой.

— Свой, Тагай! Свой! — прикрикнул старик на хмурого пса.

Показав огромные белоснежные зубы, кобель лениво зевнул. Не спеша развернулся на месте и, позвякивая толстой цепочкой, молча направился в просторную будку. Немного там повозился, улёгся и скоро затих.

Глеб боязливо направился к стоящей у сарая телеге. Вынул из неё полупустой синий «сидор» и, не мешкая, вернулся к крыльцу. Здесь возле ступеней глубоко вросла в землю широкая массивная лавка, срубленная из толстых осиновых плах. Такая древесина нескоро сгниёт.

Парень поставил рюкзак на плотную землю, утопанную до каменной твёрдости, и легко опустился на сиденье скамейки. Устраиваясь, немного поёрзал на гладкой доске. С интересом повертел головой.

Прямо за домом располагался большой огород, на первый взгляд, довольно ухоженный. Высоких сорняков не заметно. В дальнем правом углу ровной площадки стояла небольшая деревянная банька, срубленная из толстых стволов.

За ней высилась огромная ель, поднявшаяся над всеми соседними кронами метров на десять-двенадцать. Глеб обратил внимание на горизонтальную ветку, росшую возле самой вершины. Она была сломана и, скорее всего, это случилось очень давно.

В левом углу домового участка стояла простая, без искусов, уборная, сколоченная из старых досок. В центре потемневшей от времени

двери виднелось небольшое окошко в форме сердечка. Видно, дед, когда-то давно постарался.

Судя по лёгкому шуму, долетавшему из соседней конюшни, старик всё ещё возился с уставшей гнедою лошадкой. Как-никак пробежала за день, не менее тридцати километров. Нужно её быстро распрячь, осмотреть, не потёрлась ли где? Дать сена, а так же воды.

Спустя пять минут, возница закончил работу. Вышел из сарая во двор и запер ворота на простую щеколду, срубленную из тёмного дерева. Взглянув на празднично сидящего гостя, он неспешно направился к дому. Молча поднялся с земли на крыльцо под узкой двускатною крышей, и, обернувшись назад, лёгким кивком позвал Глеба с собой.

Подошёл к прочной двери, ведущей внутрь крепкого добротного дома. Потянулся к стальному засову и вынул из пробоя обычную щепочку, заменявшую ему надёжный замок. Толкнул внутрь тяжёлую створку. Переступил через высокий порог и скрылся в тёмных сенях.

Подхватив со скамьи свой рюкзак, парень направился следом. Вошёл в неосвещенное помещение и увидел в противоположной стене яркий проём, ведущий вглубь просторного дома. Свет оттуда бил прямо в глаза. Рассмотреть, что находится перед ним парень не смог.

Помня, что в подобных местах обычно стоят бочки, бадьи и прочая крестьянская утварь, Глеб осторожно, стараясь не споткнуться о незнакомые вещи, пересёк небольшую прихожую.

Вошёл в открытую дверь и понял, что находится в кухне. Слева, возле порога стояли запылённые сапоги старика. Гость опустил рюкзак на пол, настеленный их широкими досок. Скинул кроссовки и поставил их рядом с крестьянской обувкой хозяина.

Большую часть помещения занимала огромная русская печь, не очень давно беленая свежою известью. Всё здесь было на месте, внизу расположилось подпечье, с сухими дровами. Чуть выше, подшесток, с двумя чугунками. Над ним, глубокий шесток, в котором виднелась заслонка чёрного цвета. Сверху, уже на кирпичной трубе, вьюшка с задвижкой.

Боковая стена массивной конструкции упиралась в дощатую перегородку и, по всей видимости, выходила в соседнюю комнату. Слева находился продолговатый кухонный стол, покрытый старой клеёнкой с совершенно стёртым рисунком. Тут же разместились четыре простых табурета, изготовленных каким-то народным умельцем.

Несколько деревянных кадушек и разномастные вёдра, стояли вдоль длинной стены свободной от какой-либо мебели. Почти все они

были накрыты разными крышками, как деревянными, так и жестяными. Над ними висела широкая полка с разнообразной кухонной посудой.

Небольшое, оконце выходило на пустынную улицу тихой деревни. Филёнчатая дверь рядом с печью вела в жилые горницы дома. Глеб услышал, что старик возится за тонкой перегородкой. Никого не стесняясь, прошёл прямо туда и оказался в большой светлой комнате. Стены помещения были совершенно пусты.

Только на противоположной от двери поверхности висела простая деревянная рамка. За запylённым, давно не мытым стеклом, виднелись десятки фотографических карточек различных размеров. Все они оказались чёрно-белой расцветки и сильно пожелтели от долгого времени.

Взглянув на древние снимки, Глеб сразу узнал хозяина дома, снятого в различные годы его продолжительной жизни. Почти везде рядом с мужчиной стояла какая-то женщина явно вогульского типа. Скорее всего, она являлась женой старика.

С середины дощатого потолка свисала электролампочка без абажура. Светильник крепился к витому серому проводу в оплётке из ниток. Он шёл по стене по маленьким фарфоровым изоляторам, размером с фалангу среднего пальца руки.

В переднем, «красном» углу, вместо православных икон, темнела круглая тарелка старинного радиорепродуктора. Нечто похожее, Глеб в видел в кино, про далёкие послевоенные годы. Тогда подобная вещь имела почти у всех граждан советской страны.

Под чёрным устройством радиосвязи стояла большая и очень высокая двуспальная койка. Такое произведение искусства Глеб видел лишь один только раз в своей жизни. В тот год, когда он впервые приезд к бабушке с дедушкой. Потом, мода на подобные инсталляции куда-то ушла и все стали относиться к спальному ложу значительно проще.

В этом доме всё осталось в том состоянии, как было принято в пятидесятых годах двадцатого века. То есть, имела стальная кровать с высокими спинками, украшенными блестящими бляшками, стержнями и мелкими шариками.

Сама постель представляла собою пару ватных матрацев, на которых находилась перина толщиной в полметра. Сверху белело покрывало с богатым подзором. То есть, с широкой вышивною каймой, идущей понизу.

На покрывале лежало несколько маленьких думок, с вышитыми вручную котятками, щенками и птичками, неведомых никаким орнитоло-

гам. В изголовье высилась пирамида, сложенная из разновеликих подушек и укрытая тонкой накидкой из прозрачного тюля.

Над «шикарным» вычурным ложем висела, поблекшая от долгого времени, большая клеёнка. На ней виднелось горное озеро с тремя лебедями. За небольшим водоёмом темнел очень маленький, похоже, трёхкомнатный, готический замок с зубчатыми башнями и острыми шпилями.

На переднем плане «ковра» устроился Рыцарь с лихими усами времён позапрошлого века. Он щеголял ярко блестящими латами и красной розой в руке. Воин стоял на левом колене. Смотрел на дорогу избранницу, которая находилась поблизости, и протягивал ей крупный цветок. Принцесса была с такой тонкой талией, которая может встретиться только у игрушечной куклы по имени «Барби».

Неведомый народный художник нарисовал эту картину такими ядовито-кричащими красками, что даже минувшие десятилетия не смогли с ними что-либо сделать. Их невообразимо неестественный цвет нельзя было ничем приглушить. Даже серая пыль и та не справлялась с такой задачей.

Почему-то у Глеба создалось впечатление, что эту кровать не разбирали уже очень давно. Он вновь посмотрел на рамку с чёрно-белыми фото. В этот раз ему бросилось в глаза нечто совершенно другое.

Вернее сказать, он разглядел самую большую, и судя по чёткости линий, сравнительно новую карточку. На ней парень увидел хозяина дома, стоящего возле открытого гроба. В не крашенной домовине лежала пожилая усопшая женщина, видимо жена Латимира Серковича.

Пока Глеб вертел головой, старик стоял на коленях возле большого ларя, притулившегося возле фундаментального ложа. Наконец, он закончил возиться в глубине сундука. Что-то потянул на себя и вытащил наружу увесистый свёрток, покрытый кусочками ткани разного рисунка и цвета.

Развернув стёганое одеяло, он небрежно бросил на его большой половик, расстеленный вдоль помпезной кровати. Глеб с удивленьем увидел, что коврик был связан из разноцветных лоскутьев, скрученных в небольшие верёвочки.

— Будешь спать здесь, в этой комнате, — бросил гостю хозяин: — а я, как всегда, лягу на кухне. — чуть слышно кряхтя, он тяжёло поднялся с колен. Глеб услышал отчётливый хруст изношенных суставов мужчины.

— Спасибо. — откликнулся парень.

— А сейчас пошли ужинать. — старик вышел в сени и тут же вернулся. В руках он держал долгополый овчинный тулуп: — Укроешься, если замёрзнешь. — он бросил потёртую шубу рядом с большим одеялом. Отправился в кухню и загремел там какой-то посудой.

Гость двинулся следом.

— Рукомойник и всё остальное, на улице. — на ходу объяснил Латимир Серкович.

Благодарно кивнув, Глеб вышел из дома и остановился у двери. Солнце уже скрылось за высокими кронами леса. Ранние сумерки заполнили двор. Тагай тихо сидел в своей будке и не высовывал носа наружу. Наверно считал, что нет здесь ничего интересного.

Какое-то время парень стоял неподвижно и, наконец, с большой неохотой пересилил свой страх перед огромной собакой. Тихо спустился по скрипучим деревянным ступеням и боком прокрался мимо жилища Тагая.

Показывая, что он вовсе не дремлет, зверь громко, протяжно зевнул. Тихонечко рыкнул, но вылезать наружу всё же не стал. Видимо помнил, что сказал ему старый хозяин. Мол, этот парень свой человек. Пусть себе ходит спокойно.

Двигаясь по узкой тропинке, Глеб прошёл вглубь огорода. Навестил дощатый нужник, ничем не отличавшийся от подобных строений, разбросанных по просторам страны. Быстро закончил с кое-какими делами и вернулся назад.

Взглянул на просторный сарай и увидел на стенке строения то, что искал. Это был старый жестяной умывальник со штоком, украшенным снизу кругленькой пипочкой. Рядом была приколочена пустая консервная банка, в которой лежал кусок тёмного дешёвого мыла.

Гость вымыл руки и с наслаждением умылся. Полотенца рядом с рукомойником не он не нашёл. Поэтому, просто стряхнул воду с лица и ладоней и двинулся в дом, как есть, с мокрой кожей. Мол, чай на улице лето, само скоро высохнет.

Когда он появился на кухне, старик уже собрал поздний ужин. Парень не ел с раннего утра и проголодался, как турист после дневного похода. К его сожалению угощение оказалось на удивление скудным. На большой глубокой тарелке лежало с десяток картошек, сваренных в чугушке прямо в «мундире».

Здесь же стояла миска с зелёным перистым луком и пятью огурцами толщиной в три пальца. Видно, всё было сорвано со своего огоро-

да. Рядом располагалась краюха ржаного подóвого хлеба, и мелкое блюдце с сероватой каменной солью.

Украшала кухонный стол трехлитровая стеклянная банка с тёмно-красной вспененной жидкостью. В ней Глеб как-то сразу узнал простую самодельную бражку из лесной духовитой малины.

Разлив напиток по старинным гранёным стаканам, хозяин позвал гостя к столу: — Садись, ужинать будем. — не глядя на парня, он равнодушно добавил: — Жены у меня давно уже нет. Так что, не обессудь, разносолами угостить не могу.

Ждать пока гость сядет за стол, старик тоже не стал. Отрезал от каравая два толстых ломтя чёрного хлеба и один положил перед с Глебом. Второй устроил возле себя. Взял с блюда варёный картофель и принялся чистить от кожуры. Заскорузлые пальцы мужчины неожиданно быстро и ловко справились с трудной задачей. Вот что значит, многолетняя практика.

Старик осмотрел корнеплод, отдающий небольшой синевой. Обмакнул в крупную соль. Откусил от него, затем от длинной краюхи, и принялся мерно жевать. Огурцы, лук и бражку он тоже не оставлял без внимания.

Глядя как, хозяин уплетает домашние яства, Глеб сразу почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Парень не стал ждать ещё одного приглашения. Сел на табурет, и накинул на простую еду деревенского жителя.

Покончив с незатейливым ужином, Латимир Серкович, довольно улыбнулся в усы и сказал: — Со стола я всё сам уберу, а ты иди и ложись. Завтра я тебя подниму на заре.

Поблагодарив за немудрёную, но сытную пищу, Глеб тотчас поднялся. Взял табурет и задвинул на место, под большую столешницу. Подошёл к деревянной двери, ведущей в просторную горницу. Незнамо зачем, подхватил рюкзак, стоящий рядом с уличной обувью, и отправился спать.

Тяжёлое одеяло оказалось с ватной начинкой. Оно было настолько большим, что парень сложил его вдвое в длину. Подвернул один край так, чтобы было чуть выше в изголовье постели. Не раздеваясь, повалился на мягкое ложе и укрылся старым тулупом.

Лишь растянувшись на гудящей спине, он понял, как сильно измучился за сегодняшний день. Глеб вяло подумал: — «Видно, сказалось бесславное изгнание из лагеря».

Как писали в старых романах, парень смежил усталые очи, и мгновенно провалился в беспросветную тьму.

На'га

Проснулся Глеб от того, что почувствовал, как его сильно теребят за плечо. Он едва разлепил тяжёлые веки. С огромным трудом сфокусировал взгляд и с негодованьем зыркнул, кто же это не даёт ему спать?

В комнате было очень темно. Лишь прямоугольники окон слабо серели на фоне чёрных брёвен стены. Парень протёр руками глаза и только тут разглядел старика. Хозяин дома стоял перед ним на коленях и продолжал трясти гостя за плечи.

— Что случилось? — хрипло, со сна, спросил обеспокоенный Глеб.

— Вставай-ка милок, тебя ждёт Великая На'га.

— Какая такая ногá? — пробурчал не вовремя разбуженный парень.

— Сам всё скоро увидишь. — ответил старик. Отпустил плечо недозвольного гостя и строго добавил: — Собирайся милок поскорее, она очень не любит, когда к ней поздно приходят. Ещё, чего доброго, сильно рассердиться.

Глеб уже хотел отмахнуться от ветхого деда. Повернуться на левую сторону и продолжить внезапно прерванный сон. К счастью, он вовремя вспомнил, что старик обещал утром довезти его до Трёхреченска.

Поэтому, он не стал перечить суровому хозяину дома. Прикрыл глаза веками и, на ощупь, кряхтя, стал подниматься с постели. Спал он, не раздеваясь. Так что, время на облачение ему сейчас не понадобилось.

Громко зевая, парень подхватил рюкзак за широкие лямки и, волоча его по полу, поплёлся на кухню. Обулся в кроссовки и только потом, вдруг заметил, что вогула в помещении нет. Пожал плечами, помотал головой и вышел наружу.

Старик стоял возле двери и нетерпеливо топтался на месте, словно конь, застоявшийся в тесной конюшне: — Рюкзак оставь в доме. — приказал он непререкаемым тоном и сурово добавил: — Потом его заберёшь.

Вернувшись в тёмные сени, Глеб поставил «Ермака Тимофеича» рядом с порогом и, споткнувшись о высокий порог, вышел наружу. Пока хозяин захлопывал дверь. Пока вставлял щепочку в проушину вместо замка, гость зябко поёжился от предрассветной прохлады. Открыл пошире глаза и повертел головой.

К своему удивлению, парень не увидел вокруг ни одного огонька, горевшего в окнах деревни. Только большой диск полной серебристой луны одиноко мерцал в вышине.

Мертвенный свет падал на совершенно безлюдную местность, которая была укрыта тонким слоем тумана. Лёгкая дымка серела в отблесках тусклых лучей ночного светила, и походила на одеяло, накинутое на поверхность земли.

Всё небо заливала плотная чёрная краска, и лишь с левой стороны горизонта начинало немного светлеть. Не было слышно ни переключки молодых петухов, ни отрывистого собачьего лая.

— То ли, сейчас очень рано и петухи ещё спят? То ли, у них даже куры несут службу молчком? — сказал тихо гость. Протяжно зевнул и добавил: — Наподобие их суровых собак, похожих на огромных волков.

Старик спустился с крыльца, но направился не к широким воротам, как представлял себе Глеб, а в противоположную сторону, напрямик к огороду. Парень не стал задумываться над поведением пожилого мужчины и поспешил следом за ним.

Они прошли мимо тёмной дощатой уборной. Сделали пару шагов и упёрлись в забор из жердей. В высокой ограде находилась калитка, сколоченная из старых досок. За ней виднелся узкий проход, ведущий вглубь чёрного леса. Проводник открыл щелястую створку и без сомнений устремился вперёд. Стараясь не отстать от хозяина, гость рванулся за ним.

Скоро глаза немного привыкли, и Глеб всё же сумел кое-что рассмотреть. Утоптанная тропинка оказалась на удивление прямой, словно это была не простая лесная дорожка, а небольшая аллея, устроенная в старинном заброшенном парке.

С обеих сторон виднелись два ряда огромных деревьев. Они стояли шеренгами, уходящими вдаль, и росли очень близко друг к другу. Так близко, что почти соприкасались своими стволами. Причём, каждый из них был толщиной в два обхвата, а то и побольше.

За частоколом лесных великанов угадывалась сплошная непролазная чаща, забитая старым валежником. Это так удивило Глеба, что он резко ускорился и поспешил к старику. Парню хотелось спросить, откуда взялась эта просека в таких запущенных дебрях?

В это время, они выбрались из необычной шпалеры и оказались на обширной поляне. Парень глянул вперёд и с изумленьем увидел такое, что сразу забыл свой вопрос. Теперь его не волновали те садоводы, что устроили эту аллею.

Перед ним маячили десятки толстых и длинных продолговатых предметов. Они стояли на высоких столбах, прочно вкопанных в зем-

лю. Плотный туман висел в метре над почвой и создавал впечатление, что подпорки колод опираются на лёгкую белесую дымку.

— Что это? — с недоумением вымолвил Глеб.

— Домовины. — коротко бросил совершенно спокойный старик: — Кладбище деревенское. Мы всегда гробы ставим на большие столбы, чтобы звери не терзали покойников. — Латимир Серкович остановился и склонил кудлатую голову. Скинул небольшую фуражку и, зажав её в кулаке, стал что-то шептать.

— Молится. — решил про себя парень. Хотел перекреститься, но почему-то не решился этого сделать. Он много раз видел у матери небольшие иконки и старинные церковные книги.

Однако, в их маленькой сплочённой семье не было привычки ходить в соседний православный собор. Как-то они всегда обходились без посещения свящённого места.

К тому же, ещё неизвестно, к каким конкретно богам обращается местный старик? Вдруг он какой-то язычник древнего толка? Тогда он может сильно обидеться, что при нём кто-то креститься.

Перестав бормотать, бодрой походкой старик двинулся дальше. В этот раз, тропинка резко свернула в левую сторону и пошла по краю поляны, в обход большого погоста.

Они протопали по длинной пологой дуге. Выбрались на противоположную сторону кладбища и заспешили по узкой тропинке. Теперь она снова вела так же прямо, как современные взлётные полосы.

Через десять минут быстрой ходьбы старик остановился возле старого, давно упавшего дерева. Присел на толстый ствол, лишённый корявой коры. Достал из кармана затёртой фуфайки кисет и принялся вертеть самокрутку.

Глеб в недоумении топтался рядом с вогулом. Переминался с ноги на ногу и не знал, что ему теперь делать? То ли и дальше стоять, как часовой? То ли, сесть рядом с хозяином дома? Ленивым движением, старик оторвал от сложенной многократно газеты прямоугольник бумаги размером в три пальца руки.

Насыпал в него сушёных, мелко нарезанных листьев и ловко смастерил сигарету. Чиркнул спичкой о коробок. Не спеша закурил. Блаженно зажмурился и, задрав голову к небу, выпустил в воздух облако пахучего дыма.

Парень почувствовал непривычный возбуждающий запах, мало похожий на обычный табак: — «Махорка, что ли какая?» — мелькнуло в голове удивлённого парня: — «Или местная таёжная травка?»

Латимир Серкович сделал несколько глубоких затажек. Внимательно глянул на всё ещё тёмное небо и заявил строгим тоном: — Иди дальше по этой тропинке и скоро выйдешь на скошенный луг. Там, в центре поляны, стоит небольшая избушка. Подойдешь прямо к ней, постучишь и вежливо скажешь: — Баба Яга прими пешего странника.

Говоря странное женское имя, старик сделал ударения на последних слогах.

Глеб неожиданно вспомнил древнюю сказку, которой мама пугала его в годы далёкого детства. Весело хмыкнул и переспросил немного иначе: — Баба Яга — костяная нога?

— Цыц, ты! — грозно прикрикнул старик: — Не баба, а Баба! — он вновь повторил ударение на втором слоге слова: — С древнего языка переводится, как очень Мудрая, а Яга значит дарительница, приносящая жертвы. То есть, жрица по вашим учёным понятиям.

Глеб потрясённо кивнул.

— Иди, а я тебя здесь подожду. — смягчился старик и опять глубоко затанулся резко пахнувшим куревом.

Недоумённо покачав головой, парень неожиданно вспомнил, что ему ещё нужно доехать из деревни до развилки шоссе. Как ни крути, а это двадцать семь километров по лесу, в котором он никогда не бывал. Поэтому, если станешь спорить с вогулом, то дед может просто не взять его с собою в Трёхреченск. Как потом отсюда добираться до дома, вообще непонятно.

Он тихонько вздохнул. Повернулся и пошёл по узкой тропинке. К удивлению парня, туман здесь почему-то отсутствовал. Небо стало гораздо светлее, и стоящие рядом деревья были хорошо различимы.

Через пару минут, он вышел на обширную, совершенно пустую поляну. Диаметр она оказалась почти в двадцать метров. Скорее всего, местные жители использовали её для заготовки кормов для скота.

Судя, по ёжику короткой отавы, траву тут недавно скосили, но сено уже подсушили и даже успели убрать. Значит, в деревне есть ещё и другие селяне, которых Глеб почему-то не видел. Не мог же один старый вогул проделать такую большую работу.

Парень глянул вперёд и разглядел, что посередине холёной лужайки стоит маленький сруб, похожий на обычную сельскую баньку. Как и положено, все его стены смотрели на все четыре стороны света. Вот только находилась эта странная мыльня слишком далеко от деревни и от проточной воды.

Может быть, под скромной избушкой бьёт чистый источник, к которому изредка приходит народ? Такое часто случается, если вода кажется людям чем-то целебной. Иногда весть о таких родниках разносится на десятки километров вокруг, а то и на целую область.

Кроме такой небольшой несуразицы, имелись ещё некие странности. Во-первых, сверху виднелась очень странная, остроконечная и круглая крыша, крытая мелкой осиновою дранкой. А это весьма непривычно для окружающей местности. Тут тебе не Юго-Восточная Азия с их круглыми пагодами. Здесь кровли делают вальмовые. То бишь, плоские, скатные.

Во-вторых, данный домик покоился не так, как все остальные, на твёрдой земле. Он стоял на четырёх круглых столбах. Скорее всего, это были останки деревьев, росших здесь когда-то давно. Об этом говорили узловатые корни, уходившие в почву поляны.

Неведомый зодчий спилил четыре ствола на высоте чуть более метра. Получились короткие пни, торчавшие из плотной земли. На них опёрли нижний венец скромного здания, а сверху возвели стены из бревен.

Так что, издали эта постройка сильно напоминала избушку на «курых ногах». Она выглядела именно так, как её обычно рисуют в сказочных книжках. Только на детских картинках птичьих лап всегда только две, а здесь их имелось целых четыре. Причём, расположены они, оказались не так, как у курицы, почти посерединке, а равномерно, по всем углам здания.

Глеб прошагал по узкой тропинке, пересекающей скошенный луг, и несмело приблизился к небольшому строению. Поднял глаза от земли и с удивлением понял, что не сможет попасть внутрь странного домика. Здесь нет ни крыльца, ни проёма, ни двери, ни даже маленького слухового окошка.

Он обогнул «баньку» по кругу и опять пришёл на дорожку, приведшую его из леса сюда. Абсолютно все стены строения оказались совершенно глухими. Никакого намёка на вход.

Заинтригованный парень стоял перед домиком и не верил своим утомлённым глазам. Для чего кто-то построил избушку, в которую невозможно войти? Не через крышу же они в неё забираются? Там запросто может прятаться люк, но даже если и так, то где лестница, по которой человек может подняться и спуститься обратно? Её, что приносят с собой, а потом забирают назад?

И зачем, вообще, старик поднял его в такую несусветную рань? Вон и солнце ещё не взошло. Или это такой ритуал у местных подгорских

вагулов? Коли заночевал в их мелком селе, то будь братец любезен. Встань на рассвете, сходи к их святилищу и поклонись их таёжным божкам?

Глеб хмуро посмотрел в сторону леса. Ему показалось, что среди тёмных стволов, он различает огонёк сигареты. Видно, дед сделал большую затяжку, от чего самокрутка хорошо разгорелась.

— Приглядывает за гостем старик. — с раздражением сказал себе парень: — Ну, а если не сделаю так, как вогул приказал, так он, чего доброго, не захочет везти меня в город.

Топай потом двадцать семь километров по грунтовой таёжной дороге. А если заблудишься в таких глухих дебрях, то долго потом будешь плутать. И неизвестно, сможешь ли куда-то добраться?

Он решил больше не думать об этом. Нужно выполнить указание Латимира Серковича и поскорее вернуться в деревню. Может быть, удастся немного поспать перед отъездом в Трёхреченск?

Шагнув к невысокой стене, Глеб постучал кулаком по ошкуренным бревнам. Сосредоточился и насторожённо прислушался. Из избушки не доносилось ни звука. Неожиданно до него дошёл весь комизм ситуации.

Он, современный образованный парень, стоит в предрассветном лесу и выполняет какие-то нелепые ритуальные действия: — «Может быть, вогул просто решил подшутить надо мной?» — мелькнуло у него в голове: — «Силён всё же дед! Ну да ладно. Делать мне нечего, придётся сейчас подыграть старику».

Глеб ещё раз ударил в толстую стену и, с трудом сдержав смех, прокричал во весь голос: — Ба́ба Яга́, костяная нога́, прими калику убогого. — в избушке по-прежнему не было слышно ни единого шороха.

Вдруг парень разозлился и твёрдо решил: — «Всё, хватит мне маяться дурью! Пора двигать назад!» — он сделал шаг по тропинке и увидел вогула, стоящего с краю обширной поляны.

Латимир Серкович несколько раз властно взмахнул правой рукой. Его жестикаляция безмолвно приказывала: — Давай братец, стучи!

Тяжко вздохнув, Глеб снова вернулся к стене. Грохнул по брёвнам кулаком ещё один раз и, чтобы поскорее закончить с утомительным розыгрышем, серьёзно сказал: — Ба́ба Яга́! Прими пешего странника!

Ответ прозвучал так неожиданно, что парень чуть не подпрыгнул на месте от страха. Лишь через пару секунд, он пришёл немного в себя и осознал, что ему приказали: — Входи!

Как показалось смущённому Глебу, грубый начальственный голос шёл откуда-то снизу, прямо из-под странной избушки. Он наклонился и осторожно глянул под небольшое строение. Солнце ещё не взошло над макушками леса. Предраассветные сумерки заливали дно скромной «баньки» непроницаемым мраком.

Парень опустил на корточки. Упёрся локтями в колени и всмотрелся в плотную тьму. С ощутимым трудом он различил настил из плотно подогнанных ошкуренных брёвен.

В середине квадратного перекрытия он увидел продолговатое световое пятно. Глеб сощурил глаза и разглядел слабый призрачный свет, сошедший из избушки наружу.

Переступая мелким, гусиным шагком, он продвинулся немного вперёд и только после этого понял, что пол у избушки отнюдь не сплошной. Оказалось, что два бревна, находящиеся в самом центре наката, воле не круглые, а стёсаны почти что, наполовину.

Между ними имелся узенький лаз, не более восьмидесяти сантиметров в длину и сорока в ширину. Именно из этой округлой дыры и просачивался слабый мерцающий блеск.

Не выбираясь из-под избушки, Глеб повернулся на пятках и неуверенно взглянул на вогула. Мол, что делать дальше? Старик энергично махнул правой рукой, показывая юному гостю, лезь внутрь, как можно скорей!

Ни с того, ни с сего, парня вдруг разобрало любопытство: — «Что же там за БаБа́ такая сидит? Голос у неё громкий и властный, как у отставного полковника, а избушка на удивление тесная. Совсем не по чину для мудрой и таинственной жрицы».

Шагая на корточках, парень продвинулся к самому лазу, и застыл точно под ним. Невольно сдержал дыханье. Стал не спеша выпрямляться и медленно всунул голову в небольшое отверстие.

Прямо перед собой Глеб разглядел какие-то непонятные кучи, покрытые тканью. Он с большим интересом пошарил глазами по сторонам. На правой стенке избушки парень увидел ржавый светец, из которого торчала лучина, тлеющая слабым огнём. Он повернул голову влево и увидел невероятно старую женщину.

Лицо жрицы покрывало множество очень глубоких морщин, а голову украшал высокий остроконечный клубок. Она сидела на странных мешках и была одета в накидку, плохо различимую в слабом мерцающем свете.

Несмотря на чрезвычайно почтенные годы, она держалась неестественно прямо. Сидела так ровно, словно кол проглотила. Тонкие смуглые руки хозяйки спокойно лежали на её, ровном, как стол, животе.

Бегло взглянув на четвертую стену избушки, Глеб не увидел там ничего интересного. Лишь те же непонятные торбы, лежащие на голом деревянном полу. Получалось, что кроме странной старухи в домике никого больше не было.

Он повернулся лицом к древней жрице и, совершенно не желая того, встретился с её властным пронзительным взором. Глаза у неё оказались настолько большими и тёмными, что у парня даже голова слегка закружилась.

Волнение, и настороженность разом ослабли, а затем и вовсе куда-то исчезли. Глеб тотчас успокоился, и вяло подумал: — «Вряд ли эта старушка приносит здесь кровавые ритуальные жертвы. Даже если это и так, то ей одной со мной точно не справиться. Вон она, какая худая».

Он медленно выпрямил ноги, слегка согнутые в напряжённых коленях. Встал во весь рост и удовлетворенным отметил, что бревенчатый пол странной избушки оказался на уровне его крепкой груди.

Значит, стоит ему быстро присесть, и он тотчас уйдёт от любой атаки старухи. Окажется на открытом пространстве, а там будет видно, как дело сложится, и кто кого победит? Опыт в уличных драках он имеет немалый и умеет его хорошо применять.

Глеб облегчённо вздохнул и чуть не закашлялся от тяжёлого, спёртого воздуха, наполнявшего тесную комнату. Морщась от столь неприятного запаха, он с неприязнью подумал: — «Похоже, что бабушка не отличается особой опрятностью. Да и сухие лечебные травы сильно кружат мне голову. Вон их сколько лежит в тёмных мешках возле стен».

Замотанная в тряпки, старуха вдруг шевельнулась и тихо сказала: — Входи пеший странник.

В этот раз, голос был уже не таким командирским, как раньше. Зато в нём вдруг послышались какие-то непонятные, шипящие звуки, неприятно царапнувшие настороженный слух. Хозяйка взмахнула сразу обеими тонкими ручками. Повела кистями с длинными пальцами и сделала весьма непривычный приглашающий жест.

Глеб поставил ладони по краям узкой щели, прорезанной в прочном накате. Опёрся на руки, легко отжался от перекрытия, и его ноги свободно повисли над твёрдой землей. Он уже начал примериваться,

как бы ему полочнее втянуть себя внутрь и поудобнее усесться на пол, как всё тотчас изменилось.

Лежавшие возле стен, тёмные торбы вдруг шевельнулись и что-то сильное и чрезвычайно упругое, скользнуло по поясу парня. Перетекло с левого бока на плоский живот. Прошлось по правому подреберью и быстро нырнуло за спину. В ту же секунду он внезапно почувствовал, как его касается, что-то до ужаса гибкое. Оно опустилось чуть ниже и крепко сжало бёдра и голени.

Охваченный страхом, Глеб понял, что зря он влез внутрь избушки и, надеясь юркнуть в дыру, резко расслабил обе руки. К вящему ужасу парня, он не рухнул на землю, как недавно рассчитывал, а неподвижно повис среди маленькой комнаты.

Не веря своим ощущениям, беглец бросил вниз панический взгляд. Там он увидел такое, от чего у него даже кровь вдруг замерла в жилах. Перед ним находилось круглое змеиное тело толщиной не менее тридцати сантиметров в диаметре.

Гибкое, матово блестящее тулово стремительно оплетало его виток за витком. Подобно тому, толстый электрический кабель наматывался на сердцевину катушки. Уже через пару мгновений, его руки оказались плотно прижаты к бокам, и он даже не мог ими слегка шевельнуть.

Парень резко задёргался. В то же мгновение, чёрные упругие кольца сжались с такой сокрушительной силой, что его ребра жалобно хрустнули, а в глазах потемнело. Необоримая сила приподняла жертву над полом, и внесла внутрь помещения.

Затем, железная хватка немного ослабла. Глеб почувствовал себя немного свободней и с громким всхлипом втянул воздух в сжатые лёгкие. В глазах слегка прояснилось, и он снова смог разглядеть всё вокруг.

Он с ужасом понял, что висит над бревенчатым настилом избушки, а его голова почти касается потолка тесной комнаты. Не желая поверить глазам, парень ещё раз опустил голову вниз и снова увидел, туловище огромной змеи, обвинившей его от подбородка до пят. Шкуру питона покрывали короткие блестящие волосы, наподобие тех, что встречаются у чёрных гладкошёрстных собак.

Трепещущий, как осиновый лист, Глеб вскинул глаза на старуху, сидящую напротив него. Дарительница поймала его панический взгляд и стала быстро подниматься с мешков, лежащих возле стены. Только она не вставала с сидения, как делают все обычные люди. Ягá всем телом двигалась вверх, словно сидела на некой платформе, стремительно взлетающей к небу.

Через пару мгновений, лицо старой хозяйки оказалось на уровне глаз потрясённого парня, и тут он с ужасом понял, что у жрицы отсутствуют ноги. Оказалось, что её тонкий торс переходит в невероятно длинное змеиное тело, толщиной в её талию.

Глеб вновь не поверил тому, что увидел. Надеясь на то, что всё только сон, он сильно зажмурил глаза. Резко помотал головой справа на налево, и лишь после этого, осторожно поднял трепетавшие от ужаса веки.

Однако, всё осталось, как было секунду назад. Так же лежало внизу туловищѐ невероятно большого удава. Тонкий кончик хвоста немного подрагивал от возбуждения, словно у ядовитой гремучей змеи. Так же блестела короткая чёрная шерсть невероятного чудища. Мало того, жуткая тварь обвила дрожащую жертву, и сжимала её с чудовищной силой.

Парень поднял взгляд чуть повыше и увидел, всё туже картину, которая вновь привела его в трепет. На переднем конце длинного тела не было огромного черепа ползучего гада. Вместо него, находилось шуплое тело старушки, увенчанное морщинистым личиком.

Душу Глеба заполнила волна непереносимого ужаса. Он впал в иступление и забился, как муха, желавшая вырваться из паучьих тенет. Результат его действий оказался весьма предсказуем. Смертоносные кольца сжались сильнее, и дыхание вновь прервалось. Парень мгновенно лишился сознания. Перестал сильно дѐргаться и безвольно обмяк.

Убедившись, что пленник уже не шевелится, старуха приблизилась к его лицу почти что вплотную. Парень очнулся и с удивленьем увидел, как взгляд ужасного чудища вспыхнул тѐмным огнѐм.

Он пригляделся внимательней и понял, что у гигантской змеи нет даже следа обычных белков. Глаза представляли собой огромную золотистую радужку с иссиня-чѐрным зрачком в виде удлинѐнного ромба. В их глубине парень увидел свои отражения. Причѐм, они оказались перевѐрнуты кверху ногами.

Пока жуткое чудище боролось с пойманной жертвой, с него слетел высокий остроконечный клубук. Верх головы обнажился и зрелище, открывшееся взору несчастного Глеба, окончательно добило его.

Оцепенев от дикого ужаса, он смотрел на её длинный человеческий череп, сильно вытянутый вверх и назад. Дрожал от отвращения, но не мог отвести от него широко распахнутых глаз. Вокруг уродливой, про-

долговатой, шишковатой башки шевелился огромный клубок каких-то неведомых тварей.

Лишь спустя какое-то время, до парня постепенно дошло то, что он видел перед собой. Вместо обычных волос из черепа чудища торчали десятки коротеньких змей, каждое из которых заканчивалось маленькой гадючьей головкой.

Все эти отродья были толщиной с указательный палец и длиной около тридцати сантиметров. Они все извивались и дёргались. Дружно тянулись к беспомощной жертве. Широко раскрывали мерзкие пасти, окрашенные изнутри серым цветом, и злобно шипели.

Жрица открыла сомкнутый в ниточку рот, похожий на пасть обезьяны. Глеб ужаснулся новому зрелищу. Во рту у старухи не оказалось нормальных зубов, которые имеют приматы. Вместо них виднелись жёлтые роговые пластины, торчавшие из грязно-розовых дёсен.

Затем, произошло и вовсе нечто нестерпимо ужасное. С ребристого верхнего нёба откинулись два сильно изогнутых, острых клыка. Они весьма походили на те, что бывают у каждой ядовитой змеи.

В глубоком провале омерзительной глотки находился длинный чёрный язык, с разделённым надвое концом. Он лежал в луже вязкой слюны, заполнившей углубление в челюсти, слегка шевелился и мелко, противно подрагивал.

Раздвоенное змеиное жало вдруг резко сжалось. Стремительно распрямилось и рванулось вперёд. Ощутимо ударило жертву в середину высокого лба и попало в точку, расположенную на два пальца выше его переносицы.

От неожиданности и отвращения Глеб снова бессильно задёргался. Змеиные кольца опять напряглись. Крепко сжались и прекратили все попытки к безуспешному бегству. Могучие мышцы стиснули парня с такой ужасающей силой, что он застонал и, на короткое время, вновь утратил сознание. Лишь после этого, объятия чудища немного ослабли.

Неизвестная тварь подождала, пока пленник очнётся. Подняла тонкие руки, покрытые дряблой сморщенной кожей, и протянула их к лицу раннего гостя. Оказалось, что у мерзкой старухи на каждой ладони имелось множество пальцев.

Сколько их в точности, Глеб рассмотреть не сумел, но их было значительно больше, чем у человеческих особей. Самое малое — шесть, а может и больше. Причём, все они шевелились, словно бы не имели суставов. Мелко дрожали и, подобно толстым червям, извивались во всех направлениях.

Жрица крепко сжала виски своей жертвы и сильным рывком повернула голову Глеба направо. От такого движения, позвонки жалобно хрустнули, а шейные мышцы набухли в невероятном усилии.

— «Почему я подумал, что она со мною не справиться?» — отстранено сказал себе парень: — «Получается, что я и есть та самая жертва, что Латимир Серкович принёс своим древним вогульским богам».

Удерживая череп несчастного пленника, старуха что-то горячо говорила. Бормотала она очень быстро и весьма неразборчиво. Так что, Глеб не мог уловить смысл её странных слов. Да и язык оказался совсем незнакомым.

Потом она замолчала и смачно плюнула парню прямо в левое ухо. Вязкая жидкость залепила отверстие ушной раковины, и Глеб перестал слышать всё, что происходило с той стороны.

Где-то в глубине его мозга возникла сильнейшая боль и стала пульсировать тугим огненным сгустком. У парня создалось впечатление, что в череп попал раскалённый свинец. Остатки слюны медленно потекли вниз по шее и холодной струйкой упали на оголённую грудь.

В тот же миг, старуха мощным рывком повернула голову пленника в другом направлении. Позвонки опять затрещали, и в правую ушную раковину влетел такой же обильный плевок, как и первый.

Теперь Глеб стал глухим уже на две стороны. Боясь шевельнуться, он замер, как статуя. Ведь любое неловкое движение парня неминуемо кончилось бы свёрнутой шеей. Это означало разрыв спинного мозга в верхнем отделе и паралич всего тела.

Весьма аккуратно, старуха повернула к себе лицо бледного гостя и продолжила непонятные действия. Судя по быстрым движениям её тонких сиреневых губ, она не прекращала вести монолог.

Щершавые лапы прошлись по вспотевшему лбу и щекам потрясённого Глеба. Холодные, как кожа лягушки, ладони быстро спустились чуть ниже и остановились на шее у парня. Прямо над его кадыком. Червеобразные пальцы обхватили горло дрожащего пленника и сжали, словно стальными тисками.

Оставшись без доступа воздуха, Глеб вытаращил глаза так, что они почти выпали из глубоких орбит. Открыл рот на всю ширину, и постарался вздохнуть. Старуха вновь что-то сказала. Издала тихий шип и плюнула гостю прямо в лицо.

Едкая жидкость огнём обожгла дрожащие веки и слизистую оболочку у глаз. Взор опять затуманился, и Глеб перестал, что-либо видеть. Только смутные, белесые пятна продолжали маячить далеко впереди. Не в силах кричать от обжигающей боли, он лишь слабо хрипел.

В тот самый миг, очередной плевком влетел ему в широко распахнутый рот. Секунду спустя, старуха неожиданно ослабила хватку. Горло освободилось от мощного сжатия. Глеб, наконец-то, смог свободно вздохнуть.

Он с шумом втянул в себя живительный воздух и чуть не захлебнулся отвратительно зловонной субстанцией невероятно горького вкуса. Вязкая жидкость плотно забила гортань и устремилась вниз, по трахеям.

Парень неожиданно понял, что ещё полминуты невыносимых мучений, и он умрёт от удушья. Сознание опять помутилось. Пленник провалился в беспросветную плотную тьму.

Сколько времени он находился без чувств, Глеб точно не знал. Зато, когда он очнулся, то сразу почувствовал, что зловонная вязкая жидкость куда-то исчезла и ничто его больше не душит. Каким-то удивительным образом густая субстанция бесследно всосалась в стенки сосудов и перестала блокировать дыхательный путь.

Теперь он мог совершенно свободно расправить широкую грудь и наполнить живительным воздухом все лёгкие, до самых глубин. Он несколько раз втянул в себя затхлую атмосферу избушки. Ощутил слабое головокружение и окончательно привёл себя в чувство.

Первое, что он заметил, было лицо древней старухи, маячившее перед глазами. Острота восприятия постепенно вернулась, и беглец с облегчением понял, что его стопроцентное зрение, осталось по-прежнему острым. Ещё он осознал, что прекрасно видит непонятную тварь, державшую его мёртвою хваткой.

Жрица впилась в него тёмным взглядом и продолжала вести беспрестанный, неразборчивый заговор. Голова Глеба опять закружилась. Он услышал её тихий шёпот значительно чётче и стал в нём кое-что различать.

В глазных яблоках вдруг засверкали яркие вспышки. Секунду спустя, перед мысленным взором пронеслись какие-то странные образы. Бормотанье старухи уже не казалась ему бессмысленным набором пережеванных звуков. Оно стало слагаться в слова на невообразимо далёком наречии.

— «Так это же, древний санскрит». — догадался вдруг парень и каким-то мистическим образом понял, о чём ведёт речь непостижимая тварь: — «Она говорит, что теперь я смогу общаться с теми, кто умер». — мелькнуло в воспалённом мозгу ошеломлённого парня.

Затем, там неожиданно ярко блеснуло: — «На'га! Старик сказал — На'га!»

Тут в голове что-то щёлкнуло. Из глубины детской памяти всплыла страница энциклопедии, с блёклой картинкой и небольшим пояснением: — «На'га — это древнее божество в виде огромной змеи с человеческим торсом и головой, укрытой веером змеиных голов».

Глеб вздрогнул от мертвящего ужаса и похолодел от очередной невероятной догадки: — «Значит, такая богиня до сих пор существует, и меня принесли ей, как сакральную жертву? То есть, отправили прямоком на тот свет, к тем, кто благополучно почил. Поэтому, я смогу теперь с ними общаться на равных, как покойник с покойником?»

К этому времени, старуха закончила речитатив и ненадолго умолкла. Пленник тоже благоразумно затих. Он с содроганием ждал смертельной развязки и перебирал в голове варианты своей неминуемой гибели.

— «Одно движение её мощного змеиного тела и я буду раздавлен, как муха в кулаке человека! Или она высосет всю мою кровь, как говорилось в историях о древних вампирах? Или старик сожжёт меня на ритуальном костре, как это до сих пор делают в дальних языческих странах?» — в измученном страхе, сознании Глеба мелькали картины, одна страшнее другой.

Змеиные мышцы чуть-чуть шевельнулись. Парень обмер от ужаса и только два слова вспыхнули в его воспалённом мозгу: — «Это конец?» — спросил он у себя и не знал, что ответить на это?

Вдруг, случилось нечто совсем непонятное. Схватка богини резко ослабла. Холодные упругие кольца мгновенно разжались, и Глеб скользнул вниз, словно камень из раскрытой ладони. Пролетел сквозь отверстие, прорубленное в толстом полу, и сильно ударился ступнями о грунт.

Затёкшие от неподвижности, ноги не удержали хозяина в вертикальной позиции. Колени немедля сложились, словно лезвия перочинного ножичка, и парень ничком рухнул на твёрдую землю. Падая, как подрубленный столб, он врезался лбом в край дыры в перекрытии. Из глаз брызнули длинные разноцветные искры. Глеб тихо вскрикнул и от удара надолго лишился сознания.

Тарай

С огромным трудом, Глеб приподнял дрожащие веки и увидел перед собой что-то совсем непонятное. Парень напряг своё зрение, кото-

рым недавно гордился. Прищурился и попытался усилием воли сфокусировать взгляд. Несмотря на все ухищрения, он не добился никаких результатов.

Перед глазами висела какая-то светло-серо-зелёная хмарь с сильно размытыми контурами. Как ни странно, но справа и слева картинка освещалась значительно лучше, чем спереди.

Парень попробовал повертеть головой и с ужасом понял, что не может этого сделать. Мышцы шеи его совершенно не слушались. Он хотел ощупать лицо, но не почувствовал рук.

Всё, что случилось с ним ночью, мгновенно всплыло из памяти. Сумбурные мысли возникли в его голове и заметались, как шары в лохотроне: — «Меня крепко связали!» — с оторопью подумал беглец: — «На глазах повязка из ткани! Хотят принести в жертву богине-змее по имени На'га!»

— Что вы хотите? — закричал он во весь голос.

Вернее сказать, хотел это сделать, но пересохший от жажды язык с трудом оторвался от нёба и едва пошевелился во рту. Из сильно саднящего горла вырвался не воинственный возглас, а лишь тоненький придушенный хрип.

Находясь в полнейшем отчаянии, Глеб забился, как рыба на раскалённом песке. Тело импульсивно задёргалось, и он смог чуть-чуть повернуться на бок.

В глаза ударил яркий солнечный луч, и парень инстинктивно зажмурился. Свет проникал сквозь плотно сжатые веки и нестерпимо жёг левое глазное яблоко: — «Повязки на мне, к счастью, нет! — обрадовался измученный пленник. Немного подумал и всё себе объяснил: — «Просто я лежал, лицом вниз и видел только стебли зелёной травы».

Он опять попытался повертеть головой и приложил к этому массу усилий. Спустя какое-то время, у него кое-что получилось. Парень чуть приподнял тяжёлые веки и посмотрел перед собой сквозь узкие щелочки.

Застилающий взор, белесый туман понемногу рассеялся. Глеб увидел толстый ствол замшелого дерева. Преодолевая непонятное сопротивление, он слегка шевельнул кистями крепко связанных рук.

Онемевшие подушечки пальцев коснулись ног чуть повыше колен: — «Значит, руки вытянуты вдоль тела, а не заломлены палачами за спину». — порадовал себя парень и продолжил исследование своего состояния. Извиваясь, словно червяк, он попробовал сесть.

Неожиданно его руки пронзила сильнейшая боль. Огненные мурашки побежали под кожей. Проникли в напряжённые мышцы и обожгли

все нервные окончания. Глеб с облегчением понял, что он вовсе не связан, а просто тело его затекло от долгого лежания в таком положении.

С трудом двигая непослушными пальцами, парень начал массировать ткани и мало-помалу чувствительность вернулась к сильно онемевшему телу. Опираясь на землю руками, Глеб сел. Словно заржавленный робот, медленно нагнулся вперёд и принялся за нижнюю пару конечностей.

Пока беглец приводил себя в работоспособное состояние, он с большим беспокойством оглядывался по сторонам. Выяснилось, что он находится на миниатюрной прогалине, а вокруг плотной стеною стоит глухая тайга, которую можно назвать дремучею пущей.

Наконец, он всё-таки смог встать на непослушные ноги, и осмотрелся гораздо внимательней. К его удивлению, он оказался в настоящем Берендеевом царстве. Со всех сторон его окружали лишь невероятно высокие и большие деревья чрезвычайно преклонного возраста.

Все пространство меж ними занимали упавшие сучья и замшелые тела лесных великанов. Они в беспорядке громоздились везде, куда проникал внимательный взгляд изумлённого парня.

Расщепленные пни и огромные выворотни дополняли картину девственных зарослей. Вся поверхность древесных стволов была покрыта толстым ковром из всевозможного мха и гирляндами разнообразных грибов.

Причём, и те и другие поражали глаза невообразимым богатством расцветок. Мало того, грибы щеголяли различными формами: шарообразные, с плоскими, круглыми и удлинёнными шляпками, верами, воронками и даже остроконечными звёздами. Размеры иных экземпляров достигали двадцати сантиметров в диаметре.

Глеб долго вертел головой, но никак не мог догадаться, куда он попал, и как он здесь вообще очутился? Никакого намёка на лесную поляну с недавно скошенным и убраным сеном, поблизости не было видно. Избушка тоже куда-то бесследно исчезла. Да и обсаженную вековыми деревьями тропку он тоже не смог обнаружить.

Вокруг него виднелась лишь непролазная чаща тайги, совершенно нетронутой современным прогрессом. Упавшие стволы старых деревьев вытянулись во всех направлениях и покрывали землю в один, а кое-где и в два толстых слоя.

Больше всего это напоминало большой бурелом в старых очень запущенных дебрях. Глеб не мог себе даже представить, что в их хорошо

обжитой Трёхреченской области ещё встречаются такие непролазные заросли.

Парень весьма обстоятельно осмотрел странное место, где оказался неведомым образом. Всё изучил и был поражён ещё больше, чем раньше. К его удивлению здесь не нашлось каких-либо следов кроме тех, что оставил он сам.

Глеб увидел во мху глубокую вмятину от своего измождённого тела. С трудом рассмотрел капли ржавого цвета на чахлой траве. Заметив тёмные пятна, он осторожно притронулся к своей голове, гудящей, как колокол, и выяснил, кое-что интересное.

Оказалось, что посреди высокого лба находится огромная продолговатая шишка, расположившаяся чуть выше бровей. Затем, он нащупал на коже глубокую ссадину с засохшей корочкой крови. Лишь после этого, он неожиданно вспомнил о том, как ударился о край узкого лаза и лишился сознания.

— «Видно, пока я был в полной отключке, меня подняли с земли и принесли в эти дикие дебри. Возникает вопрос, кто приложил к этому руки, и как они умудрились повернуть сию операцию?»

Богиня по имени — На'га, вряд ли бы стала со мною так долго возиться. Она сделала, что пожелала и прости брат, прощай. Кстати, а что именно она хотела от встречи со мной? Пошептала, зачем-то на меня поплевала...»

Глеб вспомнил про её вязкие, зловонные слюни и почувствовал такой сильный прилив дурноты, что едва смог удержаться от рвоты. Хорошо, что он не ел уже очень давно. Желудок гремел, как пустой барабан и ни единая крошка не попросилась наружу.

Чтобы хоть как-то отвлечься от столь неприятных деталей, парень продолжал свои рассуждения: — «Один древний вогул не смог бы меня сюда дотащить. Уж очень он старый и слабый для этого. А если рядом с избушкой был ещё кто-нибудь? С другой стороны, если кто-то и был, то где их следы? Кругом непролазная чаща.

Или всё-таки обо мне позаботилась непостижимая На'га,? Тогда каким образом она меня сюда принесла? По воздуху, что ли? Но никаких крыльев я у неё не заметил».

Подняв голову к небу, парень увидел лишь плотный полог развесистых крон, в котором не оказалось ни малейших просветов. Сквозь густую листву только слабо проглядывал сияющий диск родного светила.

Судя по ощущениям Глеба, было уже позднее утро. Он автоматически посмотрел на свои простые часы с обычным заводным механизмом.

Отметил, что самая тонкая стрелка движется исключительно ровно, и понял, они работают совершенно нормально.

Было без четверти десять: — «Значит, солнце сейчас стоит на юго-востоке». — сказал себе Глеб. Сопоставив циферблат с положением светила на небе, он уверенно определил направление на юг. Ему помог навык туриста.

На всякий случай, парень посмотрел на деревья, стоявшие рядом. Вопреки расхожему мнению, густой мох рос не только с северной части стволов. Он покрывал комли деревьев все целиком, на высоту выше метра.

— «Значит, придётся ориентироваться только по солнцу». — принял решение Глеб.

Разобравшись с географическими сторонами планеты, он вернулся мыслями к о таинственной На'ге. Поразмышлял о древней богине и сделал весьма неутешительный вывод. Догадаться, что ей было нужно от столь странной встречи со смертным, он вряд ли когда-то сумеет.

У высших и потусторонних существ существуют свои заморочки, которые людям, чаще всего, непонятны. Хоть богиня сказала, что он сможет общаться с умершими, но, что это значит, ему пока невдомёк. То ли, он сможет их вызывать, как некроманты из фэнтези-книжек? То ли, видеть тех духов, что застряли в нашей реальности и говорить с привидениями?

Поэтому, не стоит ломать голову над этой проблемой. Лучше подумать о том, куда ему теперь направляться? Самым простым вариантом, ему показалась возможность вернуться к вогулу и поговорить обо всём с Латимиром Серковичем. Пусть скажет всё, что сам знает по данному поводу. Чай, они теперь не чужие друг другу. Оба общались с богиней.

Сосредоточившись, Глеб припомнил расположение деревни: — «Когда мы въехали в это сельцо, то заходящее солнце было прямо перед мордой кобылы. Выходит, что улица там проложена точно с востока на запад. Дом старика стоял справа от узкой дороги. Значит, на северной стороне от просёлка.

Выйдя ночью из дома, мы направились не через ворота, на улицу, а в обратную сторону, прямо в огород старика. То есть, опять же на север. Там возле бани ещё стояла огромная ель со сломанной веткой, растущей недалеко от макушки. Какой я молодец!» — мысленно сказал он себе: — «Хоть и небольшой ориентир, а всё-таки вспомнился».

Он тут же одёрнул себя: — «К сожалению, столь заметное дерево только с вертолёта рассмотреть и получить. Да и то, если знать, где искать».

Парень чуть помолчал и продолжил свои рассуждения: — «Выходит, всё время мы с дедом топали прямо на север. Шли скорым прогулочным шагом, минут тридцать пять или сорок. Дорожка была чистой и гладкой. Ничто не мешало движению. То есть, мы удались, самое многое, на три тысячи метров.

Будем рассчитывать, что меня недалеко отнесли от избушки. Максимум на одну-две версты. Вон здесь, какая непролазная глушь. Всего, получается, около пяти километров. Причём, в любой ситуации, мне нужно двигаться точно на юг!

Даже если я проскочу мимо глухой, малозаметной деревни, всё равно в той стороне живёт больше людей, чем на севере. В конце концов, наткнусь на какое-либо жильё».

Глеб принял решение и бодро повернулся лицом в выбранном самим направлении. Солнце оказалось перед левым плечом: — «Нужно не забывать делать поправку на движение светила». — строго сказал себе Глеб: — «А то буду бродить тут кругами, как ежик в тумане. Так недолго и копыта с голодухи откинуть». — он протяжно вздохнул и двинулся в путь.

Идти по чащобе, нетронутой рукой человека, оказалось совсем не так просто, как показалось вначале. А если точнее сказать, то начался изнурительный бег с чрезвычайно большими препятствиями.

Старый, девственный лес местами превращался в совершенно непролазные дебри. Приходилось постоянно что-нибудь перешагивать, перепрыгивать, а то и перелезть через поверженных лесных великанов. Мало того, их стволы были покрыты влажной коростой мха и ковров разноцветных грибов.

Иногда путь преграждал толстый поваленный комель, углом нависавший над влажною почвой. В таких случаях получалось, что значительно проще поднырнуть под него и двигаться на четвереньках, словно животное, а то и ползком, как змея.

Ноги вязли в глубокой таёжной подстилке и сгнивших кучах валежника. Иногда встречался совершенно непроходимый завал с торчащими в разные стороны острыми сучьями. Тогда приходилось делать весьма значительный крюк.

Ни каких-либо зверей, ни птиц вокруг не было видно. Только одни комары, да ползучие насекомые различных размеров. Насколько знал парень, встречались среди них и кусачие ядовитые твари. Умереть не умрёшь, но почувствуешь себя до отвращения плохо.

Постепенно парень вошёл в рваный ритм движения по девственной пуще, и ему стало чуточку легче. Он всегда считал себя неплохим ходоком, но быстро продираться по этой тайге не смог бы даже спутник Арсеньева — нанаец Дерсу Узала. Как Глеб ни старался, а шёл очень медленно.

— «Нужно чуть-чуть поднажать». — твердил он себе: — «Вдруг, старик ещё не уехал в Трёхреченск, и я успею отправиться с ним? Иначе, застряну здесь ещё на несколько дней». — размышлял парень по ходу движения.

И тут же обдумывал другой вариант возвращения: — «Надеюсь, вогул не закроет дверь на замок, а Тагай разрешит мне войти в пустой дом старика? Глядишь, мне удастся найти у него кое-что из еды?» — он опять поднажал, но скорость ходьбы почему-то больше не стала.

Отметив сей удивительный факт, он перестал рвать из себя последние жилы, а пришёл к более благоразумному выводу: — «Не хватало мне ещё ногу себе подвернуть в таком буреломе, сломать кость или порвать какую-то мышцу.

Тогда придётся искать себе сук в виде рогульки, и тащиться с ним, как инвалид с костылем. Так я потеряю куда больше времени. Поэтому, главное мне сейчас добраться до нужного места.

А если старик вдруг куда-то умчался, то попрошусь ночевать к тем, кто обитает поблизости. Потом как-нибудь доберусь до Трёхреченска. Выезжают же они иногда из деревни?» — на этом он и сосредоточил основное внимание.

Теперь, беглец не только выдерживал направление маршрута. Он стал следить за координацией и точностью движения ног при преодолении различных препятствий. Особенно, когда перебирался с одного ствола, поросшего мхом, на другой. Тут любая ошибка могла очень дорого стоить.

Только через два с половиной часа, дебри нетронутые рукой человека, начали понемногу светлеть. Вокруг появились деревья потоньше. Валежника и дремучих завалов попадалось поменьше. Идти было уже не так тяжело. Если бы парня не мучила усталость и жажда, то всё, вообще, оказалось отлично.

— «Пора бы уже и показаться селенью». — неожиданно подумал беглец и тут же с испугом спросил сам себя: — «Или я уже проскочил мимо маленькой вогульской деревни?»

Он остановился. Взглянул на часы. Сверился с направлением движения и, убедившись, что идёт точно на юг, облégчённо вздохнул. Осмотрелся по сторонам и вздрогнул от неожиданности.

Слева, в метрах пяти от себя, он увидел огромного матёрого волка. Он тихо сидел на сером пушистом хвосте. Был совершенно спокоен и неподвижен, как статуя. Он просто смотрел на незваного гостя глазами ярко-жёлтого цвета.

Парень похолодел от необоримого ужаса и замер на месте, как вкопанный. Что теперь делать, он не имел представления. Бежать бесполезно. Здоровый зверь догонит его через десять секунд, а загрызёт гораздо быстрее. Клыками по горлу и всё, братец, привет. Можешь разговаривать с мёртвыми сколько захочется.

Забраться на толстую ель он вряд ли успеет. Слишком близко находится хищник и, словно назло, рядом нет достаточно толстого дерева с удобными ветками. Остаётся схватить с земли острый сук и действовать им, будто штыком. Может быть, так удастся отбиться?

Стараясь не упускать зверя из вида, парень стал осторожно оглядывать землю в поисках палки нужных размеров. Как нарочно, ничего подходящего возле себя он не заметил. Только тонкие корявые прутья.

Вдруг, за спиной матёрого волка, сухо щёлкнула упавшая с дерева веточка. Никуда не спеша, зверь повернул крупную лобастую голову и чутко прислушался, не повторится ли подозрительный звук? Ничего не заметил и сел в ту же позу, в которой он был полминуты назад.

Пока, зверь поворачивал голову туда и обратно, Глеб успел разглядеть знакомый широкий ошейник, охвативший могучую массивную шею: — Тагай! — с облегчением выдохнул парень: — Ты как здесь оказался? Неужели поджидаешь меня?

На морде огромного пса не обозначилось даже намёка на какие-то чувства. Не отразилось на ней ни радости встречи, ни удивления от узнавания, не было вообще ничего. Виднелось лишь одно равнодушие, словно он выполнял чей-то очень неинтересный приказ.

Тагай легко встал на лапы. Повернулся к человеку хвостом и потрусил на юго-восток. Парень молча рванул за ним: — «Значит, я немного отклонился направо». — с облегчением подумал беглец: — «А если бы не встретил собаку, то, скорее всего, прошёл мимо маленькой вогульской деревни».

Ловко лавируя среди тонких деревьев, пёс быстро продвигался вперёд. Глеб благоразумно держался метрах в трёх позади. Не стоит

набиваться в друзья такому серьёзному зверю. Захочет, так сам подойдёт.

К своему удивлению, парень не мог разглядеть следов толстых лап, оставляемых питомцем вогула. Трава за Тагаем продолжала стоять, как стояла, а старые листья не сминались под его большим весом. Получалось, что он и не шёл, а летел, как по воздуху.

Меж тем, время приближалось к часу полудни. Глеб встал ещё до рассвета. Прогулялся по холодку на три километра. Побеседовал с древней богиней и, на прощание, врезался лбом в бревенчатый пол.

Потом пробирался по девственным дебрям. Естественно, он сильно устал. Поэтому, парень не стал думать о таких мелочах. Выбросил из своей головы странную мысль и отправился дальше.

Так они шли ещё минут десять-пятнадцать, но деревни почему-то всё не было видно. Глеб уже стал беспокоиться: — «Куда же ведет меня пёс?» — размышлял он про себя: — «Может быть, мне не следовало идти за Тагаем, а стоило двигаться так же, как раньше, то есть, точно на юг?»

Не придя ни к какому решению, он с тревогой глянул вперёд и увидел высокую продолговатую кучу, лежавшую у него на пути. Пригляделся к непонятному образованию и с удивлением понял, что оно состоит из простых кирпичей, густо заросших травой и подлеском.

Оценив величину странной груды и её сильно оплывшие контуры, парень с огромным трудом опознал в ней обычную русскую печь. Только она оказалась разрушена непогодой и временем.

Не останавливаясь возле развалин, невозмутимый Тагай потрусил себе дальше, на юго-восток. Глеб удивлённо покачал головой и поспешно последовал за своим провожатым.

Пройдя метров двадцать пять-тридцать, он наткнулся на вторую горку обломков. Следом за ней, на третью, четвертую, пятую... Всего Глеб насчитал ровно десять удивительных холмиков.

— «Выходит, раньше селенье было значительно больше». — сказал себе парень, поспешая за псом: — «Прошло какое-то время. Многие люди уехали в город. Те, кто остался, передвинулись поближе друг к другу. Так и возникла та деревенька, которую я видел вчера поздно вечером».

Вдруг Тагай резко свернул в левую сторону. Парень с недоумением посмотрел на собаку и сквозь плотный подлесок заметил нечто совсем неожиданное. Это была огромная ель, возвышавшаяся на несколько метров над кронами старого леса.

Увиденная картина так потрясла воображение Глеба, что он замер на месте, как поражённый ударом с небес. Ведь он очень отчётливо помнил старое дерево со сломанной веткой, расположенной недалеко от вершины.

Теряясь в догадках, парень в испуге оглядывался по сторонам. Сотни вопросов метались в его голове, но не было на них никакого ответа. Тогда он взял себя в руки и стал рассуждать максимально логично:

— «Судя по ближайшим деревьям, огромная ель растёт здесь не меньше, чем семьдесят лет, а то и побольше. Вчера, поздно вечером, я видел возле неё баню пожилого вогула, его прочный дом и сарай. Всё это находилось в небольшой деревеньке дворов в десять-пятнадцать. Мало того, сегодня, перед рассветом, я прошёл мимо данного дерева.

С тех пор, прошло девять или десять часов. Так куда девалось сельцо за столь короткое время? Откуда взялись здесь развалины русских печей и довольно высокий подлесок?

Или мне только кажется, что с того самого времени, когда я видел селенье, прошла всего одна короткая ночь?» — одёрнул парень себя: — «Неужели я наглотался плевков таинственной На'ги. Впал в забытьё и проспал двадцать лет, словно сказочный Рип Ван Винкль? Но даже за столь долгое время, лес на месте деревни не мог зарости до такой сильной степени. Или я проспал значительно больше?»

Насколько Глеб помнил сюжет небольшого рассказа, Рип Ван Винкль пошёл на охоту на соседнюю гору. Встретил там людей в старинных камзолах и те угостили его стаканчиком виски.

Колониста слегка развезло, и он прилёг отдохнуть в тени под ближайшим кустом. Проснулся он постаревшим на двадцать человеческих лет и обнаружил, что за столь продолжительный срок, лишился всего, что когда-то имел.

Опасаясь, что с ним случилось нечто похожее, парень с опаской потрогал лицо. К счастью, Глеб не нашёл у себя густой бороды и усов длинную до пояса. Так было лишь у героя писателя Вашингтона Ирвинга.

К своей неописуемой радости, он не нащупал у себя и глубоких морщин на лбу и щеках. После чего, глянул на руки и совсем успокоился. Кожа выглядела такой же упругой и гладкой, как и вчера поздно вечером.

— «Ну, хоть в этом мне повезло больше, чем Рипу Ван Винклю!» — успокоившись сказал себе Глеб: — «Значит, я по-прежнему такой же молодой человек, каким был до встречи с таинственной На'гой».

Он вспомнил, что мушкет, с которым Рип Ван Винкль ушёл на охоту, стоял возле хозяина все двадцать лет. За столь долгое время он проржавел почти что насквозь. Пытаясь найти хоть какой-нибудь знакомый предмет, парень с интересом повертел головой, и увидел рюкзак.

Верный «Ермак Тимофеевич» смотрелся вовсе не так, как должен был выглядеть после того, как многие годы пролежал в лесу под кустом. Он оказался таким же новым и крепким, как сутки назад.

— «А как же люди и здания небольшой деревеньки?» — заволновался вдруг парень: — «Что стало со старым вогулом и лошадьё? Куда они все подевались?» — ответы на эти вопросы беглецу было взять нигде. Поэтому, он решил, сначала нужно выйти из леса, а потом размышлять, о столь необычном ночном приключении.

Привычным движением, Глеб взялся за широкие лямки своего рюкзака. Закинул за спину и надел их на крепкие плечи. Тут его обожгла внезапная мысль: — «Если деревня исчезла, то откуда здесь появился Тагай? Или это совсем другой пёс? Просто на нём очень похожая сбруя? Значит, рядом есть другое село и мне нужно двигаться следом за ним».

В том, что это не волк, парень не сомневался ни единой секунды: — «Не может же «серый разбойник» разгуливать по лесу в обычном собачьем ошейнике? Кто бы его стал одевать на такого крупного дикого зверя? Тут у нас не Европа или, скажем, Америка. Волков у нас ещё очень много и на строгом учёте у нас они пока не стоят. Бей сколько хочешь. За шкуру тебе даже премию выпишут».

Глеб внимательно глянул по сторонам, но нигде не заметил огромной собаки. Он слегка огорчился, но не стал думать над тем, куда пропал поводырь? Теперь он был уверен, что и сам доберётся до трассы.

Повернув в правую сторону, парень прошёл всего несколько метров, и выбрался из подлеска на сельскую улицу. Она почти вся покрылась высоким частым кустарником.

У противоположной обочины узкой дороги он заметил вросший в землю деревенский колодец. Подошёл к сильно замшелому срубу и аккуратно снял с него трухлявую, дощатую крышку.

Немного нагнувшись вперёд и, осторожно, не опираясь на сгнившие брёвна, заглянул в прохладную глубину. Внизу, в нескольких метрах от уровня почвы, блеснула гладкая поверхность воды.

Скинув рюкзак, Глеб открыл верхний клапан и порылся внутри объёмного «сидора». Достал фляжку из пластика, а так же моток прочной

бечёвки, которая всегда там лежала в пеших походах. Привязал к верёвочке лёгкую ёмкость и, перебирая руками, спустил снасть в тёмноту.

Лёгкая тара чуть покувыркалась на глянцевиной поверхности. Потом всё же смогла зачерпнуть немного воды. Постепенно заполнилась и потянула ко дну. Парень вытащил ёмкость наружу. Поднёс к пересохшим губам и влил в себя чайную ложечку весьма сомнительной влаги.

Судя по запаху, шибанувшему в нос, колодец уже очень давно никто не использовал. Желтоватая жидкость весьма отдавала гнилой древесиной и плесенью, но другого питья Глеб не имел. Поэтому, он стро-го напомнил себе:

— «Совсем без воды я далеко не уйду. Так что, станет совсем тяжело, начну понемногу отхлёбывать. По одному небольшому глотку, но только не больше. Будем надеяться, что мой голодный желудок это сможет стерпеть».

Парень аккуратно закрутил колпачок и повесил фляжку на широкий кожаный пояс. Благо, что там имелись стальные крепления для подобных предметов. Он вернулся на улицу, пропавшей неизвестно куда деревеньки. Встал лицом на восток и тронулся в путь. Впереди было двадцать семь вёрст по неизвестной ему территории.

Узкий просёлок взобрался на пологий пригорок, и выскочил на небольшую площадку размером с пару телег. Глеб остановился на том самом месте, откуда впервые увидел поселенье вогулов. Обернулся и внимательно посмотрел на долину.

Местность, что лежала под ним, оказалась совсем не похожа на ту, что он видел меньше, чем сутки назад. Теперь парень заметил только грунтовку. Она пересекала плотный лесок, состоявший из молодых, высоких, но ещё тонких деревьев. Кроме просёлка, ничего не говорило о том, что вчера здесь находилось небольшое сельцо дворов в десять-пятнадцать.

Ни добротных домов, ни просторных сараев, ни чистеньких бань, ни ухоженных огородов и высоких оград, ничего теперь не было. Впереди торчали только густые кусты и молодые осины. Парень тяжело вздохнул, повернулся и отправился дальше.

Колея заросла очень сильно. К счастью, с обеих сторон от неё, стояли стволы лесных великанов толщиной в два обхвата. Они позволяли легко проследить направление движения. Несмотря на заброшенность старой дороги, идти оказалось значительно легче, чем по густому подлеску, занявшему деревню вогулов.

К сожаленью парня и здесь приходилось иногда продира́ться сквозь густой бурелом. Не такой непролазный, как в нетронутой пуще, где очну́лся беглец, но всё же, он оказывался достаточно плотным и весьма неудобным для нормального пешего хода.

— «Сюда бы обычный бульдозер или хотя бы трелёвочный трактор». — говорил себе Глеб и, жалея о том, что не взял с собой в лагерь туристский топорик, со вздохом устремлялся вперёд.

Через два с половиной часа, узкий просёлок неожиданно кончился. Он упёрся в широкую полосу леса, расчищенную когда-то людьми, и внезапно куда-то исчез. По крайней мере, на другой стороне длинной поляны парень не заметил его продолжения. Там высокой стеной стоял глухой тёмный ельник.

Беглец вышел на почти заросшую просеку и горько подумал: — «Похоже, что когда-то давно советская власть собиралась построить здесь ЛЭП. Затем, в связи с «перестройкой», так всё и бросили на половине пути».

Парень повертел головой. Он старался найти любую подсказку, позволившую ему угадать направление, по которому нужно идти. Ведь, хочешь не хочешь, а он, чтобы выжить, должен добраться до ближайшего людского жилья.

Ничего не найдя, он спросил неизвестно кого: — «Ну и куда мне идти?»

К своему удивлению, с правой стороны от себя, Глеб снова увидел Тагая. Матёрый кобель сидел в той же расслабленной позе, как и в первую встречу в лесу, и спокойно смотрел на сильно уставшего парня.

Путник с облегченьем вздохнул и двинулся к равнодушному псу. Теперь он был совершенно уверен, что зверь должен довести его до людей. Иначе он бы не оказался поблизости.

Тагай легко поднялся на ноги. Повернулся к Глебу хвостом и затрусил по брошенной просеке в правую сторону. Человек, не мешкая, поплёлся за ним. Беглец добрался до места, где недавно сидел проводник. Внимательно глянул на землю, но опять не заметил следов на зелёной траве.

К тому времени парень так сильно устал, что у него не было сил удивляться таким мелочам. Нет, ну и ладно. Лишь бы привёл туда, куда нужно. Собрав волю в кулак, он шёл вслед за огромной собакой, неизвестно откуда возникшей в диком лесу.

Время от времени, он останавливался. Снимал с пояса фляжку из пластика и делал мелкий глоток тёплой и затхлой воды. Возвращал ёмкость на место и механически двигался дальше.

Ещё через час с небольшим, Глеб вдруг уловил какой-то не очень понятный приглушённый гул. Он встряхнул головой. Сосредоточил внимание на таинственном рокоте и с неопишуемой радостью понял, что это ревь грузовик, идущий по трассе.

На всякий случай, парень замер на месте. Затаил сухое дыхание и напряжённо прислушался. Несколько утомительно долгих секунд он не различал никаких других звуков, кроме шелеста свежей листвы и травы, колеблемой ветром. Отчего мало-помалу начал склоняться к отчаянию.

Затем, вновь послышался отдалённый рёв тягача, идущего на повышенной скорости. Воспрянув смутившимся духом, парень собрал последние силы, и устремился вперёд.

Метров через триста-пятьсот он с облегченьем увидел, что идёт прямо к лесному шоссе. Очень скоро шум тяжёлых машин стал звучать постоянно. С каждым шагом он становился всё громче и явственней.

Только теперь Глеб заметил, что Тагай, всё время маячивший у него впереди, опять куда-то исчез. Парень долго вертел головой и очень внимательно всматривался в частый подлесок. К своему сожалению, он так и не смог разглядеть большую собаку.

Он громко звал странного зверя, который вывел его из тайги на дорогу. Подманивая странного пса, он несколько раз тихонечко свистнул. Однако, и это не принесло никаких результатов.

Кобель, как в воду канул, бесследно пропал непонятно куда. Так же, как и появился неизвестно откуда. Беглец печально вздохнул. Утомлённо покачал головой и, собрав последние силы, поплёлся к шоссе.

Попутка в Трёхреченск

Минут через тридцать, он выбрался на большую дорогу, по которой в две стороны иногда проносились многотонные автомобили. Глеб посмотрел налево, направо и увидел невдалеке от себя два покосившихся столбика. К ним, когда-то давно была прибита табличка длинною около метра. Сейчас она проржавела почти что насквозь.

Парень двинулся к старому указателю. Подошёл к нему и всмотрелся в то, что там до сих пор сохранилось. На некогда белой, а теперь

грязно-рыжей поверхности виднелись едва различимые цифры, говорившие о расстоянии до ближайших городов и посёлков. Самое главное, что он смог разобрать, это была небольшая чёрная стрелка, указывающая направленье к Трёхреченску.

Судя по острию данной стрелки, Глеб должен был перейти на противоположную сторону трассы. Он подождал, пока промчатся машины, что находились поблизости, и устремился через дорогу.

Встал на неширокой обочине. С большим облегчением скинул с плеч лямки своего рюкзака. Опустил «Ермака Тимофееича» вниз и поставил его на щёбенку, поросшую мелкой травой.

Выпрямившись во весь рост, Глеб приготовился поднять правую руку, когда увидит тот грузовик, что идёт в его сторону. После чего, ему оставалось лишь ждать, пока кто-нибудь из шоферов затормозит рядом с ним. До наступления сумерков ещё далеко. Машины днём ходят достаточно часто. Так что, возможно, к вечеру он всё-таки доберётся до дома.

К искренней радости парня, долго ждать такого попутчика ему не пришлось. Минут через пять или шесть рядом с ним остановился большой «КАМАЗ» с прицепом-рефрижератором светло-серого цвета.

Подхватив с земли свой рюкзак, парень помчался к машине, проехавшей немного вперёд. Дёрнул за ручку, оказавшуюся на уровне глаз. Открыл широкую дверцу и хрипло спросил: — Подкинете меня до Трёхреченска?

Внутри, за рулём, сидел крепкий мужчина лет тридцати с небольшим. Он взглянул на взъерошенного автостопщика и с добродушной усмешкой ответил: — Садись, подвезу.

Не веря столь скорой удаче, Глеб кинул «сидор» на пол просторной кабины, высоко поднятой над шоссеиной дорогой. Ловко взобрался по узким ступенькам и уселся в удобное, широкое кресло.

Облегчённо вздохнул и, стараясь сильно не хлопнуть, аккуратно закрыл дверь за собой. Только теперь он почувствовал, что, наконец-то, выбрался из странного леса, где хозяйничает древняя и непостижимая На'га.

— Рюкзак брось назад. — предложил пассажиру водитель.

Глеб обернулся и понял, что там находится узкая полка. Она походила на откидное спальное место в плацкартном железнодорожном вагоне. Сверху лежал полосатый матрац, свёрнутый в плотный рулон.

Парень сроду не ездил в подобных машинах, но тотчас догадался, что это, так называемая, «походная койка». На ней во время пути, спят дальнбойщики. Он бросил «сидор» рядом с постелью хозяина транс-

порта. Сел лицом к лобовому стеклу. Пристёгнулся ремнём безопасности и с большим удовольствием откинулся на мягкую спинку сидения. Мышцы усталого тела сильно заныли.

Шофёр переключил передачу, плавно отпустил сцепление, а правой ногой вдавил педаль газа. Мотор мощно взревел. Тяжёлый «КА-МАЗ» медленно тронулся с места. Быстро набрал приличную скорость и влился в редкий поток автомашин, мчащихся по широкой асфальтовой трассе.

Глеб с трудом разлепил опухшие губы, слипшиеся от мучительной жажды. Повернулся к водителю и сказал просительным тоном: — Извините, пожалуйста, у вас воды не найдётся?

Водитель слегка наклонился. Пошарил под сиденьем кабины и вытащил в узкий проход объёмную сумку чёрного цвета. Не снимая с руля левую руку, он правой открыл длинную молнию. Выудил из баула увесистый термос, с танцующим журавлем, нарисованным на блестящем боку. Протянул измождённому Глебу и предложил: — Угощайся. Свежезаваренный чай.

Пассажир взял ярко-красный заморский сосуд и осторожно, стараясь не обидеть водителя, тихо спросил: — Может быть, у вас есть простая вода?

Шофёр глянул на парня и удивленно покачал головой. Мол, что за чудака попался на долгом пути? Просит воду вместо отличного горячего чая. Мужчина вернул китайское чудо на место. Сунул сумку под ноги и коротко бросил: — Возьми её сам. Она находится под пассажирским сиденьем.

Низко нагнувшись, Глеб пошарил рукой под собой. Нашупал, что-то округлое и довольно громоздкое. Наткнулся на грубую ручку и потянул её на себя. Это оказался внушительный водительский термос, в невзрачном корпусе из некрашенной нержавеющей стали.

Глеб как-то видел такие крупные, с виду неуклюжие ёмкости. Знал, что они входят в комплект тракторов и машин и вмещают в себя не менее трёх с лишним литров. В этой тяжёлой баклаге тихо плескалась какая-то жидкость, а на ощупь она оказалась на удивленье прохладной.

Не обращая вниманья на пыль, покрывавшую корпус, парень крепко зажал его между своими коленями. Действуя двумя руками, он с трудом открутил высокую крышку из пластика и с нетерпенье глянул внутрь большого сосуда. К неопикуемой радости парня, тот был доверху заполнен чистой прозрачной водой.

Стараясь не расплескать даже и капельки, Глеб перевернул крышку термоса, и осторожно налил в неё содержимое термоса. На его придирчивый взгляд, в неё вошло не менее полулитра холодной живительной влаги. Парень залпом осушил ёмкость до дна и снова налил её доверху.

Новую порцию божественной жидкости он пил, уже никуда не спеша. Медленно цедил прохладную свежую воду сквозь зубы. Вливал её в себя малюсенькими глотками и изо всех своих сил старался продлить ни с чем несравнимое чувство утоления долгой и мучительной жажды.

Шофер крутил большую баранку машины и с недоумением поглядывал на странного парня. Сожалея, что восхитительный процесс всё же закончился, Глеб аккуратно закрутил крышку из пластика и поставил термос назад, под сидение. Он чувствовал, как в желудке плещется вожденная влага и, как сытый кот, жмурился от удовольствия.

Шофёр в упор посмотрел на молодого попутчика и спросил напрямик: — Ты как здесь оказался?

— Удрал из летнего спортивного лагеря. — не стал вдаваться в подробности Глеб: — Обстановка мне там не очень понравилась.

— Из этого что ли? — уточнил у парня водитель и кивнул на большой указатель, показавшийся из-за макушек высоких деревьев. На нём красовалась едва различимая надпись — «Спортивный лагерь «Олимп».

Потрясённый увиденной стелой Глеб только тупо кивнул. Он смотрел на приближающийся поворот к месту своего неудачного отдыха, угрюмо молчал и не знал, что сказать. Ему почему-то казалось, что он ушёл далеко от жуткого учреждения и находится между ним и Трёхреченском. А оно, вот, почти что под боком.

— Как же ты оказался в двадцати километрах отсюда? — настойчиво поинтересовался водитель: — И почему ты шёл в противоположную сторону от ближайшего города? Видать, попав на свободу, ты направление перепутал от радости? — шофер пристально взглянул на своего пассажира.

Нужно сказать, что парень представлял собой достаточно жалкое зрелище. Одет в простенькую джинсовую куртку и брюки, порванные во многих местах. На ногах дешёвая, сильно разбитая обувь, кроссовки какой-то задрипанной фирмы. Взлохмаченная шевелюра, из которой торчат тонкие веточки, мелкие листья и длинные еловые иглы.

На лбу красуется огромная продолговатая шишка с глубоким порезом на коже. Губы, словно олады. На лице синяки всех размеров, цветов и оттенков. От аспидно-чёрных, до почти фиолетовых, с ядовитой

каймо́й желтизны по краям. Плюс ко всему, отчётливо различимые, багрово-красные следы многих пальцев на шее.

Хмурый водитель не стал миндальничать с парнем и спросил напрямую: — Это тебя в лагере так сильно отделали?

Глеб услышал долю участия в голосе своего собеседника. Однако, он не хотел рассказывать правду и принялся врать напропалую: — Вчера вечером, уже после ужина, я взял рюкзак со своими вещами. Перелез через забор спортивного лагеря. Вышел сюда на шоссе и стал проситься в попутчики. Было ещё довольно светло.

Минут через пять, возле меня тормознула старая «Нива» светло-серого цвета с сильно затемнёнными стёклами. Я глянул в машину и спросил у шофёра, не подбросит ли он меня до Трёхреченска? Водитель ответил: — Садись, подвезу.

Я влез на пустое переднее место. Хотел пристегнуться ремнём безопасности. Повернулся назад, смотрю, а там разместились ещё два бугая. Я-то смотрел на шофёра сквозь щель, опущенного немного стекла и их в глубине не заметил. Хотел сразу же выйти, но мы уже тронулись. Проехали метров триста-четырееста.

Козёл, что находился у меня за спиной, схватил руками за горло. Сжал так, что у меня позеленело в глазах, и прижал к спинке сидения. Водитель взял монтировку из кармана на дверце. Размахнулся и со всей дури врезал мне по лбу. Что было потом, я уже не запомнил.

Очнулся около часа назад. Смотрю, валяюсь на какой-то старой заброшенной просеке. Рядом лежит мой рюкзак и все шмотки разбросаны в разные стороны. Кое-как оклемался. Собрал свои вещи и поплёлся на шум автомашин. Еле выбрался на это шоссе, а там вы меня посадили к себе.

— Хорошо, что остался в живых. — с сочувствием буркнул водитель: — Мешок у тебя, конечно, почистили?

— Да. Забрали всё, что было получше, а старые шмотки оставили. Рюкзак и часы тоже почему-то не взяли.

— Часы у тебя ерунда. Такие котлы сейчас не нужны никому. А «сидор» не взяли из-за того, что вещь довольно приметная. — высказал своё мнение шофер и снова спросил: — Ты, наверное, будешь обращаться в полицию?

Неуверенно передёрнув плечами, Глеб тихо ответил: — Я даже не знаю, стоит ли с этим идти к нашим ментам?

— Если решишь к ним обратиться, то подавать заявление нужно в то отделение, на территории которого произошло преступление. Зна-

чит, тебе нужно ехать в Подгорск. Скоро будет поворот к городку. Хочешь, я тебя подвезу напрямиком к райотделу?

Глеб представил себе то, чем может закончиться эта поездка? Наверняка там ещё не забыли, как вчера метались по городу и искали зачинщика драки в спортлагере. Скривился от отвращения и торопливо сказал:

— Нет! Пожалуй, не нужно! Не то будут меня там мурыжить пару часов, и придётся мне эту историю сто раз рассказать. А потом, ближе к полуночи, меня проводят за дверь, и добирайся до дома, как хочешь. Уж лучше я с вами поеду.

— Это правильно! — поддержал парня водитель: — Всё равно менты никого не найдут. Да и искать они их сроду не будут. Только время пустую потратишь.

Пассажир ничего не ответил, и в машине повисло молчание, которое часто вдруг возникает во время подобных поездок. Ведь автостопщик с водителем совершенно не знают друг друга, и поэтому, подолгу не могут начать разговор.

От нечего делать Глеб начал рассматривать просторную кабину «КАМАЗа». Его блуждающий взгляд пошарил вокруг. Почти сразу он наткнулся на небольшой календарь, приклеенный скотчем к углу панорамного лобового стекла. Парень с трепетом всмотрелся в белый листок и с облегчением увидел, что на бумаге отпечатан тот самый год, в котором он встретил пожилого вогула.

— «Вряд ли водитель будет возить такой календарь, который закончился очень давно. Для чего он ему? Значит я остался в своём собственном времени». — облегчённо подумал беглец и весело спросил у шофера: — Извините, а вы случайно, не местный?

— Я сам из Подгорска. Там родился, там вырос, там всю жизнь и живу. Сейчас вожу сельхозпродукты в Трёхреченск. Беру там кое-что на замену для наших небольших магазинов и для ларьков из райцентра Заборское.

— В лагере пацаны говорили, что недалеко от развилки, в лесу есть старинное селенье вогулов и жил там известный шаман с нерусской фамилией. Она какая-то сложная, не сразу запомнишь.

Водитель явно обрадовался неожиданной теме и начал подробно рассказывать: — Была там когда-то небольшая деревня и стояла в том месте много веков. Как-то раз, мне отец о ней говорил. Даже рассказывал какие-то странные байки.

Насколько я помню, называлась та деревня Сатыговка, а все жители там носили ту же фамилию. Ну, а насчёт шамана не знаю, не слышал. Я в эти истории не очень-то верю.

Однако, в шестидесятых годах, советские власти почему-то обозвали её бесперспективной. Всех людей оттуда немедленно вывезли и расселили по разным посёлкам. Так что, теперь в той деревне лет пятьдесят никто уже не живет.

Недавно я встретится со своей старой школьной компанией, и мы скатались туда на охоту. Дорога туда стала почти непроезжей. Всё сельцо заросло свежим подлеском, и нет ни домов, ни бань, ни сараев. Всё сгнило и совершенно разрушилось. Один только колодец возле просёлка остался. Да и тот очень скоро обвалится.

Делая вид, что внимательно слушает рассказы водителя, Глеб часто кивал. Сам же он думал о том, что сейчас его интересовало больше всего: — «Выходит, что древняя На́га не стала переносить меня в ближайшее будущее. Богиня не усыпляла меня, подобно Рипу Ван Винклу, чтобы я проснулся через множество лет.

Скорее всего, она сделала всё по-другому. Взяла Латимира Серковича, а заодно и его рыжую лошадь с телегой. Переместила их из давних времён в современный Подгорск. С прошлого века там мало что изменилось. Поэтому, вид седока с таким экипажем не вызвал к себе внимания окружающих граждан.

Старый вогул подобрал меня у задних дверей автостанции и повёз прямо к развилке на трассе. По дороге на меня накатила дремота. Так что, я не видел подробностей. Скорее всего, мы все втроём проскочили через какой-то портал и оказались в той деревне Сатыговка, какой она была неизвестно когда.

Вернее сказать, очень даже известно. Ведь вся обстановка внутри просторного вогульского дома весьма характерна. Она говорила о том, что всё это пришло из реалий середины двадцатого века, не раньше. Та же клеёнка на дощатом столе, трёхлитровая стеклянная банка, гранёный стакан, чёрно-белые фотки в дешёвенькой рамке, и радиорепродуктор, висящий в «красном углу» вместо обычной церковной иконы.

Выходит, что в советское время древняя На́га обитала в местной тайге и ощущала себя там довольно вольготно. А может быть, она просто проникла в мой мозг и специально создала в нём такой антураж? Чтобы меня лишний раз не пугать?

Поэтому, я и не встретил в деревне людей и домашних животных. Не видел никого кроме старого деда, Тагая и рыжей лошадки. Даже не

слышал квохтанье кур или крик петухов. Хотя, кто его знает, как реагирует На'га на крик вестника солнца? Может быть, она его очень не любит, как все остальные потусторонние сущности?

Как бы то ни было, но я видел только старое кладбище древних язычников, избушку на четырёх курьих ножках, а так же непонятную На'гу. И для чего, интересно, она всё это со мною проделала?

Неужели, лишь для того, что бы со мной повидаться? Пошептать, поплевать и немедля расстаться? Интересно, зачем ей вся эта морока? К чему мне, современному парню, видеться с мёртвыми душами? И самое главное, как, где и когда всё это будет?» — ответа на эти вопросы Глеб пока не нашёл.

— «Может быть, мне всё это только привиделось?» — вдруг усомнился в себе утомлённый беглец: — «Просто в драке с небритым соседом по номеру я был недостаточно ловок и пропустил в голову несколько крепких тычков. Вернее сказать, десяток очень мощных ударов.

Естественно, что от такой крепкой взбучки я схлопотал сильное сотрясение мозга. Желая от поскорее избавиться от драчуна, никто не посмотрел на моё состояние. Просто посадили в автобус и отослали в Подгорск. Мол, пусть там с ним менты разбираются. Я приехал в район-центр и, скорее всего, стал вести себя несколько странно.

Видя, что я не в себе, шофер пожалел бедолагу. Не сдал меня в райотдел, а отпустил подобру-поздорову. Сердобольный старик меня подобрал. Вывёз к дороге и высадил меня у развилки. Там меня, наконец, накрыло беспамьятство и я, вместо того чтобы двигать к Трёхреченску, попёрся в обратную сторону.

Зачем-то свернул в нехоженный лес. Дошёл до заброшенной просеки, там и лишился сознания. Ничком рухнул на землю. Ударился лбом о какую-то ветку и провалялся до тех самых пор, пока не очнулся. Всё остальное мне просто приснилось в бреду».

Нарисованная Глебом история получилась достаточно стройной и удивительно правдоподобной. По крайней мере, она была больше похожа на современную жизнь, чем та фантазмагория, в которой он виделся с древней таинственной На'гой.

Правда, внезапно проснулся какой-то внутренний голос. Он начал вдруг утверждать, что сильное сотрясение мозга всегда сопровождается потерей сознания и проявляется сразу, а не через двадцать четыре часа после получения травмы.

Появляется дискомфорт в ушибленном черепе. Возникает головокружение, тошнота, частая рвота и мощный шум со звоном в ушах. Ни-

чего этого Глеб пока что не чувствовал. Была, конечно, усталость, боль от ушибов и множества ссадин. Голод, жажда и только. Всё в рамках нормы похода по лесу без еды и воды.

А вот воспоминанья о На'ге пугали его с такой сокрушительной мощью, что хотелось поскорее избавиться от подобных кошмаров. В конце концов, парень так себе и сказал: — «У меня было обычное сотрясение мозга! Мне привиделся отвратительный сон, который нужно скорее забыть!»

— «Но подобная травма не может пройти за восемь-десять часов». — пропищал противный внутренний голос: — «Нужно хотя бы дней пять, а лучше, все семь, спокойно отлежаться в удобной постели. Попить кое-какие лекарства, а не шляться пешком по тайге с рюкзаком». — несмотря на подобные доводы, Глеб отмахнулся от сильно пугающих мыслей и весело посмотрел на дорогу.

Тем временем «КАМАЗ» уже подъехал к приметной развилке в лесу, до которой беглец добирался больше полутора суток. На обочине, у поворота к Трёхреченску, стоял, хорошо знакомый парню, старенький «газик» светло-серого цвета.

На боку автомобиля виднелась полоса синего цвета и белая надпись «Полиция». Правое переднее крыло сильно помято. Лупоглазая фара разбита не очень давно, но до пор стоит без стекла и без лампочки.

Дверца машины была распахнута настежь. Рядом торчал крепкий мент, памятный парню по автостанции, расположенной в райцентре Подгорска. Одет он был в тот же небрежно распахнутый китель мышинного колера. На голове красовалась фуражка, лихо заломленная на правую сторону.

Страж правопорядка бродил у шоссе и небрежно помахивал длинной резиновой палкой. Он останавливал тех, кто двигался в город. Требовал предъявить документы и дотошно досматривал их. Заглядывал не только в кабины, но и в кузова всех машин. Маленькие пороссячи глазки смотрели очень внимательно и цепко обшаривали лица всех проезжающих.

Водитель «КАМАЗа» издали заметил сигнал полицейского. Переключил рычаг передач и начал слегка притормаживать. Душа Глеба похолодела от сильного страха. Покинула своё привычное место и скользнула вглубь живота. Видно, хотела там надёжно укрыться.

В голове трепыхнулась тревожная мысль: — «Сейчас он меня арестует. Посадит в кутузку и прикажет своим полицейским меня прессануть. Тогда у меня точно будет сотрясение мозга».

Шофёр остановил длинный рефрижератор. Поставил его на ручник и полез в бардачок за правами с путёвкой, выписанной местным хозяином. Пассажирская дверца широко распахнулась. В кабину сунулся расхристанный мент с одутловатым лицом, покрасневшим от частого пьянства.

Он равнодушно кивнул молодому водителю и внимательно глянул на его пассажира. Парень был напряжён, словно струна и с ужасом ждал приказа: — Немедленно покиньте машину!

Сильно страшась попасть в лапы подгорской полиции, Глеб смог-таки сделать весьма независимый вид. Встретился взглядом с опухшими глазами блюстителя правопорядка. Неожиданно для себя, он горячо помолился неизвестно кому: — «Пронеси мимо меня долю сию! Отведи от меня эту напасть!»

Напряжённое лицо полицейского вдруг утратило схожесть с мордой охотничьей гончей собаки. Немного смягчилось и стало почти безразличным. Никуда не спеша, мент заглянул в полупустой рефрижератор и бросил шофёру: — Езжайте.

Явно скучая, он посмотрел, как водитель привычным движеньем впрыгнул в широкое кресло и захлопнул переднюю дверцу. Отвернулся, зевнул и ленивой походкой направился к старому «газику».

Оказавшись на месте, мужчина удивлённо кивнул. Завёл мощный двигатель и, не мешкая, тронул большую машину. Грузовик отъехал от перекрёстка метров на сто. Шофёр взглянул в зеркало заднего вида и нарушил молчание, царившее в просторной кабине.

— Странно, — протянул он задумчиво. — Приближается вечер, а Корчмарь сам в дозоре стоит. Видимо ловит кого-то из своих должников. Похоже, что сильно те ему насолили.

Он глянул на пассажира и тихо добавил: — Даже твой истерзанный вид его абсолютно не тронул. А он, между прочим, очень любит влезать в такие детали. Особенно в те, которые его совсем не касаются.

Стараясь не показать искренней радости, заполнившей душу, Глеб облегчённо вздохнул, и свободно откинулся на спинку сидения. К счастью, всё для него обошлось, а чем это вызвано не так уж и важно.

То ли, блюститель правопорядка занимался другими делами, и ему было уже не до Глеба, сильно избившего тупого племянника? То ли, помогло заступничество древней богини по имени На'га? То ли, о нём

вспомнил сам Вседержитель? Как бы то ни было, но грузовик не заинтересовал полицейского, и парень оправился дальше, в Трёхреченск.

До города оставалось всего ничего. Машине нужно было проехать лишь восемнадцать вёрст по хорошей свободной дороге, и затормозить у любой остановки. Там парень сядет в нужный автобус. Проедет какое-то время и окажется возле своей уютной «хрущёвки». Ну, а добравшись до койки Глеб спокойно подумает о ночном приключении.

Вспомнив о доме, парень слегка посмурнел. Ему ещё предстоял большой разговор с любимой маманей.

СЦЕНАРИЙ

Андрей Саломатов

Москва

СУМКА

Сценарий черно-белого игрового короткометражного фильма.

Пролет камеры над окраиной небольшого города, поселка. Секунд 15. Камера останавливается над домом, опускается до окна второго этажа. За окном, подперев голову кулаком, сидит главный герой — Лёха.

КОМНАТА

Провинциальный город. Середина осени. Утро. Убитая однокомнатная квартира холостяка-алкоголика на втором этаже блочного дома. Квартира отца главного героя. Лёха, молодой человек лет 25-ти, закончил экономический колледж. Он неподвижно сидит за столом у окна. Стол застелен газетами. Пепельница с окурками, грязная тарелка, зарядник. На застывшем лице Лёхи — скука. На улице моросит дождь.

Раздается свист. Лёха встает не сразу — приходит в себя от мыслей. Смотрит в окно, ему машет рукой Колян — дворовый друг детства. Лёха машет в ответ, уходит на кухню.

КУХНЯ

Убогая кухня. Загаженная газовая плита. За столом у окна пустые бутылки из-под водки и пива. На столе пустые пачки «ролтон». В раковине грязные тарелки. Лёха берет пластиковый пакет, комкает, сует в карман, уходит.

(Крупно). Из крана капает вода.

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

Два дворовых друга детства, обоим по 25 лет, встречаются у подъезда. Лёха повыше, покрепче, поумнее, одет попримечательнее. Колян простой, приклатненный, в поношенной спортивной одежде. У Коляна на спине большой, пустой рюкзак.

ЛЁХА. (Поднимая воротник куртки). Здорово, Колян. (Рукопожатие). Зонт не взял?

Они сворачивают за угол дома, идут к недостроенной многоэтажке.

КОЛЯН. Не сахарные, не растаем. Лёх, я тебя научу. Это как по грибы. Немного походим, на пузырь и закусь наберем. Там поцанва всегда пиво пьёт. Банки расплющивай ногой. Покажу, как.

ЛЁХА. (Язвительно). Да, наука.

КОЛЯН. Наука, не наука, а с одного удара ровно не расплющишь. Меньше места занимает.

ЛЁХА. Разберусь.

КОЛЯН. А чё тебя жена-то попёрла?

Камера в спину, пара удаляется. Перед ними бомж лет семидесяти с хозяйственной сумкой. Он тоже идет к лому.

ЛЁХА. Да я три месяца без работы. Контору закрыли. Теща разоралась: «Давай ключи и пошел вон, алкаш!». Ну и Ленка завелась. Вер-

нулся к отцу, а он в больнице. Уже, наверное, не выберется. Бухает, зараза.

Они поравнялись с бомжом.

КОЛЯН. (Беззлобно). Пыня, вали отсюда. Это наш дом.

Бомж останавливается, поворачивается. Лицо ничего не выражает.

ПЫНЯ. (Тихо). А чё?

Колян дает бомжу пинка.

КОЛЯН. Вали, я сказал. Конкурент, блин.

НЕДОСТРОЕННЫЙ ДОМ

Камера впереди.

Они входят в дом. Лёха достает из кармана пластиковый пакет. Колян сразу находит пивную банку, расплющивает каблуком, укладывает в рюкзак.

КОЛЯН. Понял?

ЛЁХА. Чего здесь понимать?

Колян достает пачку сигарет, протягивает Лёхе, комкает пустую пачку, бросает. Они закуривают, поднимаются на второй этаж.

ЛЁХА. Хотел курьером устроиться, продукты разносить. Документы у жены оставил. Уходил как с поля боя. Позвонил, а они на дачу уехали. Ленка-то в отпуске.

На втором этаже три квартиры, дверные проёмы без дверей.

КОЛЯН. Пёхом там много не наработаешь. Мопед нужен. (Кивает). Ты направо, я налево.

Они расходятся по квартирам. Лёха проходит в дальнюю комнату. Много строительного мусора, у окна несколько пивных бутылок. Лёха пинает одну ногой, она со звоном улетает. Вслед ей Лёха отстреливает окурок. Идет назад. Встречаются на лестничной площадке. Колян расплющивает банку, бросает в рюкзак.

ЛЁХА. (Уныло). Ерунда все это.

КОЛЯН. Ничего, наберем. А я и автомастерской, и на мойке поработал. Платят копейки. Домой приходишь... (Расплющивает вторую банку) ...грязный, мокрый. На хер мне такая жизнь? Устроился в магазин. Хозяйка дура, все время орет, вечером сумку обыскивает...

Оба заходят в центральную квартиру, расходятся по комнатам.

КОЛЯН. (Громко). Надоело. Деньги получил и послал ее. (Смеется). Пузырь водки прихватил.

У Лёхи в комнате тот же строительный мусор. У стены деревянная панель, за ней что-то синее. Лёха с трудом выволакивает из-за панели на середину комнаты большую синюю сумку.

ЛЁХА. Колян. (Громче). Колян! Ух, тяжёлая.

Входит Колян.

КОЛЯН. Чё это такое?

ЛЁХА. Не знаю. Хорошо бы жратва. (Ищет бегунок). Кто-то припрятал. (Кивает). Вон, за панелью.

КОЛЯН. Лучше бы бухло.

ЛЁХА. Не, не звенит.

Лёха открывает сумку. Она набита стодолларовыми купюрами в банковской упаковке. Лёха очумело, молча садится на задницу. Колян с безумным лицом отшвыривает рюкзак, садится на корточки, смотрит на деньги.

КОЛЯН. (Шёпотом). Ёклмн! Не меньше лимона!

Лёха приходит в себя, быстро встает на колени, дрожащими руками закрывает сумку, тащит ее к панели.

ЛЁХА. Уходим.

Колян ничего не понимает. Лёха засовывает сумку за панель.

КОЛЯН. Ты что, сдурел?

ЛЁХА. (Громче). Уходим! Это бандитские деньги.

Лёха идет к двери. Колян бросается к сумке, хватается за нее, тянет.

КОЛЯН. Какая разница?

ЛЁХА. (Истерично). Брось! Они в любой момент могут вернуться. Нас просто завалят.

КОЛЯН. Ты что, мудака? Такое раз в жизни бывает.

ЛЁХА. Ты не понимаешь? За такие бабки нас разбросают по всему городу. Башка в одной мусорке, яйца в другой.

КОЛЯН. Иди ты на хер!

Лёха уже вышел из квартиры, Колян с трудом тащит сумку, выходит за ним.

ЛЁХА. (Испуганно). Только не через подъезд.

КОЛЯН. Окно на первом.

Они быстро спускаются на первый этаж, вбегают в квартиру, вылезают в сквер за домом через окно. Первым — Лёха. Колян подает ему сумку, вылезает сам. Озираясь, они быстро под дождем идут вдоль стены. Лицо у Коляна испуганно радостное.

КОЛЯН. Ни хера себе! Да это... Такое не бывает. (Всполошившись). Лёх, ко мне нельзя. У меня мать, отец, сеструха... бухают небось. От сумки не отойдешь, откроют. Уже сегодня весь город будет знать.

ЛЁХА. Давай ко мне.

Они доходят до угла, Колян осторожно заглядывает за угол. Там никого нет.

ЛЁХА. А если они розыскную собаку притащат? По следу пустят.

КОЛЯН. Дождь, не найдет.

ЛЁХА. (Смотрит на друга). Лицо сделай другое.

КОЛЯН. (Трогает лицо). А что?

КОЛЯН. У тебя на морде написано, что ты человека убил. Любой мент сразу остановит.

Колян возбужден, пытается изобразить веселость, но переигрывает, начинает смеяться, размахивать руками.

ЛЁХА. Лучше просто иди. У тебя денежный удар, вроде солнечного.

ПОДЪЕЗД

Они заходят в подъезд, вызывают лифт. Вид у обоих шальной. Маются от того, что лифт спускается медленно. Колян нетерпеливо постукивает кулаком по стене. Наконец, двери лифта открываются, оттуда выходит женщина. Оба испуганно, громко здороваются. Женщина так же испуганно шарахается от двух мокрых мужиков с сумкой. Они заходят, Лёха быстро жмет на кнопку.

ЛЁХА. Я же говорил, сделай нормальное лицо.

КОЛЯН. На свое посмотри.

КВАРТИРА

В прихожей Лёха щелкает выключателем, лампочка не загорается.

ЛЁХА. Перегорела что ли?

Не снимая мокрых курток, они проходят в комнату, Колян кидает сумку у дивана.

КОЛЯН. (Закрывая лицо руками). Ёклмн! Мы миллионеры! (Убрал от лица руки). Лёх, моя половина пока у тебя полежит? Я потом придумаю, куда их деть. Ща только поессу.

Глядя на сумку, Колян, не спуская с нее глаз, убегает. Лёха садится на диван, открывает сумку, озадаченно смотрит на деньги. Вбегает Колян, приплясывает.

КОЛЯН. Все! Куплю квартиру...

ЛЁХА. (Мрачно). Пошью костюм с отливом и в Ялту.

КОЛЯН. (В эйфории, не обращая внимания). Мне никогда не везло. Отец с матерью алкаши. (Повышает голос). Они и меня с сеструхой такими сделали. У нас и во дворе никого не осталось. Кто-то от наркотиков сдох, кто-то спился. Маринка второго родила, а Кузя сел за сбыт герыча. (Поднимает кулак). Все! Уеду. Заживу как человек! Мерс куплю...

Восторг не сходит с лица Коляна, Лёха чем-то озабочен. Колян тянет руку к пачке долларов, Лёха, глядя на пачки, отстраняет руку, чешет затылок.

ЛЁХА. Погоди.

КОЛЯН. А чего годить?

ЛЁХА. Не надо пальчики оставлять. Не видишь, новенькие купюры одной серии, в банковской упаковке.

КОЛЯН. Тебе больше старенькие нравятся?

ЛЁХА. Менять-то их на рубли в банке надо. А деньги бандитские. Нормальные люди миллионы в сумках не носят. И не прячут их на стройках.

КОЛЯН. (Возмущенно). Ну бандитские и чего? Они уже у нас.

ЛЁХА. Колян, я все-таки экономический колледж закончил. (Терпеливо объясняет). Первым делом бандиты пойдут в банк. Номера купюро-то переписаны. Вот их по всей банковской сети и разошлют. А тут ты приносишь обменивать баксы с этими номерами. Тебя сразу срисуют. Нажраться не успеешь.

КОЛЯН. (Недоверчиво). Лёха, не надо так. (Заглядывает в глаза). Я долларový миллионер?

ЛЁХА. Колян, ну не торопись ты на кладбище. Надо подумать. Это очень серьезные деньги, а значит и люди очень серьезные.

КОЛЯН. (Показывает указательный палец). А если одну соточку попробовать? Мало ли... на сдачу получил. Я жрать хочу.

ЛЁХА. (Смотрит на него). Ты совсем debil? Какая сдача? Это доллары.

КОЛЯН. (Злобно). Не называй меня дебилом. (Ходит по комнате, думает). А как в банке выдают такие деньжищи?

ЛЁХА. Скорее всего, деньги из какого-то левого банка, но бандиты пойдут в ближайший. В наш. Дураки ведь сразу побегут менять... (Усмехнувшись, посмотрел на Коляна). ...соточку.

КОЛЯН. (Бьет сумку ногой). И что теперь с ними делать? Прикурить от них? (Лезет в карман). Дай закурить.

ЛЁХА. Нету.

КОЛЯН. Ёклмн, и сигареты кончились.

ЛЁХА. Вон бычки.

КОЛЯН. Я жрать хочу.

Колян подходит к столу, выбирает окурок, прикуривает. Лёха выгребает из кармана мелочь.

ЛЁХА. На, купи «Ролтон», здесь на две пачки хватит.

КОЛЯН. (Серьезно, громко). Я, долларовый миллионер, должен жрать какой-то «Ролтон»? Слушай, а ты не гонишь? Они что, все купюры на всех кассах проверять будут?

ЛЁХА. (Убирает мелочь в карман). Все и не надо. Одной достаточно. На входе и внутри банка камеры. Там твой портрет с соточкой во всех подробностях и нарисуеться. Найти тебя здесь — раз плюнуть. А меня ты просто сдашь. (Решительно закрывает сумку).

КОЛЯН. (Возмущенно). Когда это я кого сдавал?

ЛЁХА. Сдашь, Колян. По почкам поработают, и сдашь, как миленький. Надо в Москву ехать. Там легче затеряться.

КОЛЯН. У нас денег нет на Москву.

ЛЁХА. А здесь ничего не сделаешь. Надо барыгу искать, который согласится обменять на рубли процентов за двадцать. Сдать побольше и слинять.

КОЛЯН. (Возмущенно). За двадцать? И за десять много.

Лёха выбирает в пепельнице окурок побольше, закуривает, выпускает дым.

ЛЁХА. У тебя есть знакомые урки?

КОЛЯН. (Сквозь зубы). Есть. Серега, спец по смартфонам.

ЛЁХА. У школоты отнимает? А кто-нибудь посерьезнее? Хоть пару соток обменять. На дорогу.

КОЛЯН. Ща...

Колян достает дешевый телефон, набирает номер. Лёха хватается за руку.

ЛЁХА. Убери. Никаких разговоров по телефону. Только при встрече. Ты не знаешь, что такое биллинг?

КОЛЯН. (Мрачно). Знаю.

ЛЁХА. (Напряженно думает). Камеры, камеры...

Лёха резко встает с дивана, быстро идет к окну, смотрит на противоположную сторону улицы. Там два магазинчика.

ЛЁХА. Иди сюда.

Колян подходит.

ЛЁХА. Видишь, на магазинах камеры?

КОЛЯН. Вижу.

ЛЁХА. Минимум две нас засекли. С сумкой засекли, как мы входим в подъезд. (Повышая голос). Вот с этой самой гребаной сумкой. Повторяю для... (Вздыхает). вначале они пойдут в банк, а потом посмотреть, что на камерах.

КОЛЯН. (Слегка испуганно). Кто им даст?

ЛЁХА. Тебе не дадут, а им дадут. И сразу к нам по квартирам. Нас соседка видела у лифта. С сумкой и испуганными рожами.

КОЛЯН. (Неуверенно). Не откроем.

ЛЁХА. Колян, ты что, не понимаешь? Дождутся. Дверь вынесут. (Отходит от окна). Если они еще не пришли, значит, пока ничего не знают. Отойди от окна. Увидят, к нам к первым заявятся.

Колян отскакивает от окна.

КОЛЯН. И что делать?

Звонят в дверь. От этого звонка оба замирают, смертельно бледный Лёха скукоживается. У обоих на лицах ужас. Колян приходит в себя, хватается сумку, мечется по комнате. Звонят еще раз, долго и настойчиво.

КОЛЯН. (Шепотом). Куда ее?

ЛЁХА. (Мечется). Под диван.

КОЛЯН. Найдут.

ЛЁХА. (Жалобно). Я же говорил, не надо ее брать. (Передразнивает). Квартиру куплю, мерс.

Колян запихивает сумку под диван, Лёха помогает. За дверью раздается женский голос, затем стук в дверь. Колян прячется за дверь.

ГОЛОС. Лёшка открой. Я видела, что ты пришел.

Лёха обрушивается на диван, обхватывает голову руками, затем, резко встает, громко выдыхает, идет открывать. За дверью соседка — тётя Наташа.

СОСЕДКА. Ты чего не открываешь?

ЛЁХА. (Заикаясь). Я... это... спал.

СОСЕДКА. В мокрой куртке что ли?

ЛЁХА. Да я... это...

СОСЕДКА. С похмела что ль? Отец из больницы звонил, и я тебе звонила. Все время недоступен.

Лёха суетливо тащит из кармана смартфон, зачем-то показывает соседке, руки дрожат.

СОСЕДКА. Вон руки-то как дрожат.

ЛЁХА. Аккумулятор, наверное, сел.

СОСЕДКА. Ладно. Отец просил принести ему сигареты. И поесть что-нибудь захвати. Сам знаешь, какая там кормежка.

Соседка собирается уходить.

ЛЁХА. Тётъ Наташ, дайте займы пару тысяч.

СОСЕДКА. Нет у меня. (Пауза). Да ты мне те еще не отдал. (Уходя). Зараза! С утра света на всей улице нет, приготовить ничего не могу.

Соседка уходит, Лёха закрывает дверь, заходит в комнату.

КОЛЯН. Ффу, я чуть не обосрался. Ты меня так запугал...

ЛЁХА. Да я сам...

КОЛЯН. Зачем две тысячи? Попросил бы пятьсот. Пожрали бы.

ЛЁХА. Ты слышал, света на всей улице с утра нет.

КОЛЯН. Ну и что?

ЛЁХА. (Радостно). Значит, камеры на магазинах не работали. (Разводит руками). Бабки наши.

КОЛЯН. Фф-у-у, ёклмн.

Лёха подходит к дивану, наклоняется, смотрит на забитую туда сумку.

ЛЁХА. Уезжать надо. Здесь нам ничего не светит. Переложим деньги в твой рюкзак...

КОЛЯН. (Озираясь). Лёх, кажется, я его там оставил.

ЛЁХА. (Ищет рукой ручки сумки). Ладно, у отца есть какие-то сумки.

КОЛЯН. (Испуганно). Он у меня подписан. Фамилия, имя. Помнишь, в школе в походы ходили? Мать подписала.

Пауза. Лёха выпрямляется, так и не достав сумку, смотрит на друга, кричит.

ЛЁХА. Колян, ты совсем debil? Зачем ты его бросил?

КОЛЯН. (Яростно). Никогда не называй меня debilом! У меня крышу снесло от этих денег. Я столько только в кино видел.

ЛЁХА. (Успокаивая себя ладонями по воздуху). Ладно. Ладно, Ладно. Ладно. Рюкзак надо забрать, Колян. Срочно. Очень срочно. Давай.

КОЛЯН. (Просит). Лёх... Пойдем вместе... Одному страшно.

ЛЁХА. (Жестко). Ты оставил, ты и иди. (Кричит). Быстре-е!

КОЛЯН. Ща.

КУХНЯ

Колян убегает на кухню, включает воду, от волнения громко глотая, пьет из-под крана, закручивает вентиль, убегает.

(Крупно). Из крана капает вода.

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

Дождь кончился. Колян выскакивает из подъезда. Подняв воротник куртки, ссутулившись и озираясь, бежит вдоль дома мимо магазинов, той же дорогой, которой они возвращались с сумкой.

НЕДОСТРОЕННЫЙ ДОМ

Колян влезает в дом через то же окно, через которое они убегали. Поднимается на второй этаж, вбегает в комнату, вытряхивает из рюкзака

зака сплющенные банки, комкает рюкзак. Смотрит через оконный проем: от дома Лёхи к недострою медленно идут два хорошо одетых здоровых мужика. Один разговаривает по телефону.

КОЛЯН. (Тихо). Блин!

Чтобы его не заметили, Колян быстро садится на корточки, прижимая одной рукой скомканный рюкзак к животу, выскакивает их квартиры, сбегает вниз, выпрыгивает через окно на улицу.

КВАРТИРА

Звонок в дверь. Лёха открывает, входит тетя Наташа.

СОСЕДКА. Денег я тебе не дам. Еще пропьешь. (Протягивает пакет). На, здесь сигареты, докторской колбаски триста грамм. И... отец бутылёк просил. Смотри, сам не выпей, паразит. Собирайся, там с пяти пускают.

ЛЁХА. (Кладет пакет на диван). Спасибо, тетя Наташ.

СОСЕДКА. Ты чего такой пришибленный?

ЛЁХА. Башка болит.

СОСЕДКА. (С укором). Понятно. Телефон заряди. Отец тебе уже раз двадцать звонил.

ЛЁХА. Да, сейчас.

Лёха достает смартфон, берет со стола зарядник, вставляет вилку в розетку.

СОСЕДКА. Вот так. (Уходит). Зараза! Свет так и не дали.

В раскрытую входную дверь вбегает Колян. Он не знает, что в квартире соседка. Влетает с вытаращенными глазами показывает рюкзак.

КОЛЯН. (Радостно). Есть! Успел!

При виде соседки, опускает руку с рюкзаком.

СОСЕДКА. Что, в поход собрались?

КОЛЯН. (Радостно кивает). Ага, в поход, тетя Наташ. Мы с Лёхой...

Колян смотрит на Лёху. Тот делает страшное лицо, мол, не трепись.

КОЛЯН. За грибами... Осенние опять пошли.

СОСЕДКА. (Качает головой). Ну да. За грибами. Эх, молодые, здоровые... (В дверях оборачивается). Отцу передай, я завтра приду.

ЛЁХА. Передам.

Соседка уходит. Щелкнул дверной замок. Колян быстро подходит к дивану, бросает рюкзак.

КОЛЯН. (Возбужденно). Я когда рюкзак забирал, в окно посмотрел. К дому шли два мужика. (Увидел пакет, полез). Курево!

ЛЁХА. Это отцу.

КОЛЯН. (Удивленно). Ты что, сегодня пойдешь к нему? Сам говоришь, бежать надо. (Копается). Да здесь три пачки. (Поднимает бутылку, ласково). Водка. (Вопросительно смотрит). Лёх. Такое обмыть надо.

ЛЁХА. (Поморщившись). Хорошо.

КОЛЯН. (Обрадовавшись). Это другое дело. И закусточка есть. (Поворачивается к другу). Обделаем дело, привезем ему и красной, и черной икры и ананасов с шампанским.

ЛЁХА. Обмоем, только не сейчас. (Снимает с пальца обручальное кольцо, протягивает Коляну). Сбегай в ломбард, сдай. На дорогу хватит. (На немой вопрос, раздраженно отвечает). У меня паспорта нет. У Ленки остался.

КОЛЯН. Думаешь, я свой с собой ношу? Я уже забыл, как он выглядит. (Смотрит на Лёху). Ладно. Домой сбегаю. (Ослабившись). Давай хотя бы по грамулечке.

Колян выходит из комнаты.

КУХНЯ

Колян берет со стола нож и два мутных стакана. Смотрит на раковину, но не моет, дует в них. Уходит.

Кран. Крупно — капает вода.

КОМНАТА

Стол у окна. На столе порезанная колбаса, открытая пачка сигарет. У ребят в руках стаканы на треть наполненные водкой. Лёха поглядывает в окно на магазины. Какая-то мысль не дает ему покоя.

КОЛЯН. Лёха! Это же совсем другая жизнь! Она не просто другая. Она... блин, она совсем другая.

ЛЁХА. Давай. За другую жизнь.

Они чокаются, выпивают, закусывают колбасой.

ЛЁХА. А мужики тебя не видели?

КОЛЯН. Нет. (Радостно). Все, прощай дыра, гиблое место, в котором я родился и вырос.

Колян наливает еще по одной.

ЛЁХА. (Берет сигарету). Колян, давай потом. Иди за паспортом. Надо уезжать.

КОЛЯН. По последней. (Бутылка повисает в воздухе). Лёх, а как ты в Москву-то поедешь? У тебя же паспорта нет. А билеты только по паспорту.

Лёха застывает с неприкуренной сигаретой.

ЛЁХА. Зараза! Куда не плюнь, одни засады! (Залпом выпивает водку). Все равно беги. Что-нибудь придумаем. (Смотрит в окно).

Колян быстро выпивает идет к двери.

КОЛЯН. (На ходу). Автостопом можно.

Лёха смотрит в окно, и тут его осеняет.

ЛЁХА. Колян, когда ты шел к дому, вывески на магазинах горели?

КОЛЯН. (Остановившись). Да, вроде мигали. Они всегда мигают.

ЛЁХА. (Взрывается). Так света же не было на всей улице!

КОЛЯН. (Неуверенно). Не было. А-а-а, ну правильно. (Подходит к окну). На той стороне седьмой ЖЭК, а у нас двенадцатый. (Дошло, испуганно). У нас и горячую воду в другое время отключают. Вот блин!

ЛЁХА. Значит, свет там был. Надо быстро валить.

Колян смотрит на ближайший магазин, отпрыгивает от окна.

КОЛЯН. (Шепотом). Все! Поздно!

Лёха вопросительно смотрит на него.

КОЛЯН. Отойди. Они там.

Лёха прячется за занавеску, выглядывает на улицу.

ЛЁХА. (Шепотом). Кто?!

КОЛЯН. Я говорил: когда забирал рюкзак, эти два мужика шли к дому.

На другой стороне улицы у магазинчика стояли те самые два хорошо одетых, здоровых мужика и смотрели на окна дома напротив, то есть, на их окна.

ЛЁХА. (Шепотом). Может, просто так стоят. Не похожи на бандитов.

КОЛЯН. (Шепотом). Я бандитов за версту вижу. Здоровые, наглые, пиджаки по тысяче баксов. Это что, совпадение такое: в дом зашли, вернулись и смотрят на наши окна?

Одному из бандитов позвонили. Он достал смартфон, ответил, посмотрел на окна дома и помахал рукой.

КОЛЯН. (Хватает стакан, быстро выпивает). Это конец.

Колян отходит от окна, садится на диван, обхватывает голову руками, жалобно причитает.

КОЛЯН. Падлы, разбрасывают миллионы... (Встает). Ну, умник, что делать будем? Ты же колледж закончил. (Передразнивает). Экономический.

ЛЁХА. (Растерянно). Может, назад отнести?

КОЛЯН. Мимо них? (Издвательски). По дороге помашешь им рукой.

ЛЁХА. (Истерично). Я же говорил, не надо брать! (Передразнивает). Квартиру куплю, мерс!

КОЛЯН. (Вскакивает с дивана). Все! Я не хочу сидеть и ждать, когда нас начнут убивать. Унесу, сколько влезет в карманы. Ничего, убегу. (Идет к сумке). Меня хрен догонишь. С сотней тысяч лягу на дно... (Лезет под диван). Хоть месяц поживу по-человечески.

Лёха бросается к сумке, отталкивает Коляна.

ЛЁХА. Ты что, debil?! Их надо отдать! Скажем, не знали, что там деньги...

КОЛЯН. (Орет). Не называй меня дебилом! Кто говорил, что нас завалят только за то, что мы видели бабки? А мы еще их и сюда притащили.

ЛЁХА. Давай выбросим. Оставим на первом этаже.

КОЛЯН. (Истерично хохочет). Ага. Такие же придурки унесут, а завалят нас. (Орет). Мы на камерах!

Колян отталкивает Лёху, лезет под диван. Лёха отбрасывает его, Колян падает на спину.

ЛЁХА. Если возьмешь, нас точно грохнут. (Орет). Попробуем договориться! Я выйду к ним, объясню.

КОЛЯН. (Спокойно). Иди.

Лёха понимает, что, если он уйдет, Колян возьмет часть денег.

ЛЁХА. Пойдем вместе.

КОЛЯН. (Поднимается). Ты умный, да? Иди на хер! Это мои деньги!

ЛЁХА. Это я их нашел.

Колян от удивления вытаращил глаза.

КОЛЯН. Это я тебя туда привел! Я вынес сумку! А ты забздел и убежал. Ты же всегда был бздун, гнидой!

ЛЁХА. А ты как был дебилом, так и остался.

Стол рядом с диваном. Лёха берет со стола бутылку, делает два больших глотка.

КОЛЯН. (С тихой яростью). Уйди, Лёха, времени нет.

Колян слегка поворачивается, берет со стола нож, которым резали колбасу. Лёха, воспользовавшись его наклоном, со всей силы бьет Ко-

ляна бутылкой по голове. Бутылка разбивается, Колян падает, ударяется головой об угол стола.

Постояв над телом, Лёха садится на стул у окна, подпирает голову кулаком, смотрит в окно. Звонок в дверь. Лёха даже не пошевелился. На лице полное равнодушие. Звонят и звонят в дверь.

Он не видит, как к двум прилично одетым мужикам, стоящим у магазина, от дома идет девушка с третьего этажа. Увидев ее, они оживляются. Девушка подходит, по очереди целует их в щеки, Все трое уходят.

КУХНЯ

Крупно кран, капает вода. Стоп кадр, капли висают в воздухе.

КАБИНЕТ

Кабинет начальника. Со спины, человек говорит по телефону.

НАЧАЛЬНИК. Сережа, я посмотрел, мы не весь реквизит привезли с ночных съёмок. Сумку с долларами забыли. Где-то на стройке оставили. Поезжай, заberi, пока бомжи не распотрошили.

СЕРЕЖА. Иван Матвеич, эта сумка слова доброго не стоит. Там под куклами мусор.

НАЧАЛЬНИК. Сережа, может еще пригодится. Опять доллары на принтере печатать?

СЕРЕЖА. Хорошо, Иван Матвеич, я заеду, посмотрю.

УЛИЦА

Пролет камеры над домами. Камера снижается до второго этажа. Лёха сидит за столом, на лице полное равнодушие.

РОМАН

Анна Гройсс

С.-Петербург

ТЕАТР ВОПЛОЩЕННЫХ СНОВИДЕНИЙ

Часть первая.

Господин Искуситель

*Аз сплю, а сердце мое бдит
Песн. 4:16-5*

Глава 1. Знакомство с господином А. Менцем (История Гарциоло)

Отчего судьба забросила меня в этот город? Лим-Брасс... Какое странное, музыкальное созвучие!

В последний момент я едва не попался. Пьяный сосед по купе — страстный игрок в покер, хватился своего портмоне перед самой станцией. Поглядывая на меня исподлобья и громко отдуваясь, он раз за разом обшаривал мясистыми пальцами карманы куртки, роняя на ковер фишки и смятые купюры. Портмоне толстяка лежало у меня за пазухой. Я невозмутимо смотрел в окно, делая вид, что не замечаю его поисков. Наконец, пробормотав слово «полиция», он вывалился в тамбур. Я осторожно высунулся из купе и, проследив за скрывшимся в конце вагона соседом, бросился в противоположную сторону. Не дожидаясь остановки поезда, соскочил на крытую платформу и пробежал сквозь продуваемое всеми ветрами стеклянное здание вокзала. По углам его намело целые сугробы снега. Под потолком предсмертно мигала одна-единственная лампочка на тонком шнуре. Вокзал был неприютен и пуст. Город спал, свернувшись в клубок электрического тепла, а вокруг бушевала вьюга.

Где-то на путях одиноко вскрикнул паровоз. Удача, что мне удалось скрыться! Многолюдный Лим-Брасс — подходящее место для человека, бегущего от закона и судьбы.

Тугая дверь вокзала ударила мне в спину, так что я едва не упал, и

сразу же метель поглотила меня, закружила и завывала на разные голоса. Уже через минуту я потерялся и утратил всякое представление о себе в пространстве. Сделав несколько шагов, я уткнулся в забор, развернулся и пошел обратно, и вскоре набрел на жильё: вверху, сквозь снежную завесу, желтел прямоугольник окна. В поисках входа я двинулся дальше, то и дело касаясь дома, чтобы не потерять его, однако стена неожиданно кончилась, и в тот же миг выюга засвистела еще сильнее.

По-видимому, я попал то ли на пустырь, то на заброшенную городскую площадь, тянувшуюся без конца и без края. Сколько ни водил я, подобно слепцу, вокруг себя руками, но ловил одни снежные ветры. Несчастный ловец ветров! Холод пронзал меня, колот сначала снаружи, а потом изнутри. Все сильнее, сильнее! Я брел по щиколотку в снег, уже не выбирая, куда ступить, и, разумеется, поплатился за свою слабость очень скоро. Нога моя, отчаянно выброшенная вперед, попала в пустоту и утянула за собой тело. Я едва успел выставить руки вперед. На этом силы мои, истощенные лишениями и холодом, кончились. Я упал в снег и потерял сознание.

Стихла метель. Наступила тишина, в которую втянулся трубно, все усиливаясь, голос, поющий на одной ноте: «...по решению суда приговаривается к смерти...». Голос унесло, и в отдалении показался длинноволосый человек в кожаном пиджаке, сидящий за столом в низкой комнате, углы которой терялись в темноте. Человек внимательно вглядывался в лежащую перед ним бумагу.

— А ну-ка, смир-рно! — гаркнул он. Еще некоторое время читал написанное, затем усмехнулся и, неизвестно к кому обращаясь, проговорил:

— Ладно, гаденыш. Я согласен.

Взяв перо, он с элегантностью вывел на бумаге несколько букв. В тот же момент все закружилось и взвилось огненным вихрем, сквозь который проступила женская голова в белой косынке. Раскачиваясь, как на нитке, она открыла рот, полный крупных зубов, и явственно произнесла:

— Ожил! Ожил! — после чего подернулась рябью и пропала.

Очнувшись, я обнаружил себя лежащим на кровати. Потолок, стены и мертвый зимний день за окном — все валилось на меня мучительной белизной. В ногах кровати стоял стул, рядом — стол с белыми эмальрованными ванночками, шприцами и стеклянными пузырьками.

Я лежал покойно, ощущая мягкую, едва заметную, пульсирующую боль в голове и отчего-то в правой ноге, и думал, что, в сущности,

боль — это ерунда; главное, что мне уютно и тепло, тепло, тепло.

Кажется, я задремал, но тут дверь открылась: на пороге стоял врач — высокий, стремительный и гладкий, словно угорь, в ладно сидящем белом халате.

— Ну как, очнулись? — на его молодом лице приветливо шевельнулись ухоженные усики. Характерным докторским жестом он потер руки и решительно направился к кровати. Измерив мой пульс, врач удовлетворенно покивал. Затем велел высунуть язык и долго и с интересом разглядывал его, словно географическую карту мира. По всей видимости, и здесь оставшись вполне довольным — об этом можно было судить по тому, что черты его лица как будто расплылись в стороны, — он без всякого предупреждения, резко откинул одеяло и уставился на мои ноги.

Переведя взгляд вниз, в первое мгновение я не сообразил, что к чему; тускло дернула за сердце странная несообразность.

— Ч-что это? — прошептал я в зыбкой надежде, что происходящее — продолжение недавнего кошмара с летающей зубастой головой.

— Не волнуйтесь, прошу вас. Вам вредно волноваться. Вы отморозили ногу. Началась гангрена. Пришлось ампутировать ступню, — рокотал врач, накидывая на меня одеяло. Слова, произносимые им, отдавались у меня в голове эхом надгробного колокола.

— Ампутировать ступню... — повторил я, словно в трансе, силясь представить себе, что это значит — ампутировать ступню, и как теперь выглядит моя правая нога — без ступни.

— Радуйтесь, что остались живы. Иначе как чудом это не назовешь! Вас нашел господин Менц лежащим на дне фонтана. Вы буквально насквозь заледенели, — доктор театрально вскинул руки. — Ночь, метель, безлюдная городская площадь, фонтан! Выключенный, разумеется, по зимнему времени... И внутри фонтана — заметенная снегом человеческая фигура!

Воодушевленный доктор бегал по палате, а перед моими глазами стояла страшная картина: спиленный сук правой ноги, обмотанный окровавленными бинтами.

— Третью неделю вы лежите в беспмятстве, и господин Менц — добрейшей души человек! — ежедневно приходит справляться о вашем состоянии. Я уверен, наведается и сегодня. Да вот и он! — с этими словами доктор прекратил бегать и размахивать руками и остановился посреди палаты. Действительно, в коридоре послышались приближающиеся шаги, легкие и торопливые. Снова открылась дверь, и перед нами явился человек преклонных лет, небольшого роста, в накинутом на

плечи белом халате, с мелкими, словно детскими чертами лица, возраст которого выдавало множество гибких, веселых морщинок, сетью накинутых на его румяную кожу. Едва я взглянул на господина Менца, как сразу же запутался в этой сети. По самые уши.

— Добрый день, господин Менц! — сказал доктор и отвесил поклон. Вошедший степенно поклонился в ответ, но смотрел при этом не на доктора, а на меня.

— Менц, к вашим услугам! — с тихим торжеством произнес мой спаситель. Он уселся на стул, стоящий у кровати, взял меня за руку и ласковым, отеческим движением пожал ее.

— Как видите, наш пациент наконец-то пришел в себя! Неделя-другая — и он окрепнет настолько, что сможет встать на ноги... — на этих словах доктор несколько смешался и замолчал.

Господин Менц тем временем, без каких-либо предисловий и объяснений, задрал одеяло и так же, как несколько минут назад доктор, устался на мои конечности. Показалось мне или нет? В маленьких глазках господина Менца кошачьей зеленью сверкнула молния, и лицо на мгновение покрылось глубокими трещинами. Впрочем, в свете, а точнее говоря, во мраке недавно открывшихся мне обстоятельств увиденное можно было считать чистой галлюцинацией.

— Ну-с, оставляю вас, господа! — воскликнул тем временем доктор и удалился, мягко прикрыв за собой дверь.

Некоторое время Менц молча и пристально разглядывал меня.

— Рад видеть вас в сознании, дорогой господин Вальдек, — наконец произнес он.

«Что он мелет? Какой еще Вальдек?» — подумал я. Эта мысль, по видимому, отразилась на моем лице: Менц поднял круглые клоунские бровки с веселым недоумением и поспешил объяснить:

— Дело в том, что при вас было удостоверение личности на имя Ульмана Вальдека. Оно лежало в вашем портмоне.

Я прикрыл веки, чтобы на этот раз пронизательный господин Менц не прочитал в моих глазах мечущихся, бессвязных мыслей. «Черт! Как же я не догадался выбросить украденное портмоне? Меня принимают за его владельца. Ах, да не все ли равно теперь?»

— Поэтому, — продолжал тем временем Менц, — я и имею честь знать если не вас, то ваше имя. Впрочем, для того чтобы постичь суть человека, совершенно необязательно знать его имя. — Здесь он неожиданно для меня самым развязным образом подмигнул.

— Очень вам благодарен, господин Менц. Если бы не вы, я бы наверняка замерз насмерть, — прошептал я.

— Чрезвычайно рад, — повторил Менц. — Итак, вы — господин Ульман Вальдек?

Он выжидающе замер, птичьим движением наклонив голову.

— Да, — выдавил я.

Он расцвел и заулыбался, будто только этого и ждал.

— Я часто удивляюсь, — Менц доверительно понизил голос, — сколько на свете имен! Какие только не встречаются: и Йохан, и Пауль, и Шолим. А ваше — Ульман — довольно редкое. Да еще фамилия Вальдек в придачу. Довесок, от которого никуда не денешься. — Помолчав, он задумчиво продолжил: — Но, как ни странно, и совпадения случаются. Знал я одного Ульмана. Фамилия его была — не поверите! — Вальдек! Где я с ним познакомился, при каких обстоятельствах? Нет, не спрашивайте меня, не помню!

Он опять затих, прислушиваясь к собственным мыслям.

— А может, его фамилия была не Вальдек. Может, — кто его знает! — Вальден, Больден или попросту Вальс? Или звали его не Ульман, а Ульрит или Гульман? — И в этом месте Менц неожиданно прихихикнул, явно валяя дурака.

Покачиваясь в волнах нахлынувшего жара, я молчал, выжидая, чтобы узнать, к чему он клонит.

— Молчите! Я вижу, вам трудно разговаривать, — забормотал он и принялся поправлять на мне одеяло, не спуская с меня глаз. Он так и вцепился взглядом, хотя я и не собирался ничего говорить до тех пор, пока не выясню, к чему он устраивает всю эту клоунаду.

— Правда, на удостоверении вы выглядите солиднее. Кровь с молоком! Главное же, что не может к себе не располагать — добротное такое лицо! Полнота в нашем грешном мире, — тут он патетически возвел очи к потолку, — признак респектабельности, благонадежности! А ваша теперешняя физиономия не совсем, прямо скажем, соответствующая... Щеки впали и нос распрямился... Да черт с ним, с носом-то...

Он принялся так и эдак присматриваться ко мне, кривляясь и причмокивая. Морщинки на его лице стянулись, перехлестнулись и стали напоминать паутину, в центре которой шевелился не один, а сразу два паука — пара черных, с зеленым отливом, глаз.

— Впрочем, чему же удивляться? — клокотал он. — Три недели лежит человек без сознания! Вот и исхудал, спал с лица. Жизнь наша такова, что каждый легко может попасть в бедственное положение. В этом нет ничего... э-э-э... — он пожевал губами, — предосудительного. Кстати, я ведь совершенно забыл рассказать, кто я таков.

— Ну? — хрипло выдохнул я, не в силах уже ждать.

— Я — бессменный руководитель и главный режиссер «Эксперимента» — театра, шествующего в авангарде мирового сценического искусства! А также директор и, по совместительству, смотритель Музея криминальных историй при Главном полицейском управлении Лим-Брасса.

Он сказал это с таким пафосом, что я рассмеялся. Менц нахмурился и нервно побарабанил пальцами по спинке кровати.

— Напрасно смеетесь, господин Вальдек. Это единственный в своем роде музей. Каждый экспонат в нем способен рассказать о жизни своего владельца не меньше, чем сам этот владелец о себе. А то и больше. Так же, как, например... — Он откинул полу белого медицинского халата, сунул руку в карман темно-зеленого пиджака и извлек оттуда...

— Что это?

— Это, изволите видеть, золотая монетка. Она многое, уж поверьте, может рассказать о своем владельце! — он перешел на шепот. — Когда я нашел вас, вы лежали навзничь, в фонтане, и крепко сжимали ее в кулаке.

Он снова засверлил меня своими черными паучьими глазками, и на этот раз паутина его морщин сжалась, словно уже поймала меня.

— Мы едва смогли разжать ваши пальцы. Хотел бы я знать, господин Вальдек, как она к вам попала!

Он вложил монетку мне в ладонь, но взглянуть на нее не дал. Мягким, но решительным движением он накрыл мою руку своей.

— Потом посмотрите, когда я уйду, сделайте милость. И вот еще...

Не успел я оглянуться, как другой рукой он протянул мне белый прямоугольник картона.

— Моя визитная карточка. Буду признателен, если вы, выздоровев, почтите меня своим визитом. Запомните, господин Вальдек, я вас жду. Вы всегда можете рассчитывать на мою искреннюю симпатию и помощь.

Его слова действовали на меня странно. Чем больше он говорил, тем больше я хотел спать. Когда он встал, бормоча слова прощания, я уже не мог противиться властным объятиям сна.

В любое время...

Хоть днем, хоть ночью...

Всегда буду рад...

Чрезвычайно обяжете...

Счастлив знакомству...

Когда дверь за ним закрылась, я уже крепко спал.

Глава 2. Казнь на площади Барбанта (История Гарциоло)

Снег почти сошел, оставив после себя островки сверкающего льда и талой воды, в которых весело прыгало солнце. «Чудесный день! Увы, не для меня...» — угрюмо шептал я. Превозмогая боль, я ковылял куда глаза глядят. Стоило попасть костылем или здоровой ногой в малейшую неровность на тротуаре — и толком не зажившая культя сотрясалась, обжигаясь пронизывающей болью.

Я опять был без малейших средств к существованию. За исключением визитки, оставленной господином Менцем, а также потрепанного, стершегося по краям удостоверения личности на имя Ульмана Вальдека, портмоне было пусто. Всю имевшуюся в нем наличность пришлось отдать за лечение. Впрочем, нет. Осталась золотая монетка — та, что вложил мне в руку странный мой спаситель, господин Менц. Рассмотрел я ее еще тогда, в больнице. На одной ее стороне была изображена лестница с крылатыми ангелами, а на другой — полуразрушенная башня, по стенам которой карабкались человеческие фигурки. Сколько стоит монетка, и что можно купить на нее — оставалось загадкой, которую я надеялся со временем разрешить.

Костыли, выданные в больнице, скользили, культя болела, кружилась голова. Серость лица и злобное бормотание из-за поднятого воротника черного пальто, а также невероятная худоба с хромотой, видимо, пугали прохожих, потому что в густой толпе вокруг меня образовалась странная пустота. Люди огибали хромоногую калеку с двух сторон, стараясь держаться как можно дальше, словно несчастье передастся через прикосновение. Уродство навсегда отстранило меня от мира здоровых, полнокровных людей.

«Придется приспособливаться к ущербности! Будь проклят мир, исполненный пустых надежд и подлого вранья, в котором нужно уметь ловко изворачиваться, чтобы хоть как-нибудь жить!» — испуганно шептал я.

Никаких планов на будущее у меня не было, да и не могло быть, с эдаким-то обрубок!.. Кроме, разве что, самых отчаянных, выношенных еще в больнице: в тот же день, как выпишусь, зайти в первый попавшийся полицейский участок, объявить свое имя и сознаться во всем: и в убийстве, и в краже портмоне. Сначала меня примут за сумасшедшего: ведь не каждый день бывает, чтобы преступник являлся в полицию сам, без всякого принуждения, и сознавался, что он, дескать, убийца и вор!

В пользу безумия было также то, что я решительно не помнил обстоятельств, при которых совершил убийство. Я даже приблизительно не мог предположить, как давно в моей руке дрожал нож, покрытый кровью по самую рукоять. Сколько раз он вонзался в плоть? И главное: кого и за что я убил? Не зная ответа ни на один из этих вопросов, я все же предпочел бы тюрьму, нежели сумасшедший дом. А в общем, мне было все равно.

К несчастью, я забыл не только то ужасное, что сотворил собственноручно, но и то, без чего нет человеку счастья на земле: своих родителей! Детство, юность и отчий дом стерлись из моей памяти. Не помнил ни-че-го, кроме мгновенных отрывков из преступления и самых последних, трагических событий: бегства в метель, обморожения и больницы. Доктор авторитетно объяснил, что случившаяся со мной амнезия вызвана долгим пребыванием в бессознательном состоянии. Не пройдет и нескольких дней, утверждал он, самое большее, недель, и память восстановится.

— Ну, что ж! Пора исполнить задуманное! — произнес я решительно, да так громко, что несколько прохожих оглянулись и окинули настороженными взглядами мою фигуру, особенно задержавшись на покалеченной ноге. Сочувствия в их глазах я не заметил, да и не искал. Жадное нетерпение плескалось на самом дне этих глаз, и скоро выяснилось, что было тому причиной. Обрывки разговоров, мелькавшие тут и там, донесли до меня весть о том, что:

«Сегодня на городской площади, в полдень, состоится публичная казнь! Преступник будет прилюдно бит, после чего состоится отрубание головы с помощью специальной машины!»

Насколько я мог разобрать, казнимый обвинялся в убийстве с целью грабежа. «В убийстве... — нервная дрожь пронеслась по телу, — как я... Значит, и меня могут... так же...»

Против воли я двинулся вслед за людьми, направляющимися к месту предстоящей казни. Держась края тротуара, я добрал до перпендикулярной улицы, по которой широким полноводным потоком катилась празднично разодетая толпа. Повернув вместе с ним, я вскоре очутился на городской площади. То ли это было место, где я отморозил ногу, я не знал. Фонтан здесь, впрочем, имелся.

Посреди забитой до отказа площади, названной, в соответствии с надписью на табличке, именем неизвестного мне Барбанта, возвышался деревянный помост. Ожидая представления, толпа колыхалась, лениво бурля водоворотами рядом со снующими там и сям продавцами сладкой воды и мороженого.

С болезненным нетерпением я ожидал начала казни. Мрачные предчувствия, одолевавшие меня, подпитывались мыслью о том, что я — грешник, которому уготована та же участь, что и казнимому сегодня преступнику. Разница между нами заключалась в том лишь, что он был осужден и почти что мертв, а я — свободен, и, следовательно, смерть моя пока откладывалась.

«До тех пор, пока тебя не арестуют, — думал я. — Что, передумал идти сдаваться? А ведь ты еще ничего не видел. Сейчас начнется, и посмотрим, как ты запоешь! Без ноги-то, пожалуй, не так страшно, как без головы...»

Не прошло и нескольких минут, как толпа зашевелилась. Послышалось: «Начинают, начинают!» На помост выскочили две обезьянки, держащие в отвратительно цепких ручках золотые трубы с притороченными к ним флажками. Приплясывая, они дунули в трубы, издавшие высокие истерические вопли, и на эшафот поднялся человек с распустившимся до земли свитком. Его костюм, состоящий из старинного длиннополого камзола синего цвета, красных, обтягивающих ноги чулок и белоснежного жабо, пышно сидящего на груди, совершенно не соответствовал трагическому, полному смертной муки событию, ожидаемому здесь, на площади Барбанта.

Приосанившись, человек вывернул колено вбок, задрал лицо к небу и, широко разевая пасть, будто лая, принялся зачитывать написанное в свитке. Веселый весенний ветер носил по площади слова, выкрикиваемые им, терял их и разбрасывал.

— В соответствии с решением... суда...обвиняется в двойном убийстве с целью завладения имуществом... Вина доказана и сомнению не подлежит... Назначается десять ударов палками... отрубание головы...

Толпа заворчала в ожидании захватывающего зрелища.

Человек невозмутимо ждал, когда стихнет гул.

— Учитывая, — продолжал он, — благородное происхождение и добровольное сотрудничество со следствием... наказание палками отменить!

После этих слов толпа загудела снова, на этот раз недовольно, почувствовав, что ее обделили, но быстро утешилась, отвлекшись новыми, многообещающими приготовлениями, начатыми за спиной нарядного человека.

На помост, который все более напоминал сцену, взобралось несколько дюжих молодцов в ярко-красных одеждах...

«Ассистенты палача!» — полетел восторженный шепот...

... и принялись энергично вносить и размещать оборудование, не-

обходимое для проведения казни. Работа так и кипела в их руках. За минуту на эшафоте возник большой прямоугольный предмет, накрытый траурной материей и напоминающий домовину.

Толпа оживлялась все сильнее. Когда же наконец на помост втащили массивную, собранную заранее и также закутанную в черную ткань машину для отрубания головы, зрители пришли в необычайное возбуждение. Раздались аплодисменты и даже свист.

«Машина! Которой голову будут рубить!» — восхищенно произнес рядом детский голос. Я посмотрел в сторону, откуда доносились слова, и увидел мальчонку лет семи. Подбородок и руки его были измазаны мороженым. Он поднялся на цыпочки и не отрываясь глядел на помост. Мороженое таяло в его опущенной руке и капало на тротуар. Рядом с ним стояли родители и ребенок постарше, по-видимому, его брат, также с напряженным любопытством вглядывавшиеся в происходящее.

«Дурак! — крикнул старший мальчишка. — Палач рубит, а машина режет!»

«Приводится в действие электричеством», — наставительно проговорил отец.

Со всех сторон слышались возбужденные комментарии:

«А топором интереснее!»

«Бездушно это, не по-людски, — машиной-то!»

«Размер у нее — ого-го!»

Ассистенты тем временем украсили помост гирляндами с разноцветными флажками, придав ему праздничный, эффектный вид.

Терпеливо дождавшись окончания работ, человек в синем камзоле вновь ступил на середину помоста и тут же приковал к себе всеобщее внимание. Вскипела барабанная дробь, взвизгнули трубы. Неожиданно высоко подпрыгнув, он театральным жестом сдернул ткань с гильотины.

«Ах!» — блаженно выдохнула публика.

Машина стояла в полной боевой готовности. Простота и элегантность ее конструкции были восхитительны, представляя собой изящную деревянную скамью, над которой угрожающе нависало огромное стальное лезвие.

— Усовершенствованная электрическая машина для молниеносного отделения головы от туловища, — в экстазе вопил ведущий, — разрезает шею мягко и безболезненно, не разбрызгивая кровь!

— Bravo! — крикнули из толпы. То тут, то там пронеслись аплодисменты.

Нетерпение публики усилилось, когда на эшафот поднялся палач в

черных одеждах и маске, закрывающей все лицо, за исключением глаз и рта. Походка, осанка, неторопливая основательность движений сразу давали понять, что человек он опытный и дело свое знает хорошо. Осмотрев машину, он пощупал и подергал ее детали.

По знаку палача один из ассистентов подскочил к стоящей на эшафоте домовине и скинул с нее черное покрывало, представив на обозрение большой деревянный короб из блестящего, покрытого лаком дерева. По всей видимости, это был ящик для тела казненного. Молодец бережно извлек из него глубокую прозрачную емкость и поставил ее перед круглым отверстием гильотины, служащим для фиксации головы.

— Небось, с топора-то крови больше натекает!

Я оглянулся и увидел дряхлого дедка, пробирающегося сквозь толпу поближе к помосту. Рядом шел, почтительно его поддерживая, мужчина помоложе, впрочем, тоже преклонных лет.

— На всех хватит, не бойсь. В прошлый раз тоже народу много было, и ничего — всем хватило.

— Сейчас как кинутся все, — ворчал дедок. — Ты платок-то приготовил?

— А как же? — хохотнул его спутник и бойко цыкнул семечной шелухой в спины стоящих впереди. — И даже утюжком погладил!

— Сразу махай, пока кровь не свернулась, слышишь? — шамкал старик, удаляясь.

— Ящик для головы, выполненный по спецзаказу из эксклюзивного муранского стекла! — воскликнул человек в камзоле, хватая стеклянную посудину и торжественно поднимая ее над головой.

Тысячи глоток взревели в экстазе. В ожидании захватывающего кровавого зрелища некоторые, особенно нетерпеливые, приплясывали на месте. Предвкушение опьяняло их, горячо растекаясь по жилам, точно густой коньяк, и чем дольше длилось ожидание, тем выдержаннее и крепче он становился, тем сильнее кружил головы.

Дикий, непреодолимый ужас овладел мной. Человек на эшафоте, потрясающий жуткой стеклянной емкостью, толпа, скандирующая в едином порыве:

— Каз-ни! Каз-ни! —

все это вдруг отодвинулось далеко-далеко. Так далеко, что на миг показалось нереальным, точно недавний больничный бред. Лихорадочная дрожь сотрясла меня при мысли, что я — глупец, легкомысленно собиравшийся явиться в полицию с признаниями, мог бы так же взойти на эшафот под анекдоты и шелканье семечек.

Я принялся неловко разворачиваться, чтобы как можно скорей уб-

раться подальше отсюда и не увидеть последнего, страшного действия, разыгрываемого на потеху публике. Куда глаза глядят, куда угодно! Онемевшее от ужаса тело слушалось плохо. Кроме того, толпа начала подпирать все ближе к эшафоту, чтобы не упустить ни малейших деталей казни. Люди шли навстречу, с безотрывно задранными к помосту головами, не глядя по сторонам и не замечая меня. Волей-неволей пришлось поддаться напору и влиться в чудовищную волну.

Вдруг публика ахнула и подалась назад. Наступила полнейшая тишина, но она длилась недолго, может быть, одну секунду. Сразу же за тем ликование сотрясло площадь Барбанта. Произошло то, что я боялся увидеть: на помост вывели преступника. Он был высок ростом и строен, в брюках и рубашке светлого льна, вздымаемой теплым ветром. Волосы были тщательно уложены и напомажены. Его можно было бы назвать красивым, если бы не смертный ужас, исказивший его облик.

Поддерживаемый с двух сторон ассистентами человек едва ступал. Ноги почти волочились по помосту, весь он сжался и страдальчески искривился. Глаза несчастного дико блуждали, скользя по лицам людей и едва ли замечая их. Он был так измучен и обессилен предчувствием ужасной участи, что даже если бы молодцы отпустили его, сказав: беги, мол, сейчас! Спасайся! — он не смог бы сделать ни шагу.

«Нет, нет...» — зашептал я. Кое-как развернулся и заковылял от эшафота, скорее готовый быть затоптанным, нежели видеть кровавое, страшное... Отпихивая прущих навстречу людей локтями и костылями, я вопил яростно: «К черту! К дьяволу все!» Крики неожиданно возымели действие: толпа, хоть и неохотно, расступалась передо мной. Словно смятая пробка, я выскочил из толпы и быстро заковылял узкими пустыми улочками, разбегающимися от площади Барбанта.

Глава 3. Виолончель (История Гарциоло)

Окрестности площади были безлюдны. Всех жителей стянула к эшафоту жестокая казнь. Искажённое смертным ужасом лицо преступника стояло перед глазами, и я никак не мог избавиться от мыслей о том, что происходит с ним вот сейчас, в это мгновение. Порывы ветра доносили до меня вскипающий, точно океанские волны в бурю, рёв раззадорившейся толпы. Я содрогался и тряс головой, зажмурился, пытался брести быстрее, чтобы укрыться, спрятаться, удалиться от кошмара! Мучительно было сознавать, что где-то рядом, на расстоянии

сотни шагов, происходило бесчеловечное надругательство одних над другим: смерть ради потехи толпы! Закончится казнь, и удовлетворённые зрители, аккуратно сложив смоченные в крови преступника платки, преспокойно отправятся домой, где смогут дать отдых утомлённым членам, сытно поесть и под неторопливые разговоры выпить чарку-другую домашнего вина.

Вскоре я заметил, что нахожусь в районе, совершенно не похожем на ухоженную, с дворцами и зацветающими газонами, центральную часть. Я остановился — пот градом тёт по лицу и спине, — и расстегнул пальто: носить его нынче было не по сезону. Огляделся.

Почерневшие обшарпанные дома, точно пьяницы, стояли вкривь и вкось. Каждый из них — нищий и убогий — был безобразен на свой лад. Один накренился, его крыша съехала до самой земли. Другой стоял без окон, если не считать за них узкие амбразуры, вырезанные в стене для вентиляции. Иные, полуразрушенные, с выбитыми стеклами и без дверей, напоминали оборванных бродяг. Казалось, там гулял лишь ветер, но, когда я рассеянно заглянул в один из них, то увидел играющих на полу ребятишек.

Чем более я удалялся от центра, тем чаще навстречу попадались люди. Брели, бормоча проклятия и расточая жалобы, нищие и убогие. Цыгане, мелькающие там и сям, просили милостыню и предлагали погадать. За углом одной из хибар я увидел пьяную драку.

Стаи собак с громким лаем носились по улицам. Я не замечал их до тех пор, пока один из псов, огромный, точно телёнок, бело-рыжий, в проплешинах, не подскочил ко мне и не оскалил зубы. Бегавшие неподалёку дворняги, остановившись, внимательно наблюдали за мной. Я брёл, не обращая на них внимания, и думал о том, что в Лим-Брассе у меня нет ни одного знакомого, к которому мог бы обратиться за помощью.

«Да и кто станет оказывать помощь беглому преступнику? — рассуждал я. — Подожди... О том, что ты зарезал ножом... кого-то... кого?.. возможно, ещё никто не знает... А вдруг и не было вовсе никакого убийства? Это надо как-нибудь проверить, но потом. Сейчас нужно раздобыть деньги и кров... Стоп! — вдруг воскликнул я про себя и остановился. — Ведь у тебя же есть...»

Я не успел додумать мысль до конца. Следовавшие за мной по пятам дворняги, раздражённые внезапной остановкой, взлаяли и принялись бешено наскакивать на меня. Размахивая костылём, я смог отогнать нескольких из них, самых диких и злобных, и двинулся дальше. Псы не отставали, правда, не осмеливаясь подойти ближе. Я шёл на-

сколько мог быстро, надеясь, что им надоест преследовать меня, и они отстанут. Костыли больно упирались в подмышки. Скакал перед глазами прогнивший дощатый тротуар.

Внезапно один из костылей заскользил по влажной, раскисшей древесине. Потеряв равновесие, я упал, ударившись головой о доски тротуара. Попытался встать, но руки и ноги разъезжались на мокрых деревяшках. Я барахтался, как рыба на льду. Перед лицом защёлкала пасть той самой, бело-рыжей. Горячо обдало смрадом собачьего нутра.

Выдернув застрявший меж досок костыль, я попытался обрушить его на собачий хребет. Удар не достиг цели — пес отскочил. Точно по команде, дворняги завывали, заворчали и всем скопом накинулись на меня. Ещё немного, и они разорвали бы меня в клочья, но тут...

— Прочь, Душегуб! — Голос звучный, высокий, с хрипотцой, точно ствол корабельной сосны, расщепленной вдоль ударом молнии, отдёргнул от меня свору. — Нельзя! Фу! — Как по команде, псы успокоились и, смиренно поджав хвосты и повизгивая, разбежались кто куда.

— Не бойтесь! — говорил меж тем голос, приближаясь. — Душегуб убежал — он у них главный забияка и предводитель, а остальные сами не нападут. Ну-ну, вставайте, а то простудитесь. — Я поднял голову и увидел седую растрепанную женщину в сером платье, опоясанном фартуком, спешащую ко мне.

К тому моменту, когда она подошла, мне удалось встать на ноги. Я стоял и смотрел на неё, благодарно улыбаясь.

— Хорошо, что я в окно вас заметила. Если не отогнать хулиганов, покусают, и изрядно! Местных они не трогают, всех знают.

Женщина едва доставала мне до плеча. В уголке её рта торчала сигарета. Дым разъедал ей глаза, заставляя щуриться.

— А вы, значит, турист? — одышливо спросила она, вытирая руки о фартук.

— Т... турист, — согласно покивал я.

— В Лим-Брассе есть на что посмотреть, — улынулась женщина, с каждым словом выпуская изо рта дым и окутываясь им. — Супцу хочешь? — без всякого перехода спросила она.

Я растерялся и снова кивнул.

— Тогда вперёд! — воскликнула моя спасительница и ткнула сигаретой в сторону одноэтажного дома, выделявшегося среди других опрятностью и ухоженностью.

— Накануне сон мне приснился, — на ходу рассказывала она, и струны её голоса лопались и трещали на каждом слове, — будто по небу стая белых птиц летит. Ну, думаю: если сегодня что случится из ря-

да вон — мимо пройти нельзя! Глядь в окошко — а там ты!

Она поднялась по ступенькам крыльца и распахнула передо мной дверь, ожидая, пока я, подтягиваясь на перилах, преодолёю невысокую лестницу.

В комнате, открывшейся сразу за входной дверью, разместились деревянный стол с двумя широкими лавками по краям, высокий комод, — все ручки на дверцах были отломаны, — и продавленное кресло — когда-то роскошный, а ныне изрядно потрёпанный предмет обстановки, неизвестно как попавший в эту бедную комнату.

Хозяйка немедленно усадила меня в него, и я благодарно утонул в мягких кожаных объятиях.

— Отдохни. А я пока на стол накрою, — сказала женщина и, вновь прикурив, принялась хлопотать, ловко крутясь в клубах сигаретного дыма и ароматного пара среди горшков, кастрюль и черпаков.

Удивительно, как некоторые умудряются дожить до преклонных лет, сохранив столько любви к белу свету, думал я, погружаясь в покой — тёплый, домашний, как бывает в детстве — без подспудных волнений и тревог, без угрызений совести и сожалений о несбыточном.

Сквозь дрему я слышал звон посуды и обрывки разговоров, смысл которых, как ни старался, так и не смог уловить, густые и тягучие звуки музыки, исполняемой на виолончели, отчего-то все время с остановками. Какой удивительный сон, подумал я и открыл глаза: кто-то легонько тронул меня за плечо.

Уже стояли на столе тарелки с толсто нарезанными ломтями свежего хлеба, и картошечкой с подтаявшими кружочками жёлтого масла, щедро пересыпанной зеленью, и с оливками, и с перламутровым чесночком.

Не успел я оглянуться, как рядом возникла тарелка густого наваристого супа.

— Это блюдо называется *minestra maritata*, — улыбнулась хозяйка, протягивая мне ложку. — Свадебный суп.

Вмиг я опустошил тарелку и сразу получил добавку. Насытившись, блаженно откинулся на спинку скамьи.

— Меня зовут Дона Мариа, — произнесла гостеприимная хозяйка и протянула мне руку.

— Гарциоло. — Я помедлил и решился. — Гарциоло Мендель.

— Ага, — Дона Мариа подумала. — Утешитель, значит?

— Да, — удивлённо произнёс я. — Откуда вы знаете?

Хозяйка собралась ответить, но не успела, потому что в этот момент из соседней комнаты раздалась чистые и невыразимо печальные

звуки виолончели.

— Это Бах. Прелюдия из сюиты №1 для виолончели, — прошептал я. — Я уже слышал ее.

— Да! Откуда вы знаете? Вы музыкант? — удивилась Дона Мариа.

— Не помню, — ответил я, растерявшись. — Ничего не помню... Честное слово! — сорванно воскликнул я. Дона Мариа смотрела на меня во все глаза. Музыка за стеной оборвалась. Встав из-за стола и балансируя на одной ноге, я сдернул пальто со спинки кресла и принялся судорожно натягивать его. — Откуда я это знаю... Откуда?

Схватив костыли, я бросился к выходу.

— Куда же вы, Гарциоло? — крикнула мне вслед поражённая Дона Мариа. — Что случилось?

— Простите меня... Простите! — обернувшись на пороге, я отвесил женщине глубокий поклон и выскочил из дома.

Глава 4. «Эксперимент» (История Гарциоло)

Еще час назад по-весеннему пригревало солнышко, а теперь город заливали потоки небесной воды. Дождь колошматил по кривым крышам, с воем уносился в провалы деревянного тротуара, хватал мокрыми ледяными лапами за лицо и толкал то в спину, то в бок.

Мрачный и злой, проклиная весь мир и свое беспамятство, я влекся по опустевшим улицам, глотая струи воды, стекающие по лицу, озираясь в поисках навеса или кафе, где можно было бы переждать непогоду.

— Разве это жизнь? Неужели до гробовой доски мне придется таскать на костылях изуродованное тело? — крикнул я, задрав голову вверх. Никакого ответа, только яростно хлестнул по глазам дождь.

— Ну и черт с тобой! — сказал я неизвестно кому, и вдруг на стене близлежащего дома меж потоков падающей воды мелькнули буквы. Подковыляв ближе, я разглядел безобразно сплетенную надпись:

УЛИЦА МАЛОХОЛЬНИКОВ, ДОМ 3

— Как можно было забыть!

Я переложил костыль из одной руки в другую и принялся обшаривать карманы в поисках портмоне. Озябшими мокрыми пальцами извлек наружу маленький картонный прямоугольник, на котором значилось:

МУЗЕЙ-ТЕАТР «Эксперимент»

ЛИМ-БРАСС, УЛ. МАЛОХОЛЬНИКОВ, Д.66

РУКОВОДИТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР А.МЕНЦ

«Вот и славненько! Он меня звал, да не по-настоящему, чтобы только собой покрасоваться, а я к нему раз — и заявлюсь. Здравствуй-те, мол! Не ждали?» — зло засмеялся я.

Улица Малохольников, кривая и целиком состоящая из выпирающих архитектурных несуразностей, казалась нескончаемой. Глухое, заброшенное, совершенно не подходящее для музея место. Кто пойдет в эдакую дыру?

Дом № 66 я заметил издалека. Серое трехэтажное строение в готическом стиле стояло особняком в глубине улицы. Стены, поросшие коричневым мхом, завершались треугольными фронтонами. Дерзко воззались в небо декоративные башенки, выстроенные на крыше.

Словно вассалы на своего сюзерена, взирали на него снизу вверх расположившиеся на почтительном расстоянии соседи — кривобокие, приземистые домишки.

На латунной табличке у входа значилось:

Музей криминальных историй

Коллекция необычных преступлений со всего света!

Рядом, криво прилепленные к стене и подмоченные дождем, висели бумажные объявления.

Спешите видеть!

«Эксперимент»

Авангардный театр самодвижущихся фигур!

Трепетало на ветру писанное крупными, размашистыми буквами, от руки:

Преступление: наказание или награда? Сцены из жизни и смерти

Фигуры актеров приводятся в движение мыслью

человеческого разума

Начало в 19.00.

Вход бесплатный

Удивившись еще раз странному расположению, да и самому виду особняка, я принялся разглядывать массивные двустворчатые двери, украшенные сложным барельефом, в содержании которого угадывались фигуры неведомых животных. Случайно я задел рукой один из выступающих элементов — голову льва с гривой в виде распутившихся цветочных лепестков, — и в тот же миг где-то в глубине дома тренькнул электрический звонок. Дверь открылась. На пороге стоял улыбающийся господин Менц.

— Вы как раз вовремя, молодой человек. Через несколько минут начинаем, — пропел он и истаял в глубине коридора. Недоумевая, что

значат его слова, я тяжело проковылял в темноту — туда, где висел, рассыпаясь, его голос.

Коридор озарялся редкими, едва пробивающими темноту светильниками, висящими на толстых железных цепях высоко под потолком. Сквозняк раскачивал их; ныли тяжелые цепи; колеблющийся свет, пересеченный потолочными балками, выписывал узоры на стенах. Внизу было темно. Я брел, не видя перспективы, и от этого коридор казался бесконечным.

Скрипнула дверь, и передо мной возник узкий прямоугольник света с силуэтом Менца внутри.

— Я счастлив пригласить вас, дорогой господин Вальдек, на спектакль, который начнется с минуты на минуту. Для вас — самое лучшее, самое почетное место! — скороговоркою зашептал Менц и широко распахнул передо мной дверь.

Я очутился на пороге небольшого камерного зала. Шесть рядов зрительских кресел плавным полукругом обтекали сцену, скрытую от глаз зрителей кроваво-красным занавесом.

Пока я разглядывал подмостки, Менц, без всякого предупреждения, схватился за мой костыль со стороны обрубка и резко дернул его к себе. От неожиданности я выпустил костыль, успев только воскликнуть:

— Что вы дела...

Но Менц уже обхватил меня рукой и повлек за собой. Он оказался дьявольски силен. Удерживаемый им, я не шел, а словно плыл. Казалось, усилия ничего не стоят ему. Он нес меня с легкостью, умудряясь при этом без умолку болтать, быстро раскланиваясь в полутьме с невидимыми собеседниками.

Зал, как и коридор, освещался едва-едва, но все же я сумел разглядеть, что он был полон зрителей.

Тем временем Менц пронес меня по ступенькам вниз и, бережно усадив прямо перед сценой, в первом ряду, воскликнул:

— Располагайтесь и наслаждайтесь представлением! Приятного просмотра!

Посмеиваясь от удовольствия, он отступил и исчез.

В ту же секунду, как по мановению руки, один за другим потухли светильники, поднялся занавес, и вспыхнули ярко-белые лучи софитов. На сцене, щурясь, точно сытый кот, возник улыбающийся Менц. Он так и светился очарованием: морщинки его разгладились, а может быть, они были просто незаметны издали. Он казался бы совсем молодым, если бы не яркая, пристальная зелень глаз, затягивающая в бездонный водоворот.

— Дорогие друзья! — начал он. — Рад приветствовать вас в Экспериментальном Театре самодвижущихся фигур, сокращенно — «Эксперименте»!

Раздались аплодисменты. Менц с достоинством поклонился. Дождавшись, когда в зале воцарится тишина, он выдвинулся корпусом вперед и принялся водить головой, вглядываясь в лица зрителей.

— Вижу! — наконец воскликнул он. — Вижу тех, кто не впервые у нас в гостях! — Софит поскакал по головам зрителей и остановился на мужчине интеллигентного вида, в больших роговых очках на уныло свисающем носу. — Вам я особенно рад, господин Рагьедо. Поаплодируем господину Рагьедо, друзья! — Мужчина неловко вскочил и принялся кланяться, приложив руку к груди. — В прошлый раз господин Рагьедо сделал немало важных замечаний и предложений по ходу представления! Его неоценимые комментарии помогли нам разобраться дело буквально до самых винтиков!

Обратившись в другую сторону зала, Менц изменился в лице. Брови поехали вверх, забравшись чуть не под волосы, а рот сначала приоткрылся, а потом растянулся в сладчайшей ухмылке. Софит прыгнул на выкормленное, плотно напудренное лицо дамы лет сорока. Дама улыбнулась ярко накрашенными губами: точно две змейки, извиваясь, зашевелились на ее лице.

— Бесконечно рад видеть вас, госпожа Черд! Как всегда, вы обворожительны! Поприветствуем, друзья, нашу неоценимую и проницательнейшую советчицу!

Переждав очередную порцию аплодисментов, Менц раскинул руки, словно желал обнять зрительный зал и проникновенно изрек:

— Для меня огромная честь приветствовать каждого из вас — и того, кто пришел сюда впервые, и завсегдатаев! Позвольте же мне, дорогие друзья, согласно установившейся традиции, сделать необходимые пояснения относительно предстоящего шоу! Итак... В нашем театре — как, должно быть, вам подсказывает его название, — нет ни одного актера! — тут Менц замолк и принялся с хитрым выражением лица оглядывать зал. Публика недоуменно зашевелилась. Менц рассыпался коротким смешком и продолжил:

— ...нет ни одного актера в том привычном смысле, который мы вкладываем в слово «актер», когда говорим о традиционном театре. Актеры «Эксперимента» — не что иное, как образы, фантазии, мечты, материализованные силой зрительского воображения! Игру наших актеров вы сегодня увидите и, без сомнения, оцените высоко, ибо они не просто достоверно изображают свои роли, а про-жи-ва-ют их! — По-

следние слова он произнес по слогам.

— Любовь, или предательство, или даже преступление... да-да, и такое бывает! — все в нашем театре происходит не понарошку! Убийство — это именно настоящее убийство! Наши актеры — условимся называть их так... Так вот, наши актеры, между нами говоря, — Менц понизил голос и приложил ладонь ко рту, — не знают о том, что они — актеры! Они верят, что происходящее с ними на сцене и есть — жизнь! ИХ жизнь! Помните, у Шекспира:

«Весь мир — театр,
И люди в нем — актеры...»

Менц хищно оглядел зал и продолжил:

— Более того, их роли, как и наши с вами жизненные роли, в любой момент могут поменяться. Все в вашей власти! Бродяга обретет титул и дворец, смельчак превратится в подлого труса, жених откажется от невесты, смешаются добродетель и порок!

Менц простер руки над головами зрителей.

— В нашем театре сценой управляет зритель. Он — главный режиссер, он — демиург, он — распорядитель судеб! Как вы, наверное, уже догадались, дорогие господа, сюжеты для спектаклей мы черпаем из жизни. В полном соответствии со специализацией Музея Криминальных Историй, где собраны самые интересные и необычные преступления со всего света. Впрочем, зачем заглядывать в прошлое, если настоящее преподносит любопытные сюрпризы?

Глава 5. Князь Ульман Вальдек (Подлинная история князя Вальдека)

Он выбрал несвойственное потомкам королевской крови занятие — ремесло живописца. Хорошо, что хоть не актера! Ежедневно, нарядившись в платье простолоудина, он шел то на берег моря, к скалам — рисовать пейзажи, то в город, чтобы, усевшись с мольбертом рядом с проплывающим мимо людским потоком, громко зазывать: «Портрет! Кому портрет?»

Найдя общество товарищей по ремеслу интересным и вполне достойным княжеской особы, он проводил с ними времени больше, чем это пристало человеку высокого происхождения. Все реже он являлся домой, в родовой замок, окруженный, по старинному обычаю, давно высохшим рвом. Сначала нужно было преодолевать широкий, вросший в землю, подъемный мост, дожидаться, пока отпрут ворота, затем передеваться в помпезные, тесные одежды и чинно выходить в большой

каминный зал, где, по обычаю, под стоны скрипок или переливы арф, ежевечерне собиралась родня. Какая тоска! Дабы не мучиться скучным обществом, князь прикупил лачужку на пустом скалистом берегу моря, где весело проводил свободное время в компании остроумных студентов, романтических бродяг и нищих художников.

Первое время родители снисходительно посмеивались, глядя на его увлечение. «Юношеская блажь», — говорили они. Слуги, шушукаясь на кухне, называли эту блажь «княжеской». Но в одном мнении и тех, и других совпадало: «Блажь слетит, когда молодой князь женится».

Князь был далек от предрассудков, но все же соблюдал инкогнито. Никто из его новых знакомых и представить себе не мог, что перед ним — особа королевской крови.

Как-то вечером, когда летнее солнце клонилось к горизонту, а Вальдек дописывал уличный портрет пьяного господина, чья внешность необычайно заинтересовала его, между рядами художников неторопливо прохаживался один страстный коллекционер, называющий себя также меценатом. Увидев работы Ульмана, коллекционер, представившийся господином А. Менцем, был очарован и покорен. С ходу меценат предложил бедному художнику организовать выставку, которая, по его словам, должна принести ему известность и даже, «чем черт не шутит, истинную славу!»

Художник выслушал восторженные похвалы равнодушно и от организации выставки отказался. Коллекционер был удивлен и раздосадован. Он ушел, но со своими планами расстаться не пожелал. Произведения талантливого художника не давали ему покоя и, как подсказывал коммерческий нюх, могли стать выгодной инвестицией. Через подставных покупателей А. Менц за гроши скупил два десятка картин — цену за свои работы Вальдек выставял чисто символическую — и организовал выставку «для своих» в принадлежащей ему картинной галерее.

Во вступительном слове коллекционер поведал гостям о трудной жизни нищего художника, который, по замыслу провидения, нашел отеческую и материальную поддержку в лице устроителя сегодняшней выставки. И если удастся распродать картины, представленные на обозрение, в чем меценат не сомневался, ибо это истинные шедевры, писанные еще несмелой рукой, то все мы, господа, совместными усилиями, поможем юному дарованию проложить дорогу к вершинам творческого Олимпа... и тому подобная галиматья, в которую, увы, слишком многие верят.

Не успели гости как следует насладиться творчеством Ульмана, как

вскипел скандал. Один из посетителей выставки, почтеннейший друг семьи Вальдеков, близко знакомый с обстоятельствами жизни аристократической фамилии, узнал на полотнах стремительную подпись княжеского отпрыска. Удивленный, он тут же осведомился у господина Менца об авторстве выставленных полотен и получил маловразумительный ответ, совершенно не устроивший ни его, ни гостей, присутствовавших при этом в высшей степени неприятном разговоре. Опозоренная выставка закрылась в тот же день, скандал замяли, слухи перерубили на корню, коллекционер принялся подсчитывать убытки. Впрочем, он был богат, так что убытки эти для него были — тьфу!

Вальдеки отнеслись к произошедшему неоднозначно. С одной стороны, им было лестно узнать о выдающемся таланте отпрыска княжеской фамилии.

— Я ни секунды не сомневалась, что наш сын — гений! — надменно высказалась мать Ульмана.

С другой же стороны, увлечение, раскрывшее всю мощь художественного дарования, грозило перерасти в нечто большее...

— Например, в образ жизни, не подобающий княжескому! — со сдержанным возмущением заявил отец.

Об инциденте вскоре забыли, и все потекло по-старому.

Не прошло и месяца, как Ульман вновь потряс спокойствие благородного семейства, объявив о намерении жениться на простолюдинке и потребовав — в ультимативной форме — благословения на брак. К несчастью, не только он обладал твердым и упрямым нравом. Возмущенные родители запретили аристократическому отпрыску даже думать о низком мезальянсе. Будучи благородным человеком, Ульман не мог позволить себе никаких тайных действий — это не соответствовало бы его княжескому достоинству. Либо покориться, либо напролом, но не в обход!

В тот же вечер, встретившись с Альей на высоком скалистом берегу, он поведал ей о том, что он не бедный художник, а князь; о браке, утвержденном родней еще до его рождения — на девушке, которую он не любит; наконец, о том, что он и Аля — могут быть вместе лишь в том случае, если он откажется от наследства и титула, освободившись от бремени княжеских регалий. Устроит ли ее брак с бедным художником, если, конечно, добавил он, талант и трудолюбие не пробьют ему дорогу к славе и богатству? Стоя на коленях перед Альей, сидевшей на теплом валуне, князь говорил гордо и страстно.

— Значит, — робко спросила Аля, — пожениться мы сможем только в том случае, если ты лишишься всего, что принадлежит тебе по

праву рождения?

— Да, — просто ответил Ульман Вальдек.

— Я люблю тебя! — воскликнула Аля, с наслаждением глядя в блестящие счастьем при этих словах глаза возлюбленного. — Но не могу принять от тебя такую жертву... — шепотом добавила она.

Вальдек молчал и смотрел на нее, осунувшись.

— Ты рожден для другой жизни! — Аля подняла вытянутые руки, широко развела их в стороны, изобразив огромную радугу, и заплакала.

Ульман схватил ее за плечи и, пристально вглядываясь в ее глаза, спросил:

— Это единственная причина, по которой ты отказываешь мне?

— Да... — тихо сказала Аля. — Нет! — воскликнула она.

— Что еще, любимая? Говори же!

— Мой отец, — всхлипывая, продолжала она, — ни за что не дозволит брака с нищим художником.

Ульман оторвался от возлюбленной, вскочил, быстро подошел к обрыву. Море бушевало, билось о скалы далеко внизу, а князь что-то говорил, прижав руки к лицу. Вернувшись, он сказал:

— Вот ирония! Жениться на тебе я смогу только в том случае, если откажусь от наследства и титула. Однако если я сделаю это, то твой отец не благословит нас. Куда ни кинь, всюду клин.

— Ты смеешься, Ульман? Ах, это совсем не смешно.

— Мы поженимся, ничего ни у кого не прося. Я откажусь от титула и наследства, ты — от благословения отца. Малая цена за великое счастье быть вместе. Разве не так?

— Я согласна! — воскликнула Аля, которая никогда и ни в чем не противоречила своему суровому отцу, — даже в мелочах.

Глава 6. Наказание или награда? (История Гарциоло)

Откашлявшись, господин Менц продолжил:

— Встречаются, друзья, такие ситуации, когда ничего уже изменить невозможно. Я веду речь о тех, кто находится внутри этих ситуаций: так называемых заложниках происходящего. Для тех же, кто снаружи, то есть нас с вами — наблюдателей — невозможного ничего нет, ибо нам — здесь и сейчас! — подвластен любой ход событий. Все что заблагорассудится! Любые фантазии в рамках заявленных обстоятельств! Извлечь важный жизненный урок из опыта другого — поучительно! Ис-

править чужую судьбу, пусть даже постфактум, чтобы смело управлять своей — полезно! Глупец споткнется, и где? На ровном месте! Мы не повторим его ошибок и, таким образом, верно распорядимся собственной жизнью.

Менц задумчиво прошелся взад-вперед по сцене, заложив руки за спину.

— Стоит ли ходить далеко? Не далее как сегодня мы имели удовольствие наблюдать на площади Барбанта казнь господина Лудио-Лудио. Преступление его породило немало пересудов, слухов и разнообразных мнений. Так какое же преступление он совершил? Перед нами банальная и, в то же время, неожиданная комбинация. Двойной обман: сначала мужа, затем жены и — в финале! — двойное убийство с целью грабежа. Предлагаю выяснить всю подоплеку этого интереснейшего преступления. Слабонервных нет?

Менц сделал знак, и занавес медленно, с шуршанием, поплыл вверх.

— Мы влезем в шкуру господина Лудио-Лудио и разберемся, где он совершил ошибку. — Менц энергично потер ладони; с треском посыпались в стороны голубоватые искры. Сцена тем временем наполнялась светом невидимых софитов, в котором медленно и бесшумно, точно призраки, проступали, колеблясь, и тут же растворялись силуэты улиц и домов. — Я предлагаю вам почувствовать себя в роли преступника! Итак... Сцена первая! — воскликнул господин Менц. Невесть откуда в его руках очутилась пачка исписанных листов. Он поднес к глазам верхний лист и скользнул по нему взором.

— Что за ерунда! Опять перепутаны страницы, — с досадой пробормотал он и принялся перебирать листы. — Один момент, господа! Вот! Я нашел!

Он хлопнул наэлектризованными ладонями, произведя небольшой фейерверк — наподобие магниевой вспышки, устраиваемой фотографом перед тем, как сделать снимок. Сцену и зрительный зал заволочло клубами густого дыма.

«Дешевые фокусы индийских факиров! Господину Менцу не хватает чалмы», — думал я, разглядывая пол, чтобы выяснить, откуда фонтанирует дым. Вероятно, отверстия были очень малы и незаметны; мне так и не удалось найти их.

Дым быстро рассеялся, оставив после себя едва ощутимый запах серы, и перед зрителями предстала деревенская пастораль, на которой в вычурных позах застыли три детские фигурки: одна девочка и два мальчика. Картина была бесшумна и неподвижна, но странным образом

производила впечатление живой, словно кто-то могущественный взял — и остановил мгновение. Казалось, стоит ему крутануть ручку колеса мироздания, как время двинется дальше: оживет трава и заблеет овечка, зашевелиятся короткие полуденные тени, с деревьев слетят птички и усядутся детям на руки.

Менц прижал правую руку к груди и скорчил умиленное выражение лица.

— Идиллия! — воскликнул он. — Мир полон надежд! Как трогательна, как чиста дружба детей! Они резвятся на природе, наивные и безгрешные! Они клянутся друг другу в верности до гроба и даже представить себе не могут, — на этих словах господин Менц грозно сдвинул брови, словно олицетворяя бездушный рок! — и поддал трагизма в голос, — что их клятвам не суждено сбыться! Перед нами — убийца и две его жертвы. Но до этого еще далеко. А сейчас — сцена вторая: «Жизнь господина Лудио-Лудио делает вираж».

Резко потухли софиты, а когда зажглись, экспозиция на сцене поменялась. Сначала образовался фон: большое загородное поместье из белого камня, роскошное, хотя и несколько потрепанное временем, в окружении оливковых деревьев. Подрагивали листочки на ветвях, солнце тянуло длинные розовые лучи над холмами — рассветало. Внезапно глаз уловил движение: что-то вроде порхания мотылька, мелкое и далекое. Присмотревшись, я увидел мужчину, пересекающего холм. Он быстро приближался, широко размахивая руками и временами жестикулируя, будто споря сам с собой, или доказывая что-то, а может, ругаясь. Голова его была опущена. Подойдя к краю сцены, он остановился и пробормотал: «Как оказался у него трюфовый валет? Черт бы его побрал! Я же сам видел...», а затем что-то неразборчивое.

Он поднял голову, и я увидел мертвеца, вернувшегося с того света: человека, казненного на площади Барбанта! Он стоял на сцене, живой и невредимый! Не только ни один волос не упал с его головы, но и сама голова прочно располагалась на плечах.

Человек сел на землю и принялся раскачиваться из стороны в сторону. Менц между тем стрекотал:

— А вот и он, наш герой — господин Лудио-Лудио. Вы только поглядите, каков стал! Ишь, озорник... На заднем плане мы видим поместье, в котором он родился, перешедшее ему по наследству. Господин Лудио-Лудио лишился его по собственному безрассудству. Он только что проиграл его в карты! Ясно, что без мошенничества не обошлось... Здесь каждый камешек под ногами, каждый поворот ему знаком.

«Я лишился родового гнезда, и теперь вся моя жизнь покатится под

откос!» — рыдал тем временем Лудио-Лудио.

Насладившись созерцанием происходящего, Менц неторопливо прошел к середине сцены. С каждым его шагом господин Лудио-Лудио делался все более прозрачным и вскоре пропал вместе с оливковой рощей и поместьем.

— Лудио-Лудио был абсолютно прав! — вскричал Менц. — О, азарт измучил его! В его душе бесновались страсти! Несчастный, он буквально жил за карточным столом. Он тонул, захлебывался в игре, одержимый желанием взять реванш и, в то же время, жадной обогачения! Купаться в роскоши, не считая денег! Страсть к игре перешла к нашему герою по наследству. Отец господина Лудио-Лудио вступил в жизнь настоящим богатеem, получив от деда банк и золотой прииск. Женитьба удвоила его состояние, а несправедливая жизнь и страсть к азартным играм почти что разорили. Лудио-Лудио не избежал той же участи, совершив полное и безоговорочное падение искрометными, феерическими проигрышами. Утратив родовое поместье со всем его содержимым, он принялся скитаться по свету. Целая свора кредиторов бежала за ним, наступая на пятки, и вот-вот должна была разорвать на части, но в один прекрасный день ему посчастливилось свернуть в переулок, где лицом к лицу он столкнулся с господином Гато, другом детства, о котором он и думать забыл. Гато впустил его к себе в дом и укрыл от преследователей.

«Отчаянный беглец! — думал я, слушая Менца. — Проиграть — все равно что забыть. Возврата нет...»

— Следующая сцена называется «Встреча друзей детства», — продолжал Менц, пятясь к краю сцены. — Чтобы не терять времени, пусть ее пунктиром.

Перед нами, укутанный душевной пеленой, возник город: разноэтажные крыши, сросшиеся боками дома, канал, из которого пахло в зал теплой гниловатой сыростью, шумная, переливающаяся яркими красками толпа.

Менц пошуршал листочками:

— Они встретились в уличной толчее, — прочел он и указал в глубину сцены, где развернулось дальнейшее действие.

— Ты? — воскликнул Лудио-Лудио, резко останавливаясь.

— Лудио? Друг? Неужели это ты? — воскликнул другой — Гато. Он расплылся в улыбке и облапил приятеля толстыми руками. — Глазам своим не верю! Дружище! Как я рад! — завопил он.

— А как я рад! — сказал Лудио, чуть отстраняясь от Гато и отчего-то оглядываясь. — Уж и не чаял, что когда-нибудь встретимся. Какими

судьбами ты здесь очутился, Медвежонок Пум?

— Эх, ты! Какими судьбами! — передразнил Гато. — Да ведь я живу здесь! Уже давно. С тех пор, как женился.

— Ты? Женился? Вот это да! — слегка рассеянно отвечал Лудио-Лудио, косясь по сторонам и увлекая приятеля за собой. Нырнули в соседнюю улочку.

— Да ведь ты не знаешь! — Гато остановился. — Слушай! Пойдем ко мне! Вот Магдела обрадуется!

— Я ровным счетом ничего не знаю! — говорил Лудио-Лудио, приобняв друга за широкую талию. Кажется, он не особенно прислушивался к восторженным речам Гато. Внезапно смысл сказанного дошел до Лудио, и он остановился посреди улицы. — Что? Магдела — твоя жена?

— Ты еще не забыл ее, а? Помнится, когда-то ты был в нее влюблен! Что скрывать, мы оба были влюблены! — вскричал Гато. — Но предпочла она все же меня, а не тебя! Я влюблен в нее до сих пор! Хоть и притупилась уже свежесть чувств. Ведь мы женаты уже целых семь лет!

— Значит, она счастлива? — голос Лудио осип. — И все так же красива?

— Само собой, брат! — захлебывался от эмоций Гато. — Прекрасна! Подожди, как там, в стихах...

Благоухающий цветок
Безумной южной ночи...

— Где же вы живете?

— Тут недалеко. Возле кафе-шантана. Пойдем, увидишь — она обрадуется!

— Нет, не пойду.

— Э, да ты до сих пор влюблен в нее?

— Ничего не влюблен, — угрюмо сказал Лудио-Лудио. — Просто не готов. Как я сейчас к вам явлюсь: грязный, пыльный, в рваной одежде? После стольких лет, что мы не виделись?

— И вправду. Натуральный бродяга! — Гато испытующе посмотрел на него. — Пойдем в мою холостяцкую берлогу. Только это — т-сс! Между нами.

Гато схватил друга за руку и повел, обтекая встречных круглыми телесами. Вскоре он заметил, что Лудио-Лудио ведет себя странно.

— Послушай, что с тобой? — спросил он. — Словно и не рад, что встретил старого друга. Напряжен, оглядываешься, улыбаешься сквозь силу.

— Пойдем, пойдем, — торопливо отвечал Лудио-Лудио. — Я тебе

все объясню.

Не говоря больше ни слова, изучающе поглядывая друг на друга, они прошли несколько кварталов. Гато отпер входную дверь небольшого особняка и сделал приглашающий жест.

Они вошли в холл светлого мрамора: огромное зеркало, сверкающий хрусталь бра, закругленная лестница с позолоченными перилами, раскрытая книжница на оттоманке. Лудио-Лудио машинально глянул в нее и тут же отвел глаза: содержание и картинки были вопиюще неприличны.

— Зачем тебе холостяцкая берлога, если ты женат? — сказал Лудио-Лудио. В его голосе слышалось неодобрение.

— Дружище, в мире столько удовольствий. Нельзя же от них отказываться, женившись.

— Значит, Магдела не знает о ней?

— Что ты! О ней не знает ни единая живая душа. Кроме, разумеется, разбитных красавиц, скрашивающих мой досуг. Имеется ли у них душа — сие мне неизвестно и волнует гораздо меньше, нежели наличие бедер, груди, талий и прекрасных глаз. Пойдем выпьем.

Очень скоро Медвежонок Пум — друзья и знакомые называли его так, а не иначе: в глаза и за глаза — знал все и, надо отдать ему должное, отнесся к неприятностям друга как к своим собственным. Ах, если бы знал Гато, к чему приведет эта встреча, он не был бы столь великодушен! — вскричал Менц. — Жуткая история, прямо до дрожи!

— Вот такая история, — Лудио-Лудио печально вздохнул. — Я приду к вам вечером, когда стемнеет. Позаботься, чтобы в доме не было слуг.

— Я лично открою тебе дверь, — пообещал Гато.

...Дальнейшее предсказуемо и понятно, — скучным голосом произнес Менц. Он приблизил листок к глазам и забубнил, глотая слова.

...Магдела стала еще прекрасней. Женственностью светился ее взгляд, грудь стала полнее, осанка утратила угловатость, плавной и пленительной стала поступь. Не успела она хорошенько рассмотреть его, как почувствовала себя пронзенной, словно лягушка на вертеле, его взглядом: мужским, властным, обнажающим.

Каждый вечер он приходил к ним в дом. Плотнo завесив шторы, они зажигали неяркий свет, усаживались за стол — близко, касаясь друг друга руками и ногами, пили вино и разговаривали обо всем на свете, и смеялись, как в детстве. Ее и его влекло друг к другу все нестерпимее.

Однажды Медвежонок Пум, перебрав с вином, уснул прямо за сто-

лом. Лудио-Лудио и Магдела остались сидеть друг напротив друга. Смысл взглядов, которыми они незаметно обменивались с первой же встречи, оставался тайной только для Пума. Ни слова не говоря, они бросились друг другу в объятия.

...Ну, как было не воспользоваться? — захихикал Менц. — Удача сама приплыла к нему в руки. Сцена четвертая: «Предатели». Перенесемся на окраину Лим-Брасса, в небольшую гостиницу, спрятавшую вывеску «Аморалес» от любопытных глаз в густых зарослях плюща. Второй этаж, номер тринадцать, единственное окно во двор. Внимание на сцену!

В тесном номере, обшарпанном сотнями нетерпеливых тел, на огромной кровати возлежали двое, растворяясь в бледных сумерках.

— Уедем! — говорила Магдела, проводя рукой по груди Лудио-Лудио. — Мне надоело лгать.

Нахмутив брови, он сосредоточенно разглядывал потолок.

— Лудио!

Нет ответа. Она легонько потрясла его за плечи.

— А? Что? Да-да... Я тоже люблю тебя.

— Давай уедем далеко-далеко! — повторила она.

— Ты замужем, — коротко ответил он.

— Я не люблю Гато.

— Правда? — Лудио-Лудио взглянул на нее недоверчиво, скрывая усмешку. — Давно?

— С тех пор, как увидела тебя.

Магдела мечтательно вздохнула, перевернулась на спину.

— Одно меня мучает: как я оставлю его? Пум наложит на себя руки, бедняга. Он так любит меня и верен мне! И такой добряк!

— У меня куча долгов, — глухо сказал Лудио. — Кредиторы обложили со всех сторон, кругом хвосты! Видишь, я вынужден скрываться.

— Но не вечно же! Или ты полагаешь, — горячо заговорила Магдела, — что фальшивые документы...

— Тише! — он прижал ладонь к ее рту. Магдела продолжила шепотом, страстно:

— ...фальшивые документы, которые выправил тебе Гато, не позволят нам выехать из Лим-Брасса? У меня есть сбережения, не очень большие, но все же...

— И что дальше? — холодно поинтересовался Лудио.

— Ты устроишься на работу... Допустим, — задумалась на мгновение, — клерком! — выпалила она и засмеялась: настолько глупо прозвучало это предложение.

— Вот именно. Так что отпадает, — он тоже улыбнулся и тихонечко нажал указательным пальцем ей на нос. — Кстати... А ты знаешь, что у твоего Пума имеется особнячок для любовных свиданий?

Магдела, которая до последнего слова смеялась вместе с ним, изменилась в лице. Со скрытым удовлетворением он наблюдал за тем, как одна за другой три волны — растерянности, возмущения, ненависти — исказили нежные черты. Овладев собой, она встала с кровати — обнаженная; перламутровая кожа переливалась в свете луны. Подошла к окну.

— Я знаю кое-что другое, — после долгого молчания произнесла Магдела, не поворачиваясь к Лудио. — Наш смешной, забавный, любвеобильный милашка, Медвежонок Пум, является казначеем преступного сообщества. Иными словами, в специально оборудованной тайной комнате нашего дома он хранит воровской общак. У него на шее ключ, с которым он никогда не расстается.

У Лудио-Лудио пересохло во рту от волнения. Задрожавшей рукой он потянулся к графину с вином, что стоял на прикроватном столике с его стороны. Схватил графин за узкое горло, наклонил над стаканом: полилось вино. Магдела, словно что-то почувствовав, тревожно обернулась к нему. Ее лицо провалилось в тень от оконной рамы, выпуклым молочным пятном выделилась шея. В этот момент Лудио-Лудио инстинктивно схватил рукой стеклянное горлышко: брызнули осколки, порезав пальцы. Смешались вино и кровь.

— Вот она — дружба! Неужели после этого еще можно верить в дружбу? Какое феноменальное, злодейское предательство! — Менц простер руку в сторону любовников и сделал такое движение, будто выжимает сок из апельсина. Актеры и обстановка смялись, смешались, размылись акварелью, потухли. Сцена опустела. Притягивая взгляды, осталась на ней бордовая лужа, в которой тускло отражался преступный свет луны, но вскоре пропала и она. — У нас остается последняя надежда: любовь. Чувство, воспетое поэтами!

Менц сложил губы трубочкой и выдул огромный дрожащий, радужно переливающийся мыльный пузырь в форме сердца. Он подтолкнул его, и оно поплыло над нашими головами.

— И что же? Опять мы с горечью убеждаемся, что и здесь подстерегает нас ужасное разочарование. — В этот момент сердце, видимо, натолкнулось на какую-то преграду: раздался хлопок, и пузырь осыпался вниз неряшливыми мыльными хлопьями. Менц сокрушенно покачал головой и поцокал языком.

— Жена, предавшая мужа своего! Кстати, поразительно, с какой

легкостью изменница поверила любовнику. А что, если это была клевета? Провокация? Страсть разъярела ее ум!

— Держи ноги в тепле, а ум в холоде! — прозвучал нахальный голос из зала. Вокруг засмеялись. Менц изумленно вытянулся вверх, даже как будто увеличившись в росте и став в то же время уже, и крикнул:

— Мое почтение, господин Рогъедо! — господин Менц приподнял несуществующую шляпу. — Безупречный пассаж! Ап!-лодисменты! — рявкнул он, странным образом отделив восклицанием первый слог — ни дать ни взять цирковой дрессировщик, отдающий команду льву прыгать сквозь огненное кольцо. По залу прошелестела легкая волна рукоплесканий.

Отсмеявшись вместе со зрителями, Менц произнес:

— Последующие события, я полагаю, отлично известны всем присутствующим. Тем не менее...

Сцена погрузилась во тьму.

...В глубине длинного коридора, пересекаемого прямоугольниками лунного света, льющегося из французских окон, возникла темная чело-веческая фигура.

Лудио-Лудио — это был, разумеется, он — прокрался в огромную спальню, где на широкой кровати спали мужчина и женщина. Лудио склонился над кроватью и некоторое время вглядывался в лица спящих. Прошептал: «Прости, Пум! Ничего личного!», он занес кинжал — лезвие сверкнуло в лунном свете — и несколько раз, с размахом, вонзил в спящего мужчину, раскромсав начисто грудную клетку. Женщина подняла голову с первым же ударом кинжала. Широко раскрыв глаза, она попыталась крикнуть, но не смогла. Убийца, словно бы между делом, изменил траекторию очередного замаха и плавным горизонтальным движением раскроил женщине горло. Так и не успев издать ни звука, женщина упала на подушки.

Картина застыла. В полной тишине господин Менц, отчетливо стуча каблуками, вернулся в центр сцены. Опустив голову, помолчал. Изображение за его спиной сделалось прозрачным, затем невидимым. Было слышно, как Менц сопит. Зрители ждали. Менц поднял голову, и все увидели, что лицо у него, против ожидания, не трагическое и даже не задумчивое, а озорное: ни дать ни взять состарившийся мальчишка, обдумывающий шальную проказу! Он со скрипом почесал в ухе, растянул губы в потешную улыбку и повел такую речь:

— Помимо воровской кассы, составившей астрономическую сумму, Лудио-Лудио прихватил с собой дневник своего друга — не из любо-

пытства; он опасался, что Пум упоминает о нем в своих записях. Невозможно было допустить, чтобы дневник, который Гато озаглавил... вдумайтесь, смех какой: «Сентиментальная тетрадь!» — попал в руки полиции. Господин Лудио не ошибся! Гато не только упоминал! Он целые страницы посвятил своему другу! Прекрасные, великодушные страницы! Сначала, по словам Лудио-Лудио, читая излияния друга, он только посмеивался над наивным Медвежонком, но потом ему стало стыдно! Вдумайтесь, господа! Стыд-но! О каком стыде может идти речь, когда полон кошелек?

Менц прошелся туда-сюда по сцене.

— В любом деле действовать следует с умом: разработать четкий план и следовать ему. Чего же проще? Я мог бы подсказать... Но не стал вмешиваться. Ему не требовались мои советы. Да и кто я такой, чтобы останавливать чужую волю? — Менц круто развернулся и ни с того ни с сего погрозил мне пальцем. — Да... Несусветная глупость! — он оторвался от меня и принялся широко шагать по сцене, заложив руки за спину, как это делают профессора, читая лекции студентам. — Видели ли вы когда-нибудь такого идиота, который, имея под завязку набитый кошелек, донес на себя полиции? И все же, возвращаясь к его деяниям... Может быть, не стоило так рисковать? Или стоило, а? Ваши соображения, господа!

Раздалось покашливание, затем с места поднялся мужчина и несмело молвил:

— Положа руку на сердце, можем ли мы его осуждать? Каждому хочется пожить. И потом, такие деньги... Сложно устоять, — снова покашляв, робкий мужчина хотел сказать что-то еще, но не решился и опустился на свое место.

— Ах, молодость, молодость! — Менц закатил глаза, прочертив в воздухе пару вертикальных зеленых линий. — Да, молодость не вечна... Ищи ее потом, свищи! Так и жизнь проскочит мимо, а ты и не пожил. Бери быка за рога! Прямо сейчас! Я верно понял вашу мысль? Господин...

— Торро, к вашим услугам! — покивал робкий господин. — Именно это я и имел в виду...

— А как бы мог взлететь! Посмотрим, от чего отказался господин Лудио-Лудио и на что променял шикарную жизнь, полную изысканных удовольствий! Я сейчас вам шепну, только не смейтесь... — Тут Менц скроил глумливую физиономию: клоун, рыдающий сквозь смех. Глядя на него, я не мог удержаться от улыбки.

— На чис-тую со-весть! — всхлипнул на сцене Менц, утирая рука-

вом воображаемые слезы.

Публика в зале так и покатила от смеха.

— Вместо того чтобы радоваться жизни, этот болван взял да и начал терзаться угрызениями совести! У него, видите ли, пла-ка-ла душа! — гнусаво причитал Менц. Выхватив из кипы листов один, он, кривляясь и приплясывая на месте, прочитал: «Я самым низким, недостойным образом осквернил свое имя, опорочил честь. Он называл меня другом... Единственным другом! Как мне дальше жить?» И прочая слюнявая чепуха. — Менц демонстративно сплюнул под ноги. — Это из показаний Лудио-Лудио, данных им в полиции.

Это еще можно было бы понять, когда бы у человека, кроме сей эфемерной субстанции, ничего не было, ибо единственная роскошь бедняка, предмет его гордости — незапятнанная совесть! Но ведь господин Лудио не был бедняком! Обладающий деньгами — и немалыми — с прекрасно состряпанным липовым документом на руках, он имел возможность уехать, куда заблагорассудится!

Позвольте спросить, господи! Где же она прячется, эта совесть — злодейка, что рушит самые смелые начинания и втоптывает в грязь человеческую жизнь? Не ведающая компромиссов безжалостная химера, изрыгающая проклятья любому проявлению здравого смысла? Где, спрашиваю я вас?

— Совесть — это глас души-и-и-и-и! — подражая церковному песнопению, вылез чей-то низкий широкий бас, длинно растянув последний слог. Публика грянула хохотом.

— Совершенно верно! — возопил господин Менц. — Двинемся же дальше в наших рассуждениях и попробуем выяснить, какую функцию в жизни человека выполняет душа? — При слове «душа» Менц скривился.

— Давать вредные советы, не иначе! — сварливо закаркал из глубины зала голос, принадлежащий, несомненно, отвратительной старухе-горбунье, покрытой бородавками. Я не угадал.

— Я всегда утверждал, что вы — образец ума, госпожа Черд! Так и есть! Лучше сформулировать невозможно! Вот что бывает с человеком, когда он прислушивается не к здравому смыслу, расставляющему все на свои места, объясняющему, что целесообразно, а что нет, а к душе — бесполезному советчику. Что может она нам дать, кроме бессмысленной муки? Итак, на сцене — печальный итог размышлений и нравственных терзаний господина Лудио-Лудио. Сцена шестая и заключительная: «Казнь». Одним глазком... молчком... кувырком...

Ужасное зрелище, которого я бежал, догнало меня. На сцене круп-

ным планом воплотился помост, виденный мною сегодня на площади Барбанта. Шли последние приготовления к казни. Ножницами палач срезал воротник рубашки казнимого: слева, затем справа. Руки узника были связаны за спиной. Поддерживаемый с двух сторон ассистентами, Лудио-Лудио дико вращал глазами, рот его разевался. Видимо, он кричал, но представление на этот раз не сопровождалось звуками, и оттого сцена казалась призрачной, иллюзорной. Закончив срезать воротник, палач до пояса разодрал рубашку — пуговицы разлетелись в стороны, а затем ловко ввернул преступнику в открытый рот какой-то мелкий предмет. Безмолвие сцены порождало ощущение ночного кошмара. Мои нервы были настолько напряжены, что каждый раз, когда в зрительном зале раздавался кашель или иной звук, какие обычно производят зрители во время спектаклей, впечатление от него многократно усиливалось в сознании, и звук пронизывал насквозь, тяжело пригвождая к месту. Был момент, когда я предпринял попытку встать и покинуть представление; именно тот, когда палач схватил несчастного за затылок огромной мясистой лапой. Вид этой чудовищной руки загнипнотизировал меня настолько, что я не только не смог встать, но даже закрыть глаза. Придерживая казнимого за туловище другой ручищей, палач качнул Лудио вперед и, словно колбасу для нарезания, поместил его шею и голову в полукруглое углубление машины. Цепенея, я хватался за секунды, ожидая еще каких-то приготовлений, слов, но буквально в следующее же мгновение понеслось вниз стальное лезвие. Я инстинктивно вжал голову в плечи, не отрывая взгляд.

Палач ухватил за волосы безупречно отрезанную голову и торжественно поднял над толпой. В этот момент челюсть головы отвалилась, и из разверзшегося рта вылетело что-то и покатилося прямо под ноги. Машинально я наклонился и поднял золотую монетку: точно такую же, что вручил мне в больнице господин Менц.

— Ну и дурак же этот Лудио-Лудио! — проскрипела со своего места госпожа Черд.

— Что? Что вы изволили-с? — угодливо переспросил Менц, соорудив ладонью рупор возле уха.

— Дурак он, и ничего больше! — повторила госпожа Черд. — Поделом ему!

— Воистину! — воскликнул Менц. — А теперь нам предстоит самая увлекательная часть представления. — Он раскинул руки локтями вверх, словно гигантская летучая мышь, расправившая острые кожистые крылья, — и принялся загребать воздух растопыренными пальцами.

— Перед нами — пытливыми первопроходцами — расстилаются бескрайние неизведанные земли — область воображаемого! — вещал он. — Захватывающее дух путешествие в страну фантазий! При этом, заметьте, друзья: никакого риска! Выкладываем не стесняясь! Здесь все свои... — Менц оглядел присутствующих. — Так каких же удовольствий лишил себя несчастный господин Лудио-Лудио — дурак, как метко выразилась госпожа Черд? Прошу вас, господа! Самые экстравагантные, причудливые, дерзкие предложения! Для нашего «Эксперимента» нет ничего невозможного!

Зрители, возбужденные зрелищем казни, откликнулись быстро: зазвучали смех, невнятные разговоры, выкрики с мест; поднялся шум.

— А? Еще раз, громче, прошу вас! — вопил Менц. — Из третьего ряда — поступило очень интересное предложение! А? Послышалось или нет? Что вы говорите? Громче, прошу вас!

Менц носился по сцене, вытягивая, словно невод из моря, свой улов: мечты, фантазии, тайные желания.

— Кругосветное путешествие! На лайнере! — истерически выкрикнула женщина, сидящая рядом со мной.

— Не жизнь, а дивный сон! — тут же откликнулся Менц и взмахом мышиного крыла изобразил сказочно синий океан с парящими в ослепительном небе чайками, непостижимых размеров лайнер, на палубе которого, в белоснежном костюме, стоял и глядел вдаль, рука козырьком, господин Лудио-Лудио. — Еще!

— Первый ряд, восьмое место. Что вы говорите? Гарем? — Менц зажмурился. — О, это мечта каждого из нас! Не гневайтесь, госпожа Черд! Будьте снисходительны к мужским слабостям! — На сцене образовался Лудио-Лудио, с обнаженным торсом, в чалме и расшитых золотом туфлях с загнутыми носами. Он сидел, скрестив по-турецки ноги, а вокруг него увивались четыре женщины в блестящих лифах и шароварах, со сросшимися черными бровями и густыми тенями над верхней губой.

— На полноценный гарем он, конечно, не потянет, — болтал Менц. — Если только уехать в какую-нибудь восточную страну, например, в Сирию или Египет. В Лим-Брассе сбор и содержание гарема встанет дороже. Правда, не всем по вкусу восточные женщины. А с другой стороны, — Менц подмигнул: верхняя губа его приподнялась, обнажив крепкий желтоватый клык, — какая разница?

— Что? — переспрашивал он у крепкого беззубого старичка. — Купить маленький остров и стать там королем! Шедевр-шедевр! — мурлыкал Менц. — Лудио-Лудио мог выбрать любой вариант или придум-

мать что-нибудь еще, в соответствии со своим вкусом. Все было в его власти! — Новый взмах крыла, и...

— Вот он — наш герой! — восклицал Менц. — Вышедший сухим из воды! Он преспокойно наслаждается обществом молодых прекрасных ненадоедливых дев! Ветер треплет его волосы, нежно гладит лицо. Господин Лудио-Лудио ничуть, ничуть не сожалеет о сделанном. Образец рассудительности и целеустремленности. Комплимент счастливицу, одним махом разрубившему гордиев узел судьбы! Прошу помнить: человек сам выбирает свой путь! Наше представление закончено! Есть о чем подумать сегодня вечером, не так ли? — последнюю фразу Менц выкрикнул под рукоплескания зала, перешедшие в овацию. На пике ее он поклонился и отступил вглубь сцены. Обрушился багровый занавес. В зале зажегся свет.

Глава 7. Сделка (Подлинная история Альи и Тутты)

— М-да, хороша! Где твоя скромность? Объясни на милость, куда ты опять пошла?

— Я прогуляюсь.

— Вот! Опять! Каждый день одно и то же! Скажи ей, Мина.

— Сорвиголова, а не девчонка. Небось, опять к Черным скалам? Помяни мое слово, плохо кончатся эти хождения! — заворчала старая служанка, расчесывая и укладывая темные жесткие волосы Тутты, сидящей перед зеркалом. Та тяжело смотрела на свое отражение, отмечая рыхлость лица и тела, и колючие усики, пробившиеся над верхней губой, и бледность тонкого рта, и длинный, с горбинкой, нос, придающий лицу унылое и даже зловещее выражение. Ни дать ни взять — ведьма!

Тутта перевела взгляд на младшую сестру. О, тут совсем другое дело! — с ненавистью думала она, разглядывая Алью. Вся в свою мать, потаскушку... Тот же золотой водопад вьющихся волос, невесомый стан, тонкие черты лица.

— Что же мне, уж и выйти на улицу нельзя?

— Благовоспитанная девушка должна сидеть у окошка и вышивать.

Ответом был легкий, словно птичий щебет, смех Альи. Она подбежала к старой служанке и звонко чмокнула ее в темя, затем наклонилась к Тутте и, обняв за плечи, поцеловала в щеку.

— Не сердись, сестричка! Я знаю, ты за меня переживаешь, но это совершенно напрасно!

Тутта в раздражении дернула головой.

— Папа болеет, а ты все скачешь, как стрекоза. Лучше бы почитала ему книгу.

Альа сникла.

— Я вчера целый день сидела у его постели. Пока он сам меня не прогнал.

«Погоди, вот расскажу ему, что ты тискаешься по углам с голодранцем! — думала Тутта, тайно устремляясь вслед за Альей, выскочившей из дома. Сердце младшей сестры счастливо пело, на сердце старшей сидела огромная мокрая жаба. — Принесешь в подоле — и вылетишь из отчего дома без наследства!»

Тутте и в голову бы не пришло следить за сестрой, если бы однажды, выйдя в теплый осенний день прогуляться по ювелирным магазинам, она случайно не наткнулась на Алью, хохочущую в объятиях молодого красавца. К счастью, Тутта осталась незамеченной. Влюбленные сидели в обнимку, на траве старого городского парка под развесистым дубом, и пили вино.

Не только безнравственность сестры заставила Тутту пристальнее всматриваться в происходящее. Хотя, разумеется, здесь было большое поле для размышлений: об аморальности ее поведения, о позоре, падающем на седины отца и всю фамилию и — самый существенный момент — о наказании Альи, которое непременно последует после того, как обо всем будет доложено отцу. Главное же, что день за днем влекло Тутту ходить, скрываясь, по пятам за молодыми людьми — это вскипевшая страсть к юноше. Она любовалась и не могла оторвать жадного взгляд от его торса, просвечивающего сквозь тонкую белую ткань рубашки, от длинных мускулистых ног, от лица, озаряющегося любовью каждый раз, когда он смотрел на Алью — в эти моменты Тутта грезила, что его нежность обращена к ней, а не к сестре.

Несколько раз она видела, как молодой человек — его звали Ульман — устанавливал в тихом, уединенном месте мольберт и писал облик возлюбленной. Художественная сессия без конца прерывалась нежными признаниями и страстными объятиями. Если бы это происходило на глазах человека незаинтересованного, он бы умер от скуки; Тутта умирала от ненависти к сестре.

Подглядывая то из-за кустов, то из-за угла, она днями напролет бродила за влюбленной парочкой, которая интересовалась лишь друг другом и не замечала ничего вокруг.

Ближе к вечеру, когда солнце стало клониться к закату, Тутта, обессиленная от неутоленного желания и ревности, решила передохнуть в

одном из уличных кафе, щедро разбросанных по побережью. Она уныло клевала носом над черным кофе, но внезапно почувствовала, что одиночество ее прервалось. Тутта оторвалась от чашки и с недоумением уставилась на старика с добротным зеленоватым костюмом, устроившегося за ее столиком. Серая шляпа с узкими полями оставляла в тени лишь его глаза. Он вальяжно раскинулся на низком плетеном креслице и без всякого стеснения пристально разглядывал Тутту.

Слегка подергиваясь — Тутте даже показалось, что она видит его сквозь морскую рябь, — он картинно приподнял головной убор и спросил:

— Вы позволите? Видите ли, все места заняты, а я — человек молодой, устал. Прошу прощения, что осмелился нарушить ваши размышления.

Поглядев по сторонам, Тутта действительно с удивлением обнаружила, что кафе набито до отказа, и нет в нем ни одного свободного места. При этом столик, за которым расположилась Тутта, стоял в некотором отдалении от других, скрытый за густой листвой акации, в стороне от тротуара, по которому медленно плыла источающая жар толпа; ничто не нарушало уединения старика и женщины.

Она надменно кивнула и, не скрывая неудовольствия, принялась в свою очередь исподволь рассматривать неожиданного соседа.

«Сидел бы лучше дома. Устал он, похабник! — думала она, косясь в его сторону. — Ах, если бы вместо этого трухлявого пня напротив меня сидел он...» Не в силах сдержать любовной тоски, она прикрыла глаза, и перед ней явственно возник образ Ульмана.

Вылепились лицо, плечи и руки; затем воображение спустилось ниже, породив детали торса и ног. Пригрезившийся Ульман наклонился над Туттой и запечатлел на ее губах нежный поцелуй. Тутта ощутила пыл молодого тела; прикосновение страстных уст вызвало сладостный стон. «Любимая, — горячо зашептал Ульман, — посмотри на меня! Я здесь!» Тутта открыла глаза, подернутые негой, но что это?.. Вместо желанного юноши над Туттой склонился гнусный старик: дрожащие губы выпятились в сальной ухмылке, круглые бровки кривовато расползлись к вискам.

Все перемешалось в голове у Тутты. Только что, буквально секунду назад, ее тело сладко томилось в чувственном экстазе, и вдруг, откуда ни возьмись, точно черт из табакерки, выскочил этот жуткий старикашка!

Задыхаясь от кошмарного кульбита, она сумела лишь невнятно произнести: "Что вам нужно?.." ...как отвратительная мысль полыхнула в

ее голове, едва не лишив чувств. Уж не старик ли, прикинувшись Ульманом, только что целовал ее?

Она попыталась вскочить с места, но ноги внезапно ослабели. Липкая испарина покрыла лицо, и в груди болезненно сжалось сердце, словно в предчувствии чего-то небывалого, окончательного, как будто наступило наконец время для того, чтобы нанести последний, самый важный для судьбы, штрих.

— Вы совершенно правы! — застрекотало у нее в ушах. Слова укладывались в сознание мягко, прочно. — Совершенно правы, увлекшись этим молодым человеком! Можно ли устоять? Мало того, что красив... Прямо-таки неприлично красив! Талантлив! Да к тому же еще и князь!

— Князь? — удивленно переспросила Тутта, и эхо произнесенного слова отдалось в ее голове.

— Алья сделает завидную партию! А вот вы, милочка, так и постареете в одиночестве и бедности. Потому что состояние вашего папеньки — ничто по сравнению с тем, какими невысказанными богатствами будет обладать ваша сестра, когда выйдет замуж за молодого князя! Мда... — протянул старик, поглядывая на Тутту искоса. — Женщинам благородным и умным редко достаются от жизни лавры победительниц, ибо они скромны! Чего нельзя сказать о наглых и невоспитанных особах, чье единственное достоинство — молодость!

Глаза страшного старика — два черных паука с зеленым проблеском — зашевелились, закрутились! Хищно перебирая лапками, они с невероятной быстротой соткали громадную паутину. Раз! — и паутина полетела Тутте в лицо! Два! — и черт знает что тут случилось с Туттой. Спокойствие снизошло на нее. Неприязнь к старику исчезла, сменившись жгучим любопытством — даже зачесались ладони и кончики пальцев на руках. Расслабив тело, Тутта удобно устроилась в ротанговом креслице и охотно позволила пожилому уважаемому господину приложиться к ее руке.

— Эй, человек! — крикнул приятный собеседник Тутты пробежавшему в отдалении официанту и прищелкнул пальцами. Звук раздался такой, словно лошадиная подкова стукнула о камень. — Принеси нам бутылку вина, да самого лучшего! — Он опять пощелкал, распространяя вокруг себя звонкое цоканье. — И все, что к нему полагается.

Не прошло и минуты, как на столике, отбрасывая на скатерть стремительные багровые отблески, стояла бутылка вина, нежно золотился сыр, рассыпались спелые виноградные гроздья. Официант ловко откупорил бутылку и разлил по бокалам красное вино.

Дождавшись, когда официант уйдет, пожилой господин снял шляпу

и, поклонившись, напевно представился:

— К вашим услугам — Менц.

Тутта улыбнулась и представилась в свою очередь.

— Польщен! Чрезвычайно польщен знакомством со столь обворожительной дамой! — воскликнул Менц. — Давайте же выпьем, госпожа Мереция!

Тутта поднесла бокал к губам, ожидая начала разговора. Менц пригубил вина основательно, в наслаждении прикрыл глаза, но не до конца: сквозь щелочку между веками, словно лезвие ножа, блестела яркая зелень.

— Итак... — задумчиво промолвил он. — Поговорим откровенно. На тему, которая больше всего на свете интересует вас... — Менц сверкнул открывшимся глазом и вновь прикрыл его. — И меня... Не спрашивайте пока, почему. Поговорим?

— Да, — растерянно сказала Тутта. Беседа с Менцем приобретала неожиданный и, кажется, крайне любопытный оборот.

— Известно ли вам, многоуважаемая госпожа Мереция, что заключение брака между вашей сестрой и молодым князем планируется в самое ближайшее время?

Внутри Тутты что-то лопнуло, треснуло, будто по швам, и холод побежал по членам. Прошла минута, прежде чем ей удалось взять себя в руки настолько, чтобы мрачно спросить:

— Отчего же она держит это в тайне?

— Боится! — воскликнул Менц. — Боится, что вы начнете вмешиваться, спутаете все ее планы, которые, как вы сами, вероятно, догадываетесь, выстроены на самых тонких расчетах, и рыбка сорвется с крючка!

Слушая Менца, Тутта медленно кивала. На последних словах она схватила бокал и опустошила его залпом.

— Помилуйте, до вас ли ей теперь! — продолжал Менц, подливая Тутте вина. — Кому они нужны, бедные родственники? Уж поверьте моему жизненному опыту: как только Аля станет княгиней, она и не взглянет в вашу сторону!

Лицо Тутты побагровело и почти сравнялось цветом с вином в бокале.

— И тут сам собой напрашивается вопрос, — Менц наклонился над столом. — Почему одним в этом мире достается все, причем незаслуженно, а другим ничего? Где справедливость?

Тутта молчала. Менц лег грудью на стол и придвинулся ближе.

— Неужели вы отдадите ей просто так свое счастье? Не попробуете

даже побороться за него? — Интонации его стали вкрадчивы. — Добродетель в нашем мире никогда не бывает вознаграждена. Будьте же благоразумны! Не обращайтесь с вашей судьбой так, словно это жалкий лист бумаги, на котором всякий может писать, что вздумается, чтобы потом смять его и выбросить в мусорное ведро!

Менц шарахнул кулаком по столу — бокалы и бутылка подпрыгнули — и внятно, выделяя каждое слово, произнес:

— В ваших силах сделать так, чтобы справедливость восторжествовала!

— Но ведь он... — Тутта запнулась. — Ульман любит ее, а не меня.

Господин Менц недоуменно расширил глаза, а затем запрокинул голову и громко расхохотался.

— Любовь... — презрительно скривился он. — Неужели вы, умнейшая из женщин, верите в любовь? Любовь — не более чем страсть, а страсти, как известно, свойственно со временем ослабевать. Тем более — страсти утоленной. Но оставим это, прекрасная госпожа! Давайте представим себе вещи гораздо более приятные, чем пресловутая любовь.

Тутта вздохнула и тоскливо посмотрела в сторону.

— Я вижу, что вы со мной не согласны, ибо сейчас над вами довлеют чувства. Не возражайте! — воскликнул он и далее продолжил *sottovoce*, разглаживая руками воздух. — Представьте! Вы сказочно богаты! Приняты при дворе! Роскошь! Блеск! Сам король оказывает вам знаки внимания! Королева... — Менц захихикал и прижал палец к губам. — Вам не кажется, что она слишком стара для нашего короля, еще полного сил?.. Тс-с!.. Ну, так вот... Королева скорбно поджимает губки и делает вид, что увлечение короля — вами, вами, милая госпожа Тутта! — ее совершенно не касается!

Тутта выпрямилась. Глаза ее сверкнули гневом.

— Для чего вы мне это говорите, господин Менц? Немедленно объяснитесь!

— Не будьте так строги, госпожа Тутта! Как я уже имел честь говорить вам раньше, у меня есть личная заинтересованность в том, чтобы замуж за молодого князя вышла не ваша сестра, а вы! Алья молодая, глупая, легкомысленная, поверхностная! Ею управляют страсти, желания, нелепые веления совести и чести! Князю не избежать этого пустого, дурного влияния! Мне же хотелось бы, чтобы на князя влияла не Алья, а вы — как супруга, разумеется! — Менц слегка наклонил голову, не отрывая глаз от Тутты, — с учетом моих личных интересов, о которых вы узнаете в свое время!

— Как же вы думаете воплотить эти дерзкие планы? — недоверчиво произнесла Тутта, а рысь внутри нее уже подобралась и напрягла лапы.

— Об этом вы узнаете сразу же, как только скажете, согласны ли вы заплатить мне...

Брови Тутты взметнулись. Менц, не обратив на это внимания, невозмутимо продолжал:

— ...за любовь молодого князя, за супружеский союз с ним, за почести и богатство, за все удовольствия мира, которые откроются перед вами после того, как вы станете княгиней Вальдек! Заплатить сущие пустяки!

— Чего вы хотите, господин Менц? — словно в трансе, спросила Тутта.

— Мне нужна ваша... — Тут Менц наклонился к самому ее уху и что-то прошептал.

— Что? — истерически выкрикнула Тутта. — Всего-навсего?

— Да, да, — скромно подтвердил Менц. — Сущие пустяки, — повторил он.

— Я согласна! — твердо произнесла Тутта. — Кстати... А это не больно?

— О, не извольте волноваться! — рассмеялся Менц, суетливо извлекая из воздуха исписанный мелкими буквами лист. — Вы ровным счетом ничего не почувствуете! И голова не будет болеть!

Словно сам собой, лист аккуратно лег на стол точно перед Туттой. Нахмурившись, она принялась изучать написанное, но то ли неожиданно поднявшийся ветерок затрепетал уголками бумаги, то ли плясала на нем кудрявая тень акации — словом, разглядеть текст договора не удалось. Промелькнуло неясно, будто сон: «в вечное пользование», «в зависимости от обстоятельств...», «безвозмездным актом», «односторонние обязательства» — и тут же растаяло, обратившись в полную абракадабру. Когда же Тутте наконец удалось выхватить из бессмысленного набора букв слово «душа», оказалось, что это не «душа» вовсе, а «задушить». Вздвогнув, она пригляделась внимательнее и в череде расплзающихся букв обнаружила еще более пугающее: «зарезать»! Тутта зажмурилась, потрясла головой, а когда открыла глаза и вновь вперилась в договор, никаких «задушить» и, тем более, «зарезать» и в помине не было! Вместо этого перед ней предстал типовой договор, в котором черным по белому значилось, что продавец — Т. Мереция — обязуется передать в собственность покупателя — А. Менца — душу, взамен же покупатель обязуется устроить брак между вышеуказанным продав-

цом и князем У. Вальдеком, устранив своими силами все мешающие за-ключению данного союза обстоятельства.

— Вы удовлетворены, любезнейшая госпожа Мереция? — вкрадчи-во осведомился Менц, когда Тутта закончила чтение. Молниеносным движением он вынул из-за пазухи длинное золотое перо, которое черт знает как там помещалось, и протянул ей. — В таком случае, прошу вас!

Тутта решительно взяла перо и прицелилась им в бумагу, точно копьем. Несколько мелких капель упало на лист. Она подняла голову и увидела, что небо потемнело. Далеко на востоке, над морем, в белых всполохах молний, клубились тучи, и было ясно, что на Лигуррию над-вигается гроза. Менц оглянулся на небо и, неожиданно съезжившись и потемнев лицом, ткнул пальцем в нижнюю часть документа:

— Поставьте вашу подпись здесь. Скорее, скорее, не медлите! Сей-час хлынет ливень! — суетился он. — Теперь за диагональной чертой следует написать полную — непременно полную! — расшифровку ва-шего имени. Только тогда документ обретет официальный вес и силу.

Дождавшись, когда Тутта выведет заключительную букву, Менц вы-хватил у нее бумагу и так и вцепился в нее глазами. «Тутта Арбиона Мереция... — прочел он. — Ага! А вес?..» Менц сложил лодочкой ла-донь правой руки и несколько раз встряхнул ею, как бы взвешивая что-то невидимое. «Однако, немного!» — пробормотал он насмешливо. Раз-махнувшись от плеча, Менц шлепнул рукой по листу; и опять Тутта ус-лышала звук стучающей о камень железной подковы, смешавшийся с небесным раскатом дошедшей до побережья грозы.

Со скоростью фокусника Менц сложил и убрал бумагу — то ли за пазуху, то ли в рукав, но Тутта успела увидеть, что в том месте, где ру-ка соприкоснулась с листом, расплылась фиолетовая клякса, очерта-ниями напоминающая подкову, а может быть, знак бесконечности.

Теперь взгляд Менца изменился: холодный, расчетливый взгляд хищника, готового пожрать свою добычу. Куда делась галантная учти-вость и желание быть приятным?

— Вот вам пузырек, — говорил он, протягивая Тутте небольшую за-печатанную емкость коричневого стекла. — Смотрите, он совсем ма-ленький. Вы всегда сможете его спрятать на груди. Положите его в... корсет. Полно вам, не стесняйтесь! Подойдите к нему, когда он будет сидеть в распивочной и представьтесь. Скажите, что вы сестра его воз-любленной и предложите поговорить где-нибудь наедине. Будьте доб-рожелательны и располагайте к себе. Скажите, что уже давно обо всем догадываетесь и хотите Алье только счастья. Тогда он пойдет с вами

хоть на край света. Вы же позовите его туда, где никого нет. Например, — Менц подмигнул, — в его лачугу у Черных скал. Пусть он выпьет с вами вина. — С этими словами он придвинул к Тутте неизвестно откуда возникшую на столе еще одну бутылку с вином. — Добавьте несколько капель... не в бокал, нет... Прямо в бутылку. Чтобы не суетиться лишний раз... Вы тоже можете выпить: снадобье теперь на вас не подействует.

— А что это? — робко спросила Тутта, вертя в руках пузырек — холодный на ощупь, словно его только что достали из глубокого ледяного погреба. На пузатеньком боку была прилеплена бумажка с надписью, выведенной синими чернилами: *Enim occidere animas*. Две последние буквы скрылись за разводами желто-зеленой плесени.

— Бесценная вещь! — воскликнул Менц и пояснил: — Для временного умерщвления души. К сожалению, действует всего сутки. Опьянев, он почувствует к вам вожделение. Отдайтесь ему. Не блещите глазами... — распоясавшимся тоном протянул Менц, явно наслаждаясь ролью. — Ведь это именно то, чего вы так страстно желаете. Кроме того, Ульман — ваш будущий муж. А муж и жена частенько этим занимаются, хи-хи!

Тутта густо покраснела и сделала негодующее выражение лица.

— Куйте железо, пока горячо. Разбудите в нем вулкан, — гнусно подмигивал рдеющей Тутте старикашка. — Главное — избавиться от соперницы.

— Как?

— Пригласите Алью к скалам. Вечером, как стемнеет. Используйте те же слова. Что вы все знаете, догадываетесь и хотите помочь избежать гнева отца. Когда она придет, просто столкните ее со скалы. И все.

— И все?! Легко сказать! — возмутилась Тутта. — А если меня кто-нибудь увидит?

— Да кто же увидит? — удивился Менц. — Никто не увидит. Я позабочусь об этом. Ведь у нас с вами контракт. В конце концов, это моя часть работы.

Как только он произнес последние слова, раздался грохот. Кажется, вверху, прямо над их головами, кулак разгневанного великана раздробил небесный свод на множество частей; засверкал в трещинах огонь. Ветер, налетевший с побережья, разметал в стороны мужчину и женщину, сидевших — голова к голове — за столиком в кафе.

Женщина бросилась под тент, мужчина — на опустевшую набережную, к ближайшей магнолии, словно она могла укрыть его от пролив-

ного дождя. Он юркнул за дерево, и в то же мгновение дождь прекратился. Не теряя времени, Тутта вышла из-под тента и поспешила в направлении распивочной, указанной Менцем. Проходя мимо магнолии, она не удержалась и заглянула за дерево, совершенно убежденная в том, что сейчас увидит своего недавнего собеседника. Однако Менца за деревом не оказалось. Только легкий дымок вился у самой земли.

Глава 8. Бесовское делопроизводство (История Гарциоло)

Гул, вскипающий шутками и озорными выкриками, скрежет стульев по полу, смех, разговоры — все эти звуки, обычные после спектакля, заполнили зрительный зал.

Собираясь из ручейков, мимо меня проплыла бурлящая река зрителей и исчезла в дверях, истончившись и вильнув хвостом.

Я остался сидеть в пустом зале. Я ждал Менца. Время шло, а он не шел. И не было у меня никакого желания встать и влачиться под проливным дождем в неизвестность, полную смутных угроз.

Странные, чуждые мысли копошились в моей голове. Перед глазами все еще стояло охваченное смертным ужасом лицо казненного преступника, но — поразительная вещь! — сейчас вместо сострадания он вызывал у меня презрение. У Лудио-Лудио было все для того, чтобы начать новую жизнь: и новые документы, и деньги! И ни одной улики, свидетельствующей против него!

Вместо того чтобы воспользоваться плодами рук своих, — кровавых рук, мысленно добавлял я. Ну так что же, что кровавых? Дело-то уже сделано! Что теперь сожалеть... — он повел себя, как ничтожный слюняк. Ему, видите ли, шептала совесть! Поделом же ему! Поделом!

Так думал я, а за этими мыслями все шире разворачивалась иная — тревожная: о неопределенности и опасности положения, в котором я очутился. Зачем принял я приглашение Менца? Какую роль ему предназначено сыграть в моей судьбе? Кстати, где же он?

— Вот вы где, молодой человек! А я-то жду вас у выхода! — раздался над ухом голос, усиленный эхом пустоты. Я поднял голову и увидел господина Менца.

Не говоря более ни слова, он схватил мои костыли под мышку, присел, растопырив узкие щегольские носки ботинок, и согнул руку калачиком, словно самовар, приглашающий на randevu. Я неловко встал и просунул свою руку в его, и тотчас моя конечность оказалась в тугой петле.

— Welcome! — крикнул господин Менц и быстрым шагом, все уско-
ряясь, потащил меня за собой. Двери сами распахивались перед нами,
комнаты мелькали одна за другой. Я чувствовал себя листом, подхва-
ченным ураганом и едва успевал вертеть головой, чтобы ухватывать на
лету быстро меняющиеся картинки калейдоскопа: петляющие коридо-
ры и широкие залы; потонувшие в паутине заброшенные комнаты —
одна была с мраморной статуей в центре развалившегося фонтана;
роскошные спальни со сверкающими сквозь дымчатый полог набалдаш-
никами в углах кроватей; кладовые, под завязку заполненные обломка-
ми мебели, коробками и туго набитыми мешками; тесные чуланчики,
вещающие две-три стопки бумаг высотой с Эверест — и везде господ-
ствовали пыль и запустение.

Наконец мелькание стало невыносимым, и я закрыл глаза. В тот же
миг движение прекратилось: мягкий прибой вынес ногу на твердую по-
верхность, а руки оперлись костылями об пол.

Я очутился в просторной высокой зале; вероятно, это была гости-
ная. Готические окна разрезали ее множеством узких полос света, рас-
цветенных причудливыми витражами. В расширяющихся конусах света
плавала цветная пыль. Две стены сверху донизу были заставлены кни-
гами, понапиханными кое-как: вверх ногами и корешками внутрь. Дру-
гие стены занимали портреты и фотографические снимки; лица на них
были отталкивающие, с порочным изъясном. В простенках между окна-
ми я заметил саблю с расщепленной деревяшкой эфеса и лезвием, про-
ржавевшим до дыр, черепаховый гребень с выломанным зубцом, бума-
гу в золотой рамке, озаглавленную витиевато выведенным словом «Ди-
плом». В углу располагался камин, над которым до самого потолка, от-
ражая нагромождение балок наверху, простиралось громадное зерка-
ло.

Письменный стол с массивными львиными лапами, черного дерева
бюро с множеством ящичков, дверцы в виде свирепых львиных морд с
бронзовыми ручками в зубах, стулья, спинки которых изгибались чере-
дой львиных хвостов с кисточками, и даже две-три нижние ступени ле-
стницы, ведущей на второй этаж, — все, буквально все горизонтальные
поверхности в гостиной были завалены небрежно сложенными, рассы-
пающимися горами исписанной бумаги.

— Присаживайтесь, друг мой! В ногах правды нет! — хохотнул
Менц, пододвигая мне массивное кресло, на котором лежала неакку-
ратная стопка листов. От произведенного толчка стопка содрогнулась и
поплыла вниз. Я едва успел поймать ее, упустив несколько листов и
уронив костыль. — Итак, что вы скажете о спектакле? — спросил он,

удобно устраиваясь напротив меня в таком же огромном кресле и гипнотически помахивая рукой, будто маятником — влево-вправо.

— Поразительные спецэффекты! — воскликнул я. — Как вам это удается?

— Стараемся, — туманно ответил Менц. Вид у него был довольный. — На то здесь и поставлены, чтобы удивлять... — Он опять хохотнул и выжидательно уставился на меня.

— Я чрезвычайно благодарен вам, господин Менц... — начал я, прижимая руку к груди, но Менц не дал мне договорить.

— Не стоит, друг мой! — воскликнул он сердечно. — Неужто нашелся бы такой подлец, который прошел бы мимо, видя, как замерзает человек? И потом... приняв однажды участие в вашей судьбе, могу ли я позабыть о вас? Напротив, считаю своим долгом оказывать вам всяческую помощь и содействие... Но позвольте сначала рассказать о себе. Как я уже имел честь сообщить вам во время нашей первой встречи в больнице, я профессор криминалистики. — Менц встал с кресла, шаркнул ножкой и опять сел. — Я исследую преступный замысел: его зарождение, созревание и воплощение.

— Однажды у меня родилась чудесная мысль: организовать музей, посвященный именно третьей стадии преступного замысла: воплощению. Для наглядности. Кому, скажите мне, интересно читать сухие строчки полицейского протокола? А я им — орудие убийства с места преступления, улику, фотографию преступника и жертвы! Совсем другой разговор! И представьте, организовал-таки при прямом содействии полицейских и городских властей.

— Все эти экспонаты, — он широким жестом обвел гостиную, — собораны — а некоторые и созданы! — благодаря моему энтузиазму, несущему в массы свет просвещения. Самые известные! нашумевшие! завораживающие экземпляры: Джек Потрошитель, профессор Мориарти, мистер Корлеоне, капитан Генри Морган, наконец, маркиз де Сад — сколько таланта, сколько трудов я положил, дабы воздвигнуть эти колоссы человеческой жестокости!

Все это богатейшее и, к глубокому сожалению, не систематизированное собрание экспонатов — плод моих усилий, предпринятых за последние триста лет.

Вслед за созданием музея мне явилась другая, еще более блистательная идея — театр! Музей есть история застывшая, а человеку нужно действие, шоу, карнавал, фейерверк! Спектакль — это, если хотите, своего рода пособие, необходимое для того, чтобы лучше понять суть происходящего; театр не столько показывает, сколько учит!

— Чему учит? — спросил я, ничего не понимая.

— Как чему? — нахмурился Менц. — В чем цель любого учения, скажите мне!

— Ну, быть умней, — брякнул я первое, что пришло в голову.

Менц фыркнул.

— Не набивать себе шишки там, где их набили другие! Вот чему! — раздраженно воскликнул он. — Однако для меня как для ценителя основной интерес представляет именно стадия замысла, когда чудовище, — Менц пошевелил руками, словно всплывающими медузами, — только начинает подниматься со дна. Стоит только забрезжить идейке — еще несмело, таясь, в страхе — как я тут как тут. Оп! — и объект уже описан, разложен, растянут и пришпилен, как какой-нибудь червяк — со всеми его замыслами, резонами и самооправданиями. Но здесь, — он потряс бумажной стопкой, — не только дела, здесь еще и...

Он не успел закончить предложения, как листы веером посыпались у него из рук. Менц принялся ловить их, но они, словно живые, ловко уворачивались из его пальцев и разлетались в разные стороны.

— Я тону под этим ворохом бумаг! — заорал Менц. В бешенстве он схватил пачку листов со стола и высоко подбросил ее. Бумаги полетели вверх, шумно затрепетав. Послышался упругий шелест сотен крыльев под потоком. Я поднял голову и увидел, что все поверхности стен, пол, балок и ступени лестницы густо облепили воркующие белые голуби с кружевным оперением. Внезапный порыв ветра растворил форточку, и птицы шумной гурьбою ринулись на волю.

— Ловите их! Не выпускайте! — крикнул Менц. — Закройте форточку!

Как мог быстро, не успев даже подхватить упавшие костыли, я подскочил к окну и захлопнул форточку.

— Ничего, — пробормотал Менц. — Вернутся. Если вороны не закроют... — он пощелкал пальцами. — А как быстро вы среагировали! Прямо метеор! Да... Одна нога хорошо, а две — лучше!

«Издевается!» — с горечью подумал я, направляясь к креслу, и тут вдруг обнаружил, что мир более не прыгает вокруг меня, будто подстреленный, а я иду... на двух ногах!

— Как... как вы... это сделали, господин... Менц? — теряя дар речи на каждом слове, прошептал я.

— О! — живо откликнулся он как ни в чем не бывало. — Я подумал, что на одной ноге вы не успеете, и птицы улетят. Ищи их потом. Впрочем, им же хуже.

Я стоял — уверенно, сильно — потрясенный, счастливый, и не мог

поверить, что все, что происходит, не плод моего воображения.

— Это что... Хи-хи! То ли еще будет, молодой человек! Вы даже не представляете себе, какие у вас теперь появятся возможности! Ах, это восхитительное ощущение, когда бежишь на двух ногах...

Задыхаясь от восторга, я рванул с шеи галстук и, с мясом вырывая пуговицы, распахнул жмуший воротник. Пальцы зацепились за шнурок и вдруг выдернули из-под рубашки нательный золотой крестик, ярко блеснувший в готическом оконном свете.

Отблеск его солнечным зайчиком прыгнул на лоб господина Менца, и в том месте, куда он попал, кожа задымилась: огненный след в форме креста запалил лоб. Менц вскочил и завертелся по комнате волчком. Крича на высокой пронзительной ноте, он яростно хлопал себя по лицу, от которого шел жуткий, воняющий паленым мясом, дым. Наконец он сбил тление. На его лбу выгоревшей ямой чернел отчетливый след от ожога — в форме креста.

— Никаких крестов! — взвизгнул он в бешенстве. — Это огнеопасно! Снимите немедленно!

— Прощу прощения, господин Менц. Я не знал... — растерянно забормотал я, снимая крест.

— Заверните его в бумагу! Плотнее! Киньте в окно! Да скорее же, ну! Еще пожара нам тут не хватало! Вы что, не видели правил на стене перед входом? Писано же черным по белому: не допускается пронос в музей предметов религиозного культа, в том числе нательных крестов, а также их изображений! За нарушение данного правила полагается штраф в тысячу монет. На первый раз я вас прощаю, но в следующий раз — берегитесь! — он злобно сверкнул зрачками и ударил по воздуху: ладонь Менца рванулась мне навстречу и, не касаясь, воздушной волной произвела сокрушительный удар в голову. Я отлетел к противоположной стене гостиной, по счастливой случайности не врезавшись в острый угол шкафа: иначе тут бы мне и пришел конец. С трудом встал и, ковыляя — ногу, словно туман, развеяло колдовством — вернулся на свое место.

— Кто вы? — хрипло спросил я, и страх внутри меня зашевелил мерзкими щупальцами.

Менц недоуменно задрал брови вверх и по-клоунски захихикал. Отсмеявшись, он выпрыгнул из кресла и поклонился.

— Нет и еще раз нет! Я не тот, о ком вы подумали! — с деланным возмущением вскричал он. — Я всего лишь его помощник. Тот, кого называют демоном-искусителем, или древний дух, сопровождающий человека всю его жизнь. Тот самый, что стоит и нашептывает за левым

плечом. У него мно-о-ого помощников! — господин Менц в возбуждении забегал по комнате. — Правда, не все знают об этом. Но служат! Слу-ужат! Даже не догадываясь, неосознанно, только по одному велению организма. Хи-хи! А вот я — вполне, знаете, принципиально.

Господин искуситель неожиданно перестал хихикать, его голос наполнился мрачной тяжелой силой. — И за это наделен многими возможностями, какие и не снятся простому смертному.

— Это какими же? — спросил я. Менц остановил свой бег по комнате и, медленно раздуваясь, навис надо мной, точно гора.

— Я могу вдохнуть любую мысль, даже самую безумную и экстравагантную... о, экстравагантную — это в особенности!.. в сознание человека! Да так, что он будет думать, что эта мысль целиком и полностью принадлежит ему!

— Ну, это любой может! — дерзко ответил я, глядя ему в глаза.

Увидев, что на лицо господина Менца набежала тень, я глупо поправился:

— Почти любой.

— Человек терзается, ищет, сомневается, прежде чем укрепиться в мысли и устроиться в ней, как на диване. А я — стер старое, — Менц крутанул вытянутой рукой перед моим носом; оставшийся за ней в воздухе след искрил, — и начертал иное!

Искуситель сдулся и как ни в чем ни бывало снова устроился в кресле.

— Ну, и всякие мелкие фокусы, — продолжил он. — Мгновенно перемещаться на любое расстояние, читать дурные мысли — только эти, да!.. породить миражи, менять обличье... Заметьте, не только себе.

Неожиданно Менц округлил глаза и с воплем:

— Вы только поглядите, кто к нам пожаловал! — принялся тыкать пальцем мне за спину. Я обернулся и уставился взглядом в зеркало, из которого на меня смотрела, удивленно хлопая ресницами, грудастая дева в желтом обтягивающем трико.

— Откуда она здесь взялась? — растерянно спросил я и тут понял, кто эта дева в желтом: ее пышная грудь упиралась мне чуть ли не в подбородок. В надежде, что грудь — плод галлюцинации, я поднял руки и со смесью любопытства и недоверия прикоснулся к выпирающим из меня огромным мясистым шарам.

— Настоящая, уж вы не сомневайтесь! — вскричал искуситель и принялся хохотать.

— Черт побери, я и не знал, что носить грудь — это так тяжело! — растерянно бормотал я, глядя на веселящегося Менца.

Отсмеявшись, он пощелкал пальцами — звук раздался такой, будто играли на кастаньетах, — и я вновь, к огромному облегчению, стал сам собой.

Менц тем временем продолжал.

— Я не люблю возни! Я творец! Поэт, воспевающий красоту преступления! Музей и театр — мое хобби — отнимает львиную долю времени. Без помощника мне не справиться. Итак, я предлагаю вам должность делопроизводителя!

Трудно вообразить себе большее внимание, чем то, с каким я слушал Менца, после того как он неведомой властью вернул, а затем отнял у меня ногу.

— У меня накопилась прорва бумаг. Раз в триста лет я должен предоставлять отчет наверх. Ой, то есть что я говорю, — гримасничая, поправился он, — вниз. Могу ли я сдать документы в таком виде?

— Разве у вас не было помощника? — спросил я, оглядываясь кругом. — Как же вы справлялись с этими немислимыми кипами все это время?

— Ну разумеется, был. Куда ж без помощника! Но человек смертен. И хуже того, он, как выразился один классик, внезапно смертен. Ваш предшественник, сударь мой, плохо кончил.

— Что вы хотите этим сказать, господин Менц?

Менц наклонился ко мне, сверкнул болотной зеленью глаз и свистящим шепотом произнес:

— А то, что каждый должен заниматься своим делом. Булочник — печь хлеб. Врач — лечить, а сапожник — тачать сапоги. И никто — слышите? — никто! — не должен совать свой нос туда, куда его не просят!

Он помолчал.

— Что же касается мо-е-го предшественника, то был он сух и работал однообразно, без фантазии, без задоринки. Помните период инквизиции? Ну что за тоска! Костер, дыба, щипцы, испанский сапожок! Мелко! Топорно! Грубо! Между нами, эта скучнейшая безынициативность, холодность, отсутствие творческого подхода и стали причиной того, что его перевели на другое место. В бухгалтера! — выкрикнул Менц. — Цифры — вот его стихия! Теперь он помогает подсчитывать... взвешивать... — Менц принялся загибать пальцы, — ну знаете, вся эта тоска казенная: на одной чаше весов — ангел, на другой — черт. А он, представьте, доволен. В общем, каждому свое.

— В моих делах царит чудовищный беспорядок. Хаос окружает меня! Это, это и это! — Предметы, на которые падал его взгляд, сжима-

лись, словно нашкодившие коты. — Ваша работа заключается в следующем. Раз в триста лет я должен сдавать отчет о проделанной работе. Все бумаги требуется систематизировать. Прежде всего, замыслы воплощенные следует отделить от нереализованных. Контракты — к контрактам. Во-вторых, и те, и другие разложить по персоналиям и типам преступлений: убийства с грабежом — в одну сторону, ради наследства — в другую, с отягчающими —туда, без оных — сюда. Все пронумеровать, чтоб ни одна бумажка, ни одна строчечка не пропала. За каждую утерянную бумажку взыщется. Выговор, а то и похуже. Повышение, например. Для этого вам, как вы сами понимаете, с каждым делом придется ознакомиться, и не кое-как — поверхностно. А обстоятельно.

— Помилуйте! Сколько же дел предстоит мне прочесть? Да я за год не управлюсь.

— Ха-ха-ха! — захохотал он, широко раскрыв рот. — Конечно, не управитесь. Поэтому я даю вам на все про все двадцать лет.

— С-с-сколько? — едва выговорил я.

— Двадцать лет, — невозмутимо ответил искуситель. — А куда вам торопиться? Кстати... Не думаете же вы, что станете работать бесплатно?

— Но это же... целая жизнь!

— Вы больны, любезнейший господин Вальдек. Куда вы пойдете? Я подарю вам восхитительную возможность ходить на своих двоих. Правда, не окончательную возможность. Пока не навсегда, — многозначительно выделил он голосом слово «пока». — Вспомните это забытое чувство... жизненной силы... скорости... равновесия... когда мы спешим, идем, ни на что не опираясь. Словно летим! — Менц прищурился. — Как хорошо отталкиваться от земли обеими ногами! Где вы найдете предложение лучше?

Я удрученно молчал.

— Что, я вас убедил? Оставайтесь! Да и куда вы пойдете, дорогой мой? Хромоногий инвалид... Хе-хе. Ни кола, как говорится, ни двора. Я же предлагаю вам работу и кров и, время от времени, ногу. Да. Ногу. Вашу ногу. Я буду возвращать вам ее каждое утро. Но учтите, что на людях вы снова станете одноногим калекой.

Я молчал.

— С окладом... скажем, в двадцать тысяч в месяц. Что скажете, господин Вальдек?

Я чуть не поперхнулся. Двадцать тысяч стоит один из изящных четырехэтажных особняков, что красуются на площади Барбанта. Во вся-

ком случае, такая цена была указана в объявлении о продаже, вывешенном на его фасаде. А Менц предлагает мне эту несусветную сумму в месяц! Если я отработаю у Менца двадцать лет, то стану баснословно богатым человеком.

— Если отработаете... — эхом откликнулся искуситель, словно ульшав мои мысли. — Что вы так на меня смотрите? Таковы правила! Иначе я не имею права. Рад бы, рад! Да по-другому никак, любезный. Таковы правила! — повторил он.

— Что вы, господин Менц! — забормотал я. — У меня и в мыслях не было...

— Вот и прекрасно, вот и хорошо! Потому что даже один неотработанный день даст мне полное право не заплатить вам ни-че-го! Ну как, согласны?

— Согласен, — решительно сказал я.

— По рукам? — спросил Менц и напрягся, будто перед прыжком.

— По рукам!

Искуситель произвел жест, похожий на тот, с каким фокусник достает из пустой шляпы кролика, и тут же в левой руке его оказалась бумага, густо исписанная мелкими скачущими буквами.

— Дело за малым. Вот контракт. Но перед тем как его подписать, есть необходимость прояснить один... э-э-э... щекотливый момент, — вкрадчиво запел он. — Вполне ли вы уверены в том, — на этих словах до меня будто донесли приближающиеся громовые раскаты, — что ваша фамилия — Вальдек?

Он так и вцепился в меня крючками своих глаз, черных с зеленою волной.

Я покраснел и забормотал:

— Прошу прощения, господин Менц... Вы совершенно правы... Меня зовут Гарциоло. Гарциоло Мендель. Полагаю, мое имя вам давно известно. С вашими возможностями не составит труда узнать...

— О, даже не сомневайтесь! — воскликнул Менц, мгновенно смягчаясь. — Ну, что ж... Я рад, что неразбериха с именами наконец закончилась. И, кроме того, контракт. Никак нельзя подписывать контракт вымышленными именами! Вопрос принципа: вы должны быть твердо уверены в том, что ваше имя принадлежит именно вам.

Он кольнул меня взглядом.

— Стало быть, документиков, подтверждающих, что вас зовут Гарциоло Мендель, нет?

Я отрицательно покачал головой.

— Что ж я спрашиваю-то... Знаю, что нет, — в сладкой досаде

вздохнул он. — Так и запишем. С его слов... — чертал он то одной, то другой рукой, забавляясь перекидыванием длиннющего золотого пера.

Стряхнув несколько лишних слов из контракта, словно крошки с одежды, он дунул на бумагу и шлепнул ее на стол.

— Прошу вас, прочтите: о том, что такой-то такой-то принимает такого-то такого-то в услужение на должность делопроизводителя сроком на двадцать лет. Дата. Теперь — ваша подпись. — Он резким движением протянул мне лист.

Текст контракта был написан криво и неразборчиво. Я попытался прочесть его, но споткнулся на первом же предложении. Буквы подмигивали и вихлялись, строчки колыхались водорослями, запятые, извиваясь, переползали с места на место.

Четко и незабывемо, как и огненная печать внизу, на контракте читалось только мое имя: Гарциоло Мендель.

«Мне нечего терять. Я уже все потерял», — подумал я и отчаянно подмахнул контракт.

Тут же бумага перенеслась на противоположную сторону стола и угодливо легла перед Менцем. Буквы выстроились в четкие, безупречные ряды, точно солдаты перед генералом.

Искуситель размахнулся от плеча и шарахнул по листу рукой.

— А теперь обмоем, обмоем... — засуетился он и принялся извлекать из ящиков письменного стола рюмки и закуску; из узкого шкафчика бюро, неторопливо вода горлышком, выбралась огромная бутылка с мутным, словно тающий весенний снег, содержимым. — Самогон! — воскликнул Менц. Он потряс бутылку, взболтнув белесую жидкость, и принялся разливать ее по рюмкам.

— Вы сразу мне понравились! Как только увидел вас лежащим на дне фонтана, с задранными к небу ногами, одна из которых — правая — уже заледенела, я почувствовал к вам необъяснимое расположение.

Впихнув одну из рюмок мне в руку, он чокнул об нее стеклом своей и немедленно выпил.

— Представьте. Темно. Метет сплошной пеленой! Я возвращаюсь в музей, и тут — вы! — воодушевившись, неся он. — Пейте! До дна, до дна! Ага... О чем это я? Так вот... Ваши ноги чуть не заехали мне в лоб! Сначала мне показалось, что я налетел на дерево. Но откуда, скажите мне, любезный друг, деревья на площади Барбанта? Я принялся исследовать находку: ноги, туловище... я спускался все ниже... и наконец, голова! И голова эта — без сознания! У меня остался к вам только один вопрос, — сказал Менц безо всякого перехода. — Что привело вас в Лим-Брасс? Если хотите, можете не отвечать.

— Боюсь, что я не смогу удовлетворить ваше любопытство, господин Менц, — медленно сказал я. Самогон расплзлся внутри меня, смутно пришептывая ядовитыми языками: «Плюнь на все, плюнь!» — Дело в том, что я потерял память. И совершенно не представляю, почему оказался в этом городе.

— Интересненько... Что, совсем ничегошеньки не помните? Только правду! — выкрикнул он и засверлил меня глазами. И вдруг — то ли от выпитого самогона, то ли от взгляда, не оставлявшего возможности промолчать — на меня снизошло спокойствие и даже с некоторым оттенком цинизма, как будто в том, что я скажу, нет ничего особенного.

— Я убил человека. Я знаю почти наверняка, что убил.

Так и вскинулся Менц, так и засверкал:

— Ради чего убили? Мечь? Ревность? Деньги? — отрывисто вопрошал он, чуть вскидывая голову при каждом новом предположении.

— Не знаю, — я пожал плечами. — Смутно что-то помнится. Какой-то кривой нож, и руки в крови... Убитая женщина...

— Отличная отговорка! — восхищенно воскликнул Менц. — Но кто ж вам поверит? А знаете, я все это время ждал, когда же вы признаетесь! — доверительным тоном сообщил он.

— Значит, вам все известно? — несколько даже растерявшись от его неожиданного заявления, спросил я.

— Да... — в раздумье потянул он, любуясь тем временем на контракт. — Может быть, амнезия для вас — это не так уж и плохо.

— Это еще почему?

— Потому что узнать о себе некоторые вещи не всегда приятно. Более того, для этого требуется известное мужество. По крайней мере, вам, — он выделил слово «вам», — оно понадобится.

— Что вы имеете в виду, господин Менц?

— Я бы мог, разумеется, обойти молчанием... — сочувственно сказал он и потрепал меня по плечу. — Но ведь человек так устроен... Любопытство, неистребимое желание знать — все это не давало бы вам покоя, вылезая вопросами там и сям, да еще в самое неподходящее время. Сомнения — это, знаете ли, такая вредная штука, что пролезет сквозь любые щели, как их ни затыкай.

Он наклонился, чтобы открыть нижний ящик бюро и, приговаривая: «Куда ж делось-то?», достал из-под кипы бумаг газету, в заглавии которой мелькнуло слово «ВЕДОМОСТИ». — Извольте убедиться сами. — Он всунул мне в руки свежотпечатанный, пахнувший типографской краской газетный листок.

(История Гарциоло, рассказанная Менцем)

Большие черные буквы заголовка "**АРЕСТОВАН ГАРЦИОЛО МЕНДЕЛЬ, УБИЙЦА ДВУХ СЕСТЕР!**" сразу бросились в глаза. Я схватил газету и, глотая слова, прочитал:

«Сегодня утром на Черных скалах было найдено тело зверски зарезанной Тутты Арбионы Мереции, дочери почтенного Дельясо Мереции, успешного коммерсанта. Тело убитой, заваленное холстами, лежало в домике, арендованном неким Гарциоло Менделем под художественную мастерскую, служащую ему также и жилищем. Там же был обнаружен спящий художник. Как стало известно, сестра покойной, пропавшая без вести Алья Мереция, состояла с ним в любовной связи. Комментируя произошедшее, следственный эксперт (пожелавший остаться анонимным) выразился с характерным для полицейских цинизмом: «Если полагать смерть, — сказал он, покручивая ус, — утешением всех скорбей, то господин Мендель поступил как нельзя лучше и в полном соответствии с фамилией». Ведется расследование».

Газета выпала из моих рук.

— А вот еще, в следующем номере. Позвольте, я зачитаю вслух.

Искуситель пошуршал газетой и прочел:

— «Третью неделю идет розыск сбежавшего с места казни Гарциоло Менделя, прозванного Утешителем. Напомним, что инцидент произошел вследствие потасовки зрителей, возникшей у эшафота за право первому подойти к чаше с кровью казненного. В момент, когда беспорядки, перешедшие в массовую драку, достигли апогея, преступник, воспользовавшись всеобщей неразберихой, прыгнул с помоста и скрылся в неизвестном направлении...»

— Ай, молодец! — одобрительно причмокнул Менц. — Глядя на вас, и не подумаешь, что вы столь находчивы... Продолжаю. Где я остановился?.. «Буквально через час Лигуррия и окрестности были плотно оцеплены полицией, однако преступник до сих пор не найден. Каждому, указавшему местонахождение или любую другую информацию о Гарциоло Менделе, которая поможет в его поиске, назначено крупное вознаграждение». Ну, как вам? Вы просто герой! Наделали шуму и упорхнули! — Менц хихикнул и пристально посмотрел на меня. — Так, значит, прямо-таки ничего и не помните? — снова спросил он.

Я покачал головой.

— Ну, что ж. Это ничего, — искуситель прищурился левым глазом. От этого правое ухо съехало вниз, и все лицо у него исказилось. — Может, кое-кто другой вспомнит, а?

— Если желаете, сразу сдайте меня в руки полиции. Только шутить надо мной не нужно! — угрюмо произнес я, опустив голову.

Лицо Менца вытянулось. Некоторое время он глядел на меня молча, поджав губы.

— Вы очень самолюбивы, дорогой господин Мендель. Впрочем, для молодого человека это простительно, а иногда даже похвально. Да-с, похвально! Поверьте мне, старику, на одном смирении в наш век далеко не уедешь. — На этих словах Менц часто закивал. — Дело было так...

Глава 9. Гарциоло Мендель, художник и альфонс (История Гарциоло, рассказанная Менцем)

— Дело было так... — неторопливо начал Менц. — Однажды в Городе Искусств, раскинувшемся на холмистом побережье Андриатического моря, появился молодой человек.

Был он без роду без племени и не располагал ничем, кроме безупречной наружности, таланта и больших надежд. Несколько медных монет не в счет, поскольку в первый же вечер Гарциоло Мендель — а это был он — спустил их в одном из дешевых трактиров, что в изобилии теснятся в районе многоцветного, словно лоскуты, порта.

Ночь провернулась бешеным колесом, а наутро, чуть забрезжило, Гарциоло, очнувшийся на жесткой деревянной лавке, вспомнил, как вчерашний собутыльник — бородатый матрос, с которым он пил на брудершафт — осторожно щупал себя под платьем. Оглядываясь украдкой, морячок запускал руку под мышку и некоторое время копошился там: то ли чесался, то ли выдергивал блоху. Он сосредоточенно сопел и хмурил брови, но вскоре бородатое лицо разглаживалось и по нему разливался свет.

Гарциоло смекнул сразу: в одежде защиты деньги. Бодро вскочив с лавки, он осушил стакан скисшего вина и оглянулся так же, как это накануне делал морячок. Трактирные гуляки спали, раскиданные винным угаром кто куда. Откинув фалду платья мертвецки пьяного собутыльника, Гарциоло деловито вспорол ее трактирным ножом. За подкладом он нашел ожидаемое: кожаный мешочек с золотыми и серебряными монетами неведомых стран, к которым причаливал матроса свирепый морской бог. Гарциоло забрал деньги, нырнул в рассветное молоко и был таков.

Надо отдать должное его рассудительности: он не растранижил преступно добытый капитал. Уравновешивая плохой поступок хоро-

шим, Гарциоло пустил деньги на благородные цели. Что может быть выше искусства! Подальше от порта и городской суеты, у Черных скал, он снял хижину — под мастерскую. Место показалось ему таинственным и мрачным — таким, где душа художника разворачивается в романтических впечатлениях. Он накопил красок, мольбертов, холстов, кистей — на все хватило ворованных монет, и еще осталось — и принялся ловить удачу за хвост в городе меценатов и ушлых пройдох, подвизающихся вокруг искусства.

Общительный нрав легко свел молодого человека с компанией студентов, художников и поэтов. Таскаясь по портовым кабакам, он превесело проводил время, не забывая и о призвании. Несомненный талант и работоспособность скоро сделали его известным, во всяком случае, — Менц усмехнулся, — в узких кругах. Вы, как я вижу, хотите спросить... — Он остановил рассказ и взгляделся мне в лицо.

— Нет, я не хочу спросить, — ровно сказал я. — Помилуйте, господин Менц! Глупо интересоваться мелочами, когда знаешь о себе главное: что ты убийца и вор. По сравнению с этим все остальное — ерунда. А впрочем, — я откинулся на спинку кресла, — валяйте, выкладывайте. Можете не стесняться. Я готов к любым поворотам.

Менц встал, подошел ко мне и потрепал по плечу. Я поднял на него глаза, и несколько секунд мы глядели друг на друга. Он — так, как смотрят на безнадежного больного: с брезгливой жалостью; я — мертвецом, который по странной, парадоксальной прихоти природы способен шевелиться, дышать и говорить.

— Вопрос мой, собственно, почти риторический. А именно: как в одном человеке могут сочетаться истинный талант и — будем называть вещи своими именами — подлость?

Он поднял руку и продекламировал:

«...гений и злодейство — две вещи несовместные».

Менц прикрыл глаза и, улыбаясь с видом тонкого ценителя, покачался надо мной. Встряхнулся, хлопнул ладонками по коленям и озорно воскликнул:

— А вот и нет! Ошибался поэт! Совместны, еще как! Вы вскоре убедитесь в этом, и чем далее, тем бесспорнее! Эх! — вскрикнул он и коротко сплясал.

— С другой стороны, — озабоченно промолвил Менц, завершив танцевальный пассаж, — мы не можем оценить степень одаренности Гарциоло: масштаб взгляда не тот... Ему бы дать время расцвести — глядишь, и вылупился бы гений, — господин Менц выпятил бледно-розовую нижнюю губу и уселся в кресло. — Пожалуй, поэт все-таки прав.

Если бы Гарциоло был гением, то не стал бы вором и убийцей. Гений закабалит бы в нем страсти! Гениальность — самая сильная одержимость. А? Что вы думаете об этом?

— Какая теперь разница, господин Менц, гениален Гарциоло или нет, раз погубил свою жизнь преступлением, — без всякого выражения произнес я, глядя в пустоту.

— Не забывайте, юноша, что Гарциоло — это вы, собственной персоной! Неужели вы не желаете докопаться до истины?

— Истина в том, что Гарциоло... то есть я... убил женщину...

— Двух, милейший, двух! Из которых одна была вашей возлюбленной. Представьте, каково ей было осознавать, пока она летела с Черных скал — несколько бесконечных мгновений — что вы ее убийца! — Менц улыбнулся и приблизил ко мне свое лицо. Глаза его переливались, играли, словно отраженная в воде ночная луна. — Вы убийца, вы вор, вы негодяй! Кто, как не вы, заслужили позор и плаху — при большом стечении народа и под гневные выкрики! Но я спасу вас — во второй раз. Как спас в первый, вытащив из фонтана и доставив в городскую больницу. Более того, укрою, дам имя, верну ногу, сделаю богатым и уважаемым членом общества, в котором никто не обнаружит преступника. В вашей жизни не станет ни нужды, ни бесплодных сомнений, а только здравый смысл и денежный капитал — лучшая защита от всех бедствий мира. Но — двадцать лет, и ни днем меньше! — Глаза искуителя заблестели пуще прежнего.

— Я уже подписал контракт, господин Менц, и буду служить вам, — сказал я, опустив голову.

— Отчего же вы не спросите, откуда вы родом и кто ваши родители? Может быть, ваша забывчивость избирательна: здесь, где безопасно и удобно, вы помните, а там, где скользко и темно, вы — пас?

Я усмехнулся.

— Звучит забавно. Но это не так, господин Менц. Я ничего не помню ни о своих родителях, ни о том месте, где я родился.

— Ну, что ж. Сейчас вы обретете детство. Боюсь, однако, что порадовать вас ничем не смогу. Родились вы в провинциальном городке, в трехстах милях к западу от Города Искусств и в трехстах пятидесяти от Геньи, если двигаться на восток. Городок этот настолько мал, что я, признаюсь, даже запомнил его название... Если это необходимо, я могу сей же момент свериться в справочнике... Желаете?

— Благодарю вас, не желаю. Как-нибудь потом. Итак...

Кто я?

— Отец ваш, Пиатос Пиатодес Мендель, держал лавку художественных товаров. На вывеске — господин Мендель нарисовал ее сам — красовалась ярко-синяя надпись «Поль Гоген», увитая красными тропическими листьями. Для провинциального городка название звучало претенциозно; никто, кроме самого владельца магазина, не знал, что оно означает. Ваш отец, в молодости широко постранствовавший по свету, имел некоторое представление о живописи. Торговля шла ни шатко ни валко: в провинции не много ценителей искусства, и еще меньше тех, кто взвалит на себя его бремя, рискуя стать всеобщим посмешищем. В магазинчик преимущественно захаживали школьники: прикупить два-три альбомных листа, красок да карандашей.

Матушка ваша, Флоренция Мендель, занималась ведением домашнего хозяйства. Трагический случай произошел, когда вам было три года. Стоял конец лета. Пиатос Пиатодес, как обычно, пропадал в лавке, а госпожа Мендель варила варенье из абрикосов в огромном металлическом тазу. Вы вертелись поблизости. Придерживая таз за длинную деревянную ручку, ваша матушка делала сразу три дела одновременно, как ухитряются женщины: черпаком помешивала клокочущую массу, следила за вами, чтобы вы не лезли к плите, и болтала с соседкой, стоявшей снаружи дома за окном, в тени старой яблони. Обсуждался вопрос о том, сколько следует класть сахару при варке варенья из абрикосов: один к одному или в другой пропорции, как вдруг соседка в ужасе расширила глаза, глядя на что-то, происходящее за спиной вашей матери. Госпожа Мендель быстро обернулась и увидела, как вы схватились за ручку таза и вот-вот оторвете ноги от пола, собираясь повиснуть на ней. Не медля ни секунды, ваша матушка кинулась к вам, чтобы оттащить от кипящего варева, но не успела: таз поехал с плиты. Госпожа Мендель изо всех сил оттолкнула вас — вы вылетели в коридор, отделавшись незначительными синяками, — а сама оказалась облеплена раскаленной, тягучей, словно мед, массой. Более всего пострадало лицо, которое буквально разъел чудовищный сладкий жар. Не приходя в сознание, бедняжка умерла на следующий вечер. Выпьем!

Не поднимая головы, я взял протянутую Менцем рюмку и выпил. На этот раз самогон показался мне куда более крепким: опалив глотку и нутро так, что я едва продохнул, он извергнулся в голову и разбросал чувства, мысли, сожаления, сделав меня невесомым, словно я был не человеком, а китайским болванчиком.

— Ваш отец так и не оправился после обрушившегося на него не-

счастья. Более того, он сделал все от него зависящее, чтобы свести счеты с жизнью, не прибегая к очевидным средствам. Днями напролет он вливал в себя вино, полулежа на прилавке магазина. Как только солнце начинало клониться к линии горизонта, Пиатос Пиатодес записывал лавчонку и, путаясь ногами, волокся к пепелищу семейного очага. Никакие силы не могли заставить господина Менделя вернуться в дом, где погибла жена — пока он был трезв. Надо отдать ему должное: ни словом, ни взглядом он не попрекнул вас. Да и какой спрос может быть с неразумного мальчика! — Менц пощупал меня взглядом. — Предоставленный самому себе, вы целыми днями возились в магазине, пробуя на глаз, а то и на вкус пастель, темперу и тушь, пробуждая в себе интерес к живописи. Когда вам исполнилось семь лет, «Поль Гоген» пришел в полное запустение и разорился. Тогда же умер господин Мендель. Вы остались совершенно одни, и с того момента пошли по рукам. Сначала вас взяли к себе дальние родственники вашей матушки. Резвым играм с детьми вы предпочитали уединение с альбомом и красками. Крестьянская семья никак не могла взять в толк, чем вы занимаетесь, и не поощряла стремление к творчеству. Занятия живописью — дорогое удовольствие. Вы начали воровать. Когда это вскрылось, вас с позором выгнали: мало того, что дармоед с чудными замашками, так еще и вор! Сжалившись над бедным сиротой, вас приютили родственники отца, к которым вы явились, слезно умоляя принять. До них, живущих в соседнем городке, не дошла еще молва об учиненных вами безобразиях. Но вы обокрали их. Кто бы ни брал вас: из милости ли, в надежде ли обрести помощника по хозяйству — оказывался оскорбленным.

К четырнадцати годам дурная слава бежала впереди вас. Никто не хотел связываться с воришкой, как вдруг случилось чудо из тех, что обращают золушек в принцесс или, в вашем случае, простолюдинов в царей. В маленький провинциальный городок, ведомый длинной нитью судебной тяжбы, приехал учитель живописи, преподававший в бесплатной художественной школе для особо одаренных детей в Геньи. Увидев ваши рисунки, он был поражен и тут же забрал вас с собой, в школу, где вы, вплоть до совершеннолетия, жили на полном пансионе, обучаясь со всей страстью таланта. Выпущенный из школы и предоставленный себе красивый юноша, вы, разумеется, не могли не использовать еще один дивиденд, щедро отпущенный природой, зарабатывая на жизнь как альфонс. Богатая жизнь, подсмотренная в замочную щель, развратила вас и в конечном счете привела — совершенно неизбежно, учитывая особенности личного склада! — к злодеянию. Так бывает всегда: начинают с малого, а заканчивают тем, что и представить

страшно. — Менц вздохнул. — Беззаконие во все времена совершает одну и ту же ошибку: наивно верит в собственную неуловимость.

— Маленький изверг, убивший родителей... невольно... Как будто мне от этого легче! Обокравший благодетелей... во имя искусства! — горько молвил я, слыша свой голос так, будто за меня произносил слова посторонний. Кажется, я был сильно пьян. Мне хотелось рыдать, упасть на пол и рвать на себе волосы, но вместо этого я заговорил саркастически, как ни в чем не бывало:

— Что было дальше, господин Менц? Мне не терпится узнать о себе еще какую-нибудь ужасающую деталь: например, что я серийный убийца или похититель младенцев... Прошу вас, не уходите в отстраненные рассуждения.

— Вы еще можете шутить! Я недооценил вас. Что ж, продолжим... — Искуситель сделал несколько шагов по комнате и встал перед окном, спиной ко мне. — Опыт, приобретенный вами, — говорил он, ударяя голосом в дребезжащее стекло, — не остался без осмысления, и он ясно указал вам, что жизнь в качестве альфонса сопряжена с бесчестьем. Художника, чей талант парит в высших эмпирях, не устраивало столь унижительное положение — на постоянной основе. Рассчитывать на брак с богатой старой гримзой: вставные челюсти в утреннем стакане воды, уныло болтающиеся груди, розовые прожилки пустых глаз и бесконечные денежные подсчеты — вы уже убедились — наивно! О, теперь вы хорошо знали всю эту лавку покупательниц свежачка, давно изживших искренность и порыв! Нет! Вам нужна была жена молодая, неискушенная, любящая и — с приличным состоянием!

(История Гарциоло, рассказанная Менцем)

На одном из вернисажей, где вам наконец удалось выставить свои картины — в числе прочих подающих надежды живописцев, — вы встречали Алью, гибкую, рыжеволосую, юную! В дорогом платье, на пальцах — кольца: приличествующие скромности, но выполненные со всем тщанием ювелирного искусства. Ее восхищение вашими картинами было столь трогательным и непосредственным, что вы сразу поняли — вот ваша жертва, вот ваша цель! Влюбить в себя такую — отзывчивую, раскрытую, доверчивую — раз плюнуть! Пошептавшись кое с кем, вы выяснили, что девушка — дочь процветающего Дельясо Меречи, известного манипулятора в области ценных бумаг.

Должен признать, что в деле соблазнения девушки вами двигал не только голый расчет. И впрямь, как можно было не очароваться ею?

Проведя с Альей лицом к лицу несколько минут, вы не без удовольствия ощутили, что подпадаете под власть ее нежной красоты: целомудренная сдержанность образа и в то же время очаровательная, почти детская непосредственность — все это составляло яркий контраст с напыщенными девицами и богатыми старухами — основным кругом вашего любовного общения. С того вечера вы не отрывали глаз от Альи: поворот головы, движение рук, невесомость походки и гармония черт лица — тонкое наслаждение для эстета!

А теперь — слушайте! — Менц прыгнул от окна к бюро, дернул на себя один из ящиков и извлек мятую книжицу, сшитую грубой черной ниткой из листов в клетку. — То или не то? Сейчас, сейчас... Не подгоняйте меня, молодой человек! Я знаю, вы в нетерпении, в нетерпении... — напевал он, хотя я и не думал его торопить. Послунявив палец, господин Менц зашуршал листами и двинулся ко мне. По дороге он споткнулся и чуть не упал на груды исписанных бумаг, но не рассердился, а захихикал — с пакостным подвыванием: видимо, встретив в тексте развеселивший его эпизод. Он стоял и покатывался, и приседал, и тряс головой. Я смотрел на него и ждал. Насмеявшись вволю, Менц сел напротив меня и протянул мне книжицу.

— Извольте, полюбуйтесь. Я собрал и записал весьма любопытные выдержки из вашей биографии: в виде диалогов и размышлений на фоне зарисовок общего плана. Пусть эта книга послужит ценным написанием и путеводителем для читателей. Пояснения, данные по ходу действия, помогут лучше разобраться в ситуации и, таким образом, обнаружить допущенные вами ошибки, приведшие к неудовлетворительному для вас финалу. *Ad intellegendum quomodo agere licet agas ut non licet.* (Чтобы понять, как следует поступать, нужно поступить так, как не следует). А еще лучше — воспользоваться чужим опытом! Зачем самому-то шишки набивать? Итак, читайте и вспоминайте!

Искуститель протянул мне книжицу, озаглавленную просто:

Глава 10. «Зарисовки из жизни художника» (История Гарциоло, рассказанная Менцем)

На первой странице передо мной предстала небрежно намалеванная полянка с редкими цветочками. В центре ее на складном стуле восседал художник в лихо заломленном берете с пышным фанфаронским пером. В одной руке художник держал палитру — таким манером, каким официанты в ресторанах носят подносы, в другой — огромную малярную кисть. На мольберте виднелась голая дамская коленка. На сле-

дующей странице шел текст, предваряемый подзаголовком:

«О том, как одержимость искусством
помогает добиться любви женщины»

Гарциоло никак не мог постичь те неуловимые линии, что придавали образу Альи очарование. Мучимый загадкой ее красоты, он бесконечно писал ее, вскоре завесив портретами весь дом, но линии, блики и тени ускользали от него. Он вглядывался ей в лицо, сравнивал с изображением, и вдруг ему казалось, что вот, он нашел! — разгадка нежного притяжения в этом изгибе, или в барочной линии губ, или в прозрачности кожи, подчеркиваемой золотым отблеском рыжих волос! Но стоило ему начертать образ на бумаге или холсте, как линии осыпались иссохшей листвой. Непостижимость ее облика не давала ему покоя. Вероятно, уловить красоту Альи ему мешало то, что он не любил ее, и еще то, что в ее глазах, когда она смотрела на него, было нечто такое, отчего ему хотелось и плакать, и смеяться.

Впервые осмелившись переступить порог его каморки, Алья застыла, пораженная. Голова у нее закружилась.

Безумие!

Ей почудилось, что она проживает десятки жизней одновременно. Она стояла в тесной комнатухе, и в то же время — на берегу моря, и посреди уличной толчеи — вполоборота, выхватывая кого-то взглядом, изгибалась в дикарской пляске у ночного костра в шлейфе опадающих звезд, и листала страницы книги в призрачном сумраке зеленого абажура — кругом была она! Лишь одно было неизменно в портретах — факел волос, и оттого казалось, что каморку художника до самого потолка занесло мягким осенним листопадом.

Глупая пташка, она и не догадывалась, что восхищение художника не имеет ничего общего с любовью.

«Он любит меня», — с восторгом подумала Алья, и с того момента парочка стала неразлучной. Днями напролет они сживали в городских парках под сенью зеленых ветвистых шатров, где и были застигнуты взглядом старшей сестры Альи — Тутты, прямо на месте преступления: они целовались. Тутта по достоинству оценила избранника сестры: стать, молодую упругую силу и исполненный горячей страсти взгляд, обращенный к миру. Разглядев Гарциоло, Тутта потеряла покой. Отныне дни и ночи — в особенности ночи! — наполнились одной мыслью: Гарциоло! Зеркало стало ее злейшим врагом. До чего же она некрасива: дебела, стара, под носом и на подбородке — волосы, вытравленные

до соломенной желтизны: сколько ни выдирали их Тутта пинцетом, они все лезли и лезли, становясь только крепче и гуще. Главная же трагедия состояла не в том, что ее угораздило безответно влюбиться, а в том, что предмет ее страсти принадлежит младшей сестре! Бежали недели. Чем более возрастало в ней желание обладать Гарциоло, тем сильнее разъедала ненависть к сопернице. Тучи сгущались над головой Альи: воображение Тутты облекло ее в саван.

Сватовство

Благосостояние семьи Мереция, составленное неустанными трудами Дельясо, весило столько, чтобы посредством брака дочерей соединиться с лучшими фамилиями города. Перед Дельясо стояла непростая задача: выбрать для них подходящую партию и не прогадать.

Что касалось замужества Тутты, то здесь выгодный момент был непоправимо упущен: характер и внешность старшей дочери с каждым годом делались все безобразней. У Дельясо не осталось козырей для маневра: год-другой — и дело бесповоротно скатится к мезальянсу.

С младшей дочерью обстояло иначе: претендентов на ее руку было хоть отбавляй. По вхождении Альи в возраст, приличный для заключения брака, Дельясо с обстоятельностью дельца принялся исследовать размеры капиталов, наследственные права и целые леса генеалогических деревьев ее многочисленных воздыхателей. После долгих расчетов Дельясо остановил выбор на семье Бельбенде. Родитель жениха, Поппедо, был одним из его партнеров — надежных, крепких, дальновидных. С дотошностью последних скупердяев вычислив выгоды предстоящей сделки, отцы будущих молодоженов условились о дне помолвки, скрепив договоренность крепким, уже почти родственным рукопожатием.

Сын Поппедо, Риго, представлялся господину Мереция кандидатурой подходящей, прочно и уверенно укладывающейся в канон родительских представлений об удачном браке. Кроме того, Риго и Алью связывала давняя дружба — предвестник дремлющих чувств, — так считал Дельясо. Как истинный тиран, он и не подумал поставить дочь в известность о принятом решении: всему свое время. Это подарило Алье несколько недель безоблачного счастья.

Однажды вечером Дельясо, покручивая длинный седой ус, сообщил ошарашенной дочери, что не далее чем послезавтра состоится ее помолвка с Риго.

— Готовься. Иди, — сказал отец и властным перстом указал ей на дверь.

Алья прибегает к Гарциоло, чтобы сообщить о предстоящей помолвке с другом детства Риго

— Так это была игра? Игра в любовь?! — закричал Гарциоло. — Ловко же ты со мной обошлась! Жестокая! Зачем ты приходила сюда?

— Но, Гарциоло... — Алья протянула к нему руки. — Подожди... Выслушай меня!

— Я надеялся, что ты меня любишь! — всхлипывал Гарциоло. И слезы его были тем непритворней, чем четче вырисовывалась мысль о том, что нет у него никаких шансов обладать младшей дочерью богатого коммерсанта Дельясо Мереция — вместе с ее имуществом. Роскошное будущее, обеспеченное наследством Альи, полыхнуло прощальным огнем и обратилось в головешки. — Сколько ночей я не спал, мечтая, как мы поженимся, станем жить вместе и умрем в один день! И вновь соединимся на небесах! — пафосно восклицал он, то задирая к небу глаза, то закрывая лицо руками: сквозь пальцы он внимательно следил за Алей.

— У меня разрывается сердце, Гарциоло!

— Погляди, разве не тебя я рисовал каждый день? — Он широким жестом обвел стены, сплошь увешанные ее изображениями. — А ты не любишь меня! — горестно заливался Гарциоло.

— Знаешь что... — вдруг выдохнула Алья. — Я убегу из дома!

Просветлев, она кинулась к возлюбленному. Принимая ее в свои объятия, Гарциоло, обескураженный, молчал.

— Убегу, — шептала Алья между поцелуями, — и мы будем жить здесь, на скальном берегу, в твоей хибарке. Я буду вести хозяйство, ты будешь писать картины...

— А как же отец, сестра? — осторожно перебил Гарциоло, отстраняя Алью и внимательно глядя на нее.

— Отец обмана не простит. — Лицо Альи стало мученическим. — Ну и пусть! Я на все согласна ради того, чтобы быть с тобой!

«А вот я-то не на все. Либо пусть нищая, но свобода, либо брачные узы, но без денег ни-ни...» — думал между тем Гарциоло.

— Тебе неизвестно, что это такое — скучно жить изо дня в день, не имея ни малейшей надежды! Я не могу навлечь на тебя нищеты! Не возражай! — прикрикнул он. Его голос благородно срывался.

— Но... — растерялась Алья. — Любовь все преодолет... Разве не так?

Гарциоло вскочил и принялся расхаживать по тесной каморке: семь шагов вперед и обратно. Алья, тревожно сдвинув брови, следила за

ним. Наконец Гарциоло остановился.

— Нам нужно получить благословение твоего отца! — патетически воскликнул он, напирая на слово «нужно» и воздевая руку к потолку. «И наследство», — добавил он про себя, а вслух продолжил: — Мы не можем жить во грехе! — «И в нищете», — это уже про себя.

Гарциоло сел рядом с Алей и взял ее за руки.

— Мне кажется, надо поступить так, — мешая ласку со страстью, заговорил он. — Перво-наперво тебе надо отказаться от брака с Риго. Сказать, что ты, мол, не любишь его. Или любишь?!

— Нет! Только ты. — Руки Альи словно этого и ждали: жадными лианами обвили шею художника.

Гарциоло досадливо поморщился, переживая несвоевременную девическую нежность.

— Этот Риго, ты говоришь, благородный, тонкий человек?

— Да. Он благороден. Но к чему ты это спрашиваешь, Гарциоло?

— Скажи, что ваша детская дружба не переросла в чувства, достаточные для заключения брака. Что клятва перед алтарем не должна стать ложью перед небесами. Ведь любовь — чувство, посылаемое свыше!

— Я сейчас же пойду и все объясню отцу! Он строг, но справедлив! — вскочила Аля.

— Подожди.

— Что?

— Не отцу, крошка моя, — Гарциоло встал на колени и фанатично воззрился на нее снизу вверх, — а Риго! Ты должна поговорить с Риго. Сегодня. Сейчас же. — Дождавшись кивка Альи, он закрыл глаза и подумал: «Кажется, пора искать другую кандидатуру».

— Только одно хочу спросить у тебя, Гарциоло, — сказала Аля, останавливаясь на пороге. Рыжевато-золотистые волосы, бегущие вдоль тела, светились. Гарциоло на секунду почудилось, что Аля парит над землей. — Ты вправду любишь меня?

— Да! — пылко воскликнул художник, с обожанием глядя на нее. Аля улыбнулась, огонь волос вспыхнул и отразил свет заката.

«Тут пан или пропал. Красавица жена с тугим кошельком в придачу... нет, скорее все-таки наоборот — тугой кошелек и жена в придачу... Либо он не согласится, и тогда мы расстанемся. Чего ж проще? И я ни в чем не виноват. А без наследства дудки. — Гарциоло вздохнул. Махнул рукой.

— Пойду напьюсь. Чего здесь сидеть? Делу время, потехе час... — пробормотал он.

Неожиданная встреча

Резво сбегая по буйно-зеленым изломанным террасам, спускающимся к городским окраинам, Аля угодила ногой в узловатую развилку корней. Со всего маху влетела она в переплетение колючих ветвей и трав, до крови расцарапав лицо. В спину толкали надежда и отчаяние: скорей, скорей — выпалить Риго всю правду, а дальше: отцовский гнев, проклятье или благословение — будь что будет! Она пронеслась сквозь тихие, дремлющие в бархатной неге вечерние улицы и около дома Риго неожиданно столкнулась с отцом. Он только что вышел от Бельбенде и теперь обдумывал недавний разговор, покуривая ароматную трубку.

— Куда это ты мчишься? Я же велел тебе сидеть дома и готовиться к помолвке! — сказал Дельясо и положил тяжелую руку ей на плечо. Запыхавшаяся Аля ловила воздух ртом, а отец разглядывал ее, грозно сомкнув брови. — На кого ты похожа? На лице царапины, платье в земле...

— Я просто запнулась и упала, — пробормотала Аля.

Крепкой хваткой Дельясо облепил ее локоть и, не говоря более ни слова, повел домой.

Не выпуская из родительского плена, он проводил дочь до ее комнаты, усадил на кровать и направился к дверям.

На пороге он обернулся и погрозил Алье указательным пальцем, похожим на вареную сосиску.

— Отец, — взмолилась Аля, — я не люблю его!

— Стерпится — слюбится! — отрезал Дельясо и, закрывая за собой дверь, добавил: — Из дома ни на шаг! За тобой присмотрит сестра.

Двойной обман

— Тутта! — шепотом позвала Аля, выглядывая из своей комнаты. — Иди сюда!

— Чего тебе? — откликнулась Тутта, в тот же миг появляясь из-за угла коридора — будто только и ждала, что Аля ее окликнет.

— Передай это Риго! — торопливым движением Аля сунула сестре конверт.

— Жениху? — насмешливо спросила Тутта, принимая послание. — Признание в любви? Чтобы не передумал?

— Нет, — Аля насупилась. — Как раз наоборот. Я потом тебе расскажу.

— Так и быть. Схожу. — Тутта оглянулась. — Лишь бы отец не уз-

нал о твоих фокусах.

Уединившись в своей комнате, Тутта немедленно вскрыла и прочла письмо. Некоторое время она размышляла. Злобно срывив рот, протянула руку к ящику письменного стола и достала чистый лист бумаги. Лист лег перед ней — пустой и невинный. Тутта замахнулась пером и четко, словно опытный хирург, делающий надрез, вонзила в него несколько слов, поминутно взглядывая на Альино послание. Письмо, писанное сестрой, она сложила в несколько раз и убрала под замок шкапулки с драгоценностями, молвив: «Мало ли — пригодится!»

Закончив бесцестные приготовления, Тутта переоделась в скромное платье и пошла к Риго. Она застала его в гостиной: он созерцал в окно мечущийся на ветру сад. Увидев ее, он вскочил. Волнение отразилось во всем его облике.

Тутта состроила умильную гримасу и со словами: «Это от невесты!» вручила ему собственноручно писанное послание. Схватив его, он коротким кивком поблагодарил и, запотевая от сердечного жара кругляшками очков, принялся заглатывать строчки. На полных щеках выступила испарина. Впитав ласку Альино послания, он поглядел сквозь Тутту — весь в своих мыслях; письмо бродило в нем, распуская нежные белые цветы. И сам он расцвел, словно весенний куст.

Восторженно взмахнул рукой с зажатыми в ладони очками.

— Сейчас, — шепнул он. Словно во сне, наткнувшись по дороге на стул, Риго двинулся к письменному столу. Ежесекундно проваливаясь в сладкие грезы, он написал ответ. Запечатав его в конверт, с учтивой улыбкой вручил Тутте:

— Благодарю вас за эту услугу, милая кузина. Вы ведь позволите вас теперь так называть?

Через час с небольшим Алья читала ответ Риго. Кривой разрыв перечеркивал слова письма, в волнении выдернутого из конверта.

...Он возьмет удар на себя и сообщит в день помолвки — которая не состоится, раз Алья сама этого не желает, — что любит другую, — в соответствии с просьбой Алья. В этом случае настаивать на заключении брака было бы оскорбительно для чести невесты...

В таком духе писал старый приятель Риго Бельбенде, и пролитые Алей слезы облегчения и благодарности размывали строки. Письмо завершала подпись: «Риго, твой искренний друг», выведенная с угловатой небрежностью — видимо, второпях.

Сговор

Тутта застала Гарциоло в дешевом кабаке в обществе пьяной девки, развалившейся у него на коленях. Из-под задранной юбки выпирала крепкая загорелая нога в спущенном чулке. Рука Гарциоло блуждала по этой ноге.

— Я гляжу, ты не слишком-то верен своей возлюбленной, — усмехнулась Тутта. — Пшла отсюда! — выплюнула она, взирая на девку сверху вниз. Властность, прозвучавшая в ее голосе, не позволяла и мысли допустить, чтобы послушаться.

Гарциоло ущипнул девку за щеку, приказал: — Убирайся! — и смахнул ее с коленей, словно сор.

— Какую возлюбленную вы имеете в виду? — поинтересовался он, с дерзким интересом разглядывая пышную фигуру Тутты. — Речь идет о свободе, или о кисти художника, или о чарке доброго вина... А?

— Я говорю об Алье, — отрезала Тутта и, не поворачивая головы, крикнула: — Эй, принесите вина! Да самого лучшего!

— Алья не для меня... — сразу поскущел Гарциоло. — Она слишком богата, чтобы увлечься мной, безвестным художником. Я для нее — всего лишь романтическое приключение, несерьезный эпизод, бесперспективный малый. Она, как пташка, перепорхнет через меня к светлому будущему.

— Ты прав. Но даже если бы она считала иначе, отец не поддержит ее выбора.

— А вам-то что за дело до всего этого? — раздраженно воскликнул Гарциоло. — Идите своей дорогой! — Он резко поднялся из-за стола. Покачнулся и, не удержавшись на ногах, упал на скамью. Развел руками. Наполнил бокал и выпил залпом.

Тутта, продолжая возвышаться над Гарциоло, отчеканила:

— Не надейся, что Риго откажется от Альи. Он любит ее всю жизнь. Главное же, что ты должен усвоить — это то, что Альин отец рассчитывает на капиталы семьи Бельбенде. Он не какой-нибудь проstack, чтобы упустить выгоду там, где она просится в карман! — Тутта стрельнула глазами по сторонам и уселась напротив Гарциоло. Понизив голос, она продолжила: — Я к тому это говорю, красавчик, что у тебя нет никаких шансов поживиться в том случае, если...

— Если?.. — поднял брови Гарциоло, выжидательно глядя на Тутту.

— Если только ты не поможешь мне в одном небольшом деле, которое должно остаться между нами.

Переступив порог каморки Гарциоло, Тутта отшатнулась — словно в лицо ее хлестнул ветер. Навстречу ей бежала Алья — растрепанная

лесная нимфа, примающая босыми ногами высокую траву, с охапкой змеистых загадочных цветов — она протягивала их Тутте. «Прочь!» — хрипло крикнула Тутта. Звук голоса разрушил наваждение — и стало ясно, что в тусклом свете умирающего солнца бегущая Аля ей почудилась: тесны были стены каморки, не было в ней ни трав, ни цветов, ни мелкого болотца, заросшего изумрудной ряской. Пространство мастерской заполняли картины, и в каждой из них жила Аля!

— Как я уже говорила, мне нужен ее портрет... — сказала Тутта, поворачиваясь к художнику.

— Берите любой! — Гарциоло провел рукой вдоль стен.

— Нет, — зло усмехнулась Тутта. — Эти картины слишком целомудренны. Мне нужен ее портрет в стиле ню.

Новая кандидатура нашлась сама

Они сидели в его мастерской, запершись, и Гарциоло хмельной рукой изображал пленительно обнаженное женское тело.

— Представь, что она полулежит, развалившись, на кровати. Одна нога согнута в колене и отставлена, — говорила Тутта, жарко дыша.

— Так? — начертав несколько линий, Гарциоло повернулся к Тутте и медленно поводил глазами по ее груди и плечам.

— Чуть шире, да-да. Сделай несколько подобных набросков.

Тутта мечтала о любви, но не о юной, чистой — она давно уже перзрела в ней, а о телесной, горячей, порочной. Сладострастная сцена, изображаемая Гарциоло, физическая близость молодого художника, его долгие, обволакивающие взгляды, которые становились тем красноречивее, чем ярче и живее вырисовывались детали картинки — все это всколыхнуло в ней желание.

Тутта осторожно придвинулась к молодому человеку.

— Ты не устал? Может, передохнем? Есть у тебя вино? — спросила она, стараясь говорить ровно, чтобы сбивающееся дыхание не выдавало ее.

Без единого слова Гарциоло бросил кисть и сделал то, о чем давно мечтала Тутта: заключил ее в объятия.

— Вот тебе аванс, — сверкающим ручейком Тутта ссыпала монеты прямо на гладкую безволосую грудь Гарциоло. Монеты брызгали с веселым звоном, стекая по бокам, в ямку шеи и во впадину живота, застывая золотыми озерами. В эту счастливую минуту Гарциоло понял: перед ним открылись широкие врата, ведущие к богатству и славе. Он во что бы то ни стало должен успеть проскочить в них, пока они распахнуты.

Едва дождавшись, когда она уйдет, он затворил за ней дверь и кинулся к монетам. Пересчитав их, Гарциоло — бестрепетный, прожженный малый, — не смог сдержать изумления. Столько денег за несколько неприличных рисунков! За то, чтобы отказаться от той, что и так никогда не будет ему принадлежать. Более чем щедрая плата!

Катастрофа

— Теперь весь город узнает, что вы собираетесь пожениться, — сказал Дельясо дочери вечером, накануне помолвки, когда они сидели в саду. Табачные облака, укутывавшие его, постепенно рассеивались, лысый череп отца тускло блестел в свете полной луны. Обычно суровый, на этот раз он улыбался.

Дельясо хорошо знал, что делает! В молодости, пустившись в одиночное плавание по безбрежному океану коммерческих расчетов — в утлой лодчонке, обратившейся со временем в стройный многопалубный корабль, — он и не подозревал, что пройдет два-три десятка лет, и силы его, подточенные годами, иссякнут. Дельясо требовалась поддержка. Благодаря брачному союзу Альи и Риго его возможности многократно возрастут: взамен конкурента он обретет безоговорочного союзника. Благосостояние семьи взметнется к неведомым доселе высям, о которых можно только мечтать. Вот какие соображения вызвали улыбку Дельясо.

Дом готовился к помолвке. Натертые до блеска полы и кровать Альи были усыпаны цветами — беззвучными провожатыми к дверям супружеской спальни. Обычай требовал, чтобы она провела ночь, лежа среди них — будто в могиле, вырытой для похорон ее девственности.

До самого рассвета она металась, запертая в клетку комнаты; горел ночник, и плясала тень на стене.

К утру благоухание цветов сделалось невыносимым. Ароматы роз и лилий, гладиолусов и ирисов плыли по воздуху, сплетаясь, точно цветные ленты в косах нарядных девушек. Особенно выделялся сладкий аромат горгонзий — любимых цветов Тутты, заказанных за огромные деньги. Их запах усиливал опьянение, обостряя при этом чувствительность до такой степени, что самые обыденные вещи вызывали слезы, гнев, похоть или благоговение — в зависимости от склада человека, вкусившего аромат.

Тутта хлопотала. Специально приглашенные повара колдовали на кухне. Сверкал хрусталь. Богато накрытый стол, выставленный в саду, ждал гостей.

В день помолвки Аля сделалась необычайно сдержанной и даже

угрюмой, так что на нее больно было смотреть — домашние приписали это естественному для молодой девушки страху перед вступлением во взрослую жизнь. Тутта же, напротив, обычно мрачная, замкнутая, раздражительная и колючая, стала вдруг сама любезность и предупредительность. Дельясо потирал руки с таким довольным выражением лица, что у Альи обрывалась сердце при мысли о том, что она — причина его грядущих разочарований.

Она сидела в саду в одиночестве. Ах, как хотелось ей очутиться в хижине на Черных скалах, обняться с Гарциоло и молчать, погрузившись в счастье, словно в теплое молоко. Но нет! Ей придется вынести бремя неизбежности, дожидаться развязки, о которой они условились с Риго. Он ее лучший и единственный друг, который никогда не подведет. Не подведет и на этот раз! Она могла быть совершенно спокойна.

В доме два раза пробили часы, через минуту на воротах зазвенел первый колокольчик.

Выстроившись перед воротами — Дельясо — в белом костюме и бабочке, Тутта — в сиреновом костюме, с башней из черных волос, и Алья — в нежно-розовом кукольном платье, украшенном воланами и оборками (Тутта лично выбирала его: по ее мнению, цвет и фасон самым удачным образом подчеркивали юность и чистоту невесты) — встречали гостей. Отец поглядывал на младшую дочь снисходительно и, не умея приласкать иначе, добродушно похлопывал по спине. Тутта смеялась, запрокидывая голову — прическа ехала и колыхалась. Гости рассыпались по саду. Ждали жениха. Последними, согласно обычаю, в дом вступали Бельбенде: Поппедо, Нит — мать Риго — и его дедушка, ведущий под руку старую слепую супругу. Теперь, когда кончилось невыносимое ожидание, при виде Риго Алья приободрилась и даже порозовела. Риго же и вовсе сиял. Опустив глаза, она поздоровалась с родителями жениха и его родней. Когда дошла очередь до Риго, Алья задержала свою руку в его чуть дольше положенного и сделала вопрошающий знак глазами. Он кивнул и сжал ей руку в ответ. У Альи немного отлегло от сердца. По традиции в день помолвки молодые люди не остаются наедине и не разговаривают. «Тс-с! Ни звука!» — прижимают к губам указательные пальцы родственники и гости и ходят на цыпочках вокруг жениха и невесты: чтобы не спугнуть чувства, ниспосланные богами. Алья и Риго не перекинулись ни единым словом.

Уселись за стол. Первым, на правах хозяина, встал отец Альи и произнес пышную речь, восхваляющую семью Бельбенде. Поднялся со своего места Поппедо и, соревнуясь в славословии, принялся превозносить достославный род Мереция. Каждый новый панегирик, по обычаю,

сопровождался тостом, так что к окончанию взаимных восхвалений гости были изрядно навеселе. Опьяневшие мужчины, все более ощущавшие на себе воздействие горгонзии, ерзали и взглядывали на Алью, а та, углубившись в себя, не замечала устремленных на нее глаз. Нескромные взгляды мужчин объяснялись просто: после взаимных восхвалений жениха и невесты Алья должна была исполнить Танец Супружеской Верности — старинный обычай, заключающийся в следующем: невеста бежит среди приглашенных гостей; мужчины делают вид, что ловят ее, а она уворачивается. Изначально при обсуждении сценария помолвки Дельясо был против устройства Танца: «Нелепый пережиток прошлого!» — ворчал он, но Тутта настояла: «Все должно быть честь по чести! И потом, это весело, папа, как ты не понимаешь?»

Риго встал. Алья подобралась и во все глаза уставилась на него. Риго открыл рот, как вдруг...

В сад вбежал человек, ряженный скоморохом. «Со смертными да возрадутся боги!» — выкрикнул он приветственную формулу, без которой не обходится вручение праздничных даров, и поклонился: на шутовском колпаке мелко зазвенели бубенцы. Приставив р-руки р-рупом ко р-рту, он прокричал:

— Др-рузьям от др-рузей — по-да-рок! Больша-а... — он зевнул, уробно втягивая в себя «а-а-а», — ...а-ая радость для гостей, р-родителей жениха и самого жениха! А больше всех, — он со звоном перекувырнулся в воздухе, — для невесты! Пр-рошу!

Риго сел. Некоторые гости, напротив, привстали со своих мест, глядя в направлении садовой дорожки, по которой уже спешили двое посыльных с огромной коробкой, украшенной пышным бантом.

— Торт? — предположила Тутта.

— Нет, это символический дар! — с глубокомысленным видом произнес тощий мужчина в очках — секретарь Дельясо. — Певчая птичка в клетке.

— Большой фарфоровый сервиз! — невнятно высказался дедушка Риго, лоя ртом выпадающую вставную челюсть.

— Кто бы это мог послать? — сказал Дельясо и, взметнув бровь, через стол послал вопросительный взгляд Поппедо. Тот пожал плечами и встал, собираясь принять коробку.

Подарок оказался не тортом, не сервизом и не птичкой.

Улыбающийся Поппедо извлек из коробки бережно укутанную картину. Прибежали официанты, подставили стул, водрузив на него дар. Сухо шелестел пергамент на теплом ветру.

— Сдергивайте же скорей упаковку! — закричали гости.

У Альи непонятно отчего запрыгало сердце, и она схватилась за плечо сидящей рядом сестры. Тутта дернулась, как от удара, и отодвинулась.

В это время — с одной стороны Дельясо, с другой Поппедо — на дружный счет гостей: «Раз-два-три!» — сдернули пергамент, явив на всеобщее обозрение холст, оправленный в массивную золоченую раму. На картине была изображена обнаженная Алья, в бесстыдной позе развалившаяся на бордовых бархатных подушках, на ее лице играла приглашающая улыбка.

Пораженные гости во все глаза разглядывали картины. Слышно было пение птиц и шуршание пергаментных лоскутов.

— Какая милашка! — вдруг причмокнул возбужденно вздрагивающий басок. — Позвольте, я поближе...

— А невеста-то — шлюха! — протянул очкастый секретарь и облизнул губы, нацеливая окуляры на похабные изображения. — Пикантно! — добавил он и гнусно подмигнул помертвевшей Алье.

После этих слов воцарилась чудовищная тишина, которую разорвал жуткий, сотрясший окрестности, вопль Дельясо:

— Во-о-он!

Погоня

Силой налились изношенные, морщинистые члены дедушки Риго. Он и еще несколько мужчин выскочили из-за стола. Хмельные сатиры, не ведающие стыда, понеслись они вдогонку за Алей с разнуданным смехом, улюлюканьем и пьяными выкриками:

— Куда ты, крошка!

— Эй, подожди!

— Попозируй и мне разок! Жалко тебе, что ли?

Ноги сами несли ее к Черным скалам. Бешено скакали тихие зеленые веранды. Хвост розового платья, оторванный вожделеющей рукой одного из догонявших, волочился за ней и цеплялся за кусты, затрудняя бег. Обессилев от погони, Алья упала, и в тот же миг горячая ладонь зажала ей рот. Кто-то огромный, испускающий влажный жар, подмял ее под себя, так что она не могла пошевелиться. Над ней нависло багровое, в фиолетовых набухших прожилках, лицо с безумно вытаращенными глазами. Рот, искореженный похотью, судорожно хватал воздух, ноздри раздувались. Она замотала головой, но ладонь вжала ее голову в мох.

Последним, что Алья услышала, был свист и приближающиеся возбужденные голоса. Затем последовал сильный удар по голове, и она

потеряла сознание.

Будущее грозит пальцем Гарциоло

«Фьюить, фьюить!» — насвистывал Гарциоло, в прекрасном настроении возвращаясь в мастерскую. День не прошел даром: он кое-что узнал, встречаясь со старой приятельницей, китайкой Чэнь. Именно она придала жизни Гарциоло направление, когда, наслаждаясь его свежестью, дала совет зарабатывать любовью.

«До тех пор, пока не прославишься», — повторяла Чэнь, и две узкие черные щели ее глаз исходили маслом.

Богатая и одинокая, она заполняла пустоту своей жизни собиранием сплетен и — в виде особого десерта — смакованием чужих грешков. Не было для нее большего удовольствия, — если не считать плотских утех, — чем извлечь из крепко запертого шкафа спрятанный там скелет и как следует промыть ему косточки.

Разговор шел о семье Мереция, когда любовники, не вставая с кровати, прерывались на китайские деликатесы и чай. Китайка, с наслаждением обсасывая маринованный куриный коготь, поведала Гарциоло историю, от которой, по ее словам, у нее «до сих пор стынет в жилах кровь».

— Мать Альи, изящная Надия... Дочка, говорят, тоже хороша! ...изменила своему мужу, Дельясо, с приезжим бродягой... Вот блудливая кошка! — тягуче мурлыкала Чэнь, нежась в ласке чутких пальцев художника. — ...и буквально на следующий же день растерзанное тело Надии было найдено в старом колодце. Обычно мужья обо всем узнают последними, но на этот раз Дельясо был вторым. Ревнивец! Кто же осмелился сообщить ему? Поговаривают, что это сделала Тутта, ненавидевшая молодую мачеху. — Китайка удовлетворенно прикрыла пухлые веки. — Кажется, Надия была на год младше падчерицы... Он рвал и метал! Полночи неслись из дома Мереция отчаянные женские вопли и рычание разъяренного зверя! — не открывая глаз, продолжала Чэнь. — Никто из соседей не осмелился вмешаться или хотя бы вызвать полицию: так боялись неукротимого, бешеного темперамента Дельясо. Лишь Тутта знала к нему подход. — Китайка приоткрыла один глаз и, словно из лука, пустила в Гарциоло черную стрелу.

— Тень отцовской ненависти пала на младшую дочь. Едва дождавшись шестнадцатилетия Альи, отец не без выгоды сплавил ее семейке Бельбенде. Иначе говоря, он продал ее за... — Чэнь наклонилась к Гарциоло и что-то прошептала ему на ухо. Гарциоло глубоко вздохнул и ничего на это не сказал. — Хищная порода! — осуждающе покачала го-

ловой Чэнь.

— А Тутта? — спросил Гарциоло, отворачиваясь как бы затем, чтобы взять с низкого столика чай, а на самом деле — чтобы скрыть волнение от пронизательной китаянки.

— Ха! Настоящая фурия! Ты ведь не знаком с ней?

Гарциоло поперхнулся чаем и закашлялся, мотая головой.

— Твое счастье! — Чэнь похлопала его по спине. — Желающих пошататься к ней так и не нашлось. Даже после того, как Дельясо напился пьяным и, выйдя на главную улицу, громогласно пообещал отдать Тутту — вместе с солидным приданым — каждому, кого она сама пожелает, пусть это будет хоть сам черт! — китаянка издала тихий кудахтающий звук и мелко затряслась: глазки потонули в наплывших щеках. — Смекаешь?..

«Уж я постараюсь, чтобы пожелала! Фьюить, фьюить!»

Подходя к кустам кottonника, окружающим хижину с трех сторон, за исключением стороны, выходящей на скалу, Гарциоло не ожидал никаких препятствий, поэтому не глядел под ноги. Он раздвинул тонкие, как паутина, ветви с крепко сидящими на них снежными ягодами и, на свистывая, занес уже ногу, чтобы сделать следующий шаг, как вдруг земная твердь под ним вздыбилась и раскатисто зарычала. Гарциоло в ужасе отскочил и бросился назад: ему показалось, что он потревожил огромного зверя, но буквально в тот же момент рык сменился мычанием, в котором проступила мелодия популярной песни «Милашка, приходи ко мне в жаркой ночи!».

Он застыл, а затем медленно двинулся в сторону угасавшей мелодии: исполнитель, кто бы он ни был, вновь погружался в сон. Теперь Гарциоло внимательно смотрел под ноги и вокруг себя, обнаруживая следы, которых не заметил раньше. Прежде всего он увидел ключья розового шелка, зацепившиеся за нижний ярус веток кottonника. Следующей находкой был мужской ботинок, подошвой кверху лежащий в траве. Приблизившись к месту, откуда только что раздавалось пение, Гарциоло присел на корточки и осторожно отогнул несколько веток.

На полянке, уткнувшись лицом в землю, спал дородный мужчина, одетый в дорогой костюм и бабочку, сбившуюся вбок. Ноги его были широко разбросаны, как это бывает с очень пьяными людьми, потерявшими вдруг равновесие и в один момент рухнувшими там, где стояли. Одна нога зияла пяткой сквозь рваный черный носок, другая была в лаковом ботинке. Гарциоло поднялся с корточек и шагнул на полянку. На мягкой земле явственно выделялась широкая борозда: через полянку волоком что-то тащили. Выломав проход в противоположных зарос-

лях, след вел в глубь котонника: кругом валялись измятые ветки.

— Кто тащил в нору добычу? — пробормотал Гарциоло, осторожно преодолевая заросли. Картина, представшая перед ним, заставила его похолодеть.

На прогалине, в островках разноцветного мха, покоились два тела: одно из них было женское — именно к нему вел след, другое — мужское. Тело мужчины лежало на боку, глубоко погрузившись во влажный мох, в продавленной земле образовались лужицы, в которых дрожали маленькие солнца. Голова его была неестественно вывернута назад, глаза остекленели. Белоснежная борода стояла торчком, сверкая и шевелясь в легком дуновении ветерка, несколько муравьишек барахтались в ней.

Женское тело принадлежало Алье. Лицо и руки ее были покрыты сетью мелких царапин, на скуле разлился огромный синяк. Более никаких свидетельств совершенного насилия не было. Гарциоло взял ее руки и понес в хижину. До вечера он сидел подле нее, меняя компрессы, охлаждающие раскаленную голову, и ждал. Несколько раз он вскакивал, устанавливал мольберт и порывался написать облик несчастной, но линии не рождались, и кисть выпадала у него из рук.

Когда землю тяжелой материнской грудью придавила ночь, Гарциоло зажег тусклый свет. Алья открыла глаза. Он наклонился над ней и увидел, что лицо ее мокро от слез.

— Это не ты, Гарциоло? — шепотом спросила она.

— Это я, твой Гарциоло, — сказал он успокаивающе, целуя ее в лоб. — Что случилось с тобой?

— Нет-нет! — легко воскликнула Алья. — Я знаю, это не ты! — Она приподнялась, глаза блестели. — Ты ведь любишь меня, правда?

— Разумеется, люблю! Ложись.

— Завистники... конкуренты отца... — Алья упала на подушку. — Мы придем к нему и скажем, что любим друг друга. Он благословит нас! — голос звучал все слабее. Гарциоло показалось, что она уснула. Он поправил подушку — всю в золоте Альиных волос — и только встал, утомленный долгим сиденьем у ее ложа, чтобы размяться, как в этот момент призрачный сон Альи вдребезги разлетелся: она поднялась, схватила Гарциоло за воротник рубашки и так резко притянула к себе, что он едва устоял на ногах:

— Негодяи втоптали в грязь доброе имя моей матери! — воспаленным голосом крикнула Алья. Несколько секунда она глядела на него, не узнавая, затем силы оставили ее. Она выпустила из рук ткань рубашки и упала обратно на ложе, вновь погружаясь в необъятные воды беспя-

мятства. — Свести в могилу... опорочить... — повторяла в бреду бедная, обманутая сестрой и возлюбленным Алья.

Демон

Когда стукнула входная дверь, Алья была без сознания. Бред прервался, по ее лицу и телу разлился покой. Станным образом он перedalся предметам и воздуху в комнате: все застыло кругом в беззвучии и неподвижности.

— Привет! — сказал хриплый голос — развратный и настороженный.

Тутта подошла к ложу, скользнула глазами по телу сестры.

— Пойдем! — Она взяла Гарциоло за руку, выдернув из оцепенения, и они вышли из домика: вкусить сладких тайн ночи.

— Все складывается как нельзя лучше, — сказала Тутта чуть позже. — Обезумевшие от вина и яда горгонзии — ха-ха! Убойное сочетание! — гости погнались за Алей. Дальше возможны два варианта развития событий. Допустим, на полянке они настигли ее и накинлись всем скопом! — Тутта поддала интонацией драматизма. — Алье чудом удалось вырваться! Назад, в город, мимо насильников не пробраться! — она наращивала напряжение, возвышая голос. — Путь закрыт! Единственный способ избежать надругательства — броситься со скалы в море! — Тутта издевательски воздела руки к полной луне. В глазах Гарциоло сквозило удивление, но он не осуждал. Нет, не осуждал. — Или — вариант второй — она сразу побежала к скале... Следов насилия нет? А впрочем, — Тутта помедлила, — море все смоем.

— Чем она тебе мешает? — нерешительно молвил Гарциоло. Он не видел никакого смысла в убийстве Алья.

— Ты хочешь, чтобы она ворошила грязь? Чей рисунок показали на помолвке? Гляди, она тебя не простит! — Тутта покачала у него перед носом указательным пальцем.

— Но зачем убивать ее? — допытывался Гарциоло. — Давай уедем!

— Она не даст нам быть вместе, а это ведь именно то, чего ты хочешь? — Тутта горячо зашептала: — Пусть лучше ее страдающий призрак является к нам по ночам, чем она ходит среди живых. Чего не хватало: еще начнет тяжбу за наследство! И тогда все вскроется: подделка писем, твой обман, яд горгонзии на свадебном столе. Так что у нас один выход — скалы. Высокие Черные скалы.

Время подбиралось к полуночи, когда замыслившие убийство, крадучись, вышли из хижины. Гарциоло нес Алью, перекинув через плечо, словно купленный на базаре ковер. Из предосторожности — совершен-

но излишней, ибо в этот час никому и в голову не пришло бы здесь бродить: место пользовалось дурной славой — они обернули жертву в холст. Алья была в беспамятстве и не издавала ни звука. Запыхавшийся Гарциоло с трудом продирался сквозь кусты вслед за ловко вихляющейся впереди Туттой. Не замечая препятствий, она мчалась к мрачной антрацитовый площадке, каждым шагом к Преддверию Преисподней приближая момент, лелеемый ею с первого взгляда на Гарциоло — обладать им безраздельно. Белые ягоды катонника отвратительно скрипели у них под ногами.

Страшное дело

На самой вершине скалы, на ветру, стояли двое — посреди ночного неба, раскинувшего сверкающие звездные крыла. Космос валился на них, летел, вращался, дышал — бесконечный, бездонный, непостижимый. Где-то далеко внизу, у холодного каменного подножия, ревели волны. Позабыв обо всем, Гарциоло любовался звездами. Тутта стояла рядом, ловя охотничьим взором каждое движение любовника. Сверток с Алей лежал недалеко от края площадки.

— Убей ее! — крикнула Тутта, хватая его за рубашку. Гарциоло не отвечал. Его вниманием завладело странное явление: на небе возникло глухое черное пятно, закрывающее собой звезды. Оно росло, приближалось, и только в последний миг, когда в щеку ударило жесткое кожистое крыло, Гарциоло понял: это была летучая мышь! Все смешалось и замелькало у него в голове: гадкие картинки, труп старика с острокопечной бородой, полной муравьишек, нападение летучей мыши и предстоящее ему страшное дело. Он схватился руками за лицо, пытаясь перебить ощущение от ее легкого омерзительного прикосновения.

— Я не хочу! — прошептал он и, оторвав от себя руку Тутты, сделал шаг назад от края скалы, ближе к кустам, не отрываясь от созерцания звездных россыпей. Ему казалось, что небесный бархат сейчас раздвинется, и в образовавшуюся щель высунется огромная рука, чтобы дать ему божественного шлепка.

— Скидывай! Слышишь? — зашипела Тутта. — Пни ее, слабак!

— Нет! — взвизгнул Гарциоло.

В этот момент Алья пришла в себя и глухо застонала.словно гусеница, заключенная в кокон, она принялась судорожно извиваться, не ведая того, что лежит на самом краю пропасти, и каждое движение приближает ее к падению. Щека у нее вздулась и посинела, лопнувшая на скуле кожа кровоточила. Лицо, освещаемое луной, было обращено к убийцам.

Гарциоло в ужасе затряс головой, взглядывая то вверх, то на бывшую возлюбленную. Еще немного, и он не выдержит, убежит, скроется!

— Небось, когда рисовал обнаженку, решимости в тебе было побольше! И когда любил меня, совесть тебя не мучила! А сейчас струси?! — презрительно крикнула Тутта.

При этих словах сердце Альи сжала холодная рука. Ясность — страшнее, чем сама смерть — пронзила ее всю, насквозь. Она мучительно вгляделась в лица возлюбленного и сестры, в последней надежде найти в них утраченное, но не нашла. Луна спряталась в набежавшем облаке, стало совсем темно: Алья отвернулась от предателей, ее глаза провалились в тень.

Подскочив к Гарциоло, Тутта принялась трясти и увещевать его:

— Если мы не убьем ее, она все нам испортит! Надо представить дело так, будто она сама бросилась со скалы. И все! Ее нет, отец при смерти, я — единственная наследница!

У Гарциоло мутилось в голове, но мысль, сидевшая гвоздем, даже в эту страшную минуту не оставила его:

— А мне-то что? — сипло выдал он.

— Мы поженимся, и тебе не нужно будет сводить концы с концами, разменивая искусство на повседневное ремесло! Ты будешь богат! Вместе со мной! Понял?

Гарциоло неуверенно кивнул. Он все еще дрожал, хотя обещания Тутты немного приободрили его.

— Держи ее за руки! Выше, за локти, чтобы она не могла пошевелиться. Ишь, брыкается... Сядь ей на ноги! Черт, никак веревку не распутать! Жрите, рыбы! — приговаривала она, возясь с узлами.

Закончив развязывать узлы, она встала и, размахнувшись, острым носком туфли ударила сестру в висок, рядом с тем местом, где уже разлился кровоподтек. Алья затихла.

— Кажется, я проломила ей череп! — удовлетворенно сказала Тутта. Гарциоло вскочил, оставив потерявшую сознание Алью, и бросился в кусты: его неудержимо рвало.

— Идиот! — Тутта вытащила из-под ног Альи холст, сбившийся в ком. — Не будем же мы скидывать еду в холсте... Кормись, рыбка, большая и маленькая... — Она поднялась с корточек. Момент торжества настал. — Счастливого полета, дорогая! — пропела Тутта и пинком столкнула сестру в бездну».

— Ветер успокоился. Над миром воцарилась тишина. В торжественном ночном безмолвии плыл загадочный Млечный Путь... — отчетливо прозвучали в тишине последние слова Менца, и я открыл глаза.

Глава 11. Портрет (История Гарциоло)

Господин Менц сидел напротив меня в кресле, держа в руках книжку. Я вынырнул из ужасного сна, задыхаясь, облепленный чудовищными воспоминаниями, которые отныне принадлежали мне! Точно раскаленное клеймо, прошлое впечаталось в душу.

— Теперь вы вспомнили? — мягко спросил Менц.

— Да... — с болью сказал я. — Теперь вспомнил. Но лучше бы я ничего этого не знал, господин Менц. Какой же я негодяй!

— Грустно это слышать, господин Мендель! — сочувственно произнес искуститель, закидывая ногу на ногу. — Вы повторяете слова этого презренного глупца, Лудио-Лудио — виновника сегодняшнего шоу. Неужто вы хотите кончить, как он?

— Меня тоже ждет плаха! — крикнул я. — И поделом!

— Ну почему? — бесстрастно сказал Менц. — Всякие люди на свете живут. И ничего! Человеку свойственно бороться за счастье. Куда ж без этого? Только зазеваясь, как другие — оп-ля! — тут же понабегут да похватают то, что должно принадлежать вам по праву. Вам, господин Мендель! — рявкнул он. — И никому иному! И потом... За что, скажите на милость, вас осуждать? Ну, возьмите хоть сестру вашей покойной возлюбленной — Тутту. Что, вы думаете, ею двигало? Забота об Алье, об отце, в конце концов? Тысячу раз нет! Корысть, — шипел и загибал пальцы Менц, — зависть и похоть. Это Тутта совратила вас! Она заставила вас стать соучастником убийства! — Резким движением Менц отдернул тяжелую портьеру, скрывавшую, как я думал, проход в другую комнату.

— Полубуйтесь! Узнаете? — крикнул он и отскочил в сторону.

За портьерой скрывался кошмар: расплющенный на глухой стене, он плыл, паялился, дрожал, сливаясь из жутких лоскутов — ужасающий монстр, вылезший из преисподней.

— Ч-что это, господин Менц? — пролепетал я, — язык отказывался мне повиноваться.

— Вы еще спрашиваете? — воскликнул господин Менц. Стоя возле окна, он пожирал меня глазами — видимо, наслаждаясь произведенным эффектом. — Я восхищаюсь вами, господин Мендель! Забыть свою возлюбленную — это еще полбеда, этим в наше время никого не удивишь! Но забыть у-би-ту-ю собствен-но-руч-но возлюбленную — феноменальный цинизм! — Менц громко захохотал — разверзшейся пастью

в небеса. Успокоившись, он наклонился вперед и добавил — размеренно и зловеще: — Этот нарисованный вами портрет перед смертью резала ножом обезумевшая от ревности Тутта Арбиона Мереция!

Распоротый в неистовстве портрет весь был составлен из кусков, кое-как прилаженных друг к другу. Реставратор — вольно или невольно — сыграл с картиной злую шутку, наляпав обрезки как попало, без тщания и старания, не сообразуясь даже с анатомией человеческого тела. Лоскуты холста увязали в мутных пучинах полупрозрачного клея.

Безнадежно силился я отыскать в ужасающем хаосе кусков плоти образ той, которая любила меня, той, которую я предал и в довершение убил.

Черты лица, обезображенные глубокими шрамами, оставшимися от ножа Тутты, были наклеены вкривь и вкось. Они заползали друг на друга, переплетались щупальцами бахромы, оставляя на незанятом пространстве щели и дыры, напоминающие язвы. Один глаз, полуприкрытый куском кожи, лепился на лбу, и в первую секунду казалось, что с портрета мигает косящий циклоп. Второй глаз, обмазанный клеем, будто густой слизью, «стек» на щеку белесым комком, выдавленным из глазницы. Нос был распорот вдоль и склеен неправильно: одна половина его располагалась на своем законном месте, вторая же ляпнута завитком ноздри на месте «уплывшего» глаза.

Верхняя часть рта, видимо, была утрачена. Вскоре, правда, я обнаружил ее на шее — немного помятую, будто скругленную для поцелуя, расцветающую бесстыдным засосом. Полная нижняя губа, лишенная естественного соседства, капризно раскрылась, вывернувшись наизнанку — вся в мутных потеках клея: ни дать ни взять бешеный пес, истекающий слюной. Обрывки ушей были чрезвычайно задраны и прилеплены по-звериному, почти на макушке, поверх волос.

Всюду, где не нашлось подходящих лоскутов или вследствие небрежности реставратора, зияли дыры с разверзшимися краями.

Неиспользованные кусочки цвета кожи реставратор употребил на воссоздание груди, придав ей омерзительную пикантность. Он значительно углубил вырез платья, издевательской рукой вылепив полукруглая груди так, что они вызывающе нависали над одеждой.

Волосы выпирали из головы обрывками холста во всех направлениях, но главным образом вверх, словно яростный бурелом разметал и повалил деревья в рыжем осеннем лесу.

Словом, более отвратительного образа мне еще не доводилось видеть.

— Да... — мурлыкнул господин Менц. — Это она. Поглядите-ка, са-

ма невинность!

— Ну и чудище! — вырвалось у меня против воли.

— Тут, как вы изволите видеть, постарались варвары в отделе полиции. Какой-то неумеха или просто шутник-с. Даже не решаюсь предположить, что двигало человеком, сляпавшим подобное... — Искуситель застыл, подыскивая слова. — Да! Вы правы — чудище! Ха-ха-ха! — загоготал он, крутанувшись волчком.

— Ха-ха-ха! — откликнулся я, не в силах сдержаться — так заразителен был его гогот.

— Что же это мы с вами веселимся-то, а, господин Менц? — сквозь хохот едва выговорил я. — Ведь погибла де... Ох, не могу!.. девушка! Ведь это я виноват... Не... нехорошо это! — заходился я в пароксизмах смеха.

— Да бросьте вы, сударь! Что здесь особенного? Ну, повеселились! Кому от этого плохо? Что ж нам, век слезы лить?

С этими словами Менц ударил кулаком — мне показалось, он метил в девушку на портрете. Когда-то она была прекрасна...

— Была! — произнес я вслух.

— Была — да сплыла! — озорно крикнул Менц.

Толчок пришелся в стену, которая повернулась вокруг своей оси и предстала еще одним зеркалом, в котором увидел я странного темного человека, встрепанного, с запавшими подглазьями, глубокими складками от крыльев носа к сжатым бледным губам, с клочковатой щетиной. Это был я: калека, безумец и негодяй.

— Опять... Ну что вы, в самом деле! Вы — немножко негодяй, — будто услышав мои мысли, широко расплылся Менц, — совсем чуть-чуть.

— Самый последний негодяй, какого только можно себе представить, — эхом повторил я, впрочем, не так мрачно, как прежде. Все-таки жуткий портрет изрядно повеселил меня.

— Знаете, вам надо успокоиться. Примите-ка десять капелек настоечки. Сам делал! — Менц выдвинул один из неисчислимых ящичков и ящичков бюро, покопошился в нем, звякая и шелестя, и вытащил замшелый пузырек. В просветах между округлыми, геометрически правильными узорами серой плесени стекло заиндевело. Тут же возникла серебряная ложка с предлинной ручкой. Господин Менц покапал в нее и, дребезжащим голосом напевая: «В минуты волне-е-ений, в часы роковы-ы-ые...» — поднес мне. Я покорно вытянул шею вперед, как верблюд, и выпил настойку. Первый вкус ее был горьким, но вслед за ним проступил приторно-сладкий, цветочный.

— Ну что вы тревожитесь, право... — бормотал он, глядя, как разглаживаются черты моего лица по мере того, как растворяется во рту вкус настойки. — Какие пустяки!

Я ощутил, как внутри меня две волны — беспросветного отчаяния и бесстыдного куража, который возникает у человека, когда он упал на самое дно, и дальше ему падать некуда, вздыбились друг перед другом, задрали пенистые лапы, закачались, сцепились и покатались кувырком.

— Послушайте, господин Менц, а может, этот кошмар мне приснился? — удивительным образом успокоившись и несколько даже приободрившись, спросил я.

— Нет, это не сон, к моему величайшему прискорбию. Не сон! — трагически возопил искуситель. Он прикрыл глаза и уронил голову на грудь, словно сожаления отняли у него все силы. Он посидел так несколько секунд, затем поднял голову и, всхлипывая, гнусаво заголосил:

Я несчастный сиротка — распустил потроха!
Был закинут судьбою в чрево злого кита.
Поглотил меня ужас, разодрал меня мрак...
Отчего ж так случилось? Я несчастный дурак!
К покаянью стремился, убегал от греха.
Но вовек не отмыться, коли стать высока.
Разойдись! Эй, помилуй! Проповедников рой!
Надо низко пригнуться, и тогда черт с тобой!
Повторяю сквозь слезы золотые слова
В ритме бешеной качки:
ложь — всему голова!

Вывалив этот бред, Менц проказливо уставился на меня. Настойка ли так повлияла или еще что, да только я не удержался и приснул со смеху.

Менц тут же вскочил со своего места и принялся скакать по гостинице манером, каким маленькие дети изображают катание на лошадке. Он тряс головой, и цокал, и ржал; белые голуби разлетались у него из-под ног. Закончилось тем, что он запнулся о стопку листов и растянулся на полу во весь рост. Выглядело все это уморительно.

— Ха-ха-ха! — закатывался я.

Наконец искуситель поднялся и с довольным видом уселся напротив меня.

— Ну вы даете, господин Менц! — всхлипывая от смеха, сказал я.

— А что же произошло с этими, которые погнались?

— Они чуть не изнасиловали ее. Какой ужас, представьте! Горгонзия действует подобно хлопущке: много шума, но очень коротко! Пара часов — и все: сдулись! — господин Менц сделал глотательное движение кадыком, выпучил глаза и приоткрыл рот, из которого с презабавным звуком — пу-ук! — выпрыгнул белый пинг-понговый шарик. Менц попытался подхватить его, но шарик ловко выскользнул из рук и размашисто поскакал по полу. Сделав не более пяти прыжков, он наткнулся на стопку бумаги и увяз в ней, превратившись в шипящую, мгновенно испарившуюся лужицу. — Даже старикана проняло! — оскалился Менц. — Бросил свою слепую старуху... согласитесь, удобно, когда супруга не видит ни зги!.. и туда же, за юным телом! Но не рассчитал силенок-то, да-с... Куда ж ему тягаться с молодыми! — Менц наклонился и доверительно зашептал: — Если добавить лепестки растения в алкоголь, начинают происходить удивительные вещи! Гости, пившие умеренно, ощутили лишь легкую экзальтацию. Но стоит перебрать с алкоголем, и — берегись, человек! — Менц воздел перст. — Эти, погнавшиеся, превратились в грязных скотов. Гнусные, терпкие, запретные желания вырвались наружу!

— А есть, — спросил я, живо заинтересовавшись темой, — такие, что, даже сильно опьянев и получив отравление горгонзией, реагируют иначе?

— Есть, — равнодушно произнес Менц. — Кто-то становится как дитя: радуется жизни, веселится и сыплет удачными остротами, другой горько плачет, есть те, что распевают во всю глотку или пляшут до изнеможения, а иной грезит наяву или валится спать. Я же говорю, горгонзия извлекает наружу то, что внутри человека, его сущность, иногда тщательно скрываемую. Что посеешь, дорогой друг, то и пожнешь.

Искуситель вздохнул.

— И что же было дальше? — полюбопытствовал я.

— Иногда эффект от употребления горгонзии столь мощный, что человек перегорает, даже не успев насладиться порывом: через час-полтора его смаривает сон. А если сердечко пошаливает — то и вечный. Тот, что с бабочкой, первым настиг девушку, но не успел даже снять штанов: мгновенно заснул посреди вакханалии, прямо на Алье. Дедок и еще двое затащили ее, потерявшую сознание от удара по голове, в густые заросли кустов, чтобы вдали от посторонних глаз, так сказать, вкусить... Не забывайте: в погоне участвовало еще несколько человек — зачем устраивать давку? Так вот, когда они приволокли ее на прогалинку, — смаковал господин Менц, — между ними возник спор

о первенстве. Дедушка настаивал на том, что старшим, дескать, нужно уступить, молодые оппоненты нагло хохотали прямо ему в лицо. Спор вылился в жестокую драку, в которой победила молодость: дедушке без всякого почтения свернули шею.

— Ощувив вкус убийства: хруст позвонков, податливую мягкость плоти и власть над жизнью и смертью, — один из них, позабыв о любовном томлении, со всей яростью набросился на другого! Аля, к счастью, — Менц раздосадованно почмокал губами, — не интересовала его более. Жажда крови овладела им! Услышав приближающийся шум, издаваемый остальными, менее удачливыми участниками погони, он помчался к ним, чтобы устроить бойню! И вновь убил! Всех до единого! Сколько уж там их было, не помню. Кажется, трое. Но это — совсем другая история, — подмигнул Менц.

Я откинулся на спинку кресла. Помолчал, укладывая в голову услышанное.

— А вы, господин Менц, интригуете. Описано недурно, но прерывается на самом интересном месте. Есть ощущение незавершенности.

Я наклонился и поднял книжицу, валяющуюся на полу. Прошелетели веером листы. На раскрывшейся последней странице проявились и медленно исчезли слова: «Счастливого полета, дорогая!»

— И это все? — недоуменно спросил я.

— Все! — с готовностью подтвердил Менц.

— Вы же только что говорили о двойном убийстве...

— А вам что, мало? — он расхохотался. — Несколько трупов в лесу, испутивший дух Дельясо, Аля, размолотая бездной! Вы чересчур жестоки! — Менц одобрительно поглядел на меня.

— Положим, нечего приплетать ко мне убийство гостей, — возразил я, глядя на себя со стороны и удивляясь собственным спокойствию и рассудительности. — Их сгубила неуравновешенность, Дельясо умер от злости, Аля погибла из-за глупой доверчивости.

— Вот это верно. Вы говорите как разумный человек. А Тутта... Что ж, она заслужила свою участь.

— Что вы имеете в виду, господин Менц? — поинтересовался я.

— Да она же довела вас до белого каления! Вы что, совсем ничего не помните? Ладно, еще один экскурс в прошлое. Небольшой отрывок из вашей жизни, — пояснил искуситель. — Специально для вас! Р-р-разворот!

Господин Менц широко раскинул руки и обхватил кресло, на котором я сидел. Одним львиным рывком он повернул его к стене, на которой я видел сначала картину, а затем зеркало; мановением руки задер-

нул gobелен, и тут же окна гостиной затянулись, словно глаза ящерицы.

Gобелен провалился внутрь, и в этом провале — далеко-далеко! — я увидел ярко освещенную деревянную сцену, которая медленно плыла навстречу. На ней копошились фигурки, но что именно они делали, разглядеть было невозможно. Наконец сцена приблизилась, увеличившись до размеров рояля. Актеры — или кто бы там ни был — ростом с гномов — говорили смешными писклявыми голосами, и если бы не трагичность ситуации, разыгрываемой ими, происходящее выглядело бы презабавно.

(История Гарциоло, рассказанная Менцем)

Сцена являла собой комнату, стены которой были увешаны картинами. Приглядевшись, я увидел, что все они изображали — в разных позах и ситуациях — молодую медноволосую девушку. Театральный реквизит, представляющий холсты, был выполнен схематично и небрежно. Красота Альи Мереции так и осталась тайной для меня. Мрачная женщина с разметавшейся прической — черные пряди торчали во все стороны, точно вздыбленные вороньи перья — сдирала со стен картины и топтала их ногами. Иногда она поднимала руку с ножом и вонзала лезвие в холст. В углу комнаты, на полу, сидел молодой человек — это, вне всякого сомнения, был Гарциоло, то есть я собственной персоной — с бутылкой в руках. В маленькое окошко с любопытством заглядывало око луны.

— Сцена первая, она же и последняя! — тоном конферансье объявил господин Менц. Тут же в воздухе, над головами человечков, задрожали огненные буквы, собравшиеся в слово «Пьеса», под которым всплыло жирное:

«Смерть в холстах»

Померцав над головами человечков, застывших, словно кадр в кинематографе, слова изогнулись и рассыпались. Завелась невидимая шарманка, и под музыку парижского кафешантана актеры зашевелились. Заинтересованный новым менцевским фокусом, я наклонился над сценой.

Тутта вздымает нож и с хрустом вонзает его в мякоть картины.

Гарциоло (сидя в углу, угрюмо): Не смей резать полотна, ведьма! (Пытается встать, но не может.) Это лучшее, что я написал... (Обхватывает голову руками, раскачивается.) Зачем я... зачем?.. Ненавижу тебя...

Тутта продолжает кромсать полотно. Шатаясь, Гарциоло встает и пытается отнять у нее нож. Завязывается борьба.

Тутта (уворачивается и шипит): Влюбился в девчонку... Забудь ее! Ты скинул ее со скалы!

Гарциоло (сквозь рыдания): Это не я! Это ты меня заставила! Все ты... У-у, ведьма!

Продолжают бороться.

Тутта (рычит): Ее больше нет, нет!

С силой отталкивает Гарциоло. Он летит в противоположный угол хибарки. Краски и кисти падают ему на голову, звенят и катятся по полу пустые винные бутылки, стоявшие в том же углу.

Тутта: Скоро у нас будет много денег! Ты забудешь о нищете, об этой рыжеволосой бестии, обо всем! Мы уедем отсюда навсегда! (В иступлении рвет холст.) Богатые! (Треск ткани.) Свободные! Ты будешь любить меня! А не ее! (Топчет и рвет холсты.) Ты напишешь другие картины! (Вгоняет лезвие ножа по самую рукоятку в грудь Альи на портрете. Звук вспарываемой ткани, точно молния.) И прославишься!

Гарциоло (глядя на Тутту тяжелым взглядом): Я никогда больше ничего не напишу! Никогда не напишу... (Застывает, задумывается. Повторяет, точно впервые осознал значение этого слова.) Ни-ког-да...

Тутта хватает большой холст в подрамнике с изображением Альи и начинает резать его ножом.

Гарциоло (поднимает глаза и видит, как Тутта кромсает его лучшую картину): Оставь... (Словно очнувшись, бросается к ней.) Оставь! Эту не трожь! Не смей! Слышишь?

В припадке неистовства Гарциоло выхватывает у Тутты нож.

Гарциоло: Умри, ведьма! (С этими словами ударяет ее ножом в грудь: лезвие до упора входит в тело. Тутта падает, Гарциоло несколько секунд стоит, пьяно покачиваясь, и бессмысленно смотрит на нее. Затем, внезапно обессилев, падает на пол, рядом с Туттой. У него начинается дикий истерический смех. Он хохочет, содрогается в судорогах, не может остановиться.) По... по...помянем! (Сквозь смех, похожий на рыдание.)

Наконец Гарциоло замолкает. Лежит. Бездумно глядит в потолок. Встает, шатаясь.

Гарциоло: Вот твой саван! (Закидывает окровавленное тело Тутты лоскутами картин.)

Бродит по комнате, что-то ищет.

Гарциоло: Где спички? Сейчас я устрою тебе погребальный костер, ведьма!

Не находит. Падает в угол и засыпает мертвым сном.

— Осенним ковром на полу шелестели обрывки полотен. Под ним залитая кровью, пропитавшей холсты, лежала мертвая женщина. На фоне ярко-рыжих волос, изображенных на изорванных портретах, проступившая кровь была почти незаметна, — продекламировал Менц и пнул сцену ногой.

Сцена перекувырнулась и пропала. Не успел я глазом моргнуть — и передо мной вновь возникла пустая стена: ни гобелена на ней, ни зеркала, ни портрета.

— Когда в мастерскую явилась полиция, вы валялись в углу — жалкий пьянчужка! — и шептали: «Я убил их обеих! Я подлый убийца!» С вами приключилось тяжелое нервное расстройство. Еще бы! Не каждый день приходится убивать! Пока вы лежали в тюремной психиатрической больнице, полиция начала расследование. Главной уликой против вас послужило письмо, найденное в шкатулке у Тутты, в котором Алья просит Ригу отказаться от брака с ней и пишет о своей любви к бедному художнику, чье имя она пока оставляет в тайне. Надо отдать должное полиции: соблюли все формальности. Провели экспертизу и выяснили, что почерк действительно принадлежит Алье. Так что у следствия не было ни малейших сомнений, что убийца двух сестер — именно вы. Кроме того, вы сами признались. А сатиры ни при чем. — Менц развел руками. — Теперь, господин Мендель, вы исчерпали ваши вопросы до дна и совершенно удовлетворены, не так ли? Вы знаете о себе все, а знание запирает прошлое на крепкий замок.

— Отныне все сказанное здесь навеки принадлежит мне. Но почему я не ощущаю ничего: ни боли, ни стыда, ни раскаяния, ни гнева? — шепотом спросил я. — Может быть, я сошел с ума?

— А чего переживать-то? Что было — то прошло. Опять же, настоечка пришлась весьма кстати, а?

— Кстати, — подхватил я, — а что это за настоечка? Не горгонзии, случаем?

— Ну что вы, сударь! Не хватало еще, чтобы вы мне здесь кровавое побоище устроили, по своему обыкновению, ха-ха! Это простая валерианка. — Искуситель потянулся и зевнул. — А теперь я покажу вам вашу комнату. И — спать.

Глава 12. Соблазнение и предательство (История Вальдека)

Когда Тутта подошла к распивочной, указанной Менцем, солнце уже касалось края моря.

Она никогда не бывала в подобных заведениях и изумилась, увидев, что в распивочной не было ни одной скамьи: за столиками не сидели, а стояли. Посетители то и дело подходили к длинной стойке, за которой сновала ярко покрашенная женщина в белой кружевной наколке, и покупали выпивку. Сквозь синие пласты дыма Тутта принялась всматриваться в посетителей.

Напротив входа расположилась разбитная компания: двое мужчин — старый и молодой — наперебой ухлестывали за чумазой бабенкой. Бабенка извивалась и визгливо хохотала. Рядом, сплотившись вокруг столика, тихо беседовали несколько мужчин с интеллигентными лицами — по виду профессоров. В противоположном углу две солидные дамы молча, с достоинством, пили из маленьких рюмок. Одна из них величественно курила папиросу. Еще один столик занимал угрюмый, насквозь пропитой дедок, бормотавший себе под нос.

Она увидела его за самым дальним столиком. Живописно облокотившись о столешницу, заставленную рюмками и стаканами, он стоял в компании студентов, нестройно распевающих *Gaudeamus*. Сделав несколько шагов, Тутта нерешительно остановилась, не сводя с него глаз. Один из молодых людей, заметив Тутту, толкнул в плечо задумавшегося Ульмана.

— Кажется, это по твою душу! — юноша улынулся и весело ей подмигнул.

Ульман обернулся к ней, и они впервые оказались лицом к лицу. У нее захватило дух от его близости, и вместо того, чтобы сказать заранее заготовленную фразу, она, смущаясь, едва слышно пробормотала:

— Я сестра Альи. Старшая... — добавила Тутта неизвестно зачем. — Нам надо обсудить... — Окончательно смешавшись, она замолчала.

— Я знаю, кто вы, — приязненно произнес Ульман, глядя ей в глаза, — и счастлив познакомиться с вами, госпожа Мереция! Давайте же поскорее выйдем отсюда и поговорим!

Он учтиво взял ее под локоть, и они вышли из распивочной.

От прикосновения его пальцев тело Тутты запело, затрепетало, побежали, точно по стволу весеннего дерева, пробуждающие соки. Она чувствовала необычайное оживление. Впрочем, его несколько омрачала почтительность, с которой Ульман поддерживал ее за локоть. Это

подтверждало не столько его прекрасное воспитание, сколько то, что Тутта была уже отнюдь не молода. Но сейчас не время было думать об этом. Они шли рука об руку, соприкасаясь. Он то и дело оборачивал к ней свое прекрасное лицо и улыбался. Он предвкушал разговор об Алье, о скорой женитьбе на ней, и в глазах его сверкало будущее. Тутта ожидала другого: в ее голове билась мысль: «Сейчас ты будешь мой!» Она незаметно ощупывала взглядом Ульмана, ловя в сети сладостного предчувствия каждое его движенье, каждый шаг. И больше ни о чем она не могла думать. Она не понимала даже, о чем он говорит, и только кивала, когда он обращался к ней.

Когда на фоне сумеречного неба возник дом Ульмана, притулившийся к скале, Туттой овладел такой трепет, что тело отказалось подчиняться, и она была вынуждена остановиться. Ульман объяснил это усталостью от долгой пешей прогулки и предложил присесть на валун — тот самый, на котором сидела Алья в день, когда Ульман предлагал ей руку и сердце.

Тутта опустилась на камень и, уже не в силах сдерживать себя, протянула руки к Ульману, стоящему перед ней. Молодой человек принял ее движение за жест изнеможения и встревожился.

— О, госпожа Меречия, вы устали! Как же я мог не предвидеть, что подъем утомит вас! — Он наклонился и обеспокоенно всмотрелся ей в лицо.

От этой невероятной близости его губ Тутта задохнулась и повалилась к нему в объятия. Ульману почудилось, что она теряет сознание. Немедленно, как можно скорей, в прохладу мастерской — уложить, привести в чувство, дать покой! Он схватил ее — вялую, несопротивляющуюся, истомленную — на руки и, насколько позволяла грузность ее тела, побежал к мастерской, до которой было уже рукой подать. Повернув ключ в замке, Ульман пинком растворил дверь и внес Тутту в дом.

Тутта прижималась к нему, зажмурившись. Пока глаза закрыты — легко быть уверенной в чем угодно. Ничто не исчезнет, не рассеется; не возникнет жуткого видения в образе ухмыляющегося старика. Тутта уже была на вершине блаженства, а ведь если Менц не обманул, то скоро должно было свершиться то самое, запретное, о чем еще недавно и помыслить было невозможно!

Тутта ощутила, как его руки укладывают ее на ложе — его ложе! Его дыхание скользнуло по ее щеке. Она глубоко вздохнула, открыла глаза.

— Наконец-то вы пришли в себя! Отдохните, госпожа Меречия, и я

доставлю вас домой. А пока выпейте вина. Это взбодрит вас! — Ульман отстранился от Тутты, отошел к дальней стене мастерской и принялся шарить руками среди обрезков холстов, кистей и звонких баночек, грудой сваленных на пол. — Где же оно? — бормотал он, извлекая на свет одну за другой бутылки из-под вина. — Каков негодник! Пока я спал, он опустошил запасы...

С трудом оторвавшись от созерцания молодого человека, Тутта бросила рассеянный взгляд кругом, и чувственную негу сдернуло с нее, точно листву порывом осеннего ветра. Все стены — сплошь! — были увешаны портретами Алья. Алья на берегу моря, Алья в красном, Алья вполоборота, в профиль, бегущая по волнам, Алья за столом, подбородок на руке, перед ней — рюмка абсента, Алья на фоне заката — солнце просвечивает сквозь золото волос, над головой — нимб света.

Тутта резко села на ложе. Ярость и желание перемешались в ней.

— В моей сумке! — хрипло крикнула она. — Достань! — Ревность сжала ей сердце, и она даже не заметила, что обратилась к Ульману на «ты». Он воспринял ее обращение как само собой разумеющееся. Опомившись, Тутта опять с горечью подумала: «Он юн, а я стара. Что же может быть естественнее: я к нему на «ты», а он — со всем почтением...»

Тем временем молодой человек достал из сумки бутылку вина, врученную ей Менцем.

— А бокалов-то нет! — воскликнул Ульман. — У меня здесь все попростому: пьют из горла и валяются на пол. — Он рассмеялся. Смех был хорош, и Тутта, поддавшись его очарованию, засмеялась в ответ.

— Ничего страшного. Давай вино сюда.

Она приняла откупоренную бутылку из его рук и хлебнула прямо из горлышка. Ульман с изумлением наблюдал за ней.

— Какие могут быть церемонии! Ведь мы почти что родственники, — она мгновенно опьянела и откинула голову. — Когда Алья рассказывала о тебе, я, признаться, полагала, что ее бурные похвалы твоему таланту объясняются влюбленностью! Которая, как известно, даже самого пронизательного человека делает незрячим. Что уж говорить о... Впрочем, теперь вижу: я ошибалась! — говорила Тутта, прижимая бутылку к груди. — Кстати... — Тут она наклонилась немного вбок, как бы стараясь заглянуть за Ульмана. — Что это за место?

— Где? — художник повернулся к стене, где висело несколько полотен.

— А! Я, кажется, знаю! Оно называется... Как же оно называется? — говорила Тутта в спину Ульману. — Нет-нет, на другой картине! Бли-

же к окну! — Она быстро достала из корсета пузырек Менца, зубами выдернула пробку и опрокинула его содержимое в горлышко бутылки с вином.

Проделав это, она резво соскочила с ложа и подошла к Ульману.

— Я имела в виду эту картину.

— Это предместье Лигуррии, оно называется Ропшинский сад. Я смотрел на Алью и не мог оторвать глаз! А она, знаете, все время смеялась, и волосы вились, и руки плавные...

Не в силах выслушивать далее этот поток любовных нежностей, обращенных не к ней, Тутта грубо сунула Ульману в руки бутылку. Ульман, чьи глаза напоминали сейчас ласковое бездонное море, вино из рук Тутты принял и машинально сделал глоток. С задумчивым видом он обратился к окошку, выходящему на скалистый обрыв, и в лицо ему уперся желтый безжизненный свет луны, вышедшей из-за облаков. Странная метаморфоза произошла с ним. Под влиянием ли тусклого, призрачного света луны, или выпитого вина взгляд Ульмана сделался пустым. Любовь стерлась с его черт, и стали они скульптурны и холодны.

Он прикрыл окно и, глядя в пустоту, равнодушно произнес:

— После грозы похолодало. Так о чем это я?

— Мы говорили о живописи, — ответила Тутта, пораженная столь стремительным преображением.

— Да-да, — сказал Ульман и, повернувшись к Тутте, уставился к ней в корсет. Собственно, не в корсет, а в ложбинку между грудями. Соблазнительную, м-м... А она недурна! Зрелая женщина, так и пышет страстью! Пока все эти мысли кувырком неслись у него в голове, Тутта извивающейся русалкой впрыгнула к нему в объятия; ее глаза, дьявольски кося, расплылись в стороны. Ульман почувствовал себя запертым в своей страсти, точно дикий зверь в клетке. Скотская похоть овладела им. Выход этому неистовству был один — Тутта, с ее податливым телом и уплывающим взглядом, который он, как ни старался, так и не смог поймать.

...Они лежали, не размыкаясь, на дощатом полу лачуги, среди разбросанной одежды, и тела их пели. Как хорошо!

— Позови ее завтра вечером к скалам, — потягиваясь, сказала Тутта.

— Кого? — спросил Ульман и коснулся губами плеча Тутты.

— Разве ты не понял? Алью!

— Алью? Зачем? — В зверском желании, овладевшим им, душу будто парализовало. Он и думать забыл о своей возлюбленной!

— Пусть придет! — повторила Тутта. — Я не хочу, чтобы ты встре-

чался с ней! Объяснишь ей, что любишь меня, а не ее, и дело с концом.

— К чему такие сложности? Вечер, скалы... Я могу сам пойти к ней и сказать это хоть сейчас! — Ульман остановил взгляд на огромном, во всю стену, портрете Альи: нежная улыбка и золотой водопад волос. Хмыкнул. — Она наивна и чересчур добродетельна. Мне с ней скучно... Зачем ей сюда приходиться?

— Потому что я так хочу. Разве тебе этого недостаточно?

— Право слово, не знаю. Может быть, да, а может быть, и нет.

— А со мной? — спросила она. — Со мной тебе не скучно, а?

— С тобой? Нет, но кто знает, что будет дальше?

— Выпей вина! — сказала она. — Чувствуешь, сколько сладострастья в этом букете?

— Чудесный вкус! И как оно пьянит, Тутта, как пьянит... Как я сразу не заметил...

— Что, милый?

— Ты необыкновенно хороша!

— Правда?

— Я тону в тебе. От тебя так и пышет страстью. Нет, не вино меня пьянит, а ты! Иди ко мне, моя Тутта!

— А как же Алья?

— Алья? Я ее больше не хочу.

— Так ты позовешь ее?

— Ради тебя, моя страсть, все что хочешь! Иди сюда...

Глава 13. Дом господина Менца (История Гарциоло)

— Из гостиной сразу налево, — трещал искуситель. — Бывает, однако, что и направо. Разберетесь после! — Он хохотнул и, высоко подсакивая, помчался по коридору с невероятной скоростью. В пляшущем огне факелов колыхались белые мраморные стены в золотых прожилках. Черный шлейф его тени, разрастаясь, полз за ним, словно желая поглотить меня.

— Ну, где вы там тащитесь?

Вздвогнув, я обернулся. Мощно загребая то одной, то другой рукой и дрыгая ногами, он плыл ко мне по воздуху из глубины коридора, будто не я его догонял, а он меня.

— Так мы до утра не доберемся, — проворчал он и, приблизившись, головой боднул меня в спину. Потеряв равновесие, я повалился вперед, но не упал, а легко поплыл в волнах эфира. Воздушное тече-

ние, точно вода, повлекло нас вперед. Вмиг преодолев коридор, оно вознесло меня и искусителя над вздымающейся на верхотуру извилистой лестницей и бережно поставило перед входом в мое новое жилище.

Искуситель первым заскочил в комнату. Я переступил порог вслед за ним.

— Будьте как дома, господин Мендель! — вскричал он, суетясь и жестами предлагая немедленно располагаться. — Отныне вы здесь хозяин, а я — ваш скромный гость... — Он шутовски поклонился. — Мезонин со всеми удобствами! Если возникнет какая-нибудь надобность, не предусмотренная, так сказать-с, настоящими условиями, вам стоит только намекнуть, и я — со всем удовольствием! — сыпал он.

Комната, в которой мне предстояло прожить двадцать лет, оказалась угрюмой и темной. Единственное окно выходило на бедняцкие кварталы с кривыми убогими домишками, будто накиданными как попало злой неряшливой рукой. Низкий потолок мезонина давил, стены обступали тесно. Впечатление это усиливалось из-за стягивающего комнату широкого барельефа с аляповатым цветочным узором.

У окна разместился письменный стол с выдвижными ящиками; на нем — зубастая пишущая машинка, сбоку, для верчения каретки, торчала толстая, как у мясорубки, металлическая ручка. Слева от двери стояла огромных размеров кровать под балдахин. Зиял черный камин, напротив расположилась пара плетеных кресел. Усевшись в одно из них, господин Менц состряпал измученный вид и, приговаривая: «Ну и духота!» — принялся отдуваться и обмахиваться рукой. Неожиданно он застыл на половине движения и, как будто что-то вспомнив, воскликнул:

— Кстати! Камин-то у вас, батенька, не простой: зимой обогревает, а летом — охлаждает!

— Вы шутите, господин Менц? — удивился я.

— До нужной температуры, — деловито подтвердил искуситель, вскакивая и вновь принимаясь расхаживать по комнате. — Вам будет здесь хорошо, уж поверьте мне, мой друг, так что вы и сами не заметите, как пролетят эти двадцать лет!

— Положим, все так... Но как же дрова, господин Менц? Где у вас тут... поленница?

— А не нужно никаких дров. Дуньте — и все .

Менц выпучил глаза, заглотнул воздуха, точно рыба, выброшенная на берег, и изо всех сил дунул в камин. В тот же миг полукруглый провал очнулся и зашептал, пощелкивая нежно-голубыми языками. Повея-

ло лесным духом и прохладой земли, закрутился легкий ветерок.

— А кровать-то! — вскричал Менц, вновь приходя в возбуждение. — Вы только гляньте, сударь мой, что за перина! Удобная, мягкая — для сладостных снов! Вы забудете обо всех ваших горестях. Да что и за горести-то у вас! Так, ерунда. Пустяки-с! Все поправим, все исправим, но... — он хитро сощурился и погрозил мне пальцем, — через двадцать лет. Это как раз тот самый случай, когда время работает на вас, господин Мендель!

Кровать — с дубовыми столбиками по углам в виде переплетенных и до невозможности вытянутых обнаженных женских тел, — витала в воздушной пелене вуалевого полога.

Тут же стоял отполированный до блеска шкаф с выдвижной столешницей; при одном только взгляде на него хотелось раскрыть и постигнуть его содержимое. Словно нарядный аристократ среди будничной толпы, выделялся он на фоне тяжеловесной комнатной мебели.

— А это бар! Его увеличенную копию вы найдете в гостиной. Ни тот, ни другой никогда не запираются и всегда к вашим услугам, в полной мере и без каких-либо ограничений!

С этими словами он повернул ключик, вставленный в золотую скважину, и сверкающая дверца отъехала вбок.

Чего там только не было! Надменно глядели с полок крепкие напитки: джин, водка, бурбон, виски, скотч, — в их названиях звучал вызов. Многообещающе ухмылялся абсент. Перешептывались и кокетливо хихикали белые вина и шипучие сидры. Пивные бутылки крутили янтарным пузом. Важно надувало щеки благородное шампанское.

— А это что? — Я протянул руку к бутылке прозрачного стекла, наполненной кроваво-красной жидкостью. На этикетке, спутанные плодоносной виноградной лозой, стояли в ряд три семерки. Менц оживился и заскакал вокруг меня, заглядываясь на бутылку то с одной, то с другой стороны.

— О, это напиток экстремальный, на любителя! Крепленое вино — «Три семерки»! Не советую вам пробовать его. Совершенно варварский! — Менц восхищенно потряс головой. — Он имеет еще одно — устрашающее — название: «Три топора». Делают его в далекой северной стране, очертаниями напоминающей спящего медведя. Запомню вал ее название...

— Совсем не похоже на топоры, — я повертел в руках бутылку и поставил на место.

— Виски, — продолжал он прыгать вокруг бара, не обращая внимания на мои слова, — напиток первых американских поселенцев. Между

нами говоря, самый обычный самогон. — Менц пренебрежительно махнул рукой. — А вот абсент — напиток вдохновения! Но коварен! — господин Менц погрозил пальцем. — Одна лишняя рюмка, и вместо творческого экстаза — сумасшедший дом.

Лестница, ведущая к мезонину, была чрезвычайно крута, с внезапно прерывающимися перилами, установленными, как выяснилось, только с одной стороны. Между расшатанными до предела ступенями свистела пустота. Во время подъема я цеплялся одной рукой за них, а другой — за перила. Перекладывая костыли со ступеньки на ступеньку, ощущая себя насекомым, которому из шалости оторвали половину лап, я угрюмо карабкался наверх. «Только не оглядывайся!» — шептал я, ощущая, как стынет опасностью спина. Спуск был еще более страшен. Каждый раз, когда я глядел с верхней площадки вниз, на череду осклизших ступеней, во мне рождалась уверенность, что сегодня я наконец сломаю себе шею.

Глава 14. Вавилонская башня (История Гарциоло)

На следующий день Менц принялся вводить меня в курс моих новых обязанностей. Для начала он показал мне криминальный музей. Служебный вход в выставочный павильон располагался под лестницей в гостиной.

Как и многие помещения особняка, виденные мной накануне, музей содержался в ужасающем беспорядке.

— Я не успел здесь прибраться, — болтал искуситель, пробираясь сквозь кучи поношенных вещей на полу и ловко огибая хаотично расставленные стеклянные витрины, забитые всякой всячиной: от стоптанных ботинок и револьверов до подушек и высохших хлебных корок. — Последний вернисаж назывался «Тысяча и одна смерть». Я посвятил его демонстрации всевозможных способов убийства — тайных и явных. Отныне заниматься организацией выставок предстоит вам. Экспонатов в хранилище полно, на любой вкус, так что — милости просим!

Чтобы попасть в запасники, нужно было пройти музей насквозь и, согнувшись, втиснуться в маленькую неприметную дверцу, спрятавшуюся за старинным бухарским ковром.

Перед тем как нырнуть в проход, господин Менц задумчиво проговорил:

— Каждый раз, направляясь к складу, я пытаюсь представить себе чувства мужа-рогоносца, заметившего однажды, что супруга его, таясь,

то и дело приподнимает угол роскошного ковра и заглядывает за него!

С этими словами искуситель просунул голову за ковер.

— Я приобрел это чудо на одном восточном базаре... погодите-ка, сейчас припомню... лет двести назад. Взгляните, какая тонкая работа! Сейчас таких не делают... Эх! — по-стариковски крикнул Менц, выныривая наружу. — За ковром скрывался отлично замаскированный подземный ход, ведущий к дому богатого вдовца. Ни слезы, ни клятвы жены не смягчили обманутого сердца. Чтобы неверная жена, умирая, ни на секунду не забывала о своем проступке, оскорбленный муж придумал следующее. Он выкопал во дворе яму, постелил на ее дно этот самый ковер, и на него же посадил изменницу, после чего собственноручно закидал ее камнями. Казнь длилась несколько дней. Несчастливая умерла в страшных мучениях, — вздохнул Менц. — Видите следы крови? Уж Харина чистила, чистила...

— А что с любовником? — поинтересовался я, разглядывая бурые пятна на нежно-голубом ворсе.

— Что с любовником? — переспросил Менц рассеянно. — Да не все ли равно? Пожалуй, он и о ходе-то ничего не знал. К слову сказать, недели не прошло, как он был найден убитым в собственной спальне, а из дома, полного слуг, пропали все драгоценности. Убийцу так и не нашли. Восток — дело тонкое.

Хранилище тянулось без конца и без краю и представляло собой огромный пыльный ангар, заполненный уликами — свидетельствами преступлений, совершенных клиентами господина Менца. Складские ряды были поделены на пронумерованные ячейки и напоминали мириады сот, в которые были втиснуты, впихнуты, засунуты бесчисленные менцевские экспонаты — Вавилонская башня грехов, возводимая с начала времен.

Каждая вещь имела инвентарный номер, включавший в себя дату совершения преступления и дату внесения в реестр, затем шел сложный буквенно-цифровой код, не поддающийся никакой очевидной систематизации, записанный небрежно, где-нибудь в уголке, так что приходилось еще поискать его. Некоторые экземпляры имели подробное описание, с детальным разбором преступления и той роли, какую сыграл в нем экспонат, но чаще имелся только инвентарный номер, к тому же полустертый.

Гигантским нетопырем Менц носился меж рядов. На лету он выдерживал то одну, то другую вещичку, чтобы взглянуть на нее, а затем сунуть мне под нос. Вдвухались и хлопали фалды его пиджака. Я с трудом попевал за ним, хромя и истекая потом. Неожиданно он затормо-

зил, словно на катке, проехавшись по полу добрых полметра.

Схватив с полки металлический лоток со шприцем, наполненным прозрачной жидкостью, и потрясая им над головой, он вскричал:

— Перед нами яркий образчик преступления, демонстрирующий, в какие пропасти может увлечь человека иллюзия безнаказанности! Это яд — надежный, с отложенным действием, убивающий под видом сердечного приступа! Удачная находка главврача, превратившего вверенный ему дом престарелых в золотиносную жилу! Как только одинокий старик отписывал имущество на подставного человека, он тут же получил укольчик: р-раз — и адью! И заметьте, предприимчивый убийца ничего не делал сам, все через младший персонал! Ведь не трудно подменить одно лекарство другим! Каков, а? — пузырься, захлебывался Менц. — Иногда он, для отвода глаз, отправлял на тот свет и тех, кто не облагодетельствовал его завещанием. За свою блестящую карьеру хитроумный доктор отправил на тот свет шестьдесят человек — немного раньше, чем это было предустановлено природой. Подумаешь! Днем раньше — днем позже: им все равно давно пора было на тот свет. Зажились! Старики мерли-с один за другим, пока наконец власти не заинтересовались феноменом. И что вы думаете? Выпутался, подлец! Все свалил на медсестру! Ему бы успокоиться да зажечь... Так нет-с! Продолжил! Продолжил — и попался! А ведь я предупреждал!

На полуслове он оборвал себя. Глаза его засверкали и взор устремился вперед, к другому ряду. Не глядя сунул он лоток в ячейку, поверх другого экспоната, и быстро помчался к следующему.

— Вот! — снова возопил он, будто в экстазе. Выхватив из ячейки странный предмет, показавшийся мне темной тряпкой, он затряс им в воздухе. — Преступление, совершенное ради чистого знания, во имя науки, но, к несчастью, не принесшее никакой пользы человечеству, а только вред, ибо стало началом длинной цепочки жестоких убийств.

С этими словами Менц бросил предмет на пол. Он шлепнулся с сухим звуком и медленно раскрылся. Я наклонился, чтобы разглядеть экспонат, и от ужаса у меня потемнело в глазах. Передо мной, трепеща от удара и слабо пошевеливая пальцами, точно сдуваемая резиновая игрушка, лежала отрубленная человеческая кисть!

— Что, испугались? — Менц захохотал, точно одержимый. — А вот господин Дроппет не испугался! Осторожнее, не наклоняйтесь так низко: схватит за горло. Это ее излюбленный прием.

— Зачем вы ее храните, господин Менц? — воскликнул я. — Это отвратительно!

— Ну так что же, что отвратительно? Зато поучительно! — сказав

это, он брезгливо пошевелил руку узким носком своего щегольского ботинка — как ворошат гриб, чтобы проверить, не червивый ли он.

— Что же поучительного, господин Менц? — спросил я, отступая подальше от руки, которая делала попытки перевернуться ладонью вниз и напоминала сейчас огромного мясистого жука, лежащего на спине и извивающегося конечностями.

— Я с удовольствием поведаю вам, господин Мендель, эту историю.

Не дожидаясь, пока отрубленная конечность перевернется, он изо всех сил пнул ее, и рука, кружась, точно подбитая птица, улетела в далекий проход между стеллажами. Приземлившись на ладонь, она несколько секунд лежала, приходя в себя, а затем скрылась из виду, быстро шевеля пальцами.

Господин Менц жестом пригласил меня последовать за ним. Мы вышли в широкий коридор и принялись неторопливо прохаживаться туда-сюда. Искуситель начал рассказ.

(Продолжение следует)

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Георгий Кулишкин БОТФОРТЫ, НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ И КОЛЮНЯ	3
Владимир Вещунов ГДЕ ВЗЛЕТАЮТ ПОЛЯ	9
Игорь Бэзрук ПРОИСШЕСТВИЕ НА ДОРОГЕ ВРЕМЯ ПЕРЕМЕНЧИВЫХ ВЕТРОВ ПИДЖАК	16 19 24
Эрих фон Нефф ГЛЯДЯ ИЗ ОКНА	35

Ерофим Сысоев МЕДУЗА	37
Сергей Калабухин БЛАГО ДАРА МАХМУДЫЧ	51 57
Иван Нечипорук СТИХИ	64
Дмитрий Учитель СТИХИ	72
Владислав Козьминых СТИХИ	73
Александр Зубенко ГИБЕЛЬ МИССИИ «ИНКАССАЦИЯ»	78
Александр Филичкин НАҒА	143
Андрей Саломатов СУМКА	207
Анна Гройсс ТЕАТР ВОПЛОЩЕННЫХ СНОВИДЕНИЙ	227

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 43**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com
ISBN 978-3-911546-15-7

9 783911 546157

ЭДИТА вып. 43

